

А. Ф. Прасол

СЁГУНЫ ТОКУГАВА

ДИНАСТИЯ В ЛИЦАХ

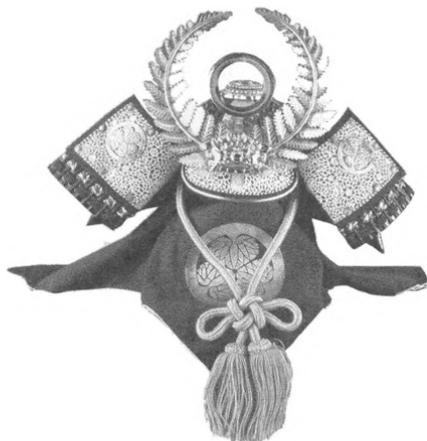

ВКН

А. Ф. Прасол

СЁГУНЫ ТОКУГАВА

ДИНАСТИЯ В ЛИЦАХ

ВКН

Москва

2018

УДК 94(520).02
ББК 63.3(5Япо)4
П70

Прасол А. Ф.

П70 Сёгуны Токугава. Династия в лицах / А. Ф. Прасол. — М.: Издательский дом ВКН, 2018. — 448 с. — Ил.

ISBN 978-5-907086-01-2

Пятнадцать сёгунов Токугава правили Японией почти 270 лет. По большей части это были обычные люди, которые могли незаметно прожить свою жизнь и уйти из неё, не оставив следа в истории своей страны. Но судьба распорядилась иначе. Эта книга рассказывает о том, как сёгуны Токугава приходили во власть и как её использовали, что думали о себе и других, как с ней расставались. И, конечно, о главных событиях их правления, ставших историей страны. Текст книги иллюстрирован множеством рисунков, гравюр, схем и содержит ряд интересных фактов, неизвестных не только в нашей стране, но и за пределами Японии.

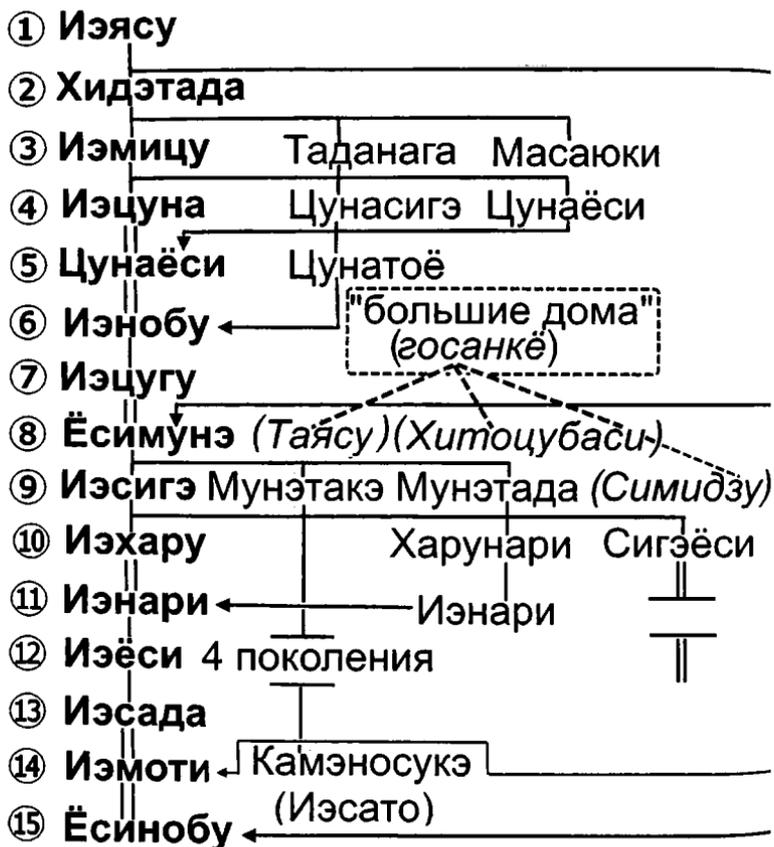
© А. Ф. Прасол, 2018

© Оформление. ООО «ИД ВКН», 2018

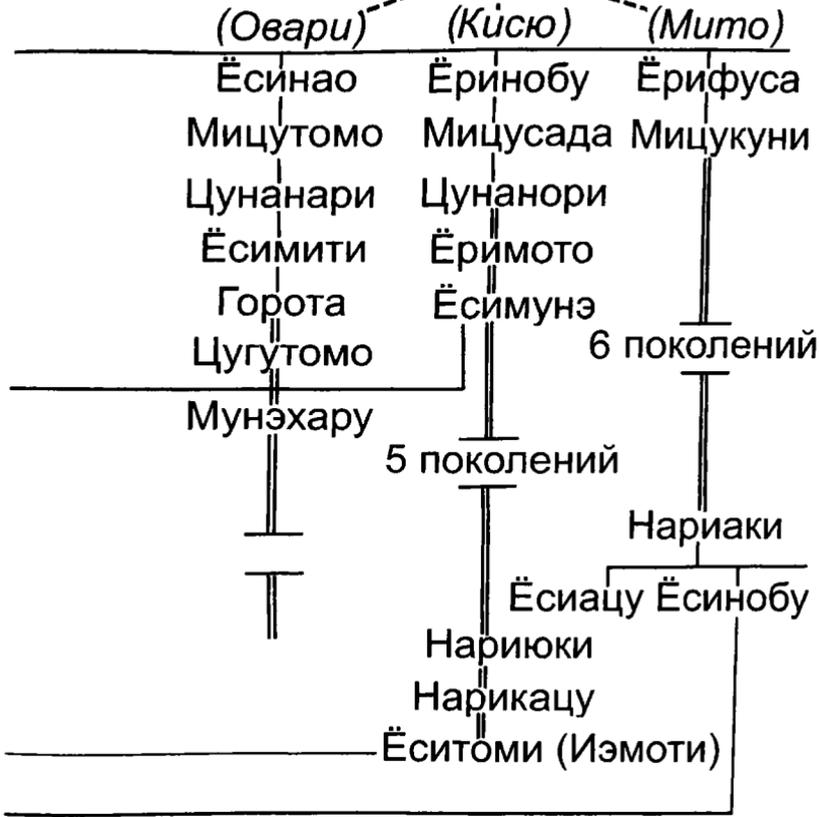
Оглавление

Первый сёгун Иэясу.....	7
Второй сёгун Хидэтада	37
Третий сёгун Иэмицу.....	58
Четвёртый сёгун Иэцуна	101
Пятый сёгун Цунаёси	124
Шестой сёгун Иэнобу	161
Седьмой сёгун Иэцугу.....	173
Восьмой сёгун Ёсимунэ	182
Девятый сёгун Иэсигэ.....	229
Десятый сёгун Иэхару	243
Одиннадцатый сёгун Иэнари	276
Двенадцатый сёгун Иэёси	316
Тринадцатый сёгун Иэсада	337
Четырнадцатый сёгун Иэмоти	362
Пятнадцатый сёгун Ёсинобу	391
Литература и источники	438

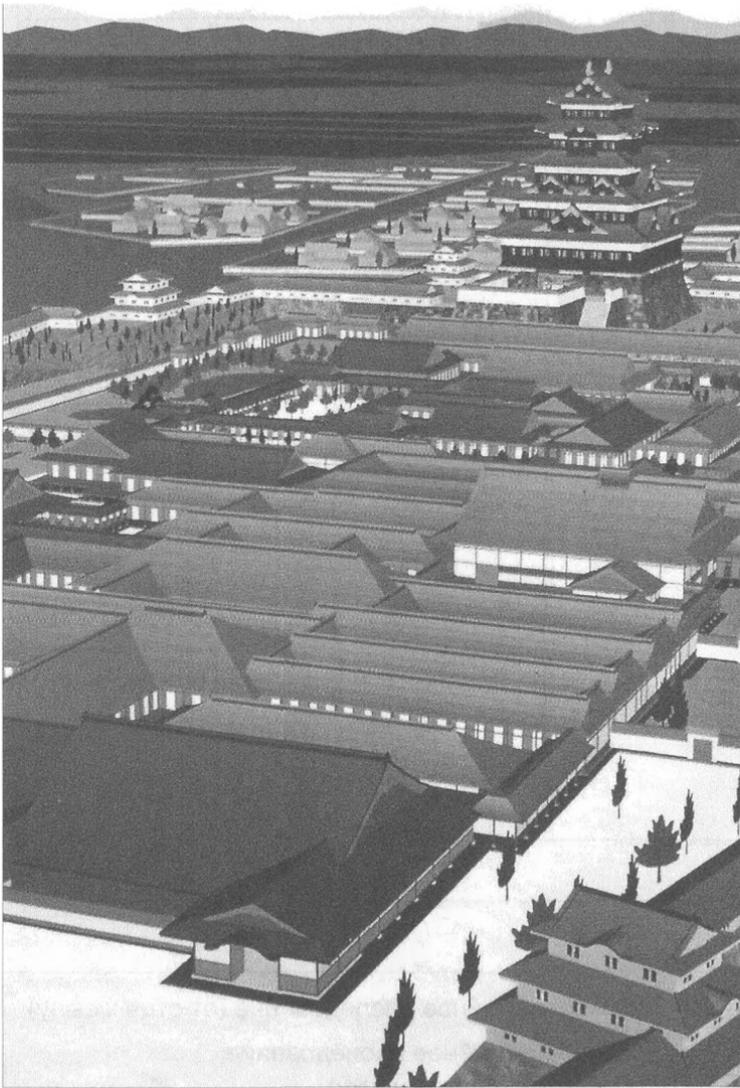
Родословная сёгунов Токугава

"великие дома" (госанкэ)

- прямое семейное наследование (от отца к сыну)
- ══ боковое семейное наследование (к другому родственнику)
- ← боковое наследование сёгунской должности

Замок Эдо

Первый сёгун Иэясу

(1542–1616, правление 1603–1605)

Путь к власти

Будущий основатель династии Токугава родился 26 декабря 1542 года* в провинции Микава в семье местного военачальника среднего уровня Мацудайра Хиротада. Через полтора года после рождения он лишился матери — её старший брат изменил дому Мацудайра и перешёл на сторону Ода, поэтому Хиротада отправил жену обратно в отчий дом. Там её выдали замуж за одного из вассалов Ода, и в новом браке она родила ещё шестерых детей.

* Здесь и далее даты приводятся по японскому лунному календарю.

Прошло три года. Мацудайра Хиротада попал в тяжёлую ситуацию и был вынужден отправить четырёхлетнего сына заложником к своему покровителю Имагава. В пути мальчика похитили и передали в руки Ода Нобухидэ, отца Ода Нобунага. В августе 1549 года в результате военной операции и последующего обмена пленными шестилетний Иэясу* попал к Имагава Ёсимото и следующие одиннадцать лет воспитывался у него. Таким образом, в полтора года мальчик был разлучён с матерью, а в шесть лет потерял отца. Из первых семнадцати лет жизни тринадцать он провёл в качестве заложника в чужих семьях, что оказало огромное влияние на его характер и личные качества.

В семье Имагава он прошёл обряд совершеннолетия, получил боевое крещение и взял в жёны племянницу главы дома. В мае 1560 года Имагава Ёсимото погиб во время похода в провинцию Овари, и семнадцатилетний юноша смог вернуться в свой родовой замок Окадзаки.

Получив независимость, Иэясу начал восстанавливать позиции главной семейной ветви Мацудайра, утраченные после смерти его отца. Через два года он заключил военный союз с западным соседом Ода Нобунага, который резко изменил вектор отношений Мацудайра с внешним миром. Семьи Ода и Мацудайра, враждовавшие более двадцати пяти лет, стали союзниками. Многие вассалы и родственники Иэясу оказались не готовы к столь резкому повороту в судьбе семьи, и молодому предводителю пришлось с оружием в руках отстаивать своё решение. Чтобы выволить жену и двух детей, оставшихся в заложниках у сына Имагава Ёсимото, Иэясу пришлось захватить форт одного из его родственников и совершить обмен пленными.

* У Токугава Иэясу в жизни было несколько имён, в том числе и детское Такэтиё, но для простоты изложения эти имена упоминаются только в самых необходимых случаях.

К 1566 году молодой глава дома Мацудайра взял под контроль большую часть провинции Микава и утвердил свой новый статус соответствующим императорским указом, а заодно сменил фамилию Мацудайра на Токугава, тем самым обособив себя от многочисленных родственников-однофамильцев из боковых ветвей.

Ода Нобунага

Все эти годы глава дома жил с женой и детьми в замке Окадзаки в западной части провинции Микава.

В следующем году Такэда Сингэн, мощный и влиятельный сосед Токугава, задумал военный поход против Имагава Удзидзанэ, сменившего отца на посту главы дома. Чтобы атаковать его с двух сторон и победить с наименьшими потерями, Такэда предложил Токугава заключить военный союз и действовать вместе. Предложение было принято, союз заключён, и в декабре 1568 года соседи начали боевые действия в двух провинциях, принадлежавших Имагава. Захватив западную часть провинции Тотоми, Токугава расширил свои владения на восток и перенёс главную резиденцию из Окадзаки в Хамамацу, а Такэда Сингэн после войны с Ходзэ взял под контроль всю провинцию Суруга и половину Тотоми.

Вскоре после этих событий в центре страны против Ода Нобунага сложилась коалиция его противников, к которой примкнул и Такэда Сингэн. Токугава, состоявший в военном союзе с Ода, превратился из союзника Такэда в его противника, и Сингэн начал подготовку к большому походу против обоих. Осенью 1572 года он вторгся во владения Изясу и вынудил перейти на свою сторону мно-

Такэда Сингэн

гих его вассалов, а затем в декабре того же года разгромил Токугава в бою на плато Микатагахара. Это поражение стало самым тяжёлым в его жизни и научило тщательно взвешивать свои решения.

Весной 1573 года Такэда Сингэн умер во время военного похода, а его место занял сын Кацуёри (1546–1582), с которым

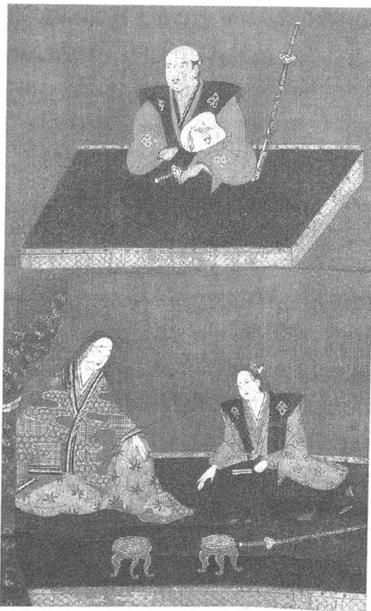
Токугава пришлось воевать следующие девять лет. Всё это время Иэясу поддерживал партнёрские отношения с Ода Нобунага и вёл себя предельно осторожно, избегая крупных столкновений с более сильным соседом. Единственное большое сражение состоялось в июне 1575 года в окрестностях замка Нагасино, где объединённые силы Ода Нобунага и Токугава Иэясу одержали убедительную победу.

Это поражение нанесло Такэда Кацуёри тяжёлый удар, от которого он уже не смог оправиться. В дальнейшем Токугава вернул себе несколько важных фортов в приграничных районах и укрепил свои позиции в районе Канто. Весной 1582 года Ода Нобунага предпринял генеральный поход против Такэда и его союзников и одержал безоговорочную победу. Токугава, как всегда, воевал на его стороне и добавил к двум прежним провинциям (Микава и Тотоми) ещё одну, Суруга.

Через два месяца Нобунага был убит своим полководцем Акэти Мицухидэ, и созданная им система власти мгновенно рухнула. Главные полководцы Нобунага вступили в борьбу за первенство, победителем в которой вышел Тоётоми Хидэёси. Поочерёдно разгромив

Акэти Мицухидэ, Сибата Кацуизэ, Ода Нобутака и Сасса Наримаса, он сделал серьёзную заявку на лидерство и продолжил силовое объединение страны.

В 1584 году Токугава в союзе с Ода Нобукацу, вторым сыном Нобунага, попытался остановить продвижение Хидэеси к власти и одержал две победы над его командирами, но из-за большой разницы в материальных ресурсах не смог одержать окончательной победы и был вынужден подписать соглашение о перемирии. Хидээси, заинтересованный в привлечении на свою сторону крупного восточного военачальника, с помощью серии дипломатических ухищрений подчинил себе Токугава и заставил принять вассалитет. Осенью 1586 года Изясу перешёл к нему на службу и через четыре года сыграл важную роль в его победе над кланом Ходзэ, последним крупным противником Хи-

*Такэда Кацүёри
с женой и дочерью*

Акэти Мицухидэ

дзэси на востоке страны. Получив в своё распоряжение пять бывших провинций Ходзё, Иэясу стал крупнейшим землевладельцем и ближайшим соратником Хидзэси. Для постоянного места жительства Токугава выбрал неприметный форт Эдо на берегу одноимённого залива, который впоследствии стал его главной резиденцией и центром быстро растущего приамковского города.

Весной 1592 года Тоётоми Хидзэси реализовал план, который вынашивал в своё время Ода Нобунага, — начал войну на материке против Кореи и Китая. Токугава Иэясу во всём поддерживал своего начальника и во время боевых действий находился рядом с ним в городе Нагоя на острове Кюсю. Здесь он занимался организационной работой, но в зону боевых действий ни разу не выезжал и своих людей туда не отправлял.

До 1595 года Тоётоми Хидзэси правил единолично, а затем создал своё первое правительство из пяти крупнейших военачальников, которых стали впервые называть словом *даймё* (букв. «большое имя»). Наибольшим авторитетом среди них пользовались Токугава Иэясу

и Маэда Тосииэ, оба из восточной части страны. Главной задачей правительства была объявлена забота о малолетнем сыне Хидзэси и передача ему власти по достижении совершеннолетия.

В августе 1598 года Хидзэси умер, предварительно распределив служебные обязанности между ближайшими соратниками. Ведение государственных дел в переходный период он

Маэда Тосииэ

поручил Токугава Иэясу. Так в пятьдесят шесть лет Иэясу впервые в жизни избавился от необходимости следовать воле более сильного партнёра и получил возможность проводить собственную политику. В борьбе за власть, начавшейся сразу после смерти Хидэёси, он проявил себя дальновидным политиком и заручился поддержкой большой группы воевавших

Тоётому Хидэёси

в Корее командиров. Прекратив войну и заключив ряд двусторонних соглашений с влиятельными воинскими домами, он упрочил свои лидерские позиции, но при этом нарушил сразу несколько пунктов завещания Хидэёси. Через полтора года после его смерти воинская элита отчётливо разделилась на сторонников и противников нового лидера.

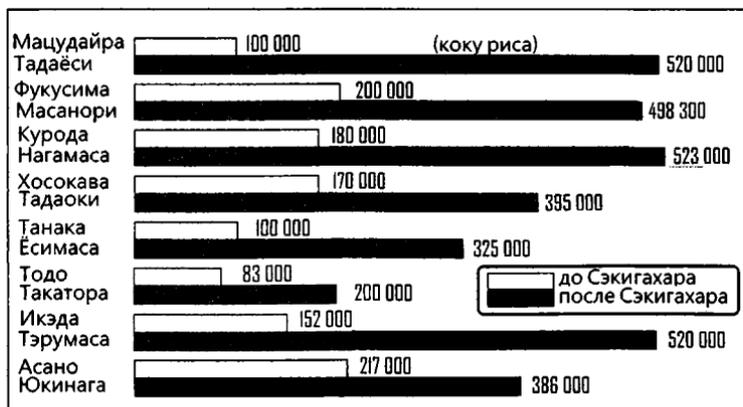
Весной 1600 года Токугава воспользовался конфликтной ситуацией, сложившейся во владениях клана Уэсуги, и объявил против него военный поход. Поскольку земли Уэсуги находились далеко на востоке страны, в походе приняли участие большинство военачальников из центральных и восточных провинций. Уход Токугава из столицы стал сигналом к объединению всех, кто был недоволен его усилением. В течение месяца в Осака сформировалась мощная антитокугавская

Исида Мицунари

коалиция из западных военачальников, вассалов Тоётоми Хидэёси. Её организатором и вдохновителем стал Исида Мицунари, а главнокомандующим — Мори Тэрумото.

Пятнадцатого сентября на равнине Сэкигахара (провинция Мино, современная префектура Гифу) состоялось генеральное сражение между восточной и западной армиями, победу в котором одержал Токугава Иэясу. Наградой ему стали обширные земли его противников, дававшие треть рисового дохода страны (6,32 миллиона *коку* из восемнадцати). Отобрав земельные владения у девяноста трёх участников западной коалиции, Токугава раздал их своим вассалам и союзникам и за счёт этого обеспечил себе поддержку подавляющего большинства *даймё*. Если перед Сэкигахара сторонники Тоётоми Хидэёри контролировали восемьдесят восемь процентов всего рисового урожая, а вассалы Токугава Иэясу — двенадцать процентов, то после его победы это соотношение изменилось на четырнадцать и восемьдесят шесть процентов соответственно.

Главные бенефициары победы 1600 года

Источник: Токугавакэ сёгункэ = Семья сёгунов Токугава. Синдзимбуцу орайся, 2009, с. 12.

Опираясь на этот политический ресурс, Токугава в 1603 году добился от императора назначения на высший воинский пост и через два года передал его своему сыну Хидэтада, сделав, таким образом, заявку на создание собственной династии. Наследник Хидэёси, которому в 1605 году исполнилось двенадцать лет, не мог соперничать с влиятельным и опытным политиком. Передав

Мори Тэрумото

пост сёгуна сыну Хидэтада, Иэясу сохранил в своих руках всю полноту власти и продолжал наращивать политический капитал. Провинциальным *даймё* сначала было рекомендовано воздерживаться от визитов в замок Осака, а затем они были вообще запрещены.

В 1611–1613 годах один за другим умерли четыре крупных военачальника, всю жизнь хранившие верность Тоётоми Хидэёси и его сыну, — Асано Нагамаса, Като Киёмаса, Икэда Тэрумаса и Асано Юкинага. Уровень поддержки Хидэёри в воинской элите снизился, однако помощь неожиданно пришла с другой стороны — на фоне усилившихся в 1613 году репрессий против христианства его последователи начали стекаться в Осака в надежде найти здесь спасение. Число японских христиан к тому времени исчислялось сотнями тысяч, поэтому ситуация серьёзно встревожила сёгуна. Решив, что откладывать вопрос о власти больше нельзя, Иэясу предъявил Хидэёри неприемлемый ультиматум — выехать из самого мощного в стране замка Осака в одну из принадлежавших ему провинций, а свою мать отправить заложницей в Эдо. Получив вполне предсказуемый отказ, он двинулся в по-

Тоётоми Хидэёри

ход на Осака и в декабре 1614 года после месяца боевых действий вынудил Хидэёри заключить перемирие на своих условиях. В обмен на отмену ультиматума наследник согласился ликвидировать внешние укрепления замка, фактически оставив его без защиты. Через три месяца Иэясу вновь повторил свои требования в несколько изменённой форме и снова полу-

чил ожидаемый отказ. Второй военный поход на Осака в мае 1615 года закончился победой Токугава и гибелью Тоётоми Хидэёри — вместе с матерью он покончил жизнь самоубийством.

Устранив главного конкурента, Токугава удалился на покой в замок Сумпу и через одиннадцать месяцев умер от рака желудка, оставив на воинском троне своего сына Хидэтада. Иэясу стал первым сёгуном династии Токугава. Он выполнил самую трудную часть задачи — прошёл через десятилетия междоусобных войн, уцелел и после смерти Хидэёси перехватил власть у его сына. Этот путь занял у него шестьдесят лет. Большую часть следующего тринадцатилетнего цикла он правил в должности отца-основателя в отставке (ранг *огосё*), в то время как его сын Хидэтада занимал пост сёгуна и принимал ритуальные почести.

Правление

В течение тридцати двух лет Токугава Иэясу отстаивал интересы своего семейного клана, следуя в фарватере более сильных партнёров — сначала Ода Нобунага (с 1562 по 1582 год), затем Тоётоми Хидэёси (с 1586 по 1598 год). В первом случае — в качестве независимого, но младшего союзника, а во втором — в качестве вассала. В этот период его главной задачей было выжить и сохранить семью, а её выполнение больше всего зависело от отношений с двумя людьми — Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Самостоятельное правление Иэясу началось 19 августа 1598 года, на следующий день после смерти Тоётоми Хидэёси. Все главные события этого периода связаны с укреплением позиций Токугава на вершине власти. Они имели как чисто военную, так и политическую составляющую. Главные вехи этого процесса коротко перечислены в предыдущем параграфе: это победа в сражении на равнине Сэкигахара (сентябрь 1600 года), получение сёгунского звания (февраль 1603 года), передача его по наследству сыну Хидэтада (март 1605 года) и устранение Тоётоми Хидэёри (декабрь 1614 года и май 1615 года).

За пятнадцать лет фактического нахождения у власти Токугава Иэясу принял ряд важных решений, оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие страны. В 1607 году, через девять лет после окончания войны, Япония восстановила отношения с Кореей, подписав с ней мирный договор. Три года спустя Сё Нэй, правитель островного государства Рюкю (современная Окинава), прибыл в Эдо и признал себя вассалом японского императора. В 1609 и 1613 годах при активном участии Иэясу Япония заключила торговые соглашения с Голландией и Англией, а в Хирадо открылись торговые представительства этих стран. Появление новых внешнеторговых партнёров позволило сёгунату приступить к искоренению

христианства, распространителями которого выступали португальцы и испанцы, доминировавшие во внешней торговле Японии с середины XVI века. Англичане и голландцы, воевавшие с Португалией и Испанией в Европе, всеми способами стремились выдать своих противников из страны, убеждая сёгунат в опасности христианской пропаганды. Ликвидации христианства требовало и местное буддийское духовенство.

Кортеж правителя Рюкю (гравюра)

Наступление на европейскую религию плавно перешло в решающую фазу внутренней борьбы за власть, в которой Иэясу тоже одержал победу. Устранив последнюю помеху, он издал четыре административных указа, определивших правила жизни японского общества на многие годы вперёд. Первый документ, известный под названием «одна провинция — один замок» (*иккоку итидзё-рэй*), запрещал провинциальным *даймё* иметь более одного укрепления в своих владениях и вести без разрешения *бакуфу* какие-либо строительные работы. Любое самовольное строительство рассматривалось как подготовка к боевым действиям и давало повод для обвинения в измене. Формально действие указа распространялось на всю

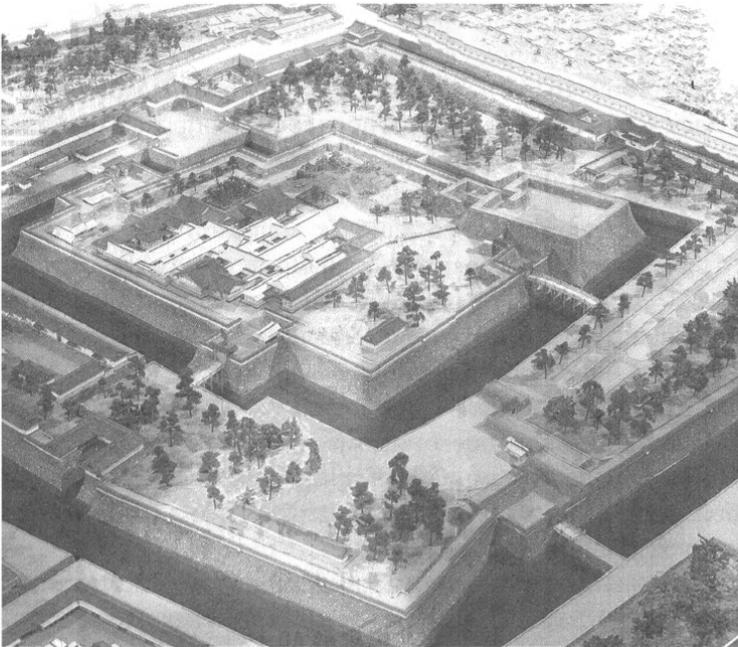
страну, но фактически он был направлен против западных *даймё*, поэтому только им его и разослали. Приказы о ликвидации укреплений на землях побеждённых противников издавали в своё время и Ода Нобунага, и Тоётоми Хидэёси, но в масштабе страны такое распоряжение было сделано впервые и стало прологом к установлению мирной жизни. В течение нескольких недель в западной части страны было разобрано или сожжено более четырёхсот укреплений.

В течение следующих двух месяцев вышли ещё три указа с правилами жизни для трёх главных сословий того времени: *Букэ сёхатто* («Уложение для воинского сословия»), *Кинтёу нарабини куэ сёхатто* («Уложение для императорского двора и аристократии»), *Сёсю сёхондзан сёхатто* («Уложение для храмов и духовенства»).

Первый документ состоял из тринадцати пунктов и был подготовлен группой священнослужителей во главе с Исин Судэн (1569–1633), пользовавшимся наибольшим доверием Иэясу. Семь пунктов указа относились к вопросам безопасности (запрет на строительство новых укреплений, политические браки, укрывательство мятежников и т. п.), пять пунктов содержали требования к воинской элите, и один (о паланкинах) адресовался в равной мере всем слоям населения. Этот документ, обращённый к правящему сословию, стал практическим руководством по управлению страной на следующие два с половиной столетия.

Через десять дней после *Букэ сёхатто* вышло уложение для императорского дома и высшей аристократии. Оно состояло из семнадцати пунктов и представляло собой расширенный вариант пятистатейного распоряжения на ту же тему, написанного ещё в 1613 году. По числу статей уложение повторяло первую японскую конституцию 604 года, составленную Сётоку Тайси. Императорскому дому предписывалось заниматься исключительно классическими науками, литературно-поэтическим творчеством

и музыкой, хранить традиции национальной культуры и выполнять жреческие функции. При этом часть его прежних полномочий была передана военному правительству. В частности, смена эпох и девизов правления, присвоение придворных рангов и назначение на должности, ранее объявлявшиеся императором самостоятельно, теперь перешли под контроль *бакуфу*. В документе также регламентировались некоторые спорные вопросы придворной иерархии и внешнего вида аристократов. Упорядочив таким образом жизнь императорского двора, Токугава внёс в неё элемент воинской дисциплины: в одиннадцатом пункте уложения для аристократов, не выполнявших указания вышестоящих, было введено наказание в виде ссылки на удалённые острова.

Замок Токугава Иэясу в Сумпу

Издание административного уложения для аристократии стало беспрецедентным вмешательством воинского сословия в жизнь императорского дома. Он и до этого мало чем владел и почти ничем не распоряжался, но никогда ещё воинское сословие не составляло для него инструкций. Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси использовали авторитет императора в своих целях, но делали это эпизодически, по мере необходимости, не пытаясь законодательно подчинить себе сам институт императорской власти. В этом смысле Токугава Иэясу пошёл гораздо дальше своих предшественников.

Тридцатого июля 1615 года указ был зачитан собравшимся во дворце аристократам и объявлен вступившим в силу. Императорский дом лишился последних остатков политического влияния и окончательно превратился в декоративный символ власти воинского сословия. «Сыну неба» было определено содержание в сто тысяч *коку* риса в год; из них тридцать тысяч полагалось действующему императору, десять тысяч — его отцу, а остальные шестьдесят тысяч распределялись между ближайшими родственниками и высшей аристократией. При этом две трети бюджета императора должны были тратиться на церемониал и представительство.

Семья и родственники

Предки Токугава Иэясу вели своё происхождение от основной ветви ничем не примечательного воинского клана Мацудайра, обосновавшегося в провинции Микава в начале XV века, за сто тридцать лет до рождения Иэясу. Его отец представлял восьмое поколение семьи, а сам Иэясу — девятое. Когда он родился, его отцу Хиротада (1526–1549) едва исполнилось шестнадцать лет, а матери

Одай (1528–1602), приёмной дочери местного предводителя Мидзуно Тадамаса, — четырнадцать. Через полтора года после рождения мальчика брак его родителей распался, а ещё через пять лет Мацудайра Хиротада погиб, не дожив до двадцати трёх лет и не оставив других детей. В силу семейных обстоятельств, вполне обычных для эпохи междоусобных войн, Иэясу остался единственным сыном и наследником своего отца, что во многом определило его жизненный путь, особенно на начальном этапе. Отсутствие конкурентов в лице собственных братьев и братьев отца обеспечило юноше беспрепятственный доступ к должности главы семейного клана уже в семнадцать лет. Мать Иэясу во втором браке родила ещё шестерых детей, в том числе троих сыновей: Ясутоси (1552–1586), Ясумото (?–1603) и Садакацу (1560–1624). Вернувшись в семейный замок, Иэясу вызвал к себе младших братьев и взял под своё покровительство; они получили право носить фамилию Мацудайра и стали членами военной организации, формирующейся вокруг молодого командира. Не составляя ему конкуренции в борьбе за власть, они в то же время укрепили его позиции, во многом зависевшие от численности и сплочённости ближайших родственников.

Токугава Иэясу состоял в браке дважды. Первый раз он женился в январе 1557 года, через месяц после своего четырнадцатого дня рождения. Будучи воспитанником Имагава Ёсимото, он вступил в брак с его племянницей, четырнадцатилетней девушкой по имени Сэна* (1542–1579). В первые два года жена родила ему сына и дочь, а затем вместе с ними переехала в замок Окадзаки и поселилась в усадьбе под названием Цукияма. С этого времени её стали называть «госпожа Цукияма», под этим именем она и известна больше всего.

* Известна также под именами Цурухимэ, Цукияма, Цукияма-доно, Цукияма годзэн, Суруга годзэн.

С мужем её связывали довольно сложные отношения. Женщина с независимым и сильным характером, Цукияма не простила ему военный союз с Ода Нобунага, многолетним врагом вырастившей их обеих семьи Имагава. Для спасения оставшихся в заложниках жены и детей Иэясу в 1562 году предпринял боевую вылазку и захватил в плен семью одного из родственников Имагава, а затем обменял её на своих близких. Операция прошла успешно, но стоила жизни отцу Цукияма, служившему у Имагава Удзидзанэ, — глава клана заподозрил его в сговоре с зятем и приказал покончить жизнь самоубийством. Таким образом, Иэясу стал невольной причиной смерти своего тестя, что усугубило и без того непростые отношения супругов. В 1570 году он перенёс главную резиденцию из Окадзаки в Хамамацу и переехал туда сам, а жену и сына оставил на прежнем месте. Супруги и до этого мало общались, а после переезда начали жить каждый своей жизнью; у Иэясу появились другие женщины.

Нечто подобное произошло и в браке старшего сына Нобуясу (1559–1579). Ещё в детстве, при заключении союза между Ода и Токугава, он был помолвлен с дочерью Ода Нобунага, и когда настало время, девушка переехала в Окадзаки. Здесь её ждала не только новая семейная жизнь, но и свекровь Цукияма, ненавидевшая весь род Ода. Эта ненависть наложила на общеизвестные отношения между свекровью и невесткой и дала ядовитые всходы, быстро разрушившие брак старшего сына Иэясу. Отношения в треугольнике муж — жена — свекровь усугубились рождением двух дочерей, что навлекло на невестку обвинения в неспособности родить наследника и обеспечить продолжение семейной линии. Цукияма и её близкие подруги начали активно подыскивать для Нобуясу наложниц, и вскоре в замке Окадзаки поселились девушки из семей Хюга и Асахара, в своё время служивших клану Такэда, но затем перешедших

на сторону Токугава. В дневнике одного из родственников говорится о том, что Иэясу приходилось самому выезжать в Окадзаки, чтобы улаживать скандалы в семье сына (*Иэтада никки*).

Конфликт усугубился сложными отношениями Нобуясу с отцом. В «Большой истории Микава» они описаны так: «В детстве воспитанием [Нобуясу] не занимались, а когда он вырос, воспитывать было поздно. Отчуждённость и неуважение к отцу привели к трагедии» (*Даймикаваси*). Под влиянием матери Нобуясу крайне негативно относился к своему тестю Ода Нобунага и нередко шёл наперекор воле отца. Хроника *Микава моногатари* характеризует юношу как хорошего воина и почтительно-го сына, однако в *Микава гофудоки* и *Мацудаираки* говорится и о других чертах его характера. Не отрицая воинских достоинств юноши, их авторы отмечают его буйный нрав, грубость и жестокость в отношениях с окружающими. Встретив по пути на охоту буддийского монаха, раздосадованный Нобуясу задушил его, так как, по приметам того времени, встреча с монахом сулила отсутствие добычи. На празднике *обон* он выстрелом из лука убил горожанку, которая была бедно одета и плохо танцевала. В хронике *Тодайки* говорится о случаях избиения им васалов и прислуги.

Достоверных сведений о том, как Иэясу относился к старшему сыну, не сохранилось. «Родословная воинских кланов» (*Ханкафу*) сообщает, что, увидев после большого перерыва своего семилетнего сына Тадатэру, он воскликнул: «Ну и страшилище, прямо как Нобуясу в детстве», из чего можно заключить, что, по крайней мере, к внешности старшего сына он относился критически. К этому можно добавить, что свою неприязнь к Тадатэру отец сохранил до конца жизни: перед смертью не допустил его к своему ложу и завещал Хидэтада конфисковать все его земли. Не исключено, что и к старшему сыну он испытывал такую

же стойкую неприязнь, причины которой сегодня установить уже невозможно.

Летом 1579 года двадцатилетняя жена Нобуясу написала письмо своему отцу Ода Нобунага и передала его в Адзуги через Сакаи Тадацугу, ближайшего помощника Иэясу. В письме, состоявшем из двенадцати пунктов, она сообщала, что муж и свекровь её ненавидят и третируют, Нобуясу вообще ведёт себя буйно, убивает ни в чём не повинных людей. Его мать Цукияма состоит в интимных отношениях с лекарем по имени Гэнкё, через него ведёт переписку со своим двоюродным братом Такэда Кацуёри и готовит сдачу замка Окадзаки семейному врагу. Старший сын Иэясу знает о готовящемся предательстве и помогает матери.

Прочитав письмо дочери, Нобунага встретился с Сакаи Тадацугу и расспросил его о ситуации. Старейшина ответил, что содержание десяти пунктов из двенадцати ему известно и соответствует действительности. Сочтя это достаточным основанием, Нобунага велел передать Иэясу, что если всё действительно так, то его старший сын должен умереть. Согласно семейной хронике, 3 августа 1579 года Иэясу прибыл в Окадзаки и встретился с сыном. Разговор шёл на повышенных тонах, но его содержание неизвестно. После этого Нобуясу был заключён под домашний арест.

В конце августа жене Иэясу сообщили, что муж приглашает её в Хамамацу.

*Цукияма,
жена Токугава Иэясу*

Полагая, что он хочет обсудить с ней сложившуюся ситуацию и судьбу сына, женщина двадцать пятого числа отправилась в путь. Как положено знатной даме, она путешествовала в паланкине, на плечах носильщиков. Через четыре дня пути, когда до Хамамацу оставалось несколько километров, сопровождающие её убили.

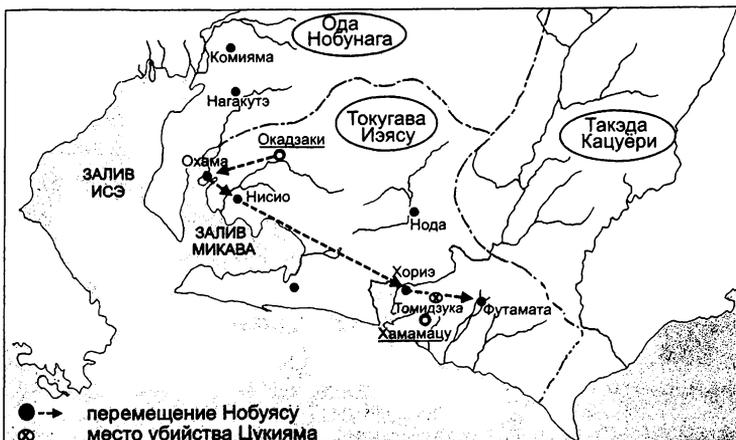
Через неделю после этого, 5 сентября, охрана вывезла старшего сына Иэясу из Окадзаки в форт Охама, а затем ещё дальше на восток — в Нисио, Хориэ и, наконец, в Футамата. Здесь он никого не знал и был надёжно изолирован от своих вассалов. Пятнадцатого сентября ему сообщили, что он приговорён к смерти и должен покончить жизнь самоубийством. В тот же день Нобуясу выполнил волю отца*.

Долгое время считалось, что старший сын Токугава Иэясу был обвинён в измене и казнён по приказу Ода Нобунага, но в последнее время большинство историков склоняются к мнению, что приговор жене и сыну вынес сам Иэясу, а Нобунага лишь согласился с его решением.

Проблемы в отношениях Иэясу с сыном начались за год до трагической развязки. В уже упоминавшемся дневнике *Иэтада никки* есть запись о том, что в сентябре 1578 года отец запретил Нобуясу нанимать на службу новых вассалов. Это означало, что он не полностью доверяет старшему сыну и ограничивает число его сторонников. В сентябре 1579 года в замке Окадзаки была проведена чистка — семья Сэкигути, поддерживавшая дружеские отношения с Цукияма, была казнена в полном составе, а несколько служивших в Окадзаки соратников Иэясу получили взыскания, в том числе Исикава Кадзумаса, Хонда Сигэцугу, Мацудайра Тикамаса. Репрессии в отношении

* По другой версии, приговор привёл в исполнение Хаттори Масанари (1542–1596), вассал Иэясу.

обитателей второго по значению замка позволяют предположить, что в нём образовалась своего рода оппозиционная группа во главе с женой и старшим сыном Иэясу. Мы не знаем, что предпринимали её участники и насколько опасными были их действия или намерения, но, судя по реакции Иэясу, он видел в них угрозу.

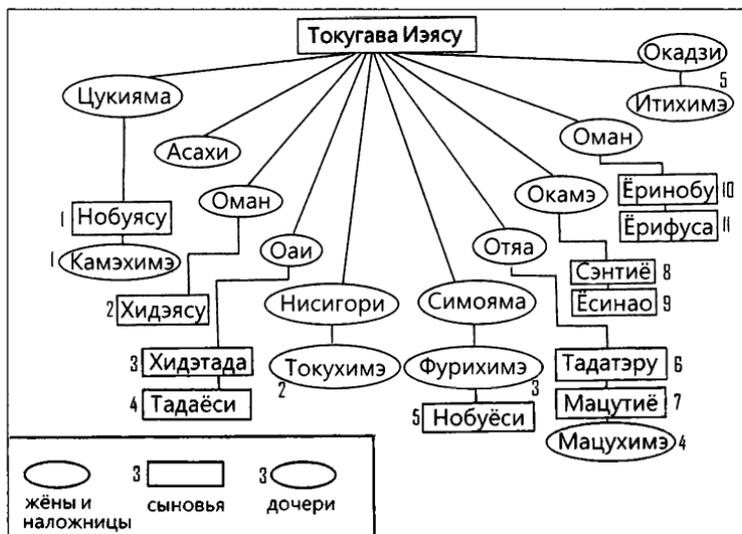

Маршрут перемещения Нобуясу

Вторично Токугава женился в 1586 году в возрасте сорока четырёх лет на младшей сестре Тоётоми Хидэёси и исключительно по его инициативе. Брак носил чисто политический характер и был бездетным. Остальные десять сыновей и четыре дочери Токугава Иэясу были рождены его наложницами. В первый раз он стал отцом в семнадцать лет, в последний — в шестьдесят пять. Трое из четырёх продолживших династию сыновей появились на свет, когда их отцу было пятьдесят девять, шестьдесят и шестьдесят один год соответственно. Из четырнадцати следующих сёгунов Токугава отца-основателя по числу детей превзошли лишь трое поздних (одиннадцатый Иэнари, двенадцатый

Иэёси, пятнадцатый Ёсинобу); остальные остались позади с большим отрывом. Обилие сыновей сыграло не последнюю роль в жизнеспособности династии Токугава — этим она выгодно отличалась от семьи Тоётоми.

В отличие от своего начальника Тоётоми Хидэёси, также имевшего большое число наложниц, Токугава Иэясу руководствовался в выборе женщин исключительно личными симпатиями, не обращая внимания на их происхождение, — все они были дочерьми или вдовами низкоранговых (в том числе безработных) самураев или крестьян. Хидэёси же выбирал себе наложниц исключительно из семей воинской или аристократической знати. Иэясу известен также тем, что поддерживал со своими женщинами долговременные прочные отношения — в 1607 году вместе с ним в Сумпу переехали десять бывших фавориток. Его последней симпатией была девушка по имени Року (1597–1625), родившаяся на пятьдесят пять лет позже своего покровителя.

Жёны, наложницы и дети Токугава Иэясу

Личные качества

Токугава Иэясу — один из трёх объединителей страны, завершивший дело своих предшественников Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Благодаря этому успеху ему досталось больше восхвалений и выдуманных достоинств, чем Ода и Тоётоми, хотя и они были этим не обделены. В жизнеописаниях Иэясу встречаются утверждения о том, что он с юных лет отличался недюжинным умом, прозорливостью и целеустремлённостью, мечтал об общественном благе и стремился к установлению мирной и справедливой жизни в раздираемой междоусобицами стране. Все его действия с самого начала якобы были подчинены этой высокой цели и в итоге завершились закономерным успехом. В действительности всё было далеко не так пафосно и лучезарно. Токугава Иэясу, как и его современники, всю жизнь решал одну и ту же задачу — боролся за выживание. Любое из многочисленных сражений, в которых он участвовал, могло оказаться для него последним. Но судьба каждый раз распорядилась так, что очередной противник оказывался в чём-то слабее, и он побеждал.

Если отбросить избыточную комплиментарность, обычную для воспоминаний о победителях, то Токугава Иэясу предстаёт в образе человека, который прожил долгую и трудную жизнь, учился на своих и чужих ошибках, извлекал из них уроки и набирался мудрости. Без особой боязни ошибиться можно утверждать, что к шестидесяти годам по совокупности личных качеств он превосходил всех военачальников своего уровня, что позволяло ему претендовать на высшую власть. Основные черты его характера можно сформулировать следующим образом.

- Осторожность, предусмотрительность, продуманность действий.

- Стратегическая дальновидность, готовность жертвовать малым ради большого.
- Терпение и выдержка, умение дождаться нужного момента.
- Почитание традиций, следование установленным правилам.
- Сдержанное отношение к религии, интерес к практическим знаниям.
- Внимание к общественному мнению и оценкам окружающих.
- Неприхотливость, умеренность вкусов и жизненных привычек.
- Приверженность здоровому образу жизни.
- Экономия и бережливость, склонность к накопительству.
- Осуждение тяги к азартным развлечениям и острым удовольствиям.

В разных источниках приводится множество высказываний Токугава Иэясу, со временем ставших крылатыми выражениями. Они дают некоторое представление о его взглядах и образе мышления.

- «Жизнь человека — долгий путь с тяжёлым грузом на плечах, поэтому спешить в ней не надо».
- «Привыкнув к тяготам, перестаёшь их замечать, но в минуту искушения о них бывает полезно вспомнить».
- «Долготерпение — спутник благополучия, а гнев — его враг».
- «Не испытав горечи поражения, не познаешь и вкуса победы».
- «В своих неудачах вини себя, а не других».
- «Лучше недостараться, чем перестараться».
- «Сила нужна, чтобы взять власть, а ум — чтобы её удержать».

Личные качества первого сёгуна Токугава ярче всего проявились на последнем этапе жизни и позволили сделать то, что противоречило и его собственным принципам, и тогдашним представлениям о воинской верности, — перехватить власть у сына Хидэёси и создать собственную династию.

Важную роль в конечном успехе Иэясу сыграл такой мало подвластный человеку компонент судьбы, как удача. Иногда она сопутствовала ему эпизодически, иногда постоянно. Примером случайной удачи может служить неожиданная победа Ода Нобунага над Имагава Ёсимото и гибель последнего в бою при Окэхадзама — это позволило юному командиру легко избавиться от вассальной зависимости. Таким же подарком судьбы можно считать решение Такэда Сингэн не штурмовать замок Хамамацу после сражения на плато Микатагахара. В противном случае Иэясу был обречён. Удачным исходом можно считать и его выход из окружения в марте 1570 года, когда вассалы и союзники Ода Нобунага отступали из провинции Этидзэн после внезапного бегства своего главнокомандующего.

Примеров удач, которые сопровождали Токугава Иэясу не эпизодически, а постоянно, намного больше. Поэтому правильнее считать их не случайными подарками судьбы, а наградой за адекватное понимание своего места в этом мире. Помимо уже названных черт характера это физическое здоровье и правильный образ жизни, которые обеспечили Иэясу долголетие и высокую работоспособность. С детства он был подвижным и энергичным юношей, любил воинские упражнения и занимался ими ежедневно. Живя у Имагава, часто плавал в быстрой и холодной речке Абэ. Во взрослые годы поддерживал физическую форму постоянными переездами, военными походами и многодневной охотой. В беседах с соратниками он часто высказывался на этот счёт. «Пешие походы в зной и хо-

Токугава Иэясу в одежде простого горожанина

лод, дождь и снег закаляют тело, позволяют видеть богатство природы и познавать нравы в разных землях. Плотный завтрак ранним утром, усталость поздним вечером и крепкий сон ночью лучше всяких лекарств выправляют тело и оберегают его от плотских желаний» (Китадзима, 1963). Современники подсчитали, что за всю жизнь Токугава выезжал на охоту около тысячи раз (Токугава Иэясу, 2015). Если допустить, что впервые он сде-

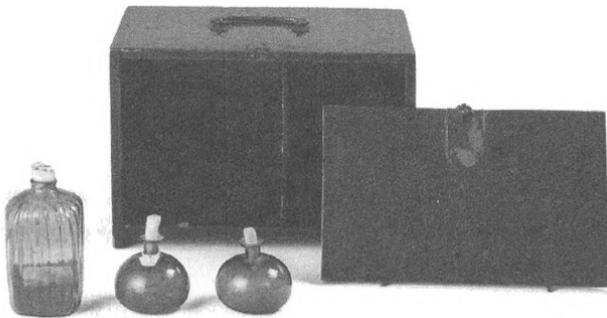
лал это в десять лет, то в среднем получается по шестнадцать выездов в год. Охотились обычно по несколько дней, но даже если считать все его выезды однодневными, то получается, что Иэясу провёл на охоте в общей сложности около трёх лет. Судя по всему, для него это было не только удовольствие, но и способ отвлечься от текущих дел и восстановить душевное равновесие. Известно, что за два месяца до решающего сражения на Сэкигахара, когда его исход был совершенно неясен, Иэясу поехал охотиться в леса Одавара, чем вызвал недовольство своих старейшин: «Как можно ехать на охоту, когда не знаешь, что тебя ждёт завтра...» (Токугава дзикки).

С возрастом он перестал заниматься воинскими упражнениями, но из аркебузы стрелял до конца жизни. Одна из дневниковых записей гласит, что в 1611 году шестидесятивосьмилетний Иэясу сделал на охоте три выстрела, два из которых попали в цель. Да и трёхдневный выезд на охоту в январе 1616 года говорит о хорошей выносливости.

Как и многие его современники, Иэясу страдал от паразитов. Японские крестьяне обильно удобряли поля фекалиями, это способствовало распространению инфекционных заболеваний. Лечился он самостоятельно, так как с молодых лет любил и умел готовить лекарственные препараты. Состояли они из травяных настоев и минеральных растворов, в которые обычно добавляли молочную эмульсию или воду, чтобы их было легче глотать. Снадобья имели отвратительный вкус и запах, но на это не обращали внимания. В рукаве накидки Иэясу всегда носил льняной мешочек с лекарственными смесями. Эти переносные аптечки так и называли «лекарством в рукаве» (*госюяку*). Согласно семейной хронике, Иэясу с молодых лет раздавал лекарства собственного приготовления своим близким, страдавшим от простуды или несварения желудка, а в походы всегда брал с собой китайский сборник рецептов на все случаи жизни. Делал он снадобья и по своим собственным формулам — после смерти в его бумагах было найдено множество таких описаний. Всего в них значилось сто шестнадцать веществ и препаратов самого разнообразного происхождения — семена камфорного дерева, корень солодки, женьшень, дикий мёд, мускус, ртуть и многое другое. Позднее лекарственные рецепты Токугава были изданы отдельно и составили одиннадцатитомную рукопись. Были среди них, конечно, и мази для заживления колотых и резаных ран. Если бы Иэясу не стал правителем, из него наверняка получился бы превосходный лекарь. Широко известен эпизод, когда он собственноручно обрабатывал рану своего старейшины Ии Наомаса, тяжело раненного на равнине Сэкигахара. В то время всё связанное с болезнями, ранами и кровотечениями любого происхождения считалось нечистым, поэтому люди высокого звания избегали соприкосновений с носителями скверны; в этом смысле Иэясу, собственноручно лечивший своих близких и подчинённых, был уникальным военачальником.

Создание собственного правительства предоставило ему новые возможности в распространении знаний, которые он считал полезными. Семью годами ранее в Китае вышел фундаментальный трактат *Хондзо комоку* («Основы лекарствоведения»), содержащий описание целебных свойств всех известных китайцам растений и минералов. Его автор исходил из того, что в природе не существует бесполезных для человека веществ, и на этой основе составил лекарственную классификацию всего органического и неорганического многообразия мира. Узнав о трактате, Иэясу в 1605 году распорядился привезти его в Эдо и поручил своему лекарю Катаяма Сотэцу изучить текст и на лекциях рассказать о нём всем обитателям замка. Одновременно с этим он велел собрать в Эдо самых известных врачей и обеспечить им доступ к медицинским трактатам. Говоря современным языком, Иэясу сделал первый шаг к созданию системы медицинского обслуживания, сначала для членов своей семьи, а затем для всех, кто жил в замке Эдо. Несколько десятилетий спустя медосмотры сёгуна и членов его семьи стали проводиться на регулярной основе.

В XVI веке в Японии широко распространилось табакокурение. В то время считалось, что табачный дым об-

Ящик для лекарств и снадобья, приготовленные Иэясу

ладает лечебными свойствами: уменьшает головную боль и помогает при болезнях дыхательных путей. Но Токугава Иэясу это увлечение обошло стороной, он никогда не курил, а став правителем, издал указ о запрете табака. Этот запрет оставался в силе тридцать лет после его смерти и был отменён при третьем сёгуне Иэмицу.

Как и все остальные, Иэясу время от времени болел. После сорока лет у него появился хронический фурункулёз; занимаясь самолечением, он в марте 1585 года едва не умер от заражения крови. Спас его старейшина Хонда Сигэцугу, сделав прижигание неумело вскрытого фурункула моксой из листьев полыни. В июле 1600 года, за два месяца до сражения на равнине Сэкигахара, Иэясу впервые слёг с приступом лихорадки непонятного происхождения; она сопровождалась повышением температуры, слабостью и падением эмоционального тонуса. Такие приступы повторялись у него и впоследствии.

Многие биографы Иэясу отмечают его привычку грызть ногти в моменты высшего напряжения. В детстве она считается признаком повышенной тревожности и со временем проходит, но у него она осталась на всю жизнь. Многие источники упоминают о том, что в день решающего сражения 15 сентября 1600 года командующий восточной армией сильно нервничал и всё время грыз ногти.

По старинным гравюрам видно, что Иэясу имел лишний вес, который стал особенно заметен после пятидесяти лет. В этом возрасте он уже не мог самостоятельно завязывать нижний пояс и нуждался в помощи прислуги. Длина этого пояса составляла 155 см, что даёт представление об окружности талии.

Токугава повезло и в том, что его обошёл стороной сифилис, одна из главных болезней-убийц того времени. Обычай иметь много наложниц и близкие отношения с юными адъютантами дорого обошёлся многим известным военачальникам: от сифилиса умерли Като Киёмаса,

Курода Камбэй, Юки Хидэясу (второй сын Токугава), Маэда Тосинага, Асано Юкинага. Несмотря на то что Иэясу всегда интересовался женщинами, эта болезнь его миновала или, во всяком случае, не повлияла на продолжительность жизни (по некоторым данным, сифилис у него всё-таки был, но в вялотекущей форме).

Несмотря на обилие наложниц, Иэясу часто говорил о вреде и опасности острых удовольствий и предостерегал от них своих вассалов. Телесные наслаждения и азартные игры он считал опаснейшими соблазнами, которые могут погубить человека. Действительно, кроме охоты у него, пожалуй, не было других сильных увлечений. К поэзии он был равнодушен, театральные представления посещал, но больше по необходимости, мог понаблюдать за игрой в *го* и *сёги*. В отличие от Нобунага и Хидэеси не увлекался он и чайной церемонией, хотя званые мероприятия посещал и собирал чайный антиквариат, но скорее из-за его материальной ценности. Его не привлекали праздные, чисто развлекательные способы времяпрепровождения, не приносящие практической пользы, какими бы утончёнными они ни были. В этом отношении он был абсолютным прагматиком, и эта его черта впоследствии закрепились в управленческой практике *бакуфу*, требовавшего от провинциальных *даймё* сдержанности в личных удовольствиях. По этой же причине охота много лет поощрялась потомками Иэясу как самый достойный вид воинского досуга.

Жизненный итог Токугава Иэясу — это классический пример успешности человека, не только оказавшегося в нужное время в нужном месте, но и обладавшего необходимыми для успеха личными качествами. Хотя многие современники считали его клятвоотступником и называли «старым лисом» (*тануки оядзи*), со временем негативные оценки потеряли остроту и на первое место вышли заслуги в деле создания устойчивой и жизнеспособной династии.

Второй сёгун Хидэтада

(1579–1632, годы правления 1605–1623)

Путь к власти

Третий сын Токугава Иэясу был рождён 7 апреля 1579 года в замке Хамамацу его наложницей по имени Оаи (впоследствии Сайго но цубонэ). В начале 1590 года Тоётоми Хидэёси объявил войну клану Ходзё, в которой Токугава Иэясу предстояло сыграть одну из главных ролей. Следуя обычному правилу, он перед началом боевых действий отправил десятилетнего мальчика к своему патрону, хотя другой сын Иэясу уже четыре года жил у него в заложниках. Приняв ещё одного сына Иэясу, Хидэёси организовал для него обряд совершеннолетия и дал ему взрослое имя Хидэтада с первым иероглифом из своего

имени, после чего отправил обратно к отцу, передав, что вполне ему доверяет и не нуждается во втором заложнике.

Война Хидэёси против Ходзё стала последним эпизодом в объединении страны; Хидэтада в силу возраста в ней не участвовал. Крупным для него событием в военном плане стало сражение на равнине Сэкигахара в сентябре 1600 года. К тому времени Хидэтада исполнилось уже двадцать лет, и отец поручил ему самостоятельную операцию — нейтрализовать опасного военачальника Санада Масаюки (1547–1611). Санада занял оборону в своём замке Уэно в расположении восточной армии, и Хидэтада было поручено привлечь его на сторону Токугава или ликвидировать. Доверив сыну тридцативосьмитысячную армию, составленную из самых надёжных вассалов, Токугава отправил его к замку Санада с заданием быстро решить вопрос и двигаться на равнину Сэкигахара, к месту основного сражения.

Хидэтада полностью провалил порученное дело: он не только не смог взять замок, но и опоздал к началу сражения, сократив тем самым численность восточной армии на тридцать восемь тысяч человек, причём самых надёжных. Подойдя к замку Уэно, он вступил в переговоры с многоопытным и хитрым Санада, потерял на этом много времени, а затем предпринял неподготовленный штурм, закончившийся неудачей. Прибывший от отца гонец передал ему приказ всё бросить и срочно идти на Сэкигахара, где вот-вот должно было начаться сражение. Хидэтада так и сделал, но всё равно не успел. Через пять дней после боя, 20 сентября, он прибыл в город Оцу, где находился Иэясу, чтобы объясниться и принести извинения, но разгневанный отец не захотел его видеть. Этим провалом Хидэтада поставил под угрозу не только исход решающего сражения, но и свою собственную судьбу. В это время Иэясу обдумывал, кого из сыновей назначить своим преемником, и Хидэтада считался главным претендентом. Теперь же отцу было

над чем подумать. Впрочем, события развивались столь стремительно, что решение надо было принимать быстро. Через неделю Иэясу сменил гнев на милость, встретился с провинившимся сыном и отправил его на Кюсю искупать вину делом — воевать с кланом Симадзу.

После победы над западной коалицией Иэясу сосредоточился на урегулировании отношений с бывшими противниками и перераспределении их земель в пользу союзников. Это была огромная работа, не оставлявшая возможности заниматься делами семьи. В декабре 1600 года Иэясу исполнилось пятьдесят восемь лет, и ему давно следовало назвать своего преемника. Реально приходилось выбирать между вторым сыном Хидэясу (1574–1607) и третьим Хидэтада. Двадцатипятилетний Хидэясу был храбр, решителен и хорош в военном деле, но с раннего детства воспитывался в чужих домах и был мало связан с родной семьёй. К тому же имел трудный характер и иногда позволял себе спорить с отцом. Хидэтада был младше брата на пять лет и не выделялся никакими воинскими достоинствами, но зато был дисциплинирован, исполнительен и предсказуем, беспрекословно слушался и очень уважал отца. Взвесив все «за» и «против», Иэясу решил, что удержание завоёванной власти скорее потребует личных качеств Хидэтада, и объявил его своим преемником, несмотря на последний провал. В феврале 1603 года он получил сёгунское звание и очень быстро, уже через два года, передал его Хидэтада, сделав сына сёгуном во втором поколении.

Воинская инаугурация состоялась в столичном замке Фусими 16 апреля 1605 года. В отличие от отца Хидэтада при назначении не получил исторически значимых придворных званий *Гэндзи тёдзя* (Старейшина рода Минамото) и *Сёгакуин бэтто* (Блюститель Сёгакуин*), которые в прежние времена присваивались император-

* *Сёгакуин* — домашняя школа придворного клана Аривару в эпоху Нара.

ским указом в комплекте с титулом сёгуна. Выйдя в формальную отставку и поселившись в Сумпу, Иэясу сохранил в своих руках все рычаги власти, поэтому с 1605 по 1616 год Хидэтада оставался номинальным правителем, хотя отец следил за тем, чтобы провинциальные *даймё* воздавали ему все положенные по рангу почести. Регулярной воинской службы в то время ещё не существовало.

На посту сёгуна Хидэтада контролировал городское строительство Эдо, ездил на охоту, принимал гостей и сам наносил визиты, устраивал званые ужины. В дневниках иностранцев, живших в то время в Японии, Иэясу именовался «фактическим правителем», Тоётоми Хидэёри — «законным правителем», а Хидэтада — «правителем Эдо». О том, что в период двоевластия Хидэтада не воспринимался как хозяин страны, свидетельствует и практика подготовки документов. Распоряжения Хидэтада, адресованные провинциальным *даймё*, составлялись в традиционной форме, характерной для эпохи междоусобных войн, когда обращаться напрямую к старшему или вышестоящему было не положено. Старейшина одного военачальника обычно писал письмо от имени своего господина другому старейшине, а тот передавал послание своему начальнику. Так же поступал и Хидэтада: письма старейшинам провинциальных кланов от его имени рассылал советник *бакуфу* Хонда Масанобу. Официальные приёмы посольств из Кореи и Рюкю проходили в замке Эдо, но по пути иностранные гости обязательно заезжали в Сумпу и сначала отдавали дань уважения старшему Токугава.

В декабре 1614 года и мае 1615 года сёгунат предпринял два военных похода на замок Осака, где жил наследник Тоётоми Хидэёси. В обоих случаях боевыми действиями единолично руководил Иэясу, хотя формально главнокомандующим числился Хидэтада.

Болезнь Иэясу впервые дала о себе знать в конце января 1616 года. Узнав об этом, Хидэтада немедленно прибыл

в Сумпу и в течение следующих двух с половиной месяцев находился рядом с больным отцом. Перед смертью Иэясу оставил ему исчерпывающие инструкции, суть которых сводилась к тому, что главную опасность представляют крупные воинские кланы на западе страны, проигравшие битву на равнине Сэкигахара и лишившиеся своих доходов. Но и остальных *даймё* следует жёстко контролировать и не давать никаких послаблений. Неукоснительное соблюдение кодекса *Букэ сёхатто*, регулярная воинская служба и постоянное проживание семей провинциальных *даймё* в Эдо в качестве заложников должны были защитить молодую династию от покушений.

Правление

Второй сёгун Хидэтада фактически находился у власти шестнадцать лет, с апреля 1616 года по январь 1632 года. Свою единственную задачу он видел в том, чтобы выполнить наставления отца и сохранить всё, что он завоевал. Годы его правления были чрезвычайно опасными для династии — со смертью Иэясу верховная власть перешла от харизматичного и опытного полководца, прошедшего через горнило междоусобных войн, к его сыну, не имевшему боевых заслуг и не выделявшемуся никакими особыми талантами.

Тем не менее исполнительный Хидэтада справился со своей задачей, без колебаний прибегая к власти и решительно наказывая провинциальных военачальников за малейшие нарушения правил, введённых его отцом. Первой жертвой второго сёгуна стал его младший брат Тاداتэру (1592–1683), шестой сын Токугава Иэясу. Перед смертью отец предупредил его, что Тاداتэру представляет для него наибольшую опасность: богат, честолюбив, своенравен, исповедует запрещённое христианство и состоит

Мацудайра Тадатэру

в родстве с таким же богатым и влиятельным Датэ Масамунэ, поэтому вокруг него может легко сложиться заговор. В 1603 году отец сам наделил Тадатэру обширными земельными владениями в провинции Этиго с доходом в семьсот пятьдесят тысяч кокуриса, сделав его одним из богатейших людей страны. Однако впоследствии

его отношение к сыну стало меняться, а после того как во время летней кампании в Осака он фактически устранился от участия в боевых действиях, отец вычеркнул его из своей жизни. Иэясу оставил сыновьям в наследство миллион рё золотом; трём старшим (Хидэтада, Ёсинао и Ёринобу) досталось по триста тысяч, а двенадцатилетнему Ёрифуса — сто. Тадатэру же не получил ничего. Четверо сыновей Иэясу находились рядом с отцом до последней минуты, а опального шестого сына он не пожелал видеть.

Через два с половиной месяца после смерти отца Хидэтада выполнил его завещание. Шестого июля 1616 года Мацудайра Тадатэру (Иэясу не позволил ему взять фамилию Токугава) был лишён земельных владений и сослан в провинцию Исэ под надзор одного из местных военачальников. Позднее ему было разрешено переехать к своему тестю Датэ Масамунэ. Нелюбимый сын Иэясу прожил необычную жизнь: он провёл в ссылке шестьдесят семь лет и умер на девяносто втором году, став одним из самых известных долгожителей XVII века. Тадатэру пережил не только своего старшего брата Хидэтада, но и его сына, третьего сёгуна Иэмицу, и даже внука, четвёртого сёгуна Иэцуна. Последние одиннадцать лет он жил уже при пя-

Распределение земель и доходов в 1616 году

Источник: Токугава сёгункэ = Семейные дома Токугава. Синдзимбуцу орайся, 2009, с. 13.

том сёгуне Цунаёси, своём внучатом племяннике. Однако не был прощён ни одним из четырёх сёгунов и до последнего дня оставался в опале.

Следующее громкое дело разразилось три года спустя. Летом 1619 года на Хиросиму обрушился мощный тайфун, разрушивший замок Фукусима Масанори (1561–1624), одного из главных героев победы на Сэкигахара с годовым доходом в пятьсот тысяч коку риса. Правда, после 1600 года его отношения с сёгуном складывались не лучшим образом; к 1614 году пятидесятирехлетний Фукусима вышел на первое место в ряду военачальни-

ков, сохранивших преданность сыну Тоётоми Хидэёси, и по этой причине утратил доверие Иэясу. Во время обеих военных кампаний в Осака он был отстранён от участия и находился фактически под домашним арестом в своей городской усадьбе. В отличие от отца старший сын Фукусима воевал на стороне Токугава, но два других его родственника защищали Тоётоми Хидэёри. Сложные отношения клана Фукусима с *бакуфу* и в дальнейшем подпитывались слухами о его ненадёжности и контактах со скрытыми противниками Токугава.

Соблюдая запрет на самовольное строительство и ремонт укреплений, Фукусима Масанори в августе 1619 года отправил в Эдо соответствующий запрос, но по неизвестным причинам он остался без ответа, и, прождав два месяца, *даймё* распорядился начать ремонт замка, ибо жить в разрушенной Главной усадьбе было невозможно. Бдительные соседи из клана Мори немедленно доложили правительству о нарушении, и Фукусима получил приказ устранить результаты ремонта и вернуть замок в прежнее состояние. Скрепя сердце он выполнил абсурдное распоряжение, но не до конца, и во время очередной службы в Эдо объяснил советникам *бакуфу* ситуацию и принёс извинения за вынужденное нарушение устава. Однако Хидэтада, помня наказ отца, решил не давать послаблений и примерно наказать ослушника.

В 1623 году вышел его указ о применении к одному из богатейших военачальников страны административной меры под названием *кайэки*. В эпоху Нара так называлось должностное перемещение чиновника. В Средние века содержание термина изменилось и стало означать прекращение вассалитета по решению вышестоящего. В результате *кайэки* вассал лишался всего, что получил от своего господина, и становился *ронином*, самураем без места службы, земли и собственности. Эту участь разделяли и его собственные вассалы.

Решением сёгуна Фукусима Масанори был лишён своих владений в двух провинциях (Аки и Бинго) и переведён в восточную часть страны, его доход при этом сократился более чем в десять раз — с пяти-сот до сорока пяти тысяч *коку* риса. Это означало, что армия безработных самураев увеличилась на несколько тысяч человек. Разжалованный Масанори уступил свой пост главы семьи сыну Тадакацу

Фукусима Масанори

и ушёл в монастырь, где через год умер. Его земли были переданы более надёжным вассалам Токугава, что несколько упрочило позиции *бакуфу* в западной части страны.

Годом раньше такая же судьба постигла ещё одного крупного землевладельца, Могами Ёситоси (1605–1632). Во времена его отца Ёсиаки семья Могами сумела без потерь сменить вассалитет Хидэёси на службу Токугава и сохранить крупный доход в пятьсот семьдесят тысяч *коку* риса. После скоропостижной смерти главы дома в 1614 году его место занял девятилетний сын Ёситоси, но реально всем управлял его дядя Ёситада. Когда юный наследник повзрослел и предъявил свои права, то выяснилось, что большинство старейшин не желают смены власти в семье и поддерживают Ёситада; Ёситоси обвинил дядю в отравлении своего отца и объявил ему войну. Клан раскололся на два лагеря, пришлось вмешаться *бакуфу*. После расследования обвинение в отравлении было признано несостоятельным, а обе стороны — в равной сте-

пени виновными в конфликте. Восемнадцатого августа 1622 года сёгун Хидэтада лишил семейный клан Могами всех владений и перевёл семнадцатилетнего Ёситоси в провинцию Оми, сохранив ему минимальный для *даймё* годовой доход в десять тысяч *коку* риса. Суровость наказания не в последнюю очередь объяснялась сменой поколений в обеих семьях — если отцов Хидэтада и Ёситоси связывали личные отношения, сложившиеся в ходе совместных боевых действий, то их дети были от них свободны и ничем друг другу не обязаны.

В том же 1622 году произошло ещё одно громкое разжалование — на этот раз в самом *бакуфу*. Токугава Иэясу перед смертью завещал Хидэтада поощрить своего ближайшего помощника Хонда Масадзуми (1565–1637) увеличением дохода с тридцати до пятидесяти трёх тысяч *коку* риса, что сразу выделило его среди чиновников, для которых потолок дохода был установлен в тридцать тысяч *коку*. После смерти Иэясу пятидесятилетний Масадзуми переехал из Сумпу в Эдо и занял должность советника (*то-сиёри*, впоследствии *родзю*). Благодаря близости к основателю династии, большому опыту и возрастному старшинству он быстро взял работу правительства под контроль, что вызвало недовольство в более молодом окружении сёгуна. В августе 1622 года Хонда получил часть конфискованных у Могами земель и стал обладателем невероятного для чиновника дохода в сто пятьдесят пять тысяч *коку*, что сделало его объектом ещё большей зависти и недоброжелательства. Выехав в свои владения, Хонда начал обустриваться на новом месте. Отправленные присматривать за ним соглядатаи быстро доложили сёгуну, что чиновник закупает рис и оружие, перестраивает и укрепляет замок Ямагата и т. д. На этом основании пятидесятилетний Хонда Масадзуми, так же как Фукусима Масанори, был обвинён в нарушении воинского кодекса и лишён двух третей недавно полученного дохода. Посчитав наказа-

ние несправедливым, он отказался его выполнять, был обвинён в неподчинении и сослан в удалённую северо-восточную провинцию Дэва с символическим доходом в тысячу *коку* риса. Так с помощью сфабрикованных обвинений Хидэтада избавился от влиятельного соратника отца и расчистил поле для своего сына Иэмицу, которому планировал передать власть в ближайшее время.

Следующей жертвой административных репрессий стал Мацудайра Таданао (1595–1650), родной племянник Хидэтада и старший внук Токугава Иэясу. В 1623 году благодаря доходу в шестьсот семьдесят тысяч *коку* Таданао был самым богатым после сёгуна членом правящей семьи, поскольку в 1607 году унаследовал состояние своего отца Хидэясу, старшего сына основателя династии. Двадцатилетний Таданао отлично действовал во время летнего сражения в Осака и стал одним из главных его героев, но в силу малочисленности доставшихся Иэясу трофеев не получил достойного вознаграждения. Это стало первой трещиной в отношениях с родственниками. В 1621 году Таданао сказался больным и не прибыл на службу в Эдо, назначив командовать своими людьми шестилетнего сына, что было расценено как отказ от службы. Вскоре в *бакуфу* стали поступать донесения о странностях в поведении Таданао: он много пил, буянил, время от времени неадекватно себя вёл, а 8 октября 1622 года взял в руки меч и потребовал привести к нему жену и дочь, чтобы убить обеих. Двух служанок, присланных женой узнать, в чём дело, он, согласно донесению, зарубил на месте. Перепуганные домочадцы заперли хозяйна в его комнате и сообщили обо всём в Эдо. Таданао был женат на младшей сестре Хидэтада, поэтому сёгуну сразу же доложили об инциденте. Опросив прислугу и членов семьи Таданао, в *бакуфу* пришли к заключению, что он страдает психическим расстройством и оставлять его во главе огромного хозяйства невозможно. Двадцать второго

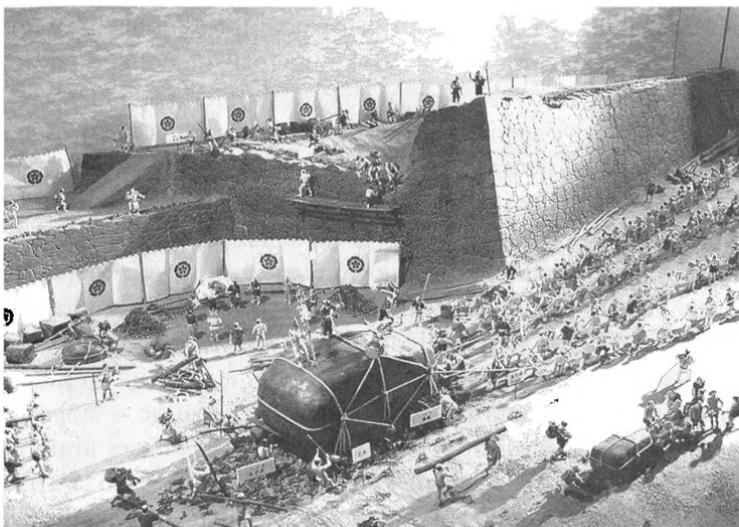

Мацудайра Таданао

февраля 1623 года Таданао был лишён статуса *даймё* и сослан под домашний арест в провинцию Бинго на острове Кюсю. Поначалу он возмутился и заявил, что будет сопротивляться, но в итоге поддался уговорам матери и подчинился. Остаток жизни он провёл в удалённых провинциях, имея небольшой для своего ранга доход в пять тысяч *коку* риса, и умер в 1650 году в возрасте пятидесяти пяти лет. После изгнания

Таданао главой семьи был назначен его малолетний сын Такэтиё. Японские историки склоняются к мысли, что Мацудайра Таданао действительно мог страдать депрессивным расстройством, возможно, усиленным недооценкой его боевых заслуг и последующей удалённостью от власти (Синода, 2005).

Всего за годы правления второго сёгуна земельных владений лишились тридцать девять воинских кланов; это больше, чем при Иэясу, если не считать глобального передела земель после Сэкигахара. Хидэтада руководил работой *бакуфу* более коллегиально, чем его отец, — все важные решения он обсуждал с советниками. Во многом это объяснялось личными качествами и отсутствием того опыта, которым обладал Иэясу. Пока был жив отец, Хидэтада во всём полагался на него, а после его смерти продолжал советоваться со своим ближайшим окружением. В нём выделялись Дои Тосикацу, Андо Сигэнобу и Сакаи Тадаё. К советникам второго уровня принадлежали Найто Киёцугу, Иноуэ Масанари, Аояма Тадатоси, Нагаи Наомаса. В течение первых семи лет Хидэтада удалил из правительства всех, кто работал с его отцом, завершив, таким образом, процесс смены поколений.

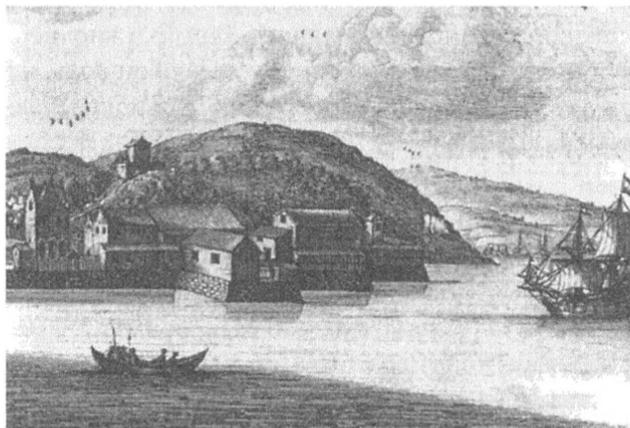
Трудовая мобилизация. На строительстве замка

Серьёзным испытанием для авторитета второго сёгуна стала всеобщая трудовая повинность 1620 года, объявленная с целью восстановления замка Осака, разрушенного боями четыре года назад. Такие повинности тяжёлым грузом ложились на провинциальных *даймё* и вполне могли спровоцировать неповиновение, но всё обошлось, и через девять лет после начала работ замок был полностью восстановлен.

Борьба с христианством и внешние связи

Продолжая политику отца по искоренению христианства, Хидэтада сократил объём внешнеторговых контактов. Для захода иностранных судов были оставлены лишь два порта на острове Кюсю — Хирадо

и Нагасаки. Это обострило конкуренцию и привело к новым столкновениям между европейскими соперниками, Испанией и Португалией с одной стороны и Голландией и Англией — с другой. В 1619 году голландцы и англичане создали совместную флотилию для защиты своих судов и торговых представительств в Хирадо, однако охранники не только защищали, но и нападали, причём на всех подряд — на европейские, китайские, японские торговые суда. Пиратство снова стало набирать силу. Наместники портовых городов сообщали в Эдо, что европейцы вывозят из Японии оружие, порох и рабов, а в экипажи нанимают японцев и приобщают их к контрабанде и морскому разбою. Опасаясь, что такая торговля может втянуть страну в международный конфликт, *бакуфу* в 1621 году издало указ о запрете всех перечисленных действий. Он сильно ограничил торговую деятельность и снизил её прибыльность. В 1623 году англичане закрыли своё представительство и ушли из Японии, а Голландия открыла новую факторию на Тайване и переориентировалась на торговлю китайским шёлком и серебром, продолжая

Голландское торговое представительство в Хирадо

Казнь на костре

в то же время бороться с португальскими конкурентами. В 1622 году дело дошло до вооружённого нападения на их базу в Макао.

При Хидэтада гонения на христиан продолжали расширяться и распространились с миссионеров на рядовых японцев. В Нагасаки один из домовладельцев был казнён только за то, что сдал комнату европейскому проповеднику, а в 1619 году в Киото на кострах были сожжены пятьдесят два японских христианина. Сообщение о массовой казни *бакуфу* разослало по всей стране.

В 1620 году англо-голландская флотилия задержала возле Тайваня японское торговое судно, на котором в Японию под видом торговцев плыли два испанских проповедника. Доложив в *бакуфу* о задержании лазутчиков испанского короля, планирующего захват Японии, голландцы попросили наградить их торговыми преференциями и усилить гонения на португальцев и испанцев. Арестованные миссионеры под пытками во всём сознались и были казнены вместе с хозяином судна Хираяма

Дзётин и двенадцатью членами экипажа. Этот случай, известный как «инцидент Хираяма Дзётин», породил новую волну преследований христиан, в результате которой ещё пятьдесят пять приверженцев европейской религии были казнены в Нагасаки и пятьдесят — в Эдо.

В 1623 году *бакуфу* запретило португальцам постоянное проживание в Японии, а японцам — выезд в Манилу, ближайший рассадник запрещённого христианства. В следующем году испанский губернатор Филиппин прибыл в Нагасаки и попросил аудиенции у сёгуна, но получил отказ и был выслан, после чего торговля с Испанией полностью прекратилась.

С голландцами тоже не всё обстояло благополучно. Открытие их представительства на Тайване привело к обострению конкуренции с японскими торговцами и вооружённым столкновениям. В 1628 году голландское представительство в Хирадо было закрыто и возобновило свою деятельность лишь через четыре года. Давление на европейских торговцев привело к увеличению в японских портах числа китайских судов, хотя Япония и Китай по-прежнему не имели официальных отношений.

Таким образом, к концу правления Хидэтада процесс свёртывания торговых связей с католическими европейскими странами завершился, а при его сыне Иэмицу Япония окончательно закрылась от внешнего мира.

* * *

Подготовка наследника в семье второго сёгуна началась ещё при Токугава Иэясу. В 1611 году семилетний старший сын, по традиции названный детским именем Такэтиё, был объявлен преемником; в декабре 1617 года он прошёл обряд совершеннолетия и получил взрослое имя Иэмицу. В июле 1623 года Хидэтада вместе с ним

и его младшим братом Таданага прибыл в императорскую столицу в сопровождении огромного войска, и двадцать седьмого числа в замке Фусими состоялась торжественная церемония, на которой девятнадцатилетний Иэмицу был провозглашён третьим сёгуном Токугава. По примеру отца Хидэтада обезопасил династию законным наследником, но сохранил за собой всю полноту власти и, так же как Иэясу, принял титул отставного правителя *огосё**.

В отношениях с императорским домом второй сёгун также продолжил линию отца на сближение. В соответствии с договорённостью между Иэясу и императором Гомидзуноо дочь первого сёгуна Кадзуко в 1620 году стала одной из его жён и через четыре года родила девочку, впоследствии ставшую императрицей Мэйсё (1624–1696), первой за восемь веков женщиной на японском троне. В том же 1624 году Иэмицу уже в ранге действующего сёгуна женился на дочери бывшего императорского регента Такацукаса Нобуфуса. Породнившись с императором и одной из самых именитых аристократических семей столицы, Хидэтада заложил ещё одну долгосрочную традицию — все последующие сёгуны Токугава, кроме одиннадцатого Изнари, брали в жёны девушек из императорского дома или семей аристократов первой категории (*сэккан*)**.

Материальное обеспечение императорского дома и аристократии при Хидэтада оставалось на том же уровне, что при его отце. Первые десять лет отношения между

* Исторически — название той части дворца, где жил отец действующего императора.

** Начиная с эпохи Нара при дворе выделялись пять аристократических семей первой категории (*сэккан*, потомки Фудзивара) и семь домов второй категории (*сэйга*), имевших приоритет при назначении на высшие придворные должности.

Эдо и Киото складывались более или менее благополучно, главным образом по причине занятости правительства своими внутренними делами. За тем, как выполняются предписания Токугава Иэясу для императорского двора, никто особенно не следил, поэтому многое в Киото делалось по старинке. Первый серьёзный конфликт, известный как «инцидент с фиолетовыми мантиями» (*сиэ дзикэн*), произошёл в 1627 году. Его суть заключалась в том, что император Гомидзуноо последние двенадцать лет самостоятельно, без согласования с *бакуфу*, присваивал буддийским священникам высшие духовные звания и право носить мантии фиолетового цвета. Это было нарушением указа от 1615 года. Правительство потребовало от императора отменить все сделанные за эти годы назначения и изъять у духовенства пожалованные мантии. Гомидзуноо счёл себя оскорблённым и заявил, что в знак протеста намерен уйти в отставку; его письменно поддержали трое обладателей фиолетовых мантий. Через два года император выполнил своё обещание и оставил трон, а протестовавшие священнослужители были лишены своих званий и отправлены в ссылку. Она продолжалась три года и была отменена в связи с амнистией по случаю смерти Хидэтада в январе 1632 года. Вернувшимся в Киото священнослужителям были возвращены все прежние регалии, но полномочия императорского двора в вопросах назначения на высшие духовные должности остались за военным правительством.

Семейные отношения и личные качества

Второй сёгун Токугава вступил в брак в 1595 году в шестнадцатилетнем возрасте. Его женой стала приёмная дочь Тоётоми Хидэёси, родная племянница Ода Нобунага

по имени Го* (1573–1626). Невеста была на шесть лет старше жениха, выходила замуж в третий раз и имела трёх детей от предыдущих браков. В качестве хозяйки замка Эдо она родила ещё пятерых дочерей и троих сыновей, один из которых умер в раннем детстве. Как и её старшая сестра Ёдо, Го обладала сильным характером и в семейных делах имела право решающего голоса. Конкуренции со стороны других женщин она не терпела, поэтому при её жизни внебрачные связи Хидэтада не имели официального признания. Из сыновей Хидэтада, рождённых вне брака, до взрослого возраста дожил лишь один — Хосина Масаюки (1611–1672). Узнав о беременности его матери, Го потребовала её прервать, но женщина отказалась, бежала из замка и родила сына в одном из храмов. Следующие пятнадцать лет ни жена сёгуна, ни он сам не признавали мальчика и не встречались с ним. Ситуация изменилась только в 1626 году после смерти Го — внебрачный ребёнок получил официальный статус сына Хидэтада, а его мать Сидзу была объявлена гражданской женой (наложницей) сёгуна. Этот эпизод наглядно показывает характер отношений между супругами: во внешнем мире Хидэтада держался солидно и серьёзно, как требовало его положение, но в семейных делах следовал воле жены. Хорошие отношения он поддерживал и с другими родственниками; став сёгуном, продолжал регулярно навещать больного старшего брата Хидэясу вплоть до его смерти в 1607 году. С тремя младшими братьями он тоже хорошо ладил.

Жена Хидэтада в 1604 году родила ему первого сына Такэтиё, а два года спустя — второго Кунимацу. В семилетнем возрасте старший брат был объявлен преемником отца, однако мать его недолюбливала — Такэтиё рос замкнутым, необщительным, часто болел и производил впечатление тугодума, в то время как младший Кунимацу ра-

* Известна также под именами Ого, Эё, Эё но ката.

Го, жена Хидэтада

давал родителей быстрым умом, добрым и открытым нравом. Отчасти под влиянием жены, отчасти из-за действительно очевидной разницы в характерах сыновей Хидэтада тоже начал подумывать о том, чтобы сделать преемником младшего Кунимацу. Узнав о его колебаниях, Иэясу поставил в них точку, заявив, что традиции

нарушать нельзя, поэтому преемником будет старший сын. Супругам пришлось подчиниться.

Второй сёгун продолжал руководить *бакуфу* и после того, как передал свой пост старшему сыну. От отца он унаследовал крепкое здоровье и крупное телосложение, имел рост сто пятьдесят девять сантиметров, самый высокий среди всех сёгунов Токугава. В течение всей жизни он редко болел, но весной 1631 года начал жаловаться на боли в желудке. После назначенного лечения они прошли, но в июле появились снова, и правительство впервые сообщило о болезни *огосё*. Все находившиеся на службе в столице *даймё* посетили замок с пожеланиями скорейшего выздоровления, а в главных храмах страны прошли молебны во здравие правителя. Осенью состояние Хидэтада продолжало медленно ухудшаться — он потерял аппетит, похудел и очень ослаб. Лекарства уже не приносили облегчения, и новогодний ритуал 1632 года прошёл без него. В середине января Хидэтада перестал принимать лекарства и двадцать четвёртого числа скончался на пятьдесят третьем году жизни. Как и в случае с его отцом, наиболее вероятной причиной смерти считается рак желудка. Через три дня второй сёгун Токугава был похоронен в храме

Дзодзё, а через сорок девять дней в нём прошла поминальная служба в присутствии сёгуна Иэмицу и трёх младших братьев Хидэтада.

О личных качествах второго сёгуна сохранилось мало сведений. В центре внимания он оказался в двадцать шесть лет, когда сменил отца на посту главы сёгуната, а до этого времени оставался всего лишь одним

Хидэтада

из его сыновей, не дававшим поводов для упоминания в хрониках. Восстанавливая черты характера Хидэтада по скудным записям, историки отмечают его уравновешенность, сдержанность в проявлении чувств, уважительность по отношению к старшим, в особенности к отцу, дисциплинированность, исполнительность, неконфликтность, развитое чувство долга. Даже среди членов правительства Хидэтада выделялся почтительным отношением к традициям, уважением формальных процедур и строгим соблюдением правил.

Специфика его положения заключалась в том, что впервые сёгуну без военного опыта и боевых заслуг пришлось иметь дело с элитой воинского сословия, которая ещё не забыла боевые времена и традиции. Даже в семейной хронике Токугава лидерские качества второго сёгуна оцениваются не очень высоко. В записях храма Тайтоку есть упоминание о том, что во время болезни Хидэтада часто беседовал с буддийским священником Тэнкай и признавался ему, что осознаёт свою ординарность и отсутствие великих свершений (*Тайтокуиндэн годзикки*).

Третий сёгун Иэмицу

(1604–1651, годы правления 1623–1651)

Путь к власти

Старший сын второго сёгуна Хидэтада и его жены Го родился 17 июля 1604 года, через девять лет после заключения брака. Для родителей он был пятым по счёту ребёнком — до этого у них рождались только дочери. Мальчика нарекли детским именем Такэтиё, таким же, какое было у его деда Иэясу. Двумя годами позже у него появился младший брат Кунимацу.

Старший сын рос молчаливым и замкнутым, сторонился людей, плохо говорил и немного заикался. Он часто

болел, его мысли и чувства оставались загадкой для окружающих. Тем не менее в семь лет он по праву старшинства был объявлен преемником отца. По мере взросления сыновей разница между ними становилась всё ощутимее: Кунимацу — полная противоположность старшему брату — рос здоровым, общительным и смышлённым ребёнком. Мать очень любила младшего сына и считала, что именно он должен стать преемником, постоянно говорила об этом мужу. Во всём соглашавшийся с женой Хидэтада предпочитал вслух эту тему не обсуждать, но тоже явно благоволил Кунимацу. Разное отношение родителей к сыновьям было очевидным для всех в замке Эдо.

По мере приближения совершеннолетия Такэтиё во круг братьев сложилась атмосфера тревожной неопределённости, о которой стало известно и за пределами замка. Сыновья сёгуна получали от провинциальных *даймё* равноценные подарки и одинаковые знаки внимания, а симпатия родителей к Кунимацу способствовала изменению отношения к нему со стороны воспитателей и прислуги.

В 1611 году у Хидэтада родился единственный внебрачный сын (будущий Хосина Масаюки) от наложницы по имени Сидзу. Сильная по характеру и очень ревнивая жена сёгуна, единолично распоряжавшаяся на женской половине замка, узнала о беременности и добилась изгнания женщины. Вскоре после рождения мальчик был отдан на воспитание в семью Хосина и всю жизнь носил эту фамилию. В течение пятнадцати лет рождение внебрачного сына Хидэтада держалось в тайне, равно как и его родство со вторым сёгуном. Го до самой смерти не признавала его существования и отказывалась его видеть, так же вынужден был поступать и Хидэтада. Признание Хосина Масаюки и его приём в семью стали возможны лишь после смерти Го в 1626 году.

Старшего сына Такэтиё с рождения воспитывала кормилица по имени Фуку (1579–1643), дочь известно-

го военачальника Сайто Тосимицу (1534–1582), ближайшего соратника Акэти Мицухидэ (1528–1582). Убив Ода Нобунага и его старшего сына, они оба через одиннадцать дней погибли в сражении с Хидэёси. Женщина, выкормившая и воспитавшая Такэтиё, стала для него самым близким человеком. Вокруг будущей судьбы братьев завязалось соперничество двух женщин — жена Го во всём поддерживала младшего Кунимацу, а кормилица Фуку всеми силами отстаивала интересы Такэтиё. Отношения воспитанника и кормилицы были настолько тёплыми, что породили в городе слухи о том, что она и есть его биологическая мать.

В 1615 году перед обрядом совершеннолетия Такэтиё Фуку взяла отпуск, чтобы совершить паломничество в храм Исэ, и по дороге заехала в Сумпу, где рассказала Токугава Иэясу о ситуации в семье Хидэтада и возможной смене наследника. В октябре того же года он после охоты заехал в Эдо и во время торжественной встречи сел на главное место, посадив рядом с собой старшего внука. А когда Кунимацу хотел расположиться рядом с братом, резко его осадил, заявив, что он младший и потому сидеть здесь не должен (*Токугава дзикки*). Хидэтада воспринял слова отца как приказ и в дальнейшем неукоснительно ему следовал. В «Молитвослове храма Тосё о Великом Иэясу» (*Тосё дайгонгэн норито*) кормилица старшего сына впоследствии писала: «Матушка Го и отец Хидэтада не любили Такэтиё и плохо к нему относились. Узнав от меня об этом, *огосё* Иэясу выказал намерение забрать Такэтиё к себе в Сумпу и воспитывать как родного сына, а затем назначить его сёгуном» (Токугава Иэмицу, 2000). В тот же приезд Иэясу назначил старшему внуку личных опекунов, потомственных вассалов Сакаи Тадаё, Дои Тосикацу и Аояма Тадатоси с заданием подготовить мальчика к правлению.

В подростковом возрасте в поведении будущего третьего сёгуна появились некоторые особенности. Юноша

сильно увлёкся сценическими танцами, стал странно одеваться и причёсываться, часто сидел перед зеркалами, рассматривая себя спереди и сзади, наносил на лицо косметику и т. д. Наставники как могли с этим боролись, особенно строго воспитывал юношу Аояма Тадатоси. Он не раз уговаривал Такэтиё взять себя в руки, отказаться от нездоровых привычек и вести себя, как подобает будущему сёгуну. Однажды, снова застав его перед зеркалами, поставленными друг против друга, Аояма не выдержал и в сердцах выбросил их во внутренний двор. Его воспитание не прошло бесследно: став сёгуном в девятнадцать лет, Иэмицу одним из первых распоряжений выгнал наставника из замка и сократил ему доход с сорока пяти до двадцати тысяч коку риса. Ещё через два года Аояма был лишён статуса главы дома и отправлен под домашний арест в провинцию Симоса. После смерти Хидэтада он просил Иэмицу о помиловании, но получил отказ. Последние двадцать лет жизни наставник третьего сёгуна провёл в опале и умер под домашним арестом в 1643 году. Однако его сына Иэмицу помиловал и возвратил ему доход в двадцать семь тысяч коку риса. А в конце жизни и вообще пересмотрел своё отношение к наставнику, присвоив его старшему сыну Мунэтоси ранг *даймё*. Это произошло в январе 1648 года. В семейной хронике Аояма есть запись о том, что Иэмицу признался Мунэтоси в своей ошибке. «Тадатоси был прав, когда меня воспитывал, но я был молод и заблуждался. Теперь жалею, что несправедливо наказал человека» (Хаяси, 1974).

Обряд совершеннолетия Такэтиё должен был состояться весной 1616 года, когда ему исполнилось двенадцать лет, но из-за смерти Иэясу церемонию отложили и провели её с большим опозданием, в сентябре 1620 года. Шестнадцатилетнему наследнику дали взрослое имя Иэмицу и присвоили соответствовавший его статусу придворный ранг. Вместе с братом прошёл посвящение и че-

тырнадцатилетний Кунимацу, получивший взрослое имя Таданага. Через три года Хидэтада вместе со старшим сыном и свитой в сто тысяч человек отправился в Киото и объявил, что выходит в отставку и уступает свой пост Иэмицу. Его пожелания были закреплены соответствующими императорскими указами и немедленно вступили в силу. По примеру отца Хидэтада взял себе титул *огосё* и поселился в Западной усадьбе замка Эдо, однако, так же как он, сохранил за собой все рычаги власти. Младшего сына он тоже не обидел, передав ему две провинции и замок Сумпу, где семь лет назад жил его великий дед Иэясу.

Таким образом, путь Иэмицу к власти был прямым и довольно гладким. За исключением небольшого периода неопределённости в детстве, его будущее с самого начала выглядело ясным и предсказуемым, в отличие от судеб его отца и деда.

В июне 1626 года Хидэтада ещё раз посетил столицу, на этот раз взяв с собой обоих сыновей. Как и в прошлый раз, в сопровождении огромного войска. Официальной

Обряд совершеннолетия и первое бритьё головы

целью визита была объявлена встреча с дочерью Кадзуко, ставшей женой императора Гомидзуноо. На торжественной церемонии во дворце отец и сыновья получили очередные повышения в придворных рангах и пожертвовали императорскому дому двести тысяч *рё* золотом.

Через пять дней после церемонии из Эдо прибыл го-нец с сообщением о том, что тяжело заболела Го. Муж и сыновья отреагировали по-разному: Хидэтада, не успевший закончить все дела, решил остаться в Киото ещё на несколько дней, Иэмицу отправил в Эдо гонца, чтобы уточнить состояние матери, а младший брат Таданага сразу выехал к ней. Он очень спешил и даже бросил в пути пешую свиту. В Эдо он примчался верхом в сопровождении двух адъютантов, но всё равно не успел: мать умерла за несколько часов до его приезда. Узнав об этом, Иэмицу остался с отцом в Киото до конца. Они вернулись лишь через месяц и не присутствовали на похоронах хозяйки женской половины замка.

Пока был жив отец, Иэмицу не вмешивался в дела *бакуфу*, но его симпатии и антипатии в ближнем круге были для всех очевидны и уже тогда обещали непростые времена. Помимо опалы наставника Аояма ярким примером может служить взлёт Фуку (1579–1643), кормилицы третьего сёгуна. В 1629 году она сумела добиться невозможного для женщины её происхождения — личной аудиенции императора во дворце — и получила аристократический титул *цубонэ*, который присваивался лишь кормилицам наследных принцев. *Бакуфу* пришлось приложить для этого много усилий и организовать удочерение пятидесятилетней любимицы Иэмицу аристократическим домом Сандзё. Через три года Фуку, которую к тому времени все стали почтительно называть Касуга но цубонэ, повторно посетила императорский дворец и получила второй аристократический ранг, став одной из самых титулованных женщин своего времени.

Правление

Иэмицу стал сёгуном в девятнадцать лет, но властные полномочия получил восемь лет спустя, после смерти отца. Как в прежние времена, смена поколений в замке Эдо наполнила город слухами о готовящихся заговорах и активизировала деятельность Службы тайного надзора (*мэцукэ*). Впервые династию возглавил сёгун, ни разу не выходивший на поле боя, в то время как в стране ещё оставались военачальники, воевавшие вместе с его дедом Иэясу, — Датэ Масамунэ, Дои Тосикацу, Маэда Тосицунэ и др. Среди возможных заговорщиков чаще всего упоминались имена одного из руководителей *бакуфу* Дои Тосикацу (1573–1644) и богатого *тодзама даймё* Като Тадахиро (1601–1653) с острова Кюсю. Его четырнадцатилетний сын Като Мицухиро, постоянно живший в Эдо, тоже был в курсе этих слухов.

Правление Иэмицу началось с траура по отцу и посещения поминального храма Токугава Иэясу в Никко. Мероприятие было масштабным — оно долго готовилось, да и сама поездка занимала несколько дней. Пока третий сёгун был в отъезде, сын Като Тадахиро сочинил поддельное письмо, в котором обсуждались детали заговора с целью захвата власти и свержения династии Токугава. В полном соответствии со слухами руководителем заговора в письме был назван Дои Тосикацу. Служба тайного надзора проверила изложенные в письме сведения и доложила Иэмицу, что признаков заговора обнаружить не удалось, а Като Тадахиро, судя по всему, ничего не знает о проделке своего сына и вряд ли имеет к ней отношение. Тем не менее удельному князю было приказано срочно прибыть в Эдо. Высланный навстречу отряд *бакуфу* задержал его на заставе Синагава и передал распоряжение сёгуна поселиться в храме Икэгами и ожидать дальнейших распоряжений.

Двадцать четвёртого мая Иэмицу пригласил в замок самых влиятельных *даймё* Датэ Масамунэ, Маэда Тосицунэ, Симадзу Тадацунэ, Уэсуги Садакацу, Сатакэ Ёсинобу и сообщил им, что готовит указ о наказании Като за нарушение воинского кодекса. Убедившись, что решение не вызовет активного противодействия, Иэмицу через неделю издал указ и разослал его на места. Като Тадахиро был лишён всех земельных владений и отправлен в удалённую северовосточную провинцию Дэва, где ему дали землю с доходом в десять тысяч *коку* риса. С собой ему было разрешено взять не более пятидесяти родственников и вассалов. Следующие двадцать лет опальный *даймё* провёл в изгнании, занимаясь чтением классических трактатов, сочинением стихов и музыки. Его четырнадцатилетний сын Мицухиро тоже был наказан ссылкой в провинцию Хида под надзор одного из вассалов *бакуфу*, где через год умер; по одним сведениям, покончил с собой, по другим — от болезни.

Поддельное письмо сына-подростка о заговоре, конечно, было лишь поводом, а подлинные причины наказания одного из крупнейших *тодзама даймё* достоверно неизвестны и сегодня. Като Тадахиро подозревали в тайных контактах не только с Дои Тосикацу, но и с младшим братом Иэмицу, в котором молодой сёгун видел соперника. Впоследствии ему припомнили все прежние нарушения и недоработки: крестьянские волнения в провинции Хиго, самовольный отъезд жены из Эдо после рождения ребёнка, непредставление заявки на оформление прав наследования и т. п. Все эти дисциплинарные проступки действительно имели место, но они не могли стать основанием для столь сурового наказания. Более вероятной причиной кажется личное недоверие Иэмицу к семейству Като, возможно, кем-то умело подогретое, в совокупности с его желанием с самого начала продемонстрировать «твёрдую руку» и подавить в зародыше любые мысли о неповиновении. Особенно полезно с точки зрения *бакуфу* это было

Като Тадахиро

сделать на острове Кюсю, который перешёл под контроль Тоётоми Хидэёси ещё в 1587 году и долгое время оставался его вотчиной.

Проконтролировать распределение земель дома Като было поручено группе советников *бакуфу* во главе с Инаба Масакацу. Это решение тоже стало прецедентом — до этого ни один чиновник такого ранга не ступал на землю острова Кюсю. Новыми хозяевами владений Като стали верные

правительству семьи Хосокава, Огасавара и Мацудайра, благодаря чему вся восточная часть острова перешла под контроль *бакуфу*.

Таким образом, за первые шесть месяцев правления третий сёгун конфисковал земельные владения у двух из пяти крупнейших провинциальных *даймё* и показал воинской элите, что твёрдо держит власть и готов действовать решительно.

Следующей проблемой для Иэмицу стали отношения с младшим братом Таданага. Благодаря ровному характеру Хидэада его отношения с сыновьями были вполне благополучными: они регулярно встречались на церемониях в замке и ездили друг к другу в гости. На совершеннолетие отец выделил младшему сыну провинцию Каи, а в 1624 году добавил к ней ещё две, Суруга и Тотоми. Обладание седьмой частью всех земель семьи Токугава с годовым доходом в пятьсот пятьдесят тысяч *коку* риса сделало Таданага одним из богатейших *даймё*, а тот факт, что он поселился в Сумпу, откуда его дед Иэясу девять лет

правил страной, указывал на особое положение младшего брата сёгуна в системе власти. После того как в 1626 году Таданага получил придворный ранг Старшего советника (*дайнагон*), его стали почтительно именовать «*дайнагон* из Сумпу». Его замок располагался на главном тракте между двумя столицами, поэтому удельные князья по пути на службу и обратно не могли проехать мимо. Многие здесь задерживались и гостили по несколько дней. Эти контакты вызывали тревогу и подозрения советников *бакуфу*, видевших в младшем брате конкурента Иэмицу.

Осенью 1630 года Таданага провёл в своих владениях массовую охоту на обезьян, наносивших большой ущерб урожаю. В результате было уничтожено более тысячи двухсот животных. Практическая польза мероприятия не вызывала сомнения, но обезьяны издавна считались в Японии священными животными, поэтому их массовое убийство вселило ужас в суеверных крестьян и вызвало волнения, о которых было доложено в *бакуфу*. Кроме того, если верить семейным хроникам Симадзу и Хосокава, весной 1631 года у двадцатипятилетнего Таданага на почве пьянства помутился рассудок. Его прислуга рассказывала о диких выходках хозяина: напившись, он убил буддийского монаха и одного из своих вассалов, а утром, ничего не помня, вызвал их к себе; в приступе гнева зарубил служанку и велел скормить её тело собакам и т. д. В мае 1631 года уже больной Хидэтада отправил младшего сына под домашний арест в провинцию Каи. Осенью его болезнь обострилась, и Таданага попросил разрешения его проведать, а заодно добиться прощения, но получил отказ.

В январе 1632 года Хидэтада умер, и братья остались один на один. Весной Иэмицу снял домашний арест с младшего брата и разрешил ему вернуться в Сумпу, но осенью того же года обвинил в новых проступках — самовольном строительстве поминального храма для отца, тайных контактах с опальным Като Тадахио и распростране-

нии клеветнических слухов о центральном правительстве. На этом основании земельные владения Таданага были конфискованы, а сам он отправлен под домашний арест в Такасаки под надзор одного из местных военачальников. Действительные причины наказания точно неизвестны. По одной из версий, советник *бакуфу* Дои Тосикацу по согласованию с Иэмицу разослал нескольким неблагонадёжным *даймё* провокационное письмо, в котором писал, что разочаровался в третьем сёгуне и предлагает общими усилиями привести к власти его младшего брата. Адресаты немедленно доложили о письме Иэмицу, а Таданага этого не сделал, что и стало основанием для репрессивного указа. Однако документальных подтверждений эта версия не имеет.

Через одиннадцать месяцев, в сентябре 1633 года, третий сёгун погрузился в состояние, которое сегодня назвали бы приступом депрессии, — он потерял интерес к жизни, никого не хотел видеть и полностью устранился от государственных дел. Болезнь продолжалась более двух месяцев. Советники *бакуфу* держали её в тайне и прилагали все усилия, чтобы вернуть интерес Иэмицу к жизни, но всё было напрасно. О состоянии сёгуна стало известно, и по городу поползли слухи, что если он не поправится, то младший брат может занять его место. Перспектива смены власти не на шутку встревожила ближайших соратников Иэмицу — в этом случае они теряли своё положение. Согласно сохранившимся записям, они не раз обсуждали с сёгуном этот вопрос и советовали ему избавиться от младшего брата, тень которого будет всегда над ним нависать.

Решение об устранении Таданага было принято в ноябре 1633 года, когда Иэмицу почувствовал, что начинает выздоравливать. Отправив в Такасаки вооружённый отряд, он передал младшему брату приказ покончить жизнь самоубийством. Незадолго до этого в письме од-

ному из *даймё* он писал, что «Таданага стал не нужен» (Бито, 1975). Вопрос о том, что делать с младшим братом сёгуна, долго обсуждался с участием советников и кормилицы Иэмицу — всё-таки речь шла о родном внуке Токугава Иэясу и главном претенденте на пост сёгуна, если бы с Иэмицу что-то случилось. Выполнить щекотливое и опасное поручение вызвался Абэ Сигэцугу, верный вассал и ближайший соратник третьего сёгуна. Он заверил его, что всё понимает и готов выполнить волю Иэмицу даже ценой собственной жизни. Действительно, многие *даймё* могли выступить против беспрецедентного решения, и в первую очередь хозяин замка Такасаки, где находился арестованный младший брат. В этом случае порученцу Иэмицу пришлось бы действовать силой. Шестого декабря 1633 года двадцатисемилетний Токугава Таданага умер, однако обстоятельства его смерти неизвестны. Официально считается, что он выполнил приказ старшего брата и покончил жизнь самоубийством.

Слухи об алкогольном психозе и буйном поведении Таданага впоследствии широко распространились и живо обсуждались, но многие историки сомневаются в их достоверности. Записи в семейных хрониках Симадзу и Хосокава были сделаны уже после смерти младшего брата Иэмицу, хотя описываемые в них события произошли как минимум за полтора года до этого. Если они действительно имели место, то почему о них вспомнили так поздно? И не связано ли это с желанием оправдать поступок сёгуна? В то же время нельзя полностью исключать и того, что стремление к власти и её недостижимость вполне могли повлиять на честолюбивого младшего брата и стать причиной психического расстройства.

К концу года болезнь отступила, Иэмицу почувствовал себя лучше и вернулся к обычной жизни. При его активном участии было издано несколько указов, систематизировавших служебные обязанности высших должностных

лиц *бакуфу* и порядок представления документов на утверждение сёгуну. Кроме советников (*родзю*) в штатном расписании появились шесть должностей их заместителей (*рокунинсю*, впоследствии *вакадосиёри*) и начальников магистратов (*бугё*). Помимо всего прочего эти указы провели чёткую линию между новым сёгуном и старшим поколением чиновников, работавших с его отцом. В течение двух лет они были удалены от принятия решений, их места заняли лично преданные Иэмицу вассалы Инаба Масакацу (1597–1634), Найто Тадасигэ (1586–1653), Мацудайра Нобуцуна (1596–1662), Абэ Тадааки (1602–1675), Хотта Масамори (1608–1651), Абэ Сигэцугу (1598–1651), Миура Масацугу (1599–1641), Ота Сукэмуно (1600–1680).

Сэппуку

В декабре того же 1632 года Иэмицу реформировал службу тайного надзора и полностью сменил её руководство. Её главной задачей теперь стало предотвращение заговоров. В январе 1633 года правительство разделило территорию страны на шесть регионов, в каждый из которых выехали по три инспектора с заданием выяснить и доложить, чем живут удельные князья и что происходит в их владениях. Особенно внимательно они проверяли состояние укреплений.

Ближайший резерв и опору трёх первых сёгунов Токугава составляли потомственные вассалы и исторические союзники *хатамото* (букв. «подзнамённые») общей численностью около восьмидесяти тысяч человек. Они в первую очередь назначались на административные должности и получали жалованье непосредственно из казны. Реорганизация этих сил, рост численности и улучшение содержания начались в конце правления Хидэтада и продолжились при Иэмицу. Командирам низших рангов, находившихся в подчинении у *хатамото*, жалованье было повышено с одной до двух тысяч *коку* риса, аналогичные прибавки получили и другие категории самураев.

В феврале 1633 года Иэмицу издал указ о нормах воинской повинности для *даймё* и *хатамото*. В последний раз эти нормы пересматривались весной 1616 года, сразу после смерти Иэясу. Согласно указу, с каждой тысячи *коку* риса (тысяча пятьсот центнеров) землевладельцы должны были выставить в случае мобилизации двадцать три бойца и прислать в арсенал *бакуфу* один лук, одну аркебузу и три копья. По сравнению с 1616 годом норма была заметно снижена.

В июне 1634 года Иэмицу после восьмилетнего перерыва снова отправился в императорскую столицу, теперь уже в качестве фактического правителя. Его сопровождала огромная армия численностью более трёхсот тысяч человек во главе с крупнейшими *даймё*. Это был абсолютный исторический рекорд — таких процессий в Киото

никогда раньше не видели. Вдоль главного тракта соби-
рались толпы крестьян, чтобы посмотреть на грандиозное
шествие, растянувшееся на десятки километров. В отли-
чие от Европы в японских городах не было просторных
площадей, поэтому главные зрелища разворачивались на
дорогах при прохождении по ним крупных процессий.

На дорогу от Эдо до Киото ушло три недели. Один-
надцатого июля Иэмицу вошёл в императорскую столицу
и расположился в Нидзё, семейной резиденции Токугава.
Цель визита состояла в примирении с императором, пять лет
назад ушедшим в отставку в знак протеста против давления
со стороны сёгуната. Трон в тот момент формально зани-
мала десятилетняя дочь императора Кадзуко, племянница
Иэмицу, однако фактически двором правил он сам.

Император Гомидзуноо приветствовал мирную ини-
циативу сёгуна: сразу по прибытии он предложил назна-
чить его на третью по значимости придворную должность
Великого министра (*дайдзэ дайдзин*). Даже Токугава Иэясу
был удостоен такой чести только после смерти, а его внук
мог занять престижную должность уже в тридцатилетнем
возрасте. Зная всё это, Иэмицу отказался, сославшись на
то, что ещё слишком молод. В знак примирения он уве-
личил годовое содержание императора с трёх тысяч *коку*
риса до десяти, что позволило монарху сравняться по
уровню дохода с самыми бедными *даймё*. Решение импе-
ратора пятилетней давности о выходе в отставку и пере-
даче трона малолетней дочери было утверждено прави-
тельством указом и с этого момента вступило в силу.
Иэмицу подтвердил, что намерен неукоснительно следо-
вать требованиям воинского кодекса 1615 года. Таким об-
разом, семилетний кризис в отношениях между сёгуном
и императором, вызванный «инцидентом с фиолетовыми
мантиями», был преодолён.

В конце июля в замке Нидзё состоялись массовые тор-
жества по случаю смены поколений в правящей динас-

тии с участием двух тысяч самых авторитетных горожан (по два человека от каждого квартала). В честь праздника Иэмицу подарил гостям пять тысяч *кан* серебром. Деньги были распределены в тридцать пять тысяч семей, зарегистрированных в тот момент в столице; на каждую получилось по сто сорок одному *моммэ**. Это были неплохие деньги: в то время на них можно было купить четыре *коку* риса (шестьсот килограммов), годовую норму питания для четырёх взрослых мужчин.

Находясь в столице, третий сёгун обновил дарственные грамоты на владение землёй и провёл серию пере назначений: более пятидесяти *даймё* переехали на новые места. На третьем году правления он продемонстрировал, что прочно взял власть в руки и готов ею распорядиться. Этот визит в Киото оказался последним перед большим перерывом — никто из следующих десяти сёгунов сюда не приезжал.

На обратном пути в Эдо у Иэмицу произошёл неприятный эпизод с его дядей Токугава Ёсинао (1601–1650), девятым сыном Иэясу. С ним и его братьями Ёринобу (1602–1671) и Ёрифуса (1603–1661) третьего сёгуна связывали очень непростые отношения, хотя сыновья основателя династии считались главной опорой сёгуната. Богатые и влиятельные, они по возрасту ненамного превосходили Иэмицу и считали себя не столько его вассалами, сколько покровителями и защитниками. Это приводило к недоразумениям. Когда второй сёгун Хидэтада в 1631 году серьёзно заболел, Ёсинао и Ёринобу с войском двинулись в Эдо; формально — чтобы поддержать племянника в случае мятежа. Иэмицу не поверил родственникам и выслал им навстречу вооружённый отряд с приказом возвращаться обратно. Следующую попытку защитить династию Ёсинао предпринял уже самостоя-

* Денежная единица эпохи Токугава, одна тысячная *кан*.

*Младшие сыновья Токугава Иэясу
(«три великих дома» госанкэ)*

тельно в 1633 году, когда Иэмицу заболел и отошёл от дел. Посчитав, что в такой ситуации в замке может произойти переворот, он снова без согласования с *бакуфу* двинулся к Эдо с большим отрядом. Военский кодекс такие походы запрещал, но Ёсинао на правах старшего среди оставшихся сыновей Иэясу полагал, что на него этот запрет не распространяется. Иэмицу и в этот раз воспринял действия родственника как угрозу и приказал ему вернуться домой.

Теперь он возвращался из Киото и должен был навестить обоих родственников, владения которых находились на его пути. Ёсинао подготовился к встрече, выстроив для сёгуна отдельную усадьбу, но Иэмицу в последний момент отменил визит и проехал мимо. Хозяин Овари посчитал это оскорблением и заявил, что пропустит следующую службу в Эдо и вообще ему теперь трудно будет выполнять распоряжения племянника. Благодаря усилиям младшего брата Ёринобу прямого конфликта удалось избежать, однако отношения между двумя семейными линиями Токугава испор-

тились, и княжество Овари на несколько десятилетий выпало из списка родственников, поставлявших кандидатов на высший воинский пост.

В истории династии третий сёгун известен тем, что почитал своего деда Иэясу больше, чем родного отца. Понимая, кому обязан своей победой в конкуренции с младшим братом, он делал всё, чтобы возвы-

*Токугава Ёсинао,
девятый сын Иэясу*

ситель память отца-основателя, и требовал этого от своего окружения. За последние восемнадцать лет жизни Иэмицу ни разу не выезжал в Киото, и главная причина заключалась в нехватке денег; они расходовались на то, что третий сёгун считал более важным, — на выезды в Никко к усыпальнице Токугава Иэясу и возведение там грандиозного поминального комплекса. Его строительство продолжалось двадцать месяцев и обошлось казне в миллион *рё* золотом (Хаяси, 1974).

С 1632 по 1648 год Иэмицу тридцать три раза соблюдал траурный пост в память о Токугава Иэясу и десять раз выезжал на его могилу — больше, чем тринадцать следующих сёгунов вместе взятые: они побывали в Никко лишь девять раз. Иэмицу включил посещение усыпальницы Иэясу в перечень обязательных мероприятий для посольств Кореи и Рюкю во время их визитов в Эдо. В 1645 году храм Тосё на горе Никко был возведён императорским указом в ранг синтоистской святыни*, и это

* На это указывает иероглиф *мия* (в китайском чтении *гу*), следующий после названия храма; например, *Исэ дзингу*, *Тосёгу* и т. д.

окончательно приобщило основателя династии к лику святых предков. Начиная с 1646 года императорский двор по требованию Иэмицу ежегодно отправлял в Никко самых именитых священнослужителей для проведения поминального ритуала. Эта традиция неукоснительно соблюдалась следующие двести двадцать лет и ни разу не была нарушена.

* * *

В личной жизни третьего сёгуна и его отношениях с родственниками было много необычного. Отчасти это объяснялось его врождёнными качествами, отчасти — обстоятельствами взросления, включая отношения с родителями и младшим братом. В его семье доминировала мать, родная племянница Ода Нобунага, женщина с сильным и твёрдым характером. Младшему сыну Таданага она нашла жену среди родственников — ею стала девушка по имени Масако, правнучка Ода Нобунага, а старшего Иэмицу женила на дочери придворного аристократа Такацукаса Такако (1602–1674). Однако этот брак оказался неудачным: отношения супругов с самого начала не сложились, и вскоре после свадьбы Иэмицу отселил молодую жену в Среднюю усадьбу и забыл о ней. Следующие девять лет он не проявлял к женщинам никакого интереса и проводил время исключительно в мужском обществе. Среди адъютантов у него появились два фаворита — Сакаи Сигэдзуми (1607–1642) и Хотта Масамори (1608–1651). Оба получили от сёгуна земли с доходом намного выше положенной чиновникам нормы: Сакаи — двадцать пять тысяч *коку*, Хотта — сто десять тысяч. После вступления Иэмицу в должность Хотта был назначен советником *бакуфу* и до конца жизни пользовался доверием третьего сёгуна, а после его смерти совершил ритуальное самоубийство. Судьба Сакаи сложилась иначе: получив

земельные владения, он женился и обзавёлся четырьмя детьми. Считается, что это и стало причиной опалы — в 1633 году он заболел и не смог вовремя прибыть на службу в Эдо, был обвинён в нарушении воинского кодекса и лишён земельных владений. Прожив следующие девять лет в бедности, тридцатипятилетний Сакаи покончил с собой, уморив себя голодом.

Безразличие третьего сёгуна к женщинам и отсутствие у него детей серьёзно тревожили ближайшее окружение, но больше всех переживала за своего любимца кормилица Фуку. После аудиенции у императора и получения высокого аристократического звания она стала хозяйкой женской половины замка и занялась устройством личной жизни своего воспитанника. Иэмицу по-прежнему тепло к ней относился, и это давало женщине большие полномочия.

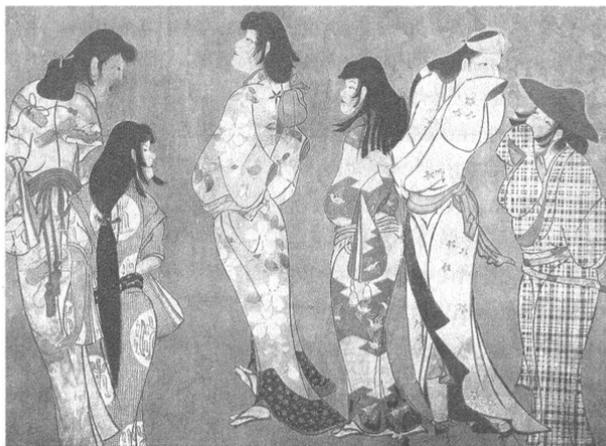
Кормилица начала лично подыскивать в городе привлекательных девушек и нанимать их на службу в замок. В середине 1630-х годов её усилия увенчались успехом: восстановившись после очередного кризиса, сёгун начал проявлять интерес к женщинам, и в марте 1636 года у него родилась первая дочь. Так в тридцать два года Иэмицу впервые стал отцом. Ещё через пять лет, в августе 1641 года, наложница по имени Раку родила ему сына Такэтиё, будущего четвёртого сёгуна Иэцуна. На смотринах наследника присутствовали только ближайшие родственники, а держала мальчика на руках, конечно, кормилица Фуку. Она же занималась его воспитанием. Впоследствии наложницы родили третьему

Кормилица третьего сёгуна Фуку (Касуга но цубонэ)

сёгуну ещё четверых сыновей; двое из них умерли в детстве, а один из двух выживших стал пятым сёгуном Цунаёси.

После тридцати лет Иэмицу вёл обычный гетеросексуальный образ жизни, имел девять наложниц и шестерых детей. Некоторые из них появились на свет случайно, в результате непредвиденных контактов. Чаще всего они происходили во время приёма ванн; для таких детей существовало даже своё название *юдо но ко* («банные дети»). Например, в 1644 году служанка Нацу, носившая воду для ванн и топившая печь, родила от Иэмицу сына, впоследствии ставшего отцом шестого сёгуна Иэнбу (1662–1712). Неупорядоченные контакты сёгуна с прислугой и рождение «случайных детей» угрожали и без того слабо регламентированному процессу выбора наследника, поэтому после смерти Иэмицу внутренний распорядок жизни в замке был изменён: впредь сёгуну полагалось постоянно жить в Среднем покое, а прислуживать ему, в том числе и во время приёма ванн, должны были исключительно мужчины. Встречи с женщинами отделили от водных процедур и перенесли на другое время.

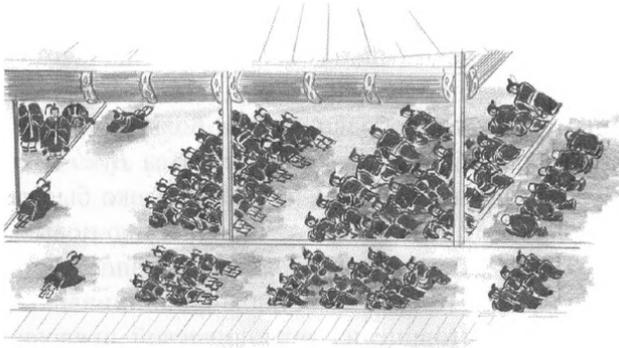
Банщицы юна (гравюра первой половины XVII в.)

Изменения в воинском кодексе

Двадцать первого июня 1635 года главный конфуцианец *бакуфу* Хаяси Радзан (1583–1657) зачитал удельным князьям, собравшимся в Большом зале замка Эдо, новую редакцию воинского кодекса *Букэ сёхатто*. По случаю двадцатилетнего юбилея (кодекс был принят в 1615 году) его текст был дополнен шестью новыми статьями; теперь их стало девятнадцать. Главное новшество состояло в том, что отныне служба провинциальных *даймё* в воинской столице из эпизодической превращалась в регулярную и должна была начинаться в одно и то же время — в апреле. Согласно указу, тридцать восемь воинских кланов из восточной части страны и шестьдесят один клан из западной получили предписание прибыть в Эдо в апреле следующего 1636 года и нести службу следующие двенадцать месяцев. Первый вариант указа касался только «удалённых» *тодзама даймё*, но начиная с 1642 года ужесточённую воинскую повинность возложили и на по-

Дорожный караван удельного князя

Выход сёгуна к вассалам

томственных вассалов Токугава (*фудай даймё*). Правда, их привлекали на службу реже и на более короткие сроки.

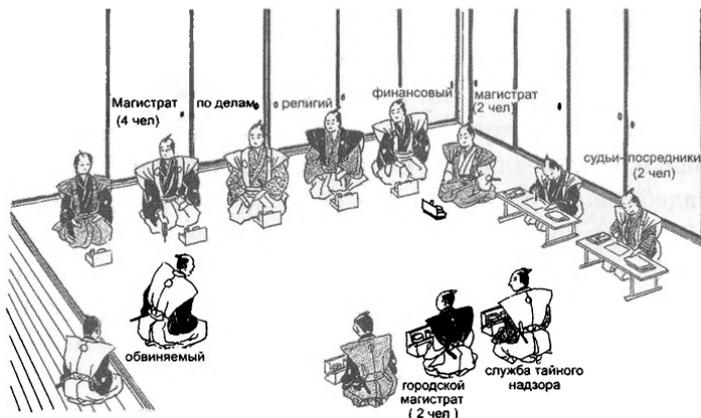
Обновленный кодекс вводил полный запрет на самовольные политические браки, детализировал процедуру получения разрешений *бакуфу* на строительство и ремонт замков, уточнял правила пользования паланкинами и т. д. Корабелам было запрещено строить суда грузоподъемностью более пятисот *коку* риса (семьдесят пять тонн), а провинциальным *даймё* запретили вывозить на продажу товары за пределы своих владений. Барьеры между провинциями и уездами стали ещё выше, а сами они превратились в изолированные анклав, подчинявшиеся центральному правительству и поддерживавшие связи только с ним. На любое действие, не оговорённое в новом уставе, провинциальный феодал должен был получать разрешение сёгуна.

Редакция *Букэ сёхатто* 1635 года систематизировала и ужесточила отношения между *бакуфу* и удельными князьями. На протяжении следующих двух столетий эти отношения определяли важнейшие стороны жизни не только воинского сословия, но и всего японского обще-

ства. Провинциальные *даймё* проводили год дома, в своих владениях, и год в Эдо, на службе у сёгуна. Их жёны и дети постоянно жили в Эдо фактически на положении заложников, поскольку не могли покинуть город без специального разрешения. Охрана и содержание городских усадеб *даймё*, равно как и их ежегодные переезды со свитой, требовали немалых расходов, иногда доходивших до половины годового дохода. Вассалы удельных князей круглый год несли службу в городе, охраняя и обслуживая их усадьбы; из-за этого Эдо стал самым «воинским» и самым «мужским» городом в стране.

В декабре 1635 года вышел ещё один важный документ — указ *бакуфу* из двадцати трёх статей, касавшийся *хатамото*, исторических союзников правящей династии. Так называли небогатые воинские семьи с доходом менее десяти тысяч *коку* риса, главным капиталом которых считались верность дому Токугава и доверие со стороны *бакуфу*. В отличие от *даймё*, имевших доход более десяти тысяч *коку*, *хатамото* служили резервом первой очереди на замещение правительственных должностей. Получив такое назначение, *хатамото* превращался в *гокэнин*, чиновника на государственной службе. К началу 1630-х годов доходы и уровень жизни *хатамото* снизились, что привело к росту недовольства. В 1635 году Иэмицу за счёт конфискации и переназначений среди *тодзама даймё* расширил историческим союзникам земельные владения, после чего их материальное положение несколько улучшилось.

Указы 1635 года упорядочили систему государственно-го управления и заложили основу для её дальнейшего развития. В составе *бакуфу* появились новые административные органы: Городской магистрат (*мати бугё*), Магистрат по делам религий (*дзися бугё*), Административно-финансовый магистрат (*кандзё бугё*), Главная служба тайного надзора (*даймэцукэ*), Комендатура замка Эдо (*русуи*) и другие службы, непосредственно подчинённые сёгуну.

Заседание в Высшем судебном присутствии (хёдзёсё)

Для предварительного рассмотрения подаваемых ему документов было создано Судебное присутствие (*хёдзёсё*), определён его состав и график работы. Присутствие стало первым судебным органом, где рассматривались спорные вопросы, невоенные конфликты и правонарушения.

Работой *бакуфу* в это время руководили приближённые к сёгуну Абэ Тадааки (1602–1675), Мацудайра Нобуцуна (1596–1662) и Абэ Сигэцугу (1598–1651). Как и в прежние годы, они выполняли свои обязанности поочерёдно, но длительность рабочей смены была увеличена с пятнадцати дней до тридцати. Кроме того, трижды в месяц — по вторым, двенадцатым и двадцать вторым числам — руководители *бакуфу* должны были вести в замке приём удельных князей и заниматься решением их вопросов. Такой же график был введён и для вновь созданных правительственных служб.

Отодвинув соратников отца на второй план, Иэмицу сохранил за ними прежние должности *тосиёри* (букв. «старейшина»), а его новых выдвиженцев стали называть словом *родзю*. Со временем это название закрепилось и стало основным, а статус должности *тосиёри* понизился, и её

переименовали в *вакадосиёри* (букв. «младший старейшина»). Ещё некоторое время спустя словом *тосиёри* стали называть старших распорядительниц (дам третьего ранга) на женской половине замка.

Административная реформа 1635 года упорядочила работу *бакуфу*. Однако в январе 1637 года третьего сёгуна вновь настигла депрессия — он потерял сон, аппетит, интерес к жизни и никого не хотел видеть. Его распорядок дня и жизненный график, периоды отдыха и активности поменялись местами: днём сёгун спал, а по ночам для него устраивали театральные представления, турниры по игре в *го* и *сёги*. Осенью, когда спала жара, его стали вывозить на охоту, но болезнь держалась и не отступала. За одиннадцать месяцев — с января по ноябрь 1637 года — он не принял ни одного *даймё* и не прикоснулся ни к одной бумаге. Девятого ноября с острова Кюсю пришло сообщение о мятеже в провинции Бидзэн, известном как Симабарское восстание. Необходимость реагировать и принимать решения помогла вернуть Измицу к жизни; за следующие четыре месяца он постепенно восстановился. Во время его болезни рабочий ритм *бакуфу* снизился до минимума.

Широко известное сегодня название правительства (*бакуфу*, букв. «полевая ставка») в то время ещё не имело хождения. Его называли словом *коги* (или *куги*, букв. «публичная власть») в противоположность режиму личной власти патриархов в семейных кланах. В прежние века так именовали сёгунат Асикага и власть императорского дома. Так же называл свою систему власти и Тоётоми Хидэёси. Со временем удельные князья стали называть словом *коги* свои провинциальные администрации, а в конце эпохи Токугава значение этого слова ещё больше расширилось, и оно стало обозначать примерно то же, что *бакухан тайсэй*, то есть всю сложившуюся к тому времени систему управления — центральное правительство в Эдо и подчинённые ему княжеские администрации в провинциях.

Заккрытие страны

В годы правления Иэмицу завершился длившийся несколько десятилетий процесс закрытия страны. Первый шаг к самоизоляции был сделан в 1587 году, с выходом указа Тоётоми Хидэёси о запрете христианства. Тогда никто ещё не знал, что это начало большого и долгого пути, который сильно повлияет на формирование национальной культуры, традиций и менталитета. Токугава Иэясу как продолжатель дела Тоётоми Хидэёси воспринял и развил его внешнеполитический курс, действуя в своей обычной манере — взвешенно и осторожно, стараясь не нанести ущерба прибыльной внешней торговле. За прошедшие пять десятилетий этот курс утвердился, получил всеобщее признание и стал основой внешней политики правительства. Казалось бы, всё закономерно и идёт в правильном направлении, но уже при внуке Иэясу страна почти полностью изолировалась от внешнего мира, что абсолютно противоречило планам и устремлениям основателя династии. Почему так случилось?

Иэмицу как верный продолжатель политики своего отца и деда много внимания уделял борьбе с нелегальной торговлей на западе страны. В 1633 году в Нагасаки произошёл очередной скандал с одним из её активных участников, начальником Городского магистрата Такэнака Сигэёси (? –1634). Злоупотреблявший своими полномочиями чиновник был снят с должности и отправлен под домашний арест, а в следующем году получил приказ покончить с собой. На освободившуюся должность сёгун назначил *хатамото* Имамура Масанага и Сога Хисасукэ с заданием обеспечить выполнение специально подготовленного указа *бакуфу* из семнадцати пунктов, который иногда называют первым законом о закрытии страны (*дайитидзи сакокурэй*). Указ запрещал принимать в японских портах суда без торговых лицензий и заключать сделки с не уполномоченными на то лицами. Жителям страны было запрещено самоволь-

но выезжать за пределы страны, а тех, кто выехал и прожил там более пяти лет, — принимать обратно. Португальских миссионеров, главный источник всех неприятностей, было приказано выявлять и принуждать к отречению от христианства, а тех, кто не соглашался, сажать в тюрьму. За сообщение о местонахождении *батэрэн* (искажённое европейское *надре*) полагалось денежное вознаграждение.

Легальная торговля была жёстко регламентирована и осуществлялась в централизованном порядке. Все торговые суда, направлявшиеся в Эдо, должны были быть пронумерованы, а их номера следовало заблаговременно сообщить *бакуфу*. Португальцы и голландцы регулярно устраивали стычки, поэтому портовым властям было предписано принимать их по отдельности и в разные дни, по заранее составленному и утверждённому графику. Регламентация привела к резкому снижению числа лицензированных судов и фактическому свёртыванию внешней торговли. В год выхода указа в порту Нагасаки было принято всего два иностранных судна — меньше, чем когда-либо за последние тридцать лет.

Таблица

**Лицензированная внешняя торговля
при первых трёх сёгунах Токугава**

Год	Число судов						
1604	29	1612	8	1620	9	1628	11
1605	27	1613	14	1621	11	1629	3
1606	18	1614	17	1622	6	1630	5
1607	24	1615	17	1623	14	1631	9
1608	4	1616	7	1624	8	1632	14
1609	12	1617	11	1625	7	1633	10
1610	10	1618	20	1626	3	1634	7
1611	8	1619	5	1627	6	1635	2

Источник: Токугава Иэмицу. Сандай сёгун, аои но миё но ти то дан = Токугава Иэмицу, третий сёгун. Политика эпохи мальвы и её окончание. Гакусю кэнкюсю, 2000, с. 146

Присланные в Нагасаки чиновники Сога и Имамуре в течение года по очереди выполняли обязанности городского наместника, а в мае 1634 года их сменили Сакакибара Мотонао и Канъо Мотокацу. С собой они привезли новый указ *бакуфу* с двумя запретами — на въезд в Японию религиозных проповедников и вывоз оружия (*дайнидзи сакокурэй*, второй закон о закрытии страны). Сёгуну доложили, что португальцы закупают в Японии оружие и продают его в Маниле и Макао, за что местные власти оказывают им покровительство. Запрет на вывоз оружия окончательно добил внешнюю торговлю.

Преследование христианства усиливалось и распространялось с запада на восток. В 1633 году прошли массовые аресты христиан на острове Кюсю, а в августе — сентябре 1635 года в остальных районах страны, включая восточные, почти не затронутые миссионерской деятельностью. К выявлению христиан власти повсеместно привлекали население. В Киото за информацию о местонахождении европейского проповедника платили сто *кан* серебром, за японского — пятьдесят, а за рядового японского христианина — тридцать. Освободившееся жильё христиан также передавали доносчикам. Японцев заставляли отречься от европейской религии, а португальцев в июле 1636 года изолировали на специально отсыпанном для этого острове Дэдзима в бухте Нагасаки. У входа на мост, соединявший остров с берегом, был установлен круглосуточный сторожевой пост и информационный щит, предупреждавший горожан о том, что контакты с обитателями острова запрещены. После этого вознаграждение за донос о португальском проповеднике было увеличено до трёхсот *кан* серебром, а тех, кто решался усыновить

ребёнка, рождённого в браке с португальцем, полагалось выслать из страны. Двести восемьдесят семь детей, уже появившихся к тому времени в смешанных браках, были депортированы в Макао.

Последним звеном в цепи событий, ускоривших закрытие страны, стало восстание в уезде Симабара на острове Кюсю. С 1633 года в этом регионе из-за стихийных бедствий началось снижение урожаев, в то время как нормы рисовых поставок остались неизменными. В 1636 году *бакуфу* в связи с ремонтом замка Эдо объявило всеобщую трудовую мобилизацию, и число рабочих рук на полях заметно сократилось. Рост недоимок заставил местные власти предельно ужесточить меры по выбиванию долгов. У крестьян изымали последние запасы еды, а кое-где управляющие начали брать жён и дочерей сельских старост в заложники, и, если деревня не выполняла план поставок, женщин публично казнили — надевали соломенные мешки и поджигали, наблюдая «огненные танцы смерти». В семейной хронике воинского клана Курода говорится о том, что в октябре 1637 года в заложницы попала беременная жена сельского старосты по имени Ёдзаэмон. Её раздели и бросили в подземную темницу, пол которой был покрыт водой; через шесть дней состоялись роды, в результате которых мать и ребёнок погибли (*Курода Нагаоки иссэй но ки*). Известие о расправе взорвало деревню: вооружившись кто чем мог, крестьяне 25 октября напали на усадьбу местного управляющего, сожгли её и убили хозяина. По другой версии, восстание началось после массового ареста японских христиан в деревне Арима. Расправившись с управляющим, восставшие напали на замок Симабара, но взять его не сумели. Наскоро укрепив соседний форт Хара, они завезли в него продовольствие и боеприпасы, превратили в опорный пункт и заняли оборону. С полуострова Симабара мятеж переки-

нулся на группу расположенных рядом островов Амакуса, и вскоре число восставших достигло двадцати четырёх тысяч человек. Население западной части Кюсю уже более восьмидесяти лет находилось под сильным влиянием христианства и в последнее время подвергалось особенно суровым преследованиям, что также усугубило протестные настроения. Португальские миссионеры морально поддержали восставших, и форт Хара стал центром религиозного сопротивления; на его внешних укреплениях появились христианские знамёна и кресты.

Положение местных властей усугублялось тем, что все *даймё* острова Кюсю, за исключением заболевшего Симадзу Иэхиса, находились на службе в Эдо, поэтому реакция на действия восставших была слабой и запоздалой. Старейшины дома Симабара обратились за помощью к соседям из Сага и Кумамото, но те отказали, сославшись на запрет *бакуфу* предпринимать что-либо за пределами своих владений.

Правительству стало известно о восстании в начале ноября. Сёгун отпустил со службы удельных князей с острова Кюсю и распорядился подавить мятеж. Командующим операцией он назначил Итакура Сигэмаса из провинции Суруга, но выбор оказался неудачным: многие западные *даймё* отказались выполнять приказы небогатого и малоавторитетного *хатамото*, поэтому ему пришлось действовать малыми силами. Окружив форт Хара, Итакура попытался взять его штурмом, но потерпел поражение и погиб. Его сменил более влиятельный и авторитетный советник *бакуфу* Магудайра Нобуцуна. Прибыв на место, он провёл дополнительную мобилизацию среди местных кланов и даже обратился за помощью к голландцам, попросив их поддержать штурм форта обстрелом из корабельных пушек. На этот раз двадцатитысячная армия справилась с восставшими и 28 февраля после двухдневного штурма захватила форт Хара. Власти жестоко расправились со все-

ми, кто имел хоть какое-то отношение к мятежу, казнив более тридцати семи тысяч человек, включая женщин и детей.

Зачинщиками восстания и его главной движущей силой были признаны христиане. Это устраивало и центральную, и местную власть, однако не избавило последнюю от наказания. Ответственность за мятеж правительство возложило на удельных князей Мацукура Кацуиэ (1597–1638) и Тэрадзава Кататака (1609–1647), во владениях которых произошли главные события. Земли Мацукура были конфискованы, а сам он отправлен в ссылку и в том же году за убийство крестьянина приговорён к смертной казни. Удельному князю отрубили голову как рядовому преступнику, что случалось крайне редко — не более двух-трёх случаев за весь период Токугава. Второй виновник, Тэрадзава Кататака, также был лишён своих владений и отправлен в ссылку. Через девять лет он лишился рассудка и покончил жизнь самоубийством; семейная линия Тэрадзава на этом прервалась.

Боевые действия против восставших продолжались три месяца и потребовали большого напряжения сил, но

Казнь простолюдина

воевавшие на стороне *бакуфу* командиры не получили вознаграждения; им лишь компенсировали фактические затраты на содержание людей в полевых условиях. После подавления восстания был изменён четвёртый параграф воинского устава, запрещавший соседним кланам предпринимать совместные действия. Теперь это стало возможным, но только в случаях беспорядков, направленных против *бакуфу*.

Восстание в уезде Симабара стало самым крупным за весь период Токугава и в числе прочего заставило правительство ужесточить контроль за иностранцами. В 1639 году португальцы, главные проповедники христианского учения, были изгнаны из страны, а их место в торговле заняли не столь религиозные голландцы. Однако через два года их тоже взяли под жёсткий контроль, переместив торговое представительство Голландии из Хирадо в Нагасаки, в бывшую португальскую резервацию на острове Дэдзима.

Процесс закрытия страны на этом завершился, хотя изоляция не была полной; Япония сохранила отношения с Кореей, государством Рюкю и ограниченные торговые связи с Голландией. Каждый иностранный партнёр имел внутри страны собственного посредника, через которого контактировал с правительством: Корея — через клан Со на острове Цусима, Рюкю — через клан Симадзу на Кюсю, а голландское представительство — через наместника Нагасаки. На севере страны, на острове Эдзо (нынешний Хоккайдо), жили племена айну, естественные соседи японцев по архипелагу. В правительстве о них почти ничего не знали и не думали об установлении отношений, но если бы такая потребность вдруг возникла, то посредником наверняка стал бы клан Мацумаэ, единственный представитель «большой земли» на пустынном северном острове.

Голод годов Канъэй

Вторая половина 1630-х годов оказалась для острова Кюсю чрезвычайно неблагоприятным периодом; социальные потрясения и природные бедствия следовали одно за другим. Через шесть месяцев после подавления Симабарского восстания, в сентябре 1638 года, остров охватила эпидемия чумы домашнего скота. До конца года погибли более тридцати тысяч животных, что нанесло тяжёлый удар по сельскому хозяйству. В последующие два года эпидемия распространилась на соседний остров Хонсю и в два раза сократила поголовье скота в его западных провинциях. Цена обычного быка превысила стоимость боевой лошади; деревенские старожилы не помнили такого ни по собственному опыту, ни по рассказам дедов. Нехватка тягловой силы и главного источника органического удобрения сократила урожан, на западе страны начался голод.

В дополнение к этим несчастьям в июне 1640 года произошло мощнейшее извержение вулкана Комагатакэ на юго-западе Хоккайдо. Объём выброшенных в атмосферу грунта, камней и пепла составил 2,9 кубического километра. Гигантский выброс накрыл огромный регион на северо-востоке Хонсю. До извержения вулкан возвышался на тысячу семьсот метров над уровнем моря и имел такую же красивую, геометрически правильную форму, как воспетая в стихах Фудзияма. После взрыва верхушка купола высотой около шестисот метров превратилась в пыль и развеялась по ветру, от горы осталось лишь неровно зазубренное основание высотой чуть более километра. Извержение 1640 года, самое мощное в тысячелетней истории вулкана, резко изменило климат в регионе — в следующем году его охватила аномальная засуха, а вслед за ней прошли проливные холодные дожди, вызвавшие наводнения и смывшие остатки урожая. Представление о ситуации в регионе дают

сравнительные цифры поставок риса в казну из среднего по размерам княжества Ямагата на северо-востоке Хонсю (современная префектура Ямагата).

Таблица

Год	Поставки риса (коку)
1638	78 700
1639	42 600
1640	49 200
1641	36 400
1642	31 200

Источник: Сомада Ёсио. Нихон кинсэй но рэкиси. Сёгун кэнрёку но какуруцу = Японская история в новое время. Становление власти сёгунов. Ёсикава кобункан, 2012, с. 179.

Массовый падёж скота на западе страны и погодные катаклизмы на востоке привели к катастрофе, известной как «великий голод годов Канъэй» (*канъэй дайкикин*). Его пик пришёлся на зиму 1642 года и весну 1643 года. Массовое бегство крестьян, продажа людей в рабство, трупоедство, каннибализм и тысячи умерших от голода, которых некому хоронить, можно было видеть повсюду.

Сёгун и правительство делали то немногое, что могли. В апреле 1642 года Иэмицу отменил воинскую службу для сорока пяти удельных князей, разрешив им вернуться домой для принятия мер по борьбе с голодом. В мае того же года имевшим земельные наделы *хатамото* было приказано взять под личный контроль посевные работы и обеспечить сбор урожая.

Голод

С 1641 года для крестьян был введён режим жесточайшей экономии с запретом есть рис. Землевладельцам запретили выращивать табак, некоторые другие виды культур и продавать земельные угодья (*табата эйтай байбай кинсирэй*). Никогда прежде центральное правительство не вмешивалось в повседневную жизнь крестьян и не указывало им, что и как делать на полях, но голод годов Канъэй изменил ситуацию.

Через восемь лет новая политика нашла своё выражение во всеобъемлющем указе *бакуфу* из тридцати двух статей (*кэйан фурэгаки*), который регламентировал все аспекты крестьянского бытия. В нём было учтено всё: ра-

бота деревенских старост и поддержание общественного порядка, единообразия жизни и распорядка дня, поставки риса и отхожий промысел, моральные ценности и смысл жизни для всего сословия. Крестьяне не должны были стремиться к богатству или даже к зажиточности, все силы отдавать труду на полях и исправному ведению домашнего хозяйства. Документ отличала удивительная конкретность наставлений: траву лучше косить с утра, днём работать в поле; вечером время попусту не тратить, всей семьёй дружно починять инструмент и хозяйственную утварь; женщинам больше заниматься тканями и одеждой. Правительство, его наместников, сельского старосту и прочих представителей власти почитать как своих родителей, обо всех случаях нарушений докладывать по инстанциям. По принципу групповой ответственности за недонесение полагалось наказание, причём не только виновному, но и его ближайшему окружению. Во вступительной и заключительной частях указа говорилось о приоритетах крестьянского образа жизни — безгранич-

Посев риса

ном трудовом усердии, общинном мире и взаимопомощи, гармонии в семье.

Голод годов Канъэй был вызван природными причинами, однако свою роль сыграл и человеческий фактор, в частности, жёсткие и не всегда продуманные правила назначения и оформления наследников в провинциальных кланах. Малейшее их нарушение приводило к конфискации земельных угодий. В самый разгар голода, в марте 1642 года, так был наказан клан Мураками из провинции Этиго (современная префектура Ниигата). Крестьяне, питавшиеся соломой и мхом, попросили прибывшего инспектора отменить на год рисовый налог из-за отсутствия семян, но представитель *бакуфу* отказал в просьбе, пригрозив изъять последние запасы продовольствия. Не менее драматичные ситуации складывались и в других районах, где даже *даймё* позволяли себе осуждать жёсткие требования центрального правительства.

* * *

В 1644 году в Китае произошла смена власти, и глава правящей династии Мин был вынужден бежать из Пекина. В следующем году он прислал своего представителя в Нагасаки и через городского наместника обратился к *бакуфу* с просьбой прислать три тысячи воинов для борьбы с пришедшей к власти маньчжурской династией Цин. Прошение было передано советникам, но они отказались его рассматривать, сославшись на то, что запрос был сделан не по форме, без посольского визита. В сентябре того же года император прислал послов, и они повторили просьбу о военной помощи. Токугава Ёринобу, десятый сын Иэясу, предложил отправить армию в Китай, но на совете победила линия, которой твёрдо придерживался в своё время Токугава Иэясу, — в приобретении новых земель на далёком материке нет необходимости, благора-

зумнее заниматься собственными делами. Сам факт рассмотрения просьбы решили сохранить в тайне и поручили наместнику Нагасаки передать китайским посланникам, что он не может принять их обращение к сёгуну.

* * *

В июле 1644 года Иэмицу исполнилось пятьдесят лет. Последние годы его правления были довольно спокойными: состав *бакуфу* стабилизировался, в нём остались только те, кто его полностью устраивал. Сам он к этому времени отошёл от текущих дел, возложив всю черновую работу на чиновников. Сёгуну лишь подавали на утверждение готовые проекты решений.

В годы правления третьего сёгуна натуральный обмен был окончательно вытеснен из хозяйственной жизни, практически вся оплата товаров и услуг стала производиться золотыми, серебряными и медными монетами. Добыча драгоценных металлов понемногу снижалась, но новые монеты продолжали выпускаться, объём денежного обращения рос, торговля продолжала развиваться. При Иэмицу

Токугава Ёринобу,
десятый сын Иэясу

из казны было потрачено больше пяти миллионов *рё* золотом, но и своему сыну он оставил немало — более шести миллионов *рё*. Больше всего денег ушло на десять выездов сёгуна в Никко и возведение там мемориального комплекса Иэясу.

В последние годы Иэмицу стал чаще ездить на охоту и проводил на

ней до десяти дней в месяц. Но, поскольку с детства отличался слабым здоровьем, часто простужался и болел. При ознобе сёгуну давали лекарство и укрывали пятью-шестью *футонами*, под которыми он покрывался потом, чувствовал себя ещё хуже и жаловался на жар. Лечивших его врачей нещадно ругал и наказывал, если считал, что они делают что-то неправильно; при простуде требовал лечить его по рецептам деда Иэясу, в которого очень верил и считал выдающимся врачом. По мнению японского историка Ямамото Хирофуми, у третьего сёгуна присутствовали симптомы умеренного депрессивного расстройства в виде повышенной тревожности (Ямамото, 2008).

После сорока лет Иэмицу часто жаловался на головокружения и тяжесть в голове; в конце 1649 года он уже с трудом выдерживал долгие церемонии в замке. Следующим летом сёгун по совету врачей стал чаще ездить на охоту и бывать на свежем воздухе. Осенью он почувствовал себя лучше, но в декабре снова наступил спад, и на новогоднем ритуале его заменял девятилетний сын Иэцуна. По всей видимости, в феврале 1651 года Иэмицу перенёс инсульт, после которого, согласно семейной хронике, он с трудом передвигался (*Токугава дзикки*). После этого он не участвовал ни в одной официальной церемонии.

Двадцать первого марта навестить больного прибыли посланники императорского дома, а в главных храмах страны прошли молебны во здравие правителя. В апреле, с началом ежегодной воинской службы, к воротам замка потянулись *даймё* с подарками и пожеланиями скорейшего выздоровления. За два месяца Иэмицу ни разу не появился на публике и 20 апреля скончался на сорок восьмом году жизни, вероятнее всего, от последствий перенесённого инсульта.

В тот же день советники *бакуфу* в соответствии с волей покойного объявили преемником его старшего сына Иэцуна. В день смерти третьего сёгуна, следуя ритуалу

дзюнси (букв. «смерть вослед»), покончили жизнь самоубийством советники *бакуфу* Абэ Сигэцугу, Хотта Масамори и *хатамото* Утида Масанобу. Абэ объявил о своём намерении сразу, едва узнав о смерти Иэмицу. Его пытались отговорить, но он напомнил, что навсегда связал свою жизнь с сёгуном в тот момент, когда вызвался решить вопрос с его младшим братом Таданага, и теперь не видит смысла в её продолжении. На следующий день, 21 апреля, вслед за Абэ покончил жизнь самоубийством *хатамото* Окуяма Ясусигэ, а 23 апреля — *хатамото* Саэгуса Морисигэ.

Обстоятельства смерти Иэмицу — сравнительно молодой возраст и малолетний сын-наследник — изменили традицию двух первых сёгунов уходить в отставку. Следующие четыре сёгуна Токугава оставались на посту до самой смерти.

Иэмицу завещал похоронить себя в Никко, рядом с дедам Иэясу. Девятнадцать лет его правления были беспокойным и суровым временем. По общему числу конфискаций и переназначений третий сёгун стал рекордсменом династии. В результате его решений тысячи самураев низкого и среднего ранга лишились службы и пополнили собой и без того немалую армию *ронинов*, вооружённых и никому ничем не обязанных.

В плане личных качеств третий сёгун не отличался особой мудростью или проницательностью, но принимаемые им решения были рациональны, предсказуемы и соответствовали духу времени, поэтому семейная власть Токугава при нём заметно укрепилась. Сильный и страстный характер, ярко выраженные чувства и желания в сочетании с убеждённой в своём высоком предназначении сделали его одним из самых колоритных представителей династии. Иэмицу часто повторял, что он первый «сёгун по праву рождения» (*умарэнагара но сёгун*), и очень этим гордился. Действительно, в отличие от деда и отца, не знавших своего будущего предназначения, Иэмицу как старший

сын действующего сёгуна с детства осознавал себя преемником, и это сильно повлияло на его характер. Кроме того, он единственный в династии был рождён законной женой сёгуна — матерями всех остальных были либо наложницы, либо жёны патриархов из боковых ветвей Токугава.

Иэмицу

Третий сёгун родился уже в мирное время и за всю жизнь ни разу не выходил на поле боя, но с большим почтением относился к военному делу и боевым искусствам, много и с удовольствием ими занимался. Считая себя продолжателем великих воинских традиций, любил и уважал оружие, хорошо владел мечом и участвовал в турнирах по *кэндо*, имел даже лицензию наставника. В последние годы он часто устраивал учебные боевые турниры и любил за ними наблюдать. От отца и деда он унаследовал глубокое почтение к китайской науке и содействовал её распространению. Большое развитие получила при нём конфуцианская школа Ринкэ, основанная в 1630 году учёным Хаяси Радзан (1583–1657). Во второй половине жизни Иэмицу заинтересовался японской поэзией и сочинял стихи в жанре *вака*.

Среди личных увлечений третьего сёгуна следует особо выделить любовь к театральным представлениям. Пожалуй, единственный, кто мог сравниться с ним в этом пристрастии, — его сын Цунаёси, которого он сам к театру и приучил с раннего детства. Иэмицу часто собирал в замке удельных князей и устраивал представления — сам охотно выходил на сцену и поощрял к этому всех остальных. В отличие от других сёгунов он ценил даже

«плебейский» театр Кабуки. Согласно семейной хронике, третий сёгун не раз приглашал в замок труппу городского театра Накамура, работавшего в этом жанре, и с удовольствием смотрел его постановки.

Иэмицу часто выезжал из дворца; ездил в гости к родственникам и вообще много путешествовал. Любил выходить инкогнито в город, чтобы понаблюдать за жизнью простых горожан. При этом одевался в простую одежду и отказывался от охраны, чем доставлял много хлопот Тайной службе. Развитое самоощущение правителя «по праву рождения» исключало необходимость думать о тех, кто рядом и ниже; он о них и не думал. Например, по пути в Синагава, где в тот день была запланирована охота, мог приказать изменить маршрут и ехать на реку Сумида, хотя в Синагава двадцать-тридцать человек в течение нескольких дней готовили всё необходимое для сёгунской охоты — усадьбу, трапезу, оружие и т. д. Аргументов о том, что на новом месте к его приёму ничего не готово, Иэмицу слышать не хотел. А после охоты ему могло прийти в голову, что хорошо бы под настроение устроить боевой турнир прямо здесь и сейчас. И тогда адъютанты сбивались с ног, срочно собирая участников. Непредсказуемый в своих желаниях и требовательный сёгун постоянно напоминал подчинённым, что самурай должен хорошо владеть оружием и поддерживать этот уровень на протяжении всей жизни независимо от возраста. В районе Асакуса для этого специально был выстроен учебный центр, поэтому мысль о боевом турнире в любой момент могла посетить Иэмицу.

Четвёртый сёгун Иэцуна

(1641–1680, правление 1651–1680)

Старший сын Иэмицу появился на свет 3 августа 1641 года в замке Эдо. Мать — двадцатилетняя наложница третьего сёгуна по имени Раку, дочь крестьянина-пехотинца, как и многие другие девушки, приглашённая в замок его кормилицей Касуга но цубонэ. Сёгун, которому шёл уже тридцать восьмой год, чрезвычайно обрадовался рождению сына и сразу же объявил его своим преемником. Уже в три года мальчик получил взрослое имя Иэцуна, в четыре года прошёл обряд совершеннолетия и получил третий придворный ранг и должность Старшего советника (*гондайнагон*). В детстве он часто болел, до двенадцати лет жил в Большом внутреннем покое,

окружённый женским вниманием и заботой. За здоровьем наследника поочерёдно следили двадцать лучших лекарей, которых Иэмицу приглашал со всей страны.

В день смерти отца мальчику не исполнилось ещё и десяти лет, а через год умерла и его мать. Родителей ему заменили советники *бакуфу* Мацудайра Нобуцуна (1596–1662), Абэ Тадааки (1602–1675), Сакаи Тадакацу (1587–1662) и родной дядя Хосина Масаюки (1611–1673), внебрачный сын второго сёгуна Хидэтада. Следующие десять лет именно они руководили работой правительства. В июне 1651 года Иэцуна дал свою первую аудиенцию воинской элите, а 18 августа в замке состоялось его официальное назначение на пост. Впервые во главе династии Токугава встал несовершеннолетний правитель, и это означало, что теперь высший воинский пост будет наследоваться так же, как императорский трон. Ещё одно новшество заключалось в том, что церемониальное вступление в должность состоялось не в Киото, а в Эдо. Этот прецедент тоже закрепился и положил начало новому порядку, повысившему статус воинской столицы.

После назначения Иэцуна переехал из женской половины в Средний покой замка Эдо и большую часть времени проводил в окружении адъютантов, время от времени выезжая на театральные представления и слушая лекции о правлении мудрого и благонравного китайского императора из династии Тан, жившего в VII веке. История его успеха была изложена в десяти томном трактате *Дзёган сэйё* («Правление годов *дзёган*»)*, который со времён Иэясу использовался для обучения будущих правителей. Иэцуна очень хорошо знал содержание трактата и впоследствии часто на него ссылался при обсуждении каких-либо вопросов.

* *Дзёган* (627–649) — название годов правления второго императора танской династии Тайсо (599–649).

Мальчик с детства отличался спокойным и добрым нравом, рос послушным и выполнял всё, что ему говорили, при этом совсем не интересовался политикой. Узнав, что преступников ссылают на необитаемые острова, он стал расспрашивать отца, как эти люди живут и чем питаются. А получив ответ, высказал своё мнение, что наказанных ссылкой нельзя морить голодом и время от времени нужно посылать им еду, чем заслужил похвалу отца, увидевшего в сыне ростки интереса к реальной жизни. Хроника *Буя сёкудан* («Разговоры при свечах») сообщает, что при показе мальчику окрестностей с высоты Центральной пагоды ему дали посмотреть в подзорную трубу, но он неожиданно отказался, сказав, что люди могут быть недовольны тем, что их тайком разглядывают.

Однако эти благородные движения юной души так и не оформились в интерес к политике; все двадцать девять лет правления четвёртого сёгуна страной управляли от его имени другие люди. До 1666 года это делали названные три советника и его дядя Хосина Масаюки, а позднее, когда они отошли от дел, — Сакаи Тадакиё (1624–1681), которого за глаза называли «сёгуном из усадьбы Гэба». Сам же Иэцуна, человек добрый, мирный и слабыхарактерный, жил личной жизнью и со всеми поддерживал дружеские отношения; советовался по всем вопросам, занимался о советниках и их помощниках, по праздникам обязательно дарил подарки. По одной версии, вопросы государственного управления его просто не интересовали, а по другой — он не мог ими заниматься в силу слабого здоровья и ограниченных способностей. Некоторые авторы утверждают, что в детстве Иэцуна перенёс менингит и это сказалось на его развитии, но надёжных подтверждений этому нет. Однако многие современники отмечали, что сёгун часто высказывался очень расплывчато и неконкретно, так что было трудно понять, что именно он имеет в виду. Как правило, он полагался на мнение подчинён-

ных и ставил на бумагах резолюцию (*саё итасэ*, «быть посему»), за что многие так его и называли — «господин-быть-посему» (*саёсэй-сама*).

* * *

Начало правления четвёртого сёгуна получилось тревожным. Смерть Иэмицу породила в правительстве напряжение и чувство опасности. Впервые в истории династии власть оказалась в руках десятилетнего мальчика, и этим вполне могли воспользоваться все недовольные политикой его отца, а их к тому времени накопилось немало. В период траура по Иэмицу в стране фактически было объявлено чрезвычайное положение: удельные князья получили приказ *бакуфу* безвыездно сидеть на местах, а чиновникам, пожелавшим оставить службу после смерти третьего сёгуна, запретили это делать вплоть до особого распоряжения.

Опасения и меры предосторожности были не напрасны. Нестыковки и противоречия, накопившиеся за десятилетия мирной жизни, к середине XVII века достигли критической массы. Число безработных самураев возросло до четырёхсот тысяч человек, а материальное положение многих вассалов правящей династии заметно ухудшилось. В отличие от Токугава Иэясу, которому союзники помогли одержать военную победу и взять власть, его внук Иэмицу видел в *фудай даймё* и *хатамото* лишь потомков известных командиров, гордившихся заслугами своих отцов и дедов. Он лично ничем не был им обязан, а в наступившей мирной жизни их верность хотя и оставалась востребованной, но стала значить гораздо меньше, чем в годы вооружённой борьбы за власть. Да и сами *хатамото* в подавляющем большинстве не смогли приспособиться к новой жизни. Они по-прежнему гордились своей родослов-

ной и заслугами предков, свысока смотрели на *тодзама даймё* и в большинстве не горели желанием заниматься скучным хозяйством. Многие жили не по средствам, влезали в долги и разорялись, пополняя армию *ронин*ов.

В воинской элите к ним относились по-разному: одни считали пережитком ушедшей эпохи, другие сочувствовали и старались помочь. К последним относился и удельный князь Мацудайра Садамаса (1610–1673) из провинции Исэ, внучатый племянник Токугава Иэясу. Через три месяца после смерти Иэмицу, в начале июля 1651 года, он известил *бакуфу*, что отказывается от всех земельных владений и уходит в монастырь, а свой доход в двадцать тысяч *коку* риса просит распределить между четырьмя тысячами бедствующих *хатамото*, выдав каждому по пять *коку*. Таким способом представитель боковой ветви Токугава выразил протест против политики *бакуфу* в отношении исторических союзников. Решив, что он не в своём уме, советники передали земли Садамаса его старшему брату. Разорившиеся *хатамото*, о которых заботился потомок Иэясу, ничего не получили.

Недовольство политикой *бакуфу* вылилось в подготовку вооружённого мятежа. Она началась в мае 1651 года, через месяц после смерти третьего сёгуна. Этот эпизод известен в японской истории как «инцидент годов Кэйан» (*кэйан дзикэн*) или «мятеж Юи Сёсэцу» (*Юи Сёсэцу но ран*). В той или иной форме в подготовке выступления участвовали около двух тысяч человек. Под подозрение в сочувствии мятежникам попал даже Токугава Ёринобу, десятый сын Иэясу.

По замыслу организаторов, вооружённое восстание должно было начаться одновременно в четырёх городах: Эдо, Киото, Осака и Сумпу. Однако 23 июля *ронин*ы Хаяси Томохиса и Тасиро Нобухиса сообщили Службе тайного надзора о готовящемся выступлении, и правительство нанесло упреждающий удар, арестовав Марубаси Тюя, ру-

ководителя восстания в Эдо. Согласно плану, его люди должны были взорвать склад боеприпасов и в возникшей суматохе захватить замок Эдо, а затем объединиться с отрядом Юи Сёсэцу (1605–1651) и вместе с ним атаковать Сумпу. Юи Сёсэцу, известный специалист по военному делу, преподавал этот предмет в собственной школе и пользовался уважением в воинских кругах. Двадцать пятого июля вооружённый отряд *бакуфу* окружил его городскую усадьбу в Сумпу, и утром следующего дня руководитель восстания покончил жизнь самоубийством. Марубаси Тюя и его помощники были казнены, а сообщившие о мятеже Хаяси и Тасиро награждены и приняты на службу в *бакуфу*.

Таким образом, первое вооружённое выступление воинского сословия против власти удалось предотвратить, но оно обозначило проблему и заставило правительство принять меры. Одним из главных факторов недовольства в воинской элите был закон о порядке утверждения наследников. Если удельный князь умирал в молодом возрасте, не успев обзавестись детьми, то никто из его родственников, усыновлённых в последний момент, законным наследником не признавался. В этом случае его земли считались потерявшими хозяина и изымались в пользу сёгуна. Чтобы этого избежать, кандидатуру наследника нужно было согласовать заблаговременно и по установленной форме — подать заявку, получить согласие *бакуфу*, а затем отправить претендента на собеседование. Понятно, что в случае болезни многие не успевали — из ста тридцати конфискаций, проведённых тремя первыми сёгунами, около пятидесяти произошли именно по этой причине, увеличив армию безработных самураев на сто пятьдесят тысяч человек.

При четвёртом сёгуне репрессивный закон не был полностью отменён, но его смягчили за счёт возрастного ограничения. Теперь гражданское усыновление родственника по ускоренной процедуре признавалось за-

конным, если главе дома ещё не было пятидесяти лет. К этому времени он уже должен был так или иначе определиться с преемником. Отмена закона о наследовании произошла несколько десятилетий спустя, при пятом сёгуне Цунаёси.

Несмотря на тревожное начало, правление Иэцуна оказалось на редкость мирным и спокойным. В отличие от своего скорого на расправу отца он не наказал ни одного из многочисленных родственников, да и общее число конфискаций и переназначений при четвёртом сёгуне резко сократилось. Отчасти это объяснялось личными качествами опекунов Иэцуна, отчасти — изменившейся политической ситуацией. Три поколения руководителей *бакуфу*, сменившиеся со времён Иэясу, освоились с ролью хозяев страны и приучили к этой мысли воинскую элиту. За прошедшие десятилетия стабилизировался механизм взаимоотношений между центром и периферией; усилия, которые прежде тратились на военное противостояние, стали направляться на обустройство мирной жизни.

На шестом году правления, когда сёгуну исполнилось пятнадцать лет, в Эдо произошёл пожар, ставший самым мощным и опустошительным за весь период Токугава. Он вошёл в число трёх крупнейших бедствий в японской истории и известен как «великий пожар годов Мэйрэки» (*мэйрэки тайка*). С ноября 1656 года по январь 1657 года в Эдо стояла небывалая засуха — на город не выпало ни капли дождя. Деревянные бараки в густонаселённых кварталах высохли, реки и каналы обмелели. Восемнадцатого и девятнадцатого января 1657 года в течение двадцати семи часов в городе один за другим вспыхнули три пожара, подхваченные шквальным северо-западным ветром. По свидетельствам очевидцев, из-за поднятого ветром песка и пыли видимость в тот день не превышала пяти метров. Первый, самый мощный пожар возник 18 января в час дня

в буддийском храме Хоммё в северной части города. Его удалось погасить только через тринадцать часов, уже глубокой ночью. На следующий день в одиннадцать часов утра загорелся квартал Коисикава неподалёку от первого пожара; огонь ликвидировали к шести часам вечера, но уже в четыре часа того же дня зазвонили пожарные колокола в квартале Кодзимати. На третий пожар сил уже не осталось, и он бушевал больше суток, до восьми часов вечера 20 января. За пятьдесят три часа огонь уничтожил две трети всех домов в городе. Раздуваемый ветром, он перекинулся через заполненный водой внешний ров и крепостную стену замка Эдо и охватил внутренние постройки. Сгорели Главная усадьба, Вторая усадьба, Центральная пагода и большинство хозяйственных построек. Сёгун и его окружение бежали от огня и укрылись в Западной усадьбе, единственной уцелевшей части замка. Всего в городе сгорело более ста шестидесяти усадеб *даймё*, семьсот семьдесят усадеб *хатамото*, триста пятьдесят храмов и более сорока восьми тысяч домов. Пожар 1657 года уничтожил исторический облик старого города, его изображений на рисунках почти не осталось. После застройки городской пейзаж сильно изменился.

Общее число жертв пожара подсчитать сразу не удалось; современные историки называют цифру сто восемь тысяч — больше, чем число погибших от бомбёжек во время Второй мировой войны на Японских островах (не считая оккупированных Японией территорий). По описаниям современников, кварталы, рвы, каналы и реки города были забиты тысячами обгоревших тел. Всех погибших похоронили в одной огромной яме, выкопанной на территории современного района Курода, после чего в храме Дзодзё была организована общегородская поминальная служба.

Крупнейший за всю историю пожар заставил принять меры по защите от огня. В Эдо появились четыре пожарные станции и отряды борьбы с огнём во главе с начальниками в ранге *хатамото*. Им был выделен бюджет для

Пожар годов Мэйрэки (схема)

найма сторожей-обходчиков из числа горожан; число борцов с огнём достигло трёхсот пятидесяти человек.

Замок Эдо загорелся из-за того, что рядом с главной крепостной стеной, с её внутренней стороны располагались усадьбы ближайших родственников сёгуна, трёх младших сыновей Токугава Иэясу. Для огня они послужили переходным мостом между городскими кварталами и резиденцией сёгуна. После пожара усадьбы было решено вынести за пределы крепостной стены и построить на некотором удалении от неё. Полоса пустого пространства вокруг стены замка должна была защитить его от огня в будущем. Сгоревшую Центральную пагоду, самое высокое здание на территории замка, восстанавливать не стали. Через два с половиной года Главную усадьбу отстроили заново. В январе 1659 года восемнадцатилетний Иэцуна прошёл в ней обряд совершеннолетия и в сентябре того же года поселился там, где ему и полагалось жить.

Правление

Формально четвёртый сёгун находился у власти довольно долго — двадцать девять лет, но крупных событий государственного значения за это время произошло немного. Одно из них — реорганизация в руководстве *бакуфу*: в 1662 году шесть высших должностей (советники *родзю*) были поделены на два ранга: три низших подчинены трём высшим и стали называться словом *вакадосиёри* (букв. «молодой старейшина»).

Двадцать третьего мая следующего года прибывшие на службу удельные князья собрались в замке Эдо на ежегодный инструктаж. Привычно зачитав им воинский кодекс *Букэ сёхатто*, конфуцианец Хаяси Гахо объявил о запрете обычая *цуйси* (или *дзюнси*, букв. «смерть вослед»), ритуального самоубийства вассала после смерти господина. В эпоху междоусобиц, известную многочисленными изменами и мятежами против вышестоящих, этого обычая ещё не было; первый случай произошёл в мирное время, в 1607 году. Тогда трое прямых вассалов Мацудаёра Тадаёси, четвёртого сына Токугава Иэясу, покончили с собой после смерти своего господина. Весть об этом акте самурайской верности разнеслась по всей стране и вызвала волну подражаний. Групповые самоубийства вассалов последовали после смерти крупных *даймё* Датэ Масамунэ (1636 год, пять человек), Хосокава Тадатоси (1641 год, девятнадцать человек), Набэсима Кацусигэ (1657 год, двадцать шесть человек), третьего сёгуна Иэмицу (1651 год, пять человек). Следует отметить, что после смерти Токугава Иэясу ни один из его приближённых не лишил себя жизни — основатель династии этот обычай не одобрял. Узнав о самоубийстве вассалов своего сына, он заметил, что лучше бы они проявили свою верность делами, чем бессмысленной гибелью. В другом эпизоде он выразился ещё резче, назвав такой уход из жизни «собачьей смертью» (Сомада, 2012).

Зарождению обычая *цуйси* способствовали окончание междоусобных войн и переход к мирной жизни, в ходе которой многим самураям не хватало сильных поступков и героики минувшей эпохи. Воспитанные на воинских традициях, они не понимали, как в условиях мирной жизни можно продемонстрировать свои лучшие качества, чтобы прославить фамилию и обеспечить потомкам достойную жизнь. Ритуальное «самоубийство вослед» такую возможность давало. Руководители *бакуфу* вслед за основателем династии негативно относились к этому обычаю и при каждом удобном случае напоминали воинскому сословию о его бессмысленности. Говорил об этом и третий сёгун Измицу, но после его смерти пять человек всё-таки покончили с собой. Обычай продолжал набирать силу, поэтому правительство решило вмешаться и остановить его прямым запретом.

Основанием для этого стали не гуманные, как можно было бы подумать, а общественно-политические факторы. Во-первых, обычай не совсем вписывался в изменившуюся идеологию воинской верности. Личная преданность господину была очень востребована в годы междоусобиц, но как раз тогда её и не хватало. Токугава Иэясу в период борьбы за власть эту идею поддерживал и всячески пропагандировал, но во второй половине XVII века ситуация в стране изменилась — в мирное время от воинской элиты требовалась лояльность не столько персонально сёгуну, сколько системе власти в целом независимо от того, кто её представляет в данный момент.

Во-вторых, к середине XVII века в полный рост встала проблема молодёжных банд *кабукимоно* (букв. «странные люди»)*. Члены этих группировок вызывающе ярко,

* От глагола *кабуку* («отклоняться, отличаться»). К нему же восходит и название театра Кабуки, возникшего в противоположность жанру классического театра Но.

порой абсурдно одевались, причёсывались и дерзко вели себя на улицах, всячески подчёркивая свою непохожесть на других. Будучи самураями, демонстративно носили большой меч на плече, как коромысло, пришивали к *хаори* воротники из диковинного голландского бархата, отпускали густые бороды и т. д. Первые *кабукимоно* возникли в конце XVI века при Тоётоми Хидэёси и по мере утверждения мирной жизни привлекали в свои ряды всё больше молодёжи. Власти боролись с ними почти сто лет, в том числе и при четвёртом сёгуне Иэцуна. Борьба шла по нескольким направлениям, начиная от патрулирования городских кварталов и задержания *кабукимоно* и кончая запретами всего связанного с их жизнью и привычками. Например, копируя военачальников прошлого, *кабукимоно* нанимали себе мальчиков-адъютантов, которые носили за ними меч и соломенные сандалии. Указом *бакуфу* нанимать мальчиков было запрещено. Массовые городские праздники (например, запуск воздушных змеев) давали *кабукимоно* желанные поводы для стычек, поэтому они активно в этих мероприятиях участвовали. Правительство запретило воинскому сословию запускать воздушных змеев. *Кабукимоно* ярко и нестандартно одевались — *бакуфу* издало указ о запрете ярких расцветок и фасонов. Всё это происходило в первой половине 1650-х годов. Череду административных мер увенчал указ 1656 года о запрете на широкополые шляпы с декоративным шнурком, который служил нестандартным и очень модным украшением. Самурайские патрули, с утра до вечера обходившие городские кварталы, задерживали всех нарушителей уличного дресс-кода и доставляли в Городской магистрат.

Другим направлением борьбы с *кабукимоно* была идеология. Члены молодёжных группировок исповедовали самурайский дух и мораль эпохи междоусобиц. За полвека мирной жизни события далёкого уже прошлого обросли массой легенд и романтических выдумок, кото-

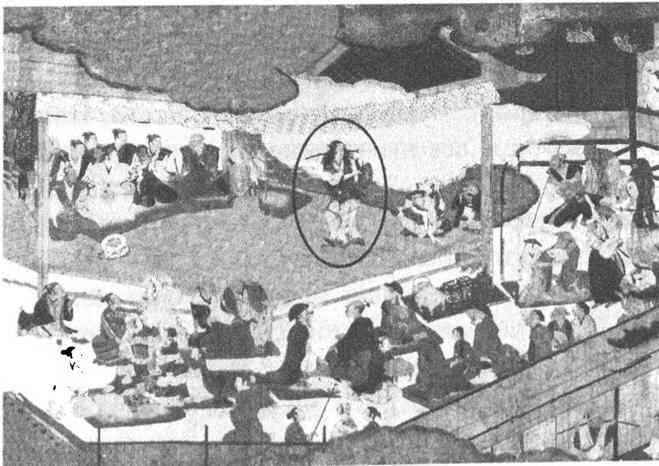

Городской патруль

рые будоражили воображение молодых самураев, мечтавших о новых сражениях и подвигах. *Кабукимоно* плотно дружили с оружием, воспевали личный героизм, нестигаемую волю и верность принципам, отличались сплочённостью и презрением ко всем, кто не входил в их ряды. Их кумиром был Отори Иппэй, идеолог движения и главарь крупной банды, арестованный и казнённый в 1612 году. Ярый сторонник самурайского кодекса чести, Иппэй выдержал в тюрьме все пытки и не сдал никого из товарищей, за что заслужил всеобщее уважение и стал легендой. В некоторых бандах *кабукимоно* поддерживался одиозный самурайский обычай проверять только что полученный от оружейника новый меч на первом попавшемся прохожем (это называлось *цудзигири*). За такое убийство приговаривали к смерти, но тем выше ценилась готовность отнять чужую жизнь и рискнуть своей собственной ради верности принципам групповой морали. Вандализм и преступления молодёжных банд создавали в обществе напряжение и требовали принятия мер. Одной из таких

мер, направленных на снижение привлекательности идеологии *кабукимоно*, и должен был стать отказ от идеи самурайской преданности непосредственному господину. Полностью с движением *кабукимоно* удалось справиться только к концу XVII века, при пятом сёгуне Цунаёси.

Исполнителя ритуального самоубийства *цуйси* или его умершего господина наказать уже было невозможно, поэтому указ *бакуфу* был рассчитан на их потомков. Первый случай произошёл через шесть лет, в феврале 1668 года. В провинции Симоса от болезни умер *даймё* Окудайра Тадамаса, и его вассал Сугиура Уэмонхэй покончил с собой, проявив традиционную верность и проигнорировав указ *бакуфу*. Реакция была суровой. В августе того же года сын умершего Окудайра был наказан сокращением дохода на двадцать тысяч *коку* риса и переведён в удалённую провинцию Дэва. Что касается покончившего с собой Сугиура, то два его сына были казнены, а два зятя лишены имущества и вместе с семьями отправлены в ссылку. После этого «самоубийства вослед» прекратились.

Кабукимоно среди горожан (гравюра)

В апреле 1663 года двадцатидвухлетний Иэцуна совершил паломничество в Никко. Последним здесь был его отец Иэмицу пятнадцать лет назад. Почтив память основателя династии, четвёртый сёгун продемонстрировал, что время его наставников подходит к концу и теперь он будет править самостоятельно. Эта неформальная инаугурация была отмечена выходом следующей редакции воинского кодекса с двумя новыми и тремя видоизменёнными статьями. Впрочем, внесённые изменения не имели большого значения.

С апреля по август 1664 года все *даймё* с доходом более десяти тысяч *коку* риса получили от сёгуна двести двенадцать грамот, подтверждающих их земельное право, в том числе сто шестьдесят восемь грамот — на земли с доходом от десяти до ста тысяч *коку* и пятьдесят одну грамоту — на доход более ста тысяч. Обновление грамот, символизировавшее собой перезаключение вассальных договоров между сёгуном и крупнейшими феодальными домами, служило важным условием стабильности в системе власти. Через год такие же грамоты были пожалованы императорскому дому, высшей аристократии и крупнейшим храмам.

В том же 1664 году правительство сделало первый шаг к созданию системы регистрации населения, хотя изначально преследовало совсем другую цель. В стране уже несколько десятилетий действовал закон, по которому всех японцев, отрёкшихся от христианства, полагалось регистрировать в буддийских храмах, однако выполнялся он плохо, поэтому правительство постоянно к нему возвращалось. В ноябре 1664 года землевладельцы и наместники *бакуфу* в очередной раз получили предписание провести регистрацию всех крестьян и указать храмы, к которым они приписаны. Несмотря на то что работа была выполнена с большими огрехами, впоследствии на её основе удалось определить примерную численность и состав населения

в XVII веке. Ещё через несколько лет были унифицированы меры веса и объёма, отличавшиеся на востоке и на западе страны. Сёгун Иэцуна ко всем этим преобразованиям отношения не имел — ими занимались чиновники.

В апреле 1665 года в замке отмечали пятидесятилетие со дня смерти основателя династии*. В связи с этим правительство в июле того же года объявило о смягчении режима содержания семей *даймё* в городе Эдо. Первых заложников здесь приняли в 1599 году, после того как был раскрыт заговор против Токугава Иэясу. За прошедшие шестьдесят шесть лет их число многократно возросло — под надзором Тайной службы в Эдо жили семьи не только самих удельных князей, но и их ближайших вассалов в ранге старейшин (*каро*). Это должно было удерживать *даймё* от участия в заговорах против правительства, а старейшин — от заговоров против *даймё*. Всего на положении заложников в тот момент в Эдо жили двадцать девять семей *тодзама даймё* и шесть семей дальних родственников Токугава, вызывавших подозрения *бакуфу*. До 1665 года они могли выезжать из города только с личного разрешения сёгуна, теперь же его можно было получить у одного из начальников магистратов (*бугё*). Инициатива смягчения правил принадлежала пятидесятичетырёхлетнему дяде четвёртого сёгуна Хосина Масаюки. Запрет обычая *цуйси* и смягчение режима содержания заложников стали самыми крупными изменениями в жизни воинской элиты во второй половине XVII века; в японской

* Токугава Иэясу умер в 1616 году, поэтому по западному календарю годовщина должна была отмечаться в 1666 году, однако в японской системе летосчисления первый год новой эпохи правления заканчивался одновременно с календарным, даже если длился менее шести месяцев, поэтому следующий календарный год становился вторым в данной эпохе правления. Эта традиция существует в Японии и сегодня. Например, компания, основанная в сентябре 2000 года, будет отмечать свой тридцатилетний юбилей не в 2030 году, а в сентябре 2029 года, поскольку это тридцатый год её существования.

истории их именуют «двумя великими благодеяниями годов Камбун» (*камбун но нидайбидзи*).

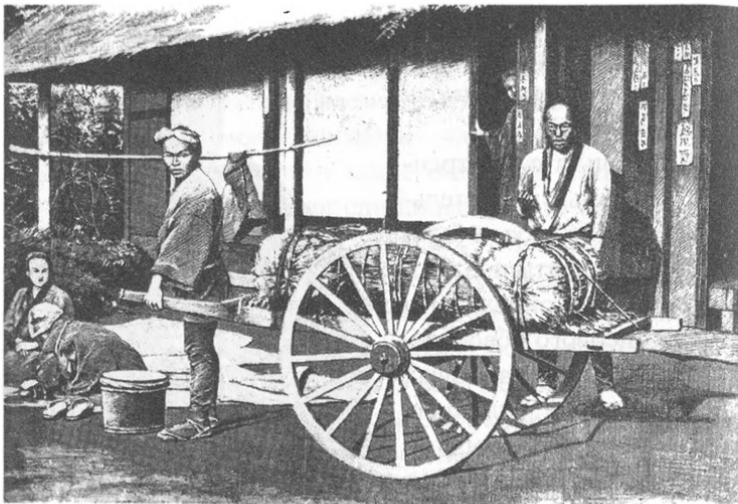
В результате внутренней реформы правительства 1666–1667 годов было упорядочено штатное расписание и определены ставки рисового обеспечения должностей в новых единицах (*хё*), отличных от тех, которыми оценивался рисовый урожай на корню. Словом *хё* в то время называли соломенный

Хосина Масаюки

мешок с рисом, туго перевязанный верёвками. Мешки служили для перевозки и хранения риса, ими же измерялся и его объём, хотя в разных провинциях вес мешка мог варьировать от тридцати до шестидесяти килограммов. Принятым на правительственную службу *даймё* и *хатамото* в дополнение к прежнему доходу назначалось рисовое содержание от пятидесяти *хё* (руководителю группы младших адъютантов) до двух тысяч *хё* (начальнику охраны замка).

В финансовом отношении правление Иэцуна оказалось чрезвычайно затратным. Отец оставил ему казну с шестью миллионами *рё* золотом, а к 1680 году запас сократился до одного миллиона. Наибольший ущерб благосостоянию династии нанёс пожар 1657 года: только на восстановление Главной усадьбы замка ушло около миллиона *рё*, и ещё столько же было выдано в виде материальной помощи родственникам и крупным храмам. В 1661 году из шести миллионов *рё* в казне оставалось три с половиной. Между тем рудники давали всё меньше

Рисовая мера хё

драгоценных металлов, и они продолжали вывозиться из страны иностранными торговцами. При четвёртом сёгуне экономические проблемы понемногу накапливались, но в полную силу не проявились — их пришлось решать его преемнику.

В 1667 году на окраине страны вспыхнул вооружённый конфликт, не имевший прямого отношения к центральной власти. В то время большая часть острова Хоккайдо принадлежала племенам айну, далёким потомкам первых переселенцев с материка. Юго-западную оконечность острова контролировала семья Мацумаэ, в 1604 году получившая от Токугава Иэясу монопольное право на торговлю с местными племенами. Раздавая своим вассалам соседние земли, дом Мацумаэ постепенно продвигался в глубь острова и оттеснял племена айну на север, а монопольное положение позволяло ему диктовать цены на собираемые у аборигенов мех и рыбу. Всё это служило источ-

ником напряжения в отношениях с местным населением. Во второй половине 1660-х годов на острове произошёл вооружённый конфликт, вынудивший главу Мацумаэ обратиться за помощью к правительству. Получив подкрепление, он сначала нанёс поражение местным племенам, а затем пригласил их вождей в свой замок на подписание мирного договора и вероломно всех убил. В 1671 году жители острова были вынуждены признать зависимость от Мацумаэ и стали его вассалами.

* * *

В годы правления четвёртого сёгуна появились первые работы по истории японского общества. Правда, руководство страны не имело к этому никакого отношения; в 1657 году инициативу проявил Токугава Мицукуни (1628–1701), глава дома Мито и внук Иэясу. Под влиянием китайских хроник он заинтересовался отечественной историей и в 1657 году загорелся идеей составить полное её описание. В то время Мицукуни шёл тридцатый год, и он не был ещё главой дома, но тем не менее нанял на службу четверых конфуцианских учёных и создал для них отдел исторических изысканий. Главная работа началась через четыре года, когда Мицукуни сменил отца на посту главы княжества Мито. Пожар годов Мэйрэки уничтожил большую часть источников, хранившихся в столичной усадьбе княжества, поэтому дело продвигалось крайне медленно. Многотомный труд, известный под назва-

Токугава Мицукуни

нием «История великой Японии» (*дайнихонси*), составлялся в течение всей жизни Мицукуни и ещё почти двести лет после его смерти; работа была закончена только в 1906 году. Таким образом, внук Токугава Иэясу положил начало историческому направлению в отечественной научной школе (*кокугаку*).

В годы правления четвёртого сёгуна зародился новый жанр в национальном изобразительном искусстве *укиёэ* (букв. «образы изменчивого мира»). Если до XVII века на картинах изображали только людей, облечённых властью, то новый жанр сделал своими героями простых горожан в их повседневной жизни. В начале XVII века в стиле *укиёэ* рисовали малоизвестные художники двух школ — Кано и Тоса. Их вклад в развитие жанра был невелик и лишь обозначил новое направление. Гораздо больше сделали художники следующих поколений, особенно учившийся у первопроходцев Хисикава Моронобу (1618–1694), которого считают подлинным основателем этого жанра. Однако прославился он не картинами, а книжными иллюстрациями. Пожалуй, самая известная его книга — это иллюстрированный путеводитель Эдо.

Новый жанр быстро приобрёл популярность и дал изобразительному искусству имена последователей Хисикава — Тории Киёнобу и Киёмасу, Кайкэцудо Андо, Миягава Тёсюн, Окумура Масанобу и других художников. Все они начинали с театральных декораций, а затем переходили к изображению людей, главным образом известных или красивых женщин. Первое время рисовали на бумаге, но, поскольку пожары регулярно уничтожали плоды их труда, художники нашли выход в изготовлении деревянных матриц: рисунок наносили на обработанную деревянную поверхность, с которой его можно было копировать на бумагу или ткань неограниченное число раз. Так городские пожары ускорили внедрение нового метода художественной печати и помогли Эдо обойти в этом им-

ператорскую столицу, традиционный центр печатного ремесла. Впрочем, это произошло позже, уже после смерти четвёртого сёгуна.

В 1671 году Иэцуна исполнилось тридцать лет. К государственным делам он относился по-прежнему — ни во что не вникал. Ни один из трёх его предшественников не отдавал столь явного предпочтения личной жизни перед общественной. От отца он унаследовал любовь к театральным представлениям, но в отличие от него сам не сцену на выходил, а только смотрел. Ещё он увлекался живописью. В замок часто приглашали художников, сёгун любил смотреть, как они рисуют, сам тоже иногда брал в руки кисть и тушечницу. Как все его современники, занимался боевыми искусствами, ездил охотиться и ловить рыбу, увлекался чайной церемонией.

Иэцуна прожил девятнадцать лет в браке с дочерью наследного принца Фусиминомия по имени Акико (1640–1676), однако ни от жены, ни от двух наложниц детей не имел. Отсутствие наследника вызывало некоторую тревогу в ближайшем окружении сёгуна, однако он был ещё молод, и наличие двух младших братьев позволяло надеяться, что прямая линия наследования на нём не прервётся. В 1678 году средний брат Цунасигэ тяжело заболел и умер, остался младший Цунаёси. А вскоре после этого начались проблемы со здоровьем и у самого Иэцуна. Он вообще ча-

Вождь айну

сто болел, в том числе и зимой 1579 года, когда простуда то и дело укладывала его в постель. Новогодний ритуал 1680 года сёгун выдержал с большим трудом; нелегко ему далась и серия аудиенций по случаю приближающегося сорокалетия. Первого мая 1680 года самочувствие правителя резко ухудшилось, и, согласно семейной хронике, через четыре дня он уже не вставал с постели, жаловался на боли в груди и трудности с глотанием пищи; причину недомогания врачи назвать не могли. Шестого мая у ложа сёгуна собрались ближайшие родственники, в том числе младший брат Цунаёси и племянник Цунатоё, чтобы определиться с кандидатурой преемника. Выбор был очевиден — им стал ближайший родственник, младший брат сёгуна. Здесь же, на месте, была проведена необходимая для наследования процедура гражданского усыновления, и Цунаёси официально объявили преемником на тот случай, если Иэцуна не поправится.

На следующий день младший брат прибыл в замок и получил от главы правительства сёгунские регалии — большой и малый меч и звание Советника императорского двора. Срочно собравшимся в замке *даймё* объявили о вчерашнем решении и официально представили преемника. Восьмого мая Иэцуна в последний раз собрал у своей постели родственников и руководителей *бакуфу*, а к вечеру впал в беспамятство и скончался. Причина его болезни и смерти точно неизвестна. Современные врачи считают, что это мог быть диффузный спазм пищевода на фоне воспаления лёгких или хронической сердечной недостаточности (Синода, 2005). О кончине правителя было объявлено на следующий день, а похороны состоялись 26 мая 1680 года в храме Канъэй в столичном районе Уэно.

Формально четвёртый сёгун находился у власти двадцать девять лет, из них в совершеннолетнем возрасте — семнадцать, и стал первым номинальным правителем в истории династии, не принимавшим реального участия

в работе правительства. При Иэцуна произошёл переход от военных методов правления к гражданским, страна неторопливо и без особых потрясений шла вперёд, навстречу новым переменам. Правление четвёртого сёгуна показало, что в условиях мирного времени сложившаяся система власти вполне может функционировать и без участия первого лица. Осознание этого факта ещё не раз повлияет на распределение полномочий и расклад сил в высшем эшелоне власти.

Пятый сёгун Цунаёси

(1646–1709, годы правления 1680–1709)

Путь к власти

Пятый сёгун династии Токугава родился 8 января 1646 года в замке Эдо четвёртым по счёту сыном Иэмицу. Новорождённого нарекли детским именем Токумацу. Его мать Тама (впоследствии Кэйсёин), дочь городского овощника, в семнадцатилетнем возрасте попала на глаза кормилице сёгуна, оказалась в замке Эдо и впоследствии родила Иэмицу двух сыновей. При трёх старших братьях шансы Токумацу на то, что он когда-либо окажется на вершине власти, были не особенно велики, тем не менее он рос и воспитывался как сын действующего

сёгуна. В пятилетнем возрасте отец наделил его земельными владениями с доходом в сто пятьдесят тысяч коку риса и поселил с матерью в отдельной городской усадьбе. Во время Великого пожара годов Мэйрэки она сгорела, и мать с сыном переехали в другую, в районе Канда. В четырнадцать лет Токумацу стал совершеннолетним, получил взрослое имя Цунаёси и новые владения в провинции Кодзукэ; его доход увеличился до двухсот пятидесяти тысяч коку риса. Однако в своей провинциальной резиденции Цунаёси побывал лишь раз за всю жизнь — в 1663 году, на обратном пути из Никко, где вместе со старшим братом отдал дань памяти своему прадеду Иэясу. В восемнадцать лет будущий пятый сёгун женился на девушке из знатного аристократического рода Такацукаса по имени Нобуко (1661–1709), с которой прожил в браке всю жизнь. Общих детей у супругов не было, но наложница по имени Дэн в 1677 году родила ему дочь Цуру (1677–1704), а ещё через два года — сына, которого в честь отца назвали детским именем Токумацу (1679–1683).

В отличие от отца и деда Цунаёси никогда не проявлял интереса к оружию и боевым искусствам, зато много читал и с удовольствием слушал лекции по конфуцианству. Уже в раннем возрасте было заметно, что мальчик от природы наделён хорошими способностями. Узнав об этом, отец велел воспитателям приучать сына к сдержанности и прививать ему почтительность к старшим, иначе в будущем с ним могут быть проблемы (*Буя сёкудан*). Возможно, на воспитание младшего сына Иэмицу повлияла история его собственного детства, прошедшего в борьбе со способным и честолюбивым младшим братом Таданага. Не желая повторения такого соперничества среди своих сыновей, третий сёгун сделал всё, чтобы удалить младшего сына от военного дела и претензий на власть в будущем.

Его стратегия вполне могла оправдаться, если бы старшие братья Цунаёси были более здоровыми и жизнеспособными.

собными. Он прожил бы свою жизнь в богатстве и чести, как близкий родственник сёгуна, но судьба распорядилась иначе — все три его старших брата умерли. Третий по очерёдности рождения Камэмацу — в младенчестве, второй Цунасигэ (1644–1678) — в тридцать четыре года, а старший Иэцуна — в тридцать восемь лет. Родных детей у четвёртого сёгуна не было, поэтому преемником стал его единственный младший брат. Впервые в истории династии Токугава произошло отклонение от линии прямого наследования, от отца к сыну.

Шестого мая 1680 года в замке Эдо прошла гражданская процедура усыновления, после которой Цунаёси стал приёмным сыном своего старшего брата. На следующий день он переехал из городской усадьбы в замок Эдо; будущий правитель не мог жить в обычном доме, как рядовой *даймё*. В тот же день он получил все необходимые преемнику регалии — второй придворный ранг и должность Старшего советника двора (*гондайнагон*). Затем старший брат передал ему семейные реликвии и символы власти — большой меч работы Хондзэ Масамунэ и малый меч Раи Кунимицу. В тот же день глава *бакуфу* Сакаи Тадакиё официально объявил Цунаёси преемником перед собравшимися в замке *даймё* и *хатамото*.

С формальностями по передаче власти спешили не зря — через два дня после усыновления, 8 мая, сёгун Иэцуна умер. Ещё несколько недель в замке Эдо выжидали, не объявится ли беременность у кого-то из его наложниц, однако этого не произошло, и правительство начало подготовку к церемонии вступления в должность Цунаёси.

Семейная хроника Токугава содержит запись о попытке переворота, которую после смерти Иэцуна якобы предпринял неформальный глава *бакуфу* Сакаи Тадакиё. Автор пишет, что Сакаи заблаговременно пригласил в Эдо наследного принца Арисугаваномия, чтобы после смерти четвёртого сёгуна передать ему власть. Свою версию он

объясняет прецедентом эпохи Камакура, когда один из регентов Ходзё действительно организовал передачу высшей воинской власти члену императорской семьи. Вероятнее всего, основанием для этого утверждения послужило присутствие в Эдо принца Арисугаваномия с марта по май 1680 года в рамках ежегодного обмена делегациями между *бакуфу* и императорским домом. Седьмого мая, за день до смерти четвёртого сёгуна, принц был принят в замке и передал Иэцуна подарки от императора. Одиннадцатого мая, уже во время траура, он присутствовал на званом ужине, получил ответные подарки и через пять дней выехал в Киото (Омори, 1998).

Хроники *бакуфу* не содержат упоминаний о том, что между Сакаи Тадакиё и наследным принцем были какие-то особые отношения, поэтому вряд ли запись в *Токугава дзикки* соответствует действительности. Не исключено, что при обсуждении кандидатуры преемника глава *бакуфу* мог упомянуть имя наследного принца, однако нет оснований думать, что это предложение могло быть реализовано или хотя бы всерьёз рассматривалось. Вероятнее всего, обвинение в попытке перехвата власти понадобилось, чтобы объяснить изгнание Сакаи после вступления в должность Цунаёси. Решающую роль в этом сыграл Хотта Масатоси (1634–1684), ближайший помощник нового сёгуна, мечтавший стать при нём таким же полномочным распорядителем, каким был Сакаи при Иэцуна.

Похороны четвёртого сёгуна состоялись через семнадцать дней после смерти, 26 мая. В период траура Цунаёси жил во Второй усадьбе замка и вёл себя как преемник, но ещё не как правитель. Первое, что ему пришлось сделать перед назначением на пост, — это почтить память трёх первых сёгунов Токугава. Исполнив ритуал, Цунаёси 10 июля вместе с женой Нобуко переехал в Главную усадьбу замка, а вслед за ним туда переселились и его городские вассалы во главе со старейшиной

дома Макино Нарисада (1634–1712). Через полтора месяца, 23 августа 1680 года, состоялась церемония вступления в должность, на которой Цунаёси в присутствии воинской элиты был объявлен пятым сёгуном Токугава. На этом закончился первый, тридцатичетырёхлетний этап его жизни и начался второй.

Правление

Вне связи с личностью пятого сёгуна следует отметить, что в годы его правления расцвёл талант целой плеяды таких известных деятелей науки и культуры, как учёные Араи Хакусэки, Ито Дзинсай, Исида Байган, литераторы Мацуо Басё, Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон, философ и педагог Каибара Экикэн, мастер живописи Хисикава Моронобу. К моменту вступления в должность тридцатичетырёхлетний Цунаёси уже имел вполне сложившиеся взгляды и представления обо всём в этом мире. Он много лет управлял своими владениями и занимался решением хозяйственных проблем, от которых не избавляли даже родственные связи. В декабре 1678 года ему пришлось взять в *бакуфу* заём в двадцать тысяч *коку* риса (тридцать тысяч центнеров) и ввести на своих землях суровый режим экономии. Он знал, что старший брат совершенно не занимался государственными делами и казна за годы его правления изрядно опустела, поэтому приступил к делу сразу после окончания траура по Иэцуна, за месяц до вступления в должность. В июле 1680 года Цунаёси создал группу из пяти чиновников во главе с Хотта Масатоси для инспекции земельных угодий Токугава. Чиновникам было приказано объехать все земельные владения, найти резервы и обеспечить повышение урожайности полей и увеличение поставок риса. При этом наместникам было приказано передать распоряжение Цунаёси — жизнь кре-

стьян на его землях не должна ухудшиться. Это было в новинку: ни один из предыдущих сёгунов уровнем жизни крестьян специально не интересовался.

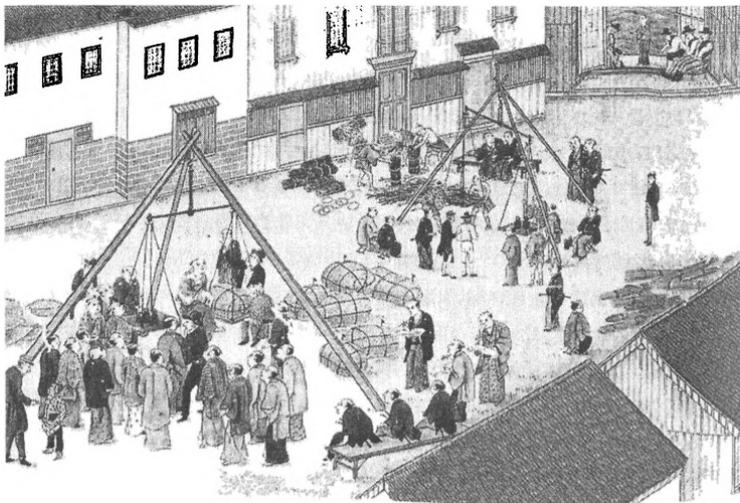
Ещё более важной задачей на первом этапе было создание собственной команды вассалов. На эту роль могли претендовать только те, кто служил в городской усадьбе Цунаёси или управлял его землями в провинции Кодзукэ. Среди последних большинство составляли потомственные вассалы из клана Татэбаяси; они и вошли в ближайшее окружение нового сёгуна. Кроме них на службу было принято ещё более пятисот человек со стороны; около половины получили правительственные должности.

Отец Цунаёси, третий сёгун Иэмицу, умер, когда мальчику было пять лет, поэтому он его почти не помнил. Рядом с ним всегда находилась мать, к которой он испытывал чрезвычайную привязанность. Согласно семейной хронике, когда она болела, сын очень переживал и стремился быть рядом с ней; на этом основании некоторые историки говорят об эдиповом комплексе пятого сёгуна. Его мать Кэйсэин (1627–1705), очень набожная и добродетельная женщина, с детства окружила сына заботой и приобщила его к конфуцианским моральным ценностям. Мальчик регулярно слушал проповеди с толкованием классических китайских трактатов, серьёзно ими увлёкся и уже в юности сам начал выступать с лекциями. С глубоким почтением относился он и к синтоистскому ритуалу. Когда в октябре 1678 года в замке с радостью объявили о том, что одна из наложниц сёгуна Иэцуна наконец забеременела, Цунаёси сам провёл синтоистский обряд во здравие будущей матери и её ребёнка.

Свои отношения с внешним миром пятый сёгун в силу полученного воспитания строил исключительно на конфуцианской основе. Пополнение казны и облегчение крестьянской доли он также объяснял необходимостью соблюдать конфуцианскую заповедь *мин ва куни но мото*,

ри ва мин но ятои («народ — основа государства, чиновники — слуги народа»). В соответствии с этим постулатом Цунаёси потребовал увеличить урожайность полей и поставок риса на своих землях, а также искоренить злоупотребления наместников и облегчить жизнь крестьян. Это был первый в истории сёгуната случай, когда в указе *бакуфу* появились слова о долге чиновников перед крестьянами. Цунаёси действительно ужесточил требования к своим наместникам и придерживался этой линии на протяжении всей жизни. За двадцать девять лет его правления из шестидесяти представителей *бакуфу* на местах различным видам наказания, вплоть до смертной казни, подвергся пятьдесят один человек, в том числе пятнадцать чиновников — за взятки (Нисидзава, 2004; Фукаи, 2012).

Через четыре месяца после вступления в должность, в декабре 1680 года, Цунаёси отправил в отставку прежнего главу правительства Сакаи Тадакиё и назначил на его место своего человека Хотта Масатоси, сына того само-

Взвешивание риса

го Хотта Масамори, который покончил с собой после смерти Иэмицу. Огромная усадьба Сакаи рядом с главными воротами замка Отэмон тоже досталась новому фавориту. Хотта взял на себя все внешние контакты замка Эдо, а Макино Нарисада (1634–1712) стал ответственным за его внутреннюю жизнь. В том же году правительство объявило о начале новой эпохи правления Тэнна (букв. «небесный мир»).

Макино Нарисада

Пятый сёгун Цунаёси находился у власти двадцать девять лет — столько же, сколько его старший брат Иэцуна, но это была совсем другая эпоха. В японской истории она чётко подразделяется на две части: первые четыре года (*Тэнна но ти*, «правление годов Тэнна») и последние двадцать пять лет (*собаёнин но ти*, «эпоха порученцев»). Цунаёси начал своё правление очень энергично и решительно, опираясь на конфуцианский принцип справедливости и соразмерности как в деле наказаний за проступки, так и в поощрениях за успехи. Эти годы считаются благополучными и положительно оцениваются в японской истории.

В июне 1681 года Цунаёси пересмотрел дело семилетней давности о конфликте в семье родственников, связанном с проблемой наследования (*Этиго содо*, букв. «мятеж в Этиго»). Тогдашний глава *бакуфу* Сакаи Тадакиё спустил дело на тормозах, а покладистый Иэцуна с ним согласился. Цунаёси к нему вернулся и наказал не только главу дома Мацудайра Мицунага (1616–1707) конфиска-

цией всех владений, но и других родственников, имевших отношение к конфликту. После миролюбивого и ни во что не вмешивавшегося Иэцуна такой поворот событий стал неожиданностью для воинской элиты и показал, что наступили новые времена. Цунаёси и в дальнейшем продолжал политику наказаний: за двадцать девять лет правления он издал сорок шесть таких указов (почти в два раза больше, чем старший брат), а общий объём конфискованного им дохода составил 1,6 миллиона *коку* риса (больше, чем в два раза, по сравнению с Иэцуна). Следующие три сёгуна прибегали к наказаниям гораздо реже, поэтому Цунаёси можно считать последним «репрессивным правителем» в династии Токугава.

Таблица

Административные наказания удельных князей

Сёгун	Годы правления	Общее число наказаний / объём изъятого дохода	Число наказаний за год / объём изъятого дохода
Четвёртый Иэцуна	1651–1680	26 / 800 000 <i>коку</i>	0,86 / 2,6 <i>коку</i>
Пятый Цунаёси	1680–1709	46 / 1 610 000 <i>коку</i>	1,6 / 5,7 <i>коку</i>
Шестой Иэнобу и седьмой Иэцугу	1709–1716	5 / 180 000 <i>коку</i>	0,7 / 2,5 <i>коку</i>
Восьмой Ёсимунэ	1716–1745	12 / 310 000 <i>коку</i>	0,4 / 1,0 <i>коку</i>

Источник: Фукаи Масауми. Цунаёси и Ёсимунэ. Ёсикава кобункан, 2012, с. 33.

Обмер полей и оценка урожая

Так же часто подвергались административным наказаниям и *хатамото*, исторические союзники правящей династии, — более тысячи ста человек за все годы правления Цунаёси, одна пятая часть от общего числа. Чаше всего наказывали за недобросовестное выполнение служебных обязанностей. На конфискованных землях заново производились обмеры полей и оценка их урожайности, менялись наместники. То же самое делалось и в семейных владениях Токугава. За период с 1680 по 1697 год их урожайность возросла на треть, а доход казны — почти наполовину. Так что в хозяйственно-экономическом плане политика пятого сёгуна дала хороший результат.

Для воспитания населения и приобщения его к конфуцианским моральным ценностям Цунаёси в 1682 году издал указ об установке в центре и на местах информационных щитов. Они доводили до жителей распоряжения властей и главные постулаты конфуцианского учения:

честное служение вышестоящим, почтение к родителям, добрые отношения с братьями, сёстрами, соседями и вообще со всеми равными, покровительство и забота о младших.

В мае 1683 года в четырёхлетнем возрасте умер Токумацу, единственный сын и наследник пятого сёгуна. Это стало для него большим ударом и подтолкнуло к мысли навести порядок в траурном ритуале, систематизировать разрозненные правила, которых придерживались до этого. Эти правила были введены серией указов Токугава Иэясу в начале XVII века и в основном касались тех, у кого умирал близкий родственник. Чтобы предотвратить распространение скверны, которую несёт с собой смерть, родственникам умершего во время траура запрещалось появляться в замке Эдо, а те, с кем они встречались, должны были в тот же день совершить ритуальное омовение. Истоки этой традиции уходят в боевое прошлое самураев, неразрывно связанное с ранами, кровью и смертью — всем тем, что считалось нечистым и чего следовало избегать. По этой же причине в замке сёгуна запрещалось проливать кровь — за применение оружия наказывали беспощадно.

В июне 1683 года Цунаёси поручил правительственным конфуцианцам продумать и представить ему новые, более совершенные правила, связанные с посмертным ритуалом. Через десять месяцев «Траурный указ» (*буккирэй*) был готов. Сначала его зачитали всем прибывшим на службу *даймё*, а затем разослали в провинции. Всё время, в течение которого родственники умершего должны были соблюдать особые правила, делилось в нём на два периода — очищение (*ими*) и восстановление (*мо*). Во время очищения родственнику умершего запрещалось ходить на службу, брить лоб и есть скоромную пищу (рыбу, мясо). Чиновникам *бакуфу* в интересах службы срок *ими* мог быть сокращён специальным разрешением сёгуна. В пе-

риод восстановления *мо* эти ограничения снимались, но оставались другие: родственник умершего не мог сопровождать сёгуна во время его выездов из замка и вообще не должен был попадаться ему на глаза. Сроки карантина различались в зависимости от степени близости к умершему. Если это были отец или мать, то детям следовало соблюдать правила *ими* в течение пятидесяти дней, а правила *мо* — тринадцать месяцев. Если умирали бабушка, бабушка или кто-то из приёмных родителей, то тридцать и сто пятьдесят дней соответственно. Для жены в случае смерти мужа — тридцать дней и тринадцать месяцев; для мужа в случае смерти жены или старшего сына — четырнадцать и девяносто дней; для братьев и сестёр — двадцать и девяносто дней соответственно.

В случае смерти самого сёгуна траурные ограничения распространялись только на его родственников, но поведение всех остальных в этот период регламентировалось другими правилами. Самураям всех рангов запрещалось участвовать в развлекательных мероприятиях, а также брить лоб и лицо. Сроки траура различались в зависимости от социального положения и степени близости к семье Токугава. Эти правила были впервые применены на практике после смерти самого Цунаёси. Служащие *бакуфу* рангом ниже *досин** соблюдали траур одиннадцать дней, чиновники более высокого уровня, но без права личной аудиенции — пятнадцать дней, *тодзама даймё* и *хатамото* — тридцать один день, их прямые вассалы — тридцать четыре дня, родственники Токугава из «трёх великих домов» — тридцать пять дней. Общее правило: чем выше ранг и степень родства, тем дольше траур. После смерти Цунаёси запрет на театральные представления, чайные церемонии и другие развлечения был снят через пятьдесят дней.

* Ранг *досин* примерно соответствовал современной должности начальника городского отдела полиции.

Следующее усиление конфуцианского влияния произошло по линии кодекса *Букэ сёхатто*. В июле 1684 года Цунаёси добавил в него два новых пункта: преданное служение господину (*тёко*) и строгое соблюдение этикета (*рэйги*). В какой-то степени это соответствовало изменениям общественной морали за прошедшие десятилетия. Опора на силу, главный фактор удержания власти при первых трёх сёгунах, отошла на второй план и уступила место моральным обязательствам вассалов перед вышестоящими. Убийство, считавшееся признаком доблести в военное время, перестало быть таковым, а внимание к траурному ритуалу, наоборот, возросло. Пропитанный духом конфуцианства «Траурный указ» пятого сёгуна стал следующей вехой в процессе становления норм и обычаев гражданской жизни.

Первые четыре года правления Цунаёси главным исполнителем и отчасти вдохновителем его новаций был Хотта Масатоси. В январе 1684 года сёгун оценил его заслуги, уравнив в статусе с главами «трёх великих домов» (*госанкэ*) и сделав вторым человеком в системе власти. Но через семь месяцев ближайший соратник сёгуна был убит своим племянником Инаба Масаясу (1640–1684), тоже чиновником *бакуфу* в ранге *вакадосиёри*. В возникшей после нападения суматохе нападавший погиб, поэтому мотивы покушения до сих пор не вполне ясны.

После убийства Хотта в отношениях сёгуна с приближёнными произошла резкая перемена: он распорядился отселить их подальше от своих покоев и стал общаться с ними только через личных адъютантов, которым полностью доверял. Эта перемена ознаменовала переход ко второму, двадцатипятилетнему этапу правления Цунаёси.

Его главной отличительной чертой стало возвышение узкого круга личных адъютантов (*собаёнин*, букв. «ближайшие порученцы»), которые формально считались его

представителями, а фактически контролировали руководителей *бакуфу*. Адьютанты числились на правительственных должностях и получали соответствующее содержание, так же как советники *родзю*, их помощники *вакадосиёри*, лекари, учёные, священнослужители и т. д. Они подразделялись на две категории, *косё* и *конандо*, по своему статусу и выполняемым обязанностям близкие к должностям камергеров в европейских монархических домах, которые тоже делились на старших (обер-камергер) и младших (камер-юнкер). В замке Эдо адъютанты в ранге *косё* выполняли функции старших порученцев сёгуна и могли отдавать приказы младшим *конандо*. И тех, и других набирали в юные годы из семей *хатамото*, как правило, с небольшим доходом в десять-тридцать тысяч *коку* риса и за работу ничего не платили — честь прислуживать сёгуну сама по себе дорогого стоила. В большинстве случаев близость к правителю служила достаточным основанием для расширения земельных владений и увеличения дохода семьи адъютанта; об этом все знали, поэтому занять должность *косё* или *конандо* считалось делом в высшей степени почётным и очень перспективным. В негласной табели о рангах адъютанты сёгуна примерно соответствовали уровню советников *бакуфу* и в разные периоды могли быть выше или ниже их, в зависимости от расположения первого лица. Долгое время число адъютантов и их служебные обязанности никак не регламентировались и зависели исключительно от желания сёгуна.

Цунаёси имел обыкновение выделять в ближайшем окружении кого-то одного и через него общаться со всеми остальными. С 1684 по 1688 год это был его бывший управляющий городской усадьбой Макино Нарисада, а после 1688 года — *родзю* Янагисава Ёсиясу (1658–1714).

При предыдущих сёгунах *собаёнин* выполняли функции передаточного звена между ним и советниками *бакуфу*, но при Цунаёси они сначала встали вровень с совет-

никами, а затем и возвысились над ними. Адъютанты *косё* на регулярной основе участвовали в обсуждении важных вопросов наравне с советниками и докладывали сёгуну результаты обсуждения, причём так, как считали нужным. Советники, не имевшие доступа к Цунаёси, были вынуждены это учитывать и, соответственно, строить свои отношения с адъютантами. При пятом сёгуне «доступ к телу правителя» стал ключевым фактором влиятельности, и выиграли от этого его личные адъютанты. Удельные князья быстро разобрались в новом порядке и стали обращаться с ходатайствами исключительно к *собаёнин*, а после возвышения Янагисава — лично к нему.

Законы о защите всего живого

Через одиннадцать месяцев после убийства Хотта Масатоси, в июле 1685 года, вышел первый из серии «Указов о защите всего живого» (*сёруй аварэми но рэй*). Обращение к этой теме стало естественным развитием конфуцианских представлений Цунаёси о добродетельном и мудром правителе.

Меры по защите животных начались с малого: в первом указе говорилось о том, что во время выездов сёгуна за пределы замка собаки и кошки могли свободно гулять по тем улицам, где он проезжал. До этого хозяева домашних животных должны были в такие дни держать их заперти. Через два месяца вышел следующий указ — о запрете сбруи, с помощью которой лошадям поджимали брюшные мышцы и приподнимали хвост. Это делалось для красоты и благообразия внешнего вида животных, но ограничивало движения и доставляло им боль. Запрет был разослан во все провинции с требованием ознакомить под роспись деревенских старост и старших в крестьянских

пятидворках, а через них оповестить всё население, в том числе и безлошадных крестьян. В ноябре того же года было запрещено употреблять в пищу мясо, рыбу, креветки и даже моллюсков. Первыми на вегетарианскую диету перешли обитатели замка Эдо, а вскоре их примеру были вынуждены последовать и остальные горожане. Получив указ *бакуфу*, клан Сацума принял его к исполнению и переправил правителю островного государства Рюкю, девяносто лет назад признавшего себя вассалом Японии. Так о новшествах Цунаёси стало известно даже на удалённых от Японии островах.

Дальше всё шло по нарастающей. В следующих указах сёгун потребовал от населения заботиться о бездомных животных и подкармливать их, а также запретил доставлять им какие-либо неудобства. В 1686 году на этот счёт вышло четыре распоряжения, а в следующем — уже восемнадцать. Все они добавляли к предыдущим приказам какие-то новые детали. Правительственные указы на этот счёт издавались в течение следующих двадцати лет, их общее число достигло ста шестнадцати. Последний документ вышел 9 ноября 1708 года, за два месяца до смерти пятого сёгуна. Таким образом, эта идея не оставляла Цунаёси в течение двадцати трёх лет.

Пожалуй, больше всего хлопот и неприятностей указы доставили владельцам домашних животных. Их обязали регистрировать своих питомцев в местных органах власти с описанием внешнего вида, породы, цвета шерсти. Животные быстро плодились, и вместе с ними множились тревоги и хлопоты хозяев. Семьи начали тайком избавляться не только от щенков и котят, но и от взрослых особей. В феврале 1687 года вышел указ с требованием разыскивать пропавших животных до победного конца, не отлынивать и не подменять одних животных другими. В результате охранных мероприятий число бездомных собак резко возросло, в Эдо для них построили четыре

приюта, самый крупный из которых — в районе Накано — мог вместить до ста тысяч животных. Его строительство обошлось в двести тысяч *рё* золотом, а на содержание уходило около ста тысяч *рё* в год. За работу приютов отвечали младшие адъютанты сёгуна, а деньги на их содержание собирались с горожан. Если в 1642 году в собачьих приютах содержалось около четырнадцати тысяч бездомных собак, то в 1695 году — уже восемьдесят две тысячи, а в 1709 году их число возросло до трёхсот тысяч (Токугава сёгункэ, 2009).

Цунаёси следил за реализацией своих идей и требовал от подчинённых дисциплины. Несколько высших чиновников, не проявивших служебного рвения в исполнении указов, были лишены права личной аудиенции. Под напором конфуцианской добродетели не устояла даже соколиная охота, любимое занятие Токугава Иэясу, вписавшего её отдельным пунктом в воинский устав, — она тоже была запрещена и оставалась вне закона следующие двадцать лет.

Маленькие люди и большие собаки

Указы о защите животных серьёзно осложнили жизнь современников Цунаёси, особенно в городе Эдо, и вызвали ответную реакцию. Выполнить все его распоряжения было невозможно; их нарушали, критиковали и высмеивали, а уличённых в этом горожан подвергали жестоким наказаниям. В сентябре 1693 года был арестован младший брат чиновника Городского магистрата по имени Тикуси Монъэмон за распространение листовки с критикой безумных указов Цунаёси. Через полгода злоумышленника провезли по городу и казнили; чтобы его найти, магистрату пришлось проделать огромную работу — с горожан было собрано и обработано триста пятьдесят три тысячи пятисот восемьдесят восемь объяснительных записок.

Пятому сёгуну Токугава нельзя отказать в последовательности: в 1687 году он распространил заботу о сохранении жизни с животных на людей. До этого отцы семейств имели право отказаться от своих детей, лишиться их наследства и изгнать из семьи. Призвав подданных к проявлению «добродетели сердца», Цунаёси отменил этот закон.

В 1694 году все изданные прежде указы были собраны воедино и ещё раз оглашены перед собравшейся в замке Эдо воинской элитой в качестве главного направления государственной политики. Однако в провинциях указы выполнялись не так рьяно, как в столице. Не разделявшие побуждений правителя *даймё* внешне подчинялись, но особого рвения в поиске и наказании нарушителей не проявляли.

О причинах появления указов историки спорят до сих пор. Считается, меры по защите животных были введены пятым сёгуном по совету его набожной матери, которой эту мысль внушил священник Рюко, молившийся о ниспослании правителю детей после смерти единственного сына. Священник объяснил матери Цунаёси, что поскольку он родился в год Собаки по восточному календарю, то должен сделать что-то особенное для этих животных, и тогда можно будет надеяться на благосклонность богов в деле

появления наследника. Кроме того, милосердие правителя к беззащитным животным продемонстрирует подданным его конфуцианское великодушие и гуманность, укрепит авторитет среди подданных. Как уже говорилось, Цунаёси пришёл к власти не по линии прямого наследования, что давало повод для разного рода сомнений и пересудов. Предложенный священником мотив в принципе мог иметь место, хотя нельзя исключать и того, что мемуаристы добавили его позже, уже после смерти пятого сёгуна. Те, кто в эту версию не верит, резонно замечают, что если священник Рюко имел отношение к принятию столь важного решения, то в его дневниках и записях должно быть хоть какое-то упоминание об этом. Но его нет, и это оставляет место для сомнений.

В XVII веке в отношении японцев к собакам появился новый элемент — под влиянием информации из Китая их стали употреблять в пищу. О том, что все собаки делятся на охотничьих, сторожевых и дворовых, которых можно есть, японцы узнали из китайского трактата *Хондзо комоку* («Основы лекарствоведения»), изданного ещё при

Токугава Иэясу в 1607 году. Употребление собачьего мяса в пищу вряд ли носило массовый характер — во всяком случае, ни одного запретительного указа на этот счёт не сохранилось. В Эдо собачьим промыслом занимались лишь *кабукимоно* и другие асоциальные элементы. Их усилиями число собак в городе резко сократилось, о чём в 1657 году писал Дайдодзи Юдзан. В судебных решениях того времени есть упомина-

Рюко, духовный наставник матери Цунаёси

ния о том, что при четвёртом сёгуне Иэцуна за воровство и убийство домашних животных выносились приговоры с выплатой штрафа владельцам и высылкой виновных из города (Цукамото, 2013).

В хронике *Готодайки* («Записи о нашем времени») содержится упоминание об одном незначительном эпизоде, который в принципе мог стать поводом для первого распоряжения Цунаёси. Автор хроники сообщает, что в августе 1685 года, то есть через месяц после его первого указа, был осуждён управляющий храмовыми землями в районе Асакуса за то, что накануне выезда сёгуна к реке Сумида собрал всех местных собак и утопил. На допросе он объяснил, что сделал это из опасения, что собаки могут укусить кого-то из знатных гостей, и решил перестраховаться. Во время выездов сёгуна такие меры были вполне обычным делом, но на этот раз управляющего осудили за жестокое обращение с животными и доложили об этом Цунаёси. Если мать к тому времени уже рассказала сыну о совете священника, то этот случай вполне мог стать поводом к изданию второго, более серьёзного указа о запрете наносить какой-либо вред животным.

В целом правление пятого сёгуна Токугава в разные периоды японской истории оценивалось по-разному, но преимущественно в негативном ключе, и главное место в обвинениях занимают его законы о защите животных. В крайних оценках личности Цунаёси присутствуют такие слова, как «неадекватность», «паранойя», «психические отклонения». Их авторы говорят, что человек в здравом уме не может проявлять гуманность к животным и одновременно казнить людей за её отсутствие. Сторонники более мягких оценок возражают, что пятый сёгун заботился не только о животных, но и вообще обо всех слабых и беззащитных, в том числе и о людях. Он, дескать, хотел сделать общество добрее и гуманнее, но оно его не понимало, поэтому пришлось пойти на

крайние меры. Они считают указы Цунаёси не более чем оторванной от реальности попыткой внедрить гуманные принципы в жизнь феодального общества типичными для того времени методами. Как любая несвоевременная попытка, она закончилась провалом и принесла много вреда. Современники пятого сёгуна хуже питались и чаще подвергались наказаниям: за годы действия указов тысячи человек были казнены и десятки тысяч брошены в тюрьмы. Некоторая польза от указов тоже была; в частности, уменьшилось число детей, изгоняемых отцами из семей, и несколько смягчилось отношение к старикам и другим, как сказали бы сегодня, незащищённым членам общества.

Указы о защите всего живого действовали двадцать четыре года, вплоть до смерти пятого сёгуна, и стали главным маркером его политики, однако он занимался и другими делами. В 1686 году по его инициативе была проведена регистрация всего имеющегося у крестьян огнестрельного оружия и введены правила его применения: 1) для охраны полей от диких животных; 2) на охоте в специально выделенных для этого угодьях (в тот момент она ещё не была запрещена; 3) для охраны общественного порядка в мятежных районах. Всё остальное оружие было приказано изъять. После этой кампании число ружей на руках у населения сократилось на сорок процентов, однако со временем процедура выдачи разрешений на владение оружием упростилась и стала чистой формальностью, так что ограничения фактически утратили свою силу.

Несмотря на увеличение отдачи от сельхозугодий, достигнутое в первые годы правления Цунаёси, в целом состояние казны при нём продолжало ухудшаться и к концу правления достигло критического уровня. Больше всего денег он тратил на строительство и ремонт храмов, среди которых первое место по расходам безоговорочно занял от-

крытый в 1690 году огромный комплекс Конфуция в районе Юсима (*Юсима сэйдэ*), предмет непреходящей гордости пятого сёгуна и его мамы. За двадцать девять лет правления Цунаёси в стране было построено сто шесть новых храмов — в среднем по одному храму каждые три месяца. Никаким повышением доходов такие расходы покрыть было невозможно. Например, бюджет вполне среднего по балансу 1694 года был сведён с девятипроцентным дефицитом в сто девять тысяч рё.

За состояние казны в правительстве отвечал начальник Административно-финансового магистрата (*кандзё бугё*) Огивара Сигэхидэ (1658–1713). Выходец из семьи *хатамото* и отличный для своего времени специалист, он начал работать в магистрате ещё при Иэцуна. В 1695 году Огивара начал полномасштабную финансовую реформу, в результате которой изменился номинал всех денежных единиц. Необходимость реформы диктовалась несколькими причинами. Во-первых, за сто лет мирной жизни товарно-денежный оборот возрос, а объём денежной массы остался прежним, и денег стало не хватать. Эта проблема наметилась ещё при третьем сёгуне Иэмицу, когда отдельные княжества начали с разрешения *бакуфу* печатать собственные бумажные банкноты (*хансацу*, букв. «княжеские купоны»). Они служили местным эквивалентом настоящих денег и имели хождение на ограниченной территории. В каждом конкретном случае правительство давало разрешение на их выпуск, но это разрешение действовало только до тех пор, пока тот или иной *даймё* оставался у власти на данной территории — в случае конфискации земель или перевода на другое место бумажные деньги сжигались.

Во-вторых, нарастающими темпами продолжала сокращаться добыча драгоценных металлов. Больше всего золота и серебра рудники давали в период с 1610 по 1640 год, затем добыча начала снижаться и к концу XVII века достигла абсолютного минимума. В-третьих,

часть монет была вывезена за рубеж, а оставшиеся физически изнашивались и требовали замены.

Денежная реформа Огивара Сигэхидэ заключалась в том, что старые монеты изымались из обращения и переплавлялись в новые, содержавшие меньше драгоценных металлов. В новых монетах содержание золота было уменьшено на тридцать два процента, а серебра — на двадцать процентов. Неравномерность снижения повлекла за собой изменение в соотношении денежных единиц. В 1700 году *бакуфу* впервые за девяносто лет повысило номинальную стоимость золотого *рё* с пятидесяти до шестидесяти серебряных *моммэ*. Однако разовой девальвацией серебряных монет процесс остановить не удалось, и в дальнейшем спрос на золотые *рё* постоянно превышал предложение. Переплавка монет проходила в несколько этапов и продолжалась с 1695 по 1703 год. По оценке одного из главных специалистов *бакуфу* того времени Араи Хакусэки (1657–1725), реформа увеличила объём денежной массы на пять миллионов *рё* и обогатила правительство, перераспределив большую часть средств в его пользу. Ну и, конечно, замена денег сопровождалась массовым мошенничеством и злоупотреблениями со стороны чиновников.

Благодаря реформе правительственную казну удалось заметно пополнить, но это благополучие оказалось временным и было «съедено» рядом крупных стихийных бедствий, обрушившихся на Эдо в конце XVII — начале XVIII века. Утром 6 сентября 1698 года в столице начался грандиозный пожар, ставший вторым по ущербу после 1657 года*. Противопожарные службы ничего не мог-

* «Великий пожар *тёкугаку*» (*тёкугаку тайка*). *Тёкугаку* — начертанное рукой императора иероглифическое название храма, святилища или иного ритуального сооружения. За день до пожара рукописную святыню торжественно доставили в храм Канъэй, это событие и дало название пожару.

ли поделаться с огнём — город горел до ночи следующего дня и прекратился только благодаря проливному дождю. В огне погибли восемьдесят три усадьбы *даймё*, двести двадцать пять усадеб *хатамото*, двести тридцать два храма, четыреста восемьдесят восемь вспомогательных строений, принадлежавших храмам и службам наместников, и почти девятнадцать тысяч городских домов. На восстановление города потребовались огромные деньги.

Пять лет спустя, 23 ноября 1703 года, у восточного побережья острова Хонсю произошло Великое землетрясение годов Гэнроку (*гэнроку дайджисин*), полностью разрушившее замок Эдо и большую часть города. По описаниям разрушений сейсмологи определили его силу — 8,2 балла по шкале Рихтера. Оно стало одним из трёх самых катастрофических бедствий эпохи Токугава: десять тысяч погибших, более двадцати тысяч разрушенных домов, тридцать семь тысяч оставшихся без крова горожан. Эпицентр землетрясения находился в районе южной оконечности полу-

Бюджет бакуфу и структура расходов при Цунаёси

острова Босо, отделяющего Токийский залив от Тихого океана (территория современной префектуры Тиба). После подземных толчков морское дно в этом месте поднялось на четыре метра и соединило остров Нодзима с полуостровом; сегодня это хорошо известный морякам мыс Нодзима. На восточное побережье Хонсю обрушилось цунами высотой до восьми метров, увеличив ущерб и число погибших.

Подземные толчки продолжались в Эдо ещё шесть месяцев, до 19 мая 1704 года. Для сёгуна было выстроено специальное убежище на территории замка; со временем такие убежища появились в его резиденциях в Киото и Камакура, а затем их начали строить для себя и удельные князья в провинциях.

За одиннадцать месяцев до этого землетрясения, в декабре 1702 года, произошло редкое для мирного време-

Цунами

ни групповое нападение сорока семи самураев на усадьбу чиновника *баку-фу* Кира Ёсихиса (1641–1703). Это был акт мести за конфликт двухлетней давности, в ходе которого глава дома Аки по имени Асано Наганори (1667–1701) с оружием напал на Кира Ёсихиса и ранил его.

Кира Ёсихиса

О причинах этого конфликта и сегодня мало что известно. Асано служил в замке Эдо под началом Кира и отвечал за приём высокопоставленных посетителей. Четырнадцатого марта 1701 года в 11:40 он напал на своего начальника и нанёс ему два удара кинжалом. Судя по всему, нападение было спонтанным и совершено в состоянии аффекта. Согласно записи в дневнике сотрудника тайной службы Окадо Сигэтомо (*Окадо хикки*), единственном и не очень надёжном источнике, Асано в тот же день был допрошен и признанся, что причиной нападения стала личная неприязнь. Покушение, приговор и его исполнение — всё произошло в течение одного дня. Сёгун Цунаёси приговорил Асано к самоубийству, и в шесть часов вечера всё было кончено.

Гибель главы дома Аки и конфискация имущества лишили его вассалов, места службы и средств к существованию. Младший брат Асано, его старейшины во главе с Оиси Кураносукэ (1659–1703) в течение года пытались добиться пересмотра решения о конфискации, но потерпели неудачу. Оставалось мстить. В декабре 1702 года они напали на городскую усадьбу Кира Ёсихиса и убили его, а заодно ещё семнадцать человек. Положив голову врага на могилу своего господина, они сдались властям и заявили, что исполнили свой долг и готовы понести наказание.

Вассалов дома Асано приговорили к самоубийству. Событие вызвало большой общественный резонанс, и когда через десять месяцев в Эдо произошло мощное землетрясение, город тотчас наполнился слухами, что несправедливый приговор непопулярного сёгуна разгневал богов и теперь удачи ни в чём не будет. Под влиянием всех этих событий правительство решило сменить календарь, и с марта следующего 1704 года в стране началась новая эпоха правления Хоэй (букв. «неизменные ценности»).

Впрочем, смена календаря не помогла: четвёртого октября 1707 года произошло ещё более разрушительное землетрясение силой 8,4 балла с мощным цунами. Подземная стихия унесла более двадцати тысяч жизней и разрушила шестьдесят тысяч городских домов, ещё двадцать тысяч строений смыло приливной волной. По числу жертв и разрушений это землетрясение стало самым тяжёлым за весь период Токугава. А через сорок девять дней после него началось извержение вулкана Фудзи, после которого полуразрушенный Эдо и его окрестности покрылись толстым слоем пепла. Продукты вулканического извержения ещё несколько дней висели в воздухе, вынуждая жителей города даже днём ходить по улицам с фонарями.

История с мстителями из дома Асано на этом не закончилась. В 1709 году к власти пришёл шестой сёгун Иэнобу и через год амнистировал репрессированную семью, вернув младшему брату казнённого Наганори звание *хатамото* и десятую часть прежнего дохода (пятьсот *коку* риса). В том же году в театре Кабуки были поставлены первые пьесы о сорока семи самураях, отомстивших за смерть своего господина. Впоследствии появилось множество текстовых и сценических версий этого события, прославлявших их преданность и мужество. Благодаря художественному отображению эта история сегодня широко известна даже за пределами Японии, но мало кто может вспомнить имя сёгуна, при котором она произошла.

Одновременно со смертью сорока семи самураев в Эдо завершилась многолетняя эпопея придворного возвышения любимой матушки Цунаёси. Зная о глубокой привязанности сёгуна к матери, его личный адъютант и фаворит Янагисава Ёсиясу (1658–1714) несколько раз обращался к императору с просьбами о повышении её придворного ранга, подкрепляя свои ходатайства солидными денежными подношениями. В феврале 1702 года семидесятипятилетняя мать пятого сёгуна, дочь городского торговца овощами, получила неполный первый ранг и стала самой титулованной за весь период Токугава женщиной из простого сословия.

Хлопоты любимца Цунаёси о его матушке не остались незамеченными. Собственно говоря, он и до этого пользовался безраздельным доверием пятого сёгуна и фактически руководил правительством от его имени, поэтому последние двадцать лет правления Цунаёси часто называют эпохой Янагисава. Ёсиясу с юных лет служил у Цунаёси рядовым порученцем в его городской усадьбе и в 1580 году вместе с ним переехал в замок Эдо, а ещё через восемь лет стал самым влиятельным фаворитом сёгуна, хотя занимал скромный пост *вакадосиёри*. Цунаёси в знак особого расположения позволил Янагисава взять фамилию Мацудайра и имя Ёсиясу, в котором первый иероглиф указывал на особые отношения с правителем. Эти отношения имели солидное материальное подкрепление: к 1705 году доход любимца Цунаёси достиг беспрецедентного для чиновника уровня в двести двадцать тысяч *коку* риса, что сделало его богаче абсолютного большинства удельных князей. Однако политический вес и влияние Янагисава обеспечивались даже не деньгами, а близостью к сёгуну и полученным от него правом доклада правителю обо всём, что происходит в замке и за его пределами. Став глазами и ушами хозяина замка, Янагисава обеспечил себе исключительное положение в системе власти. Расположение Цунаёси он завоевал

в первый же год его правления, при разборе дела Мацудайра Мицунага. Заняв место предыдущего любимца Хотта Масатоси, он постепенно взял под контроль работу правительства, и вскоре в городскую усадьбу Янагисава зачастили малые и крупные *даймё* с подношениями и просьбами лично доложить об их просьбах сёгуну. А когда сановник задерживался в замке допоздна, самые предупредительные просители начали присылать ему роскошные ужины со своей кухни. Вскоре из желающих угостить чиновника выстроилась целая очередь, и в замке Янагисава стали не без ехидства называть «малым сёгуном по части ужинов», но его авторитету в глазах просителей это никак не повредило. При жизни Цунаёси всё было хорошо, но сразу после его смерти Янагисава вместе с другими фаворитами был изгнан из замка.

Последние десять лет правления пятого сёгуна стали самым тяжёлым и застойным периодом за всё время его нахождения у власти. К тому времени он полностью отошёл от дел и жил личной жизнью, встречался только с теми, кто был ему приятен, и больше ничего не хотел знать. Рассмотрение дел и принятие решений по линии *бакуфу* шло исключительно через Янагисава. В результате

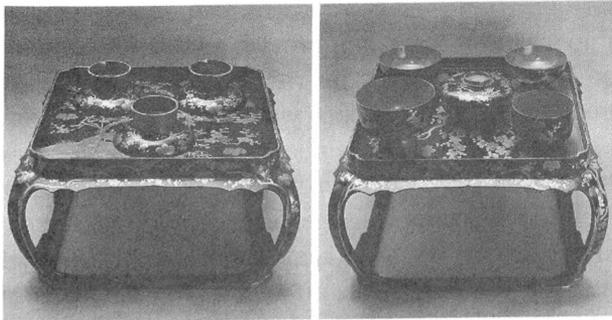

Янагисава Ёсиясу

денежной реформы в обращении появилось много монет низкого качества, причём не только золотых и серебряных, но даже медных, чего раньше не бывало. Снижение качества денег отрицательно сказалось на развитии торговли. Цены на товары продолжали расти, чиновники в центре и на местах радели исключи-

тельно о собственном благе, торговцы и ростовщики обращивали финансовые проблемы себе на пользу, а общее недовольство нарастало. Отлаженный за десятилетия репрессивный аппарат исправно отправлял людей в тюрьмы, где для нарушителей бесконечных запретов уже не хватало мест. Общее неблагополучие усугубилось стихийными бедствиями первого десятилетия XVIII века. Для ликвидации последствий извержения вулкана Фудзи правительство ввело всеобщий дополнительный налог — по два золотых *рё* с каждой тысячи *коку* риса. Однако из собранных со всей страны четырёмсот девяноста тысяч *рё* на заявленные цели было потрачено лишь шестьдесят тысяч, судьба остальных денег неизвестна (Бито, 1975). По мнению современников, их поделили между собой чиновники Финансового магистрата, его представители на местах и их партнёры, бравшиеся за очистку сельхозугодий от вулканической грязи и пепла.

В 1708 году реформаторы ввели в оборот новую денежную единицу самого высокого номинала (*дайсэн*). Однако выплавляли её не из золота, а из меди. Несоответствие номинальной и фактической стоимости монеты с самого начала парализовало её хождение и лишь усугубило и без того тяжёлую ситуацию с платежами. В том же году

Подносы и посуда из коллекции Янагисава Ёсиясу

вышел ещё один крайне непопулярный указ Цунаёси — о расширении замка Эдо в северном направлении за счёт городской территории. Жителей попавших под снос кварталов насильственно переселили в район Иида, что усугубило мрачные настроения в городе.

В последние годы жизни пятый сёгун резко ограничил круг своего общения и перечень занятий. Он вообще отличался постоянством представлений и привязанностью к одним и тем же людям, идеям, увлечениям. Пожалуй, больше всего на свете он любил выступать с лекциями по конфуцианству. Он регулярно делал это не только в замке Эдо, но и во время частых выездов в гости. В «Дневниках преподобного Рюко» говорится о том, что уже в ранге сёгуна Цунаёси прочёл более двухсот таких лекций (*Рюко содзё Nikki*) — в среднем по семь выступлений в год.

Не менее сильно он любил театр Но. Эту любовь ему привил отец ещё в детстве. В отличие от старшего брата Иэцуна, Цунаёси полностью перенял активный стиль своего отца и уже в юности начал во Второй усадьбе замка театральные сессии, длившиеся по несколько дней. Так же как отец, он больше любил любительские представления, в которых сам активно участвовал. При пятом сёгуне в штате *бакуфу* числилось как никогда много штатных правительственных актёров, получавших жалованье, — двадцать шесть человек. Тем, кто ему особенно нравился, он присваивал воинский статус, а нелюбимых актёров быстро изгонял. Цунаёси не только смотрел представления, но и сам активно в них участвовал, выходя на сцену не реже одного-двух раз в месяц. Первый такой выход в ранге сёгуна он совершил через шесть месяцев после вступления в должность, в феврале 1681 года, и, конечно же, посвятил его любимой матушке. Согласно семейной хронике, в 1692–1693 годах он надевал артистический наряд и выходил на сцену более сорока раз. От ближайшего окружения он тоже требовал активного участия. Сначала

только от личных адъютантов, а затем и от удельных князей. Самые активные и продвинутые начали открывать в своих провинциях школы театрального мастерства и устраивать регулярные представления.

Если вспомнить, что в первом пункте кодекса *Букэ сёхатто* Токугава Иэясу требовал от воинского сословия активно овладевать гражданскими науками и искусствами, то про пятого сёгуна можно сказать, что он перевыполнил завет отца-основателя, хотя и с перекосом: интересовался исключительно конфуцианским учением и гражданскими искусствами, не проявляя никакого интереса к традиционным увлечениям воинского сословия — оружию, охоте и чайной церемонии. В этом смысле Цунаёси можно назвать «самым гражданским» среди первых пяти сёгунов Токугава. Нарисованные им гравюры благополучно сохранились до нашего времени.

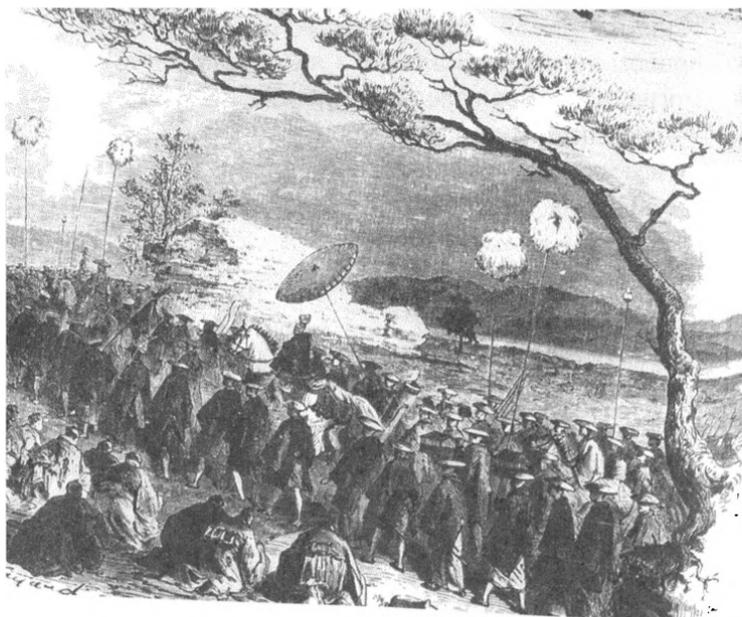
Как все его предшественники, пятый сёгун совершал паломничества к могилам своих предков — изредка в Никко, где покоился прах Иэясу, но гораздо чаще в столичный храм Канъэй, к усыпальницам деда, отца и брата. Ещё один семейный храм Токугава располагался на территории замка Эдо; в нём поминальные службы проводились чаще всего.

По числу выездов в гости Цунаёси несколько уступал своему отцу Иэмицу, но превосходил всех остальных предше-

Охотничий сокол
(картина кисти Цунаёси)

ственников. Согласно хронике, за двадцать девять лет правления он делал это сто сорок шесть раз, в среднем по пять раз в год. Выезды сёгуна из замка (*онари*) всегда очень торжественно обставлялись и подробно описывались биографами, благодаря чему эта сторона его жизни довольно хорошо известна. Сёгун выезжал только туда, где его могли принять в отдельной усадьбе, в которой кроме него никто не мог останавливаться. Такая роскошь была доступна очень немногим, поэтому и перечень адресов, куда выезжал правитель, был очень ограничен. Чаще всего Цунаёси гостил у своих приближённых Янагисава Ёсиясу, Макино Нарисада, Мацудайра Тэрусаса и родного дяди Хондзё Мунэсуке. На их долю приходилось восемь из каждых десяти выездов сёгуна. Комфортнее всего он чувствовал себя в домах Янагисава (пятьдесят восемь визитов) и Макино (двадцать девять).

Выезд сёгуна

Из семейной хроники Токугава мы можем узнать, как прошёл, например, стандартный визит пятого сёгуна в городскую усадьбу Янагисава Ёсиясу 29 марта 1691 года.

Цунаёси с небольшой свитой прибыл около девяти часов утра. Хозяин встретил его у парадных ворот и проводил в Главный зал (*готэн*), где для гостя было приготовлено место в центре на возвышении. Встреча началась с того, что сёгуну преподнесли символическое угощение.

Те, кто бывал в японских ресторанах, знают, что и сегодня перед выполнением заказа официант часто приносит посетителю какую-нибудь оригинальную, характерную для этого заведения закуску в миниатюрной фарфоровой чашечке. Гость её не заказывает, но её стоимость автоматически включается в счёт. На современном языке эта закуска называется *отоси* (сокращение от *отоси кудасай*, «проходите, пожалуйста») и считается своего рода предварительной платой за последующее обслуживание. Такая плата существует не только в ресторанах, но и в других областях японского сервиса. Например, при съёме жилья с постояльца вплоть до недавнего времени дополнительно взималась «благодарственная плата» (*рэйкин*). Всё это отголоски традиции, сложившейся в эпоху Токугава.

Пока сёгун угощался символической закуской, хозяин усадьбы принял во Втором зале (*нинома*) подарки, которые от имени главного гостя преподнёс один из сопровождавших его советников. Затем он вернулся в Главный зал и поблагодарил правителя за оказанную честь. В это время члены семьи хозяина в Третьем зале (*саннома*) вручали подарки сопровождающим сёгуна (обычно это было оружие известных мастеров, китайский шёлк, чайный антиквариат).

Покончив с угощением, сёгун перешёл из Главного зала в Северную палату, где сначала побеседовал с членами семьи хозяина, а затем предложил им послушать свою лекцию. Все с радостью согласились. Слушателей

набралось человек пятнадцать-двадцать, включая свиту Цунаёси. После лекции в Западной палате состоялось сценическое действо в жанре театра Но с сёгуном в главной роли; после него перешли к трапезе. Цунаёси был вегетарианцем, поэтому ему поднесли три бульона на основе *мисо* и одиннадцать овощных блюд. Пока он ел, свита вручила ответные подарки членам семьи Янагисава. Трапеза закончилась чаепитием, во время которого сёгун в знак особого расположения собственноручно передал чашку с зелёным чаем хозяину усадьбы. На этом визит завершился (Фукаи, 2012).

Пятый сёгун Токугава известен сильной эмоциональной привязанностью к матери, которая сопровождала его всю жизнь. Даже во взрослом возрасте он нуждался в её поддержке и единственный из всех пятнадцати сёгунов сам ухаживал за матерью, когда она болела, что совершенно не вписывалось в тогдашние представления. Именно поэтому мать Цунаёси стала самой титулованной женщиной из простого сословия, обойдя кормилицу третьего сёгуна Касуга но цубонэ.

Цунаёси вступил в брак в семнадцатилетнем возрасте, ещё не будучи преемником своего брата. Его женой ста-

Кэйсёин, мать Цунаёси

ла тринадцатилетняя дочь придворного аристократа Такацукаса Нобуко (1651–1709). Детей у них не было, но одна из двух наложниц родила ему дочь и сына. Дети умерли раньше отца, поэтому к моменту смены поколений передавать власть было некому.

В отличие от старшего брата, Цунаёси имел креп-

кое здоровье и редко болел. Однако в декабре 1708 года в Эдо пришла эпидемия кори, во время которой пятый сёгун заразился и умер. За неделю до новогодних праздников в замке состоялось очередное театральное представление, в котором шестидесятидвухлетний Цунаёси, как обычно, принимал самое активное участие. На следующий день, 26 декабря, он почувствовал недомогание, на которое его лекарь поначалу не обратил внимания и ограничился стандартным иглоукальванием и прижиганиями. Улучшения не наступило, и новогоднюю аудиенцию вместо Цунаёси было поручено провести его племяннику Иэнобу. Через два дня болезнь проявилась типичными симптомами кори. Главный эдосский священник Рюко начал ежедневно молиться о выздоровлении правителя, и через неделю он почувствовал себя лучше, стал с аппетитом есть. Обитатели замка приободрились, все заговорили о скором выздоровлении, но 10 января неожиданно наступило ухудшение, и в тот же день пятый сёгун скончался. Его похоронили в столичном храме Канъэй рядом с отцом и братом.

На могилах сёгунов было принято устанавливать надгробные камни, высота которых соответствовала их росту, поэтому всех умерших аккуратно измеряли. Надгробный камень Цунаёси содержит в себе загадку, над которой историки до сих пор ломают голову, — его высота всего 124 см. Обычай допускал небольшое расхождение между ростом умершего и высотой камня, но не более пяти сантиметров. Даже с этим допущением невозможно представить, что взрослый человек мог быть ростом с десятилетнего ребёнка. Родители Цунаёси имели вполне обычный для того времени рост: у отца — 157 см, мать — на десять сантиметров ниже. Если бы пятый сёгун действительно выделялся столь малым ростом, об этом должны были сохраниться хоть какие-то упоминания. Но их нет.

Изображения Цунаёси на гравюрах также не дают оснований предполагать какие-то отклонения.

Иногда высказываются предположения, что любовь пятого сёгуна к публичным выступлениям могла быть проявлением комплекса неполноценности из-за маленького роста или низкого происхождения матери, но подтверждений этому нет, поэтому версия остаётся чисто гипотетической. Ещё предполагают, что высоту надгробного камня могли специально занижить из-за прижизненной непопулярности Цунаёси, однако столь явное оскорбление памяти только что умершего сёгуна при попустительстве его приближённых тоже кажется маловероятным.

В XX веке было произведено перезахоронение останков нескольких сёгунов и получены точные данные об их росте, но Цунаёси в их число не попал, поэтому на сегодняшний день вопрос по-прежнему остаётся открытым.

Шестой сёгун Иэнобу

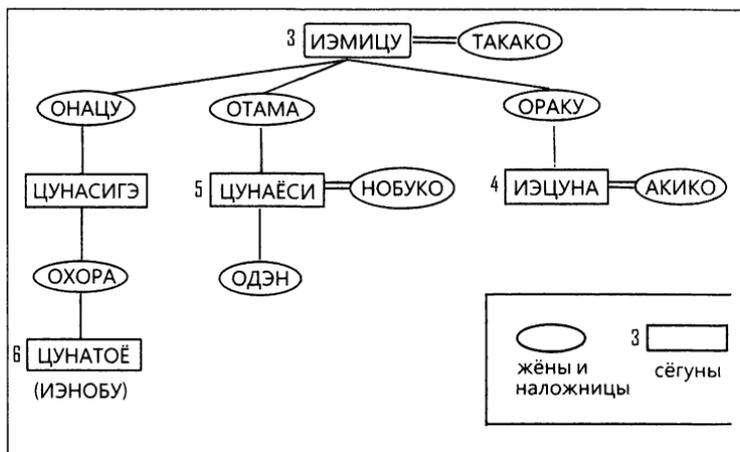
(1662–1712, правление 1709–1712)

Шестой сёгун Токугава родился 25 апреля 1662 года в семье Токугава Цунасигэ (1644–1678), второго сына Иэмицу, родного брата четвёртого и пятого сёгунов. Рос и воспитывался как близкий родственник, родной племянник двух правителей. На совершеннолетие юноша получил взрослое имя Цунатоё, в котором первый иероглиф указывал на родство с четвёртым сёгуном Иэцуна. В четырнадцатилетнем возрасте Цунатоё потерял отца, а через три года возглавил семью и стал удельным князем со стандартным для родственников Токугава годовым доходом в двести пятьдесят тысяч коку риса; через два года он вырос до трёхсот пятидесяти тысяч. Владения Цунатоё находились в провинции Каи, но сам он, как и его отец, постоянно жил в Эдо, в родовой усадьбе в райо-

не Сакурада, рядом с замком. Как близкий родственник Цунатоё пользовался покровительством *бакуфу* и не раз получал от него материальную помощь. В 1683 году после смерти единственного сына пятого сёгуна Цунатоё стал главным кандидатом в преемники и оказался под особым контролем правительства. За усадьбой в Сакурада начали присматривать и присылать в помощники молодому главе дома опытных старейшин, отказаться от которых было невозможно.

В 1704 году Цунаёси исполнилось пятьдесят восемь лет, а родных детей у него по-прежнему не было, поэтому было принято решение провести процедуру гражданского усыновления сёгуном сорокадвухлетнего племянника. В декабре того же года Цунатоё получил новое имя Иэнобу, все полагающиеся по рангу придворные регалии и объявлен преемником. Ему было разрешено поселиться вместе со своими вассалами в Западной усадьбе, и вскоре эта часть замка заполнилась новыми людьми. Началась подготовка к очередной смене власти. Только

Генеалогия династии с третьего по шестое поколение

тех, кому разрешалось лично видеть будущего сёгуна, насчитывалось семьсот восемьдесят человек, ещё несколько сотен были назначены на низшие должности, не дававшие такой привилегии. В ближайший круг Иэнобу входили двенадцать старших адъютантов (*косё*), одиннадцать младших (*конандо*) и три *порученца*-распорядителя (*собаёнин*). Над всеми возвышался Камбэ Акифуса (1666–1720), сын актёра и бывший управляющий семейным замком Иэнобу в провинции Каи, его главный помощник и ближайшее доверенное лицо.

Перед смертью Цунаёси оставил племяннику завещание — сохранить в силе все распоряжения о защите животных и продолжить его политику в этой области, но Иэнобу это пожелание не выполнил. Через девять дней после кончины пятого сёгуна он вызвал к себе главу правительства Янагисава Ёсиясу и приказал одним распоряжением отменить все указы Цунаёси в этой области. Тот с готовностью подтвердил, что это тоже очень правильное решение, поскольку избавляет народ от страданий и, следовательно, не противоречит принципу конфуцианского гуманизма. На следующий день, 20 января, вышло соответствующее распоряжение *бакуфу*, в котором народу сообщили, что такова была последняя воля Цунаёси.

Неделей раньше, 14 января, Иэнобу отменил два других крайне непопулярных указа своего предшественника — о перенесении части городских кварталов из центра в удалённый район Иида и введении медной монеты крупного номинала *дайсэн*. Первые шаги ещё не вступившего в должность шестого сёгуна понравились жителям Эдо и внушили надежду на лучшие времена.

Советникам *бакуфу* Иэнобу объявил, что отныне все доклады и проекты решений, поступающие от руководителей ведомств, должны направляться не Янагисава, как было при Цунаёси, а лично ему. Однако, как вскоре

выяснилось, новшество было временным: сформировав собственную команду исполнителей, шестой сёгун переложил на них решение текущих вопросов.

После похорон Цунаёси началась работа по реабилитации тех, кто пострадал от его указов о защите животных: в конце февраля были амнистированы девяносто два служащих *бакуфу* и три тысячи семьсот тридцать семь вассалов удельных князей в провинциях. В мае того же года от наказаний были освобождены ещё около девяти тысяч человек. Таким образом, все первые шаги нового сёгуна были направлены на ликвидацию последствий правления Цунаёси, из чего понятно, как он относился к его указам и политике в целом.

В течение трёх дней — со 2 по 5 апреля 1709 года — в замке Эдо шли мероприятия, предваряющие вступление нового правителя в должность. По масштабу и числу участников они не уступали традиционному новогоднему ритуалу. Шестой сёгун поочередно принимал в главном зале сначала своих родственников, затем провинциальных *даймё*, их родственников и вассалов. Сама церемония вступления в должность состоялась через месяц, 1 мая.

Затем начался процесс смены руководства в правительстве. В начале июня пятидесятилетний Янагисава Ёсиясу ушёл в отставку одновременно с двух постов — главы *бакуфу* и главы семьи. Остальные советники последовали его примеру и разъехались по своим провинциальным замкам. Система власти, созданная пятым сёгуном, распалась, замок Эдо наполнился новыми людьми. Через пять месяцев, в ноябре 1709 года, новый правитель переехал в Главную усадьбу, и в верхнем эшелоне власти началась новая жизнь.

Она оказалась скоротечной: Иэнобу пробыл во власти всего три года. Его короткое правление было спокойным и в целом позитивным; под его руководством были устранены последствия конфуцианских перегибов пятого сёгу-

на, общественная жизнь вернулась в привычное русло. За три года его правления удалось также исправить некоторые ошибки, допущенные в ходе проведения денежной реформы. Эти небольшие изменения нашли отражение в новой редакции воинского кодекса *Букэ сёхатто*.

Как и его предшественник, Иэнобу пришёл во власть не по линии прямого наследования, получив её от дяди. Это был уже второй подряд случай, когда сёгуна сменял не сын, а другой родственник. Маршрут наследования в правящей династии становился всё более извилистым.

Шестой сёгун вступил в должность на сорок восьмом году жизни. По характеру он сильно отличался от своего предшественника: был спокойнее и умереннее в желаниях, не стремился лично всем управлять, наилучшим вариантом считал поддержание разумного и справедливого порядка в рамках уже существующей системы власти. При Иэнобу продолжилось движение в сторону усиления гражданских методов правления с упором на конфуцианские принципы. В частности, были снижены налоги на некоторые товары первой необходимости, упрощён процесс судопроизводства, а правительство стало чаще оказывать помощь попавшему в беду населению. При поддержке шестого сёгуна чиновник *бакуфу* Араи Хакусэки заблокировал несколько антинародных указов (например, запрет на критику действий властей, запрет горожанам наблюдать за процессией сёгуна и т. д.). Трёхлетнее правление Иэнобу современники называли «периодом добра и справедливости» (*сётоку но ти*).

Систему власти, доставшуюся ему от предшественника, он оставил в прежнем виде, сменив лишь исполнителей. Первым человеком в правительстве стал Камбэ Акифуса (1666–1720), бывший распорядитель замка Иэнобу в провинции Каи. Сегодня людей этого типа называют трудоголиками; Акифуса за всю жизнь ни разу не был женат, не имел наложниц и жил исключительно

Араи Хакусэки

работой. Постоянно находясь рядом с сёгуном, он занимал большую часть его личного пространства и брал на себя любой вопрос, имевший к Иэнобу хоть какое-то отношение. Он сутками находился в замке и пользовался неограниченным доверием правителя. Служебные функции и роль личных адъютантов при Иэнобу не изменились: как и прежде,

они участвовали в обсуждении всех вопросов наравне с советниками и доводили до него информацию через Камбэ.

Вторым по влиятельности человеком в замке стал конфуцианский учёный Араи Хакусэки (1657–1725), бывший *ронин* и *хатамото*, не занимавший в правительстве никакой должности. Авторитет и признание он завоевал исключительно за счёт личных качеств в последние годы правления Цунаёси. Незадолго до смерти пятый сёгун наделил его рядом привилегий — разрешил поселиться в замке и обращаться к нему лично, минуя даже всемогущего Янагисава. Остальные чиновники его недолюбливали и за глаза называли «дьяволом» за неумолимую логику рассуждений и бескомпромиссность в отстаивании своего мнения. Это положение Араи сохранил и при шестом сёгуне.

Сразу после вступления в должность Иэнобу распорядился внести изменения в воинский кодекс и поручил эту работу конфуцианскому учёному Хаяси Нобуацу, но остался недоволен исполнением и передал задание Араи. Новая редакция была опубликована в апреле 1710 года. Требование овладеть военными и гражданскими зна-

ниями, изложенное в первом пункте закона, было расширено — в дополнение к этому от правящего воинского сословия потребовали соблюдать принципы конфуцианской морали и управлять населением так, чтобы не доставлять ему страданий и не вызывать недовольства. Этот пункт содержал явный намёк на указы Цунаёси о защите животных. Второе изменение также касалось морали и было адресовано высшим чиновникам. В седьмой статье кодекса появился новый пункт — о недопустимости мошенничества, воровства и коррупции на государственной службе, направленный в первую очередь против начальника Административно-финансового магистрата Огивара и его подчинённых, занимавшихся денежной реформой. Как вскоре выяснилось, реформа сопровождалась масштабными злоупотреблениями и незаконным обогащением чиновников. Включение этого пункта в текст кодекса стало победой Араи Хакусэки в его многолетней борьбе против Огивара Сигэхидэ и одним из главных событий трёхлетнего правления шестого сёгуна.

По форме воинский кодекс тоже претерпел некоторые изменения: по числу статей (семнадцать) он сравнялся с уложением для императорского дома и был переложён на древнекитайский язык (*камбун*, кит. *вэньянь*), которым владели очень немногие. В целом редакция 1710 года отражала взгляды и философию Араи Хакусэки, которые разделял и шестой сёгун Иэнобу.

В годы его правления началось сближение двух главных сословий, воинского и аристократического. Оно было обусловлено двумя причинами: во-первых, личным почтением Иэнобу к императорскому дому и, во-вторых, его тёплыми родственными отношениями с семейством Коноэ. Жена шестого сёгуна приходилась дочерью Коноэ Мотохиро, в тот момент Великого министра двора (*дайдзё дайзин*), третьего человека во дворце после императора и его Регента. Через год после вступления в должность

Иэнобу пригласил тестя в Эдо и поселил его в усадьбе, ранее принадлежавшей сёгуну Цунаёси. Это был экстраординарный поступок: аристократов вообще не принято было надолго приглашать в воинскую столицу, тем более селить в резиденции предыдущего сёгуна. Получив от Иэнобу увеличение годового дохода на тысячу коку риса, Великий министр два года прожил в Эдо и регулярно бывал в замке, где неизменно встречал тёплый приём.

По распоряжению Иэнобу из казны были выделены средства на содержание ещё одной, четвёртой по счёту боковой ветви императорского дома (*Канъинномия*), что было истолковано как жест доброй воли со стороны сёгуната. В ноябре 1710 года на престол взошёл император-младенец Накамикадо (1709–1735); по этому случаю ведущие аристократические семьи получили от *бакуфу* по сто семьдесят *рё* золотом. А через месяц произошло и вовсе уникальное событие — аристократ Кога Хиромасу был принят на службу в правительство, получил воинский ранг *хатамото* и соответствующий годовой доход. Первые два года правления Иэнобу стали самыми тёплыми в отношениях между Эдо и Киото за последние сто лет.

То же самое можно сказать об отношениях с вассальными государствами Рюкю и Кореей. По случаю смены поколений в правящей династии они всегда присылали в Эдо свои посольства, хотя и с большим опозданием. Так было и на этот раз. Посольство Рюкю прибыло в Эдо в ноябре 1710 года и было принято шестым сёгуном. В большом зале, где проходила аудиенция, все места были расписаны и распределены по уровням, в зависимости от ранга присутствующих. Примечательно, что служба церемониймейстера разместила послов Рюкю уровнем выше, чем главу дома Симадзу, вассалами которого они формально считались. Это означало, что хозяева замка видели в них не столько вассалов провинциального клана, сколько представителей зарубежного правителя.

В декабре 1711 года в Эдо прибыло посольство Кореи. Это был уже восьмой визит после подписания мирного договора в 1607 году. По решению *бакуфу* оба посольства добирались от Киото до Эдо сухопутным маршрутом, хотя он был длиннее и утомительнее, чем морской. Жителям провинций, расположенных вдоль главного тракта Токай, дали возможность своими глазами увидеть иностранные посольства и ещё раз проникнуться величием своего правителя.

Приём обоих посольств в замке Эдо обеспечивал Араи Хакусэки. Сразу после его вступления в должность Араи трижды представлял сёгуну докладные записки с предложением уволить многолетнего начальника Административно-финансового магистрата Огивара Сигэхидэ. Первые два доклада были сёгуном проигнорированы; более того, в декабре 1710 года Огивара, имевший небольшой доход в три тысячи двести *коку* риса, получил от него прибавку в пятьсот *коку*. Свой отказ уволить чиновника Иэнобу объяснил тем, что «способному человеку разбогатеть трудно, а среди богатых найти способного ещё труднее». В сентябре 1712 года Араи предпринял на Огивара генеральную атаку, представив Камбэ Акифуса объёмный доклад с разоблачениями махинаций начальника Финансового магистрата, в котором и самого Камбэ

Корейское посольство в пути (гравюра)

предупреждал об ответственности за покровительство недостойному человеку. Глава правительства передал доклад сёгуну, и через два дня пятидесятичетырёхлетний Огивара был уволен, а ещё через год заболел и умер. Араи распорядился провести расследование, по результатам которого впоследствии написал эссе *Оритакусоба но ки*, указав в нём общую сумму взяток и других незаконных доходов чиновника — двести шестьдесят тысяч рё золотом. По его данным, ближайший помощник главы магистрата Нагаи Ханроку за время службы присвоил себе шестьдесят семь тысяч рё (Мураи, 2007). За грехи отца расплатился сын Огивара, сменивший его на посту главы семьи, — его лишили восьмидесяти процентов дохода и выслали в другую провинцию. Работавшие вместе с Огивара чиновники Финансового магистрата также понесли различные наказания.

Одолов давнего противника, Араи приступил к реформе финансового управления. Считая единоначалие главной причиной злоупотреблений, он настоял на восстановлении должности второго руководителя (*кандзё гиммияку*), без согласия которого первый не мог принимать решения. Такая должность существовала в финансовом магистрате до 1699 года, но Огивара её упразднил. В конце правления Цунаёси урожайность правительственных земель неуклонно снижалась; особенно неудачными были три последних года. По предложению Араи на места были отправлены двадцать инспекторов с заданием проверить работу наместников и переломить ситуацию. По результатам инспекции четыре наместника были уволены, а их общее число увеличено на десять человек.

В сентябре 1712 года в Эдо разразилась эпидемия гриппа. Пятидесятилетний Иэнобу тоже заболел и началу чувствовал лишь небольшое недомогание, но после 20 сентября его состояние ухудшилось, и сёгуна перевели

на постельный режим. Почувствовав, что болезнь может плохо кончиться, он вызвал к себе Араи, чтобы посоветоваться и на всякий случай назначить преемника. Дети у шестого сёгуна рождались часто, но ему катастрофически не везло с их выживанием — пятеро, в том числе два сына, умерли на первом же году жизни. В живых оставался последний, трёхлетний сын Набэмацу (1709–1716). Его родила наложница Фудзита Тэруко (впоследствии Гэккоин, 1685–1752), дочь простого горожанина. Посоветовавшись с женой, Иэнобу решил остановиться на одном из двух вариантов. Первый: назначить преемником своего малолетнего сына, а опекуном к нему приставить кого-то из родственников. С учётом возраста и кровной близости Иэнобу назвал имя двадцатитрёхлетнего Токугава Ёсимити (1689–1713) из княжества Овари. Став опекуном, он должен был поклясться, что передаст власть Набэмацу, как только законный наследник достигнет совершеннолетия. Второй вариант состоял в том, чтобы сразу назначить князя Овари преемником, исключив родного сына из числа претендентов на власть. При любом варианте Токугава Ёсимити из княжества Овари, потомок девятого сына основателя династии, становился хозяином замка Эдо: в первом случае — временно, во втором — навсегда. Для приближённых Иэнобу — в первую очередь для всесильных Араи Хакусэки и Камбэ Акифуса — это означало утрату своего привилегированного положения и удаление от власти, поэтому Араи приложил все усилия, чтобы склонить Иэнобу к третьему варианту. Используя весь свой опыт и знания, он убедил сёгуна в том, что назначение взрослого опекуна к малолетнему наследнику может угрожать не только процессу передачи власти, но и самой жизни мальчика; история знает немало таких случаев. И напомнил, что великая смута годов Онин началась с такой же ситуации в роду сёгунов Асикага. Вот если с Набэмацу что-то случится, тогда в соответствии

с уставом можно будет обсудить назначение на высший пост кого-то из взрослых родственников. А пока мальчик жив-здоров, его могут воспитывать и готовить к власти нынешние помощники Иэнобу, на деле доказавшие ему свою преданность, в том числе Араи Хакусэки и Камбэ Акифуса. В отличие от амбициозных провинциальных родственников они не имеют претензий на власть и могут служить ему более надёжной гарантией.

Иэнобу согласился с доводами опытного политика и не стал привлекать родственников к опеке над единственным сыном, положившись на групповую ответственность тех, кому доверял. Так же как в своё время Тоётоми Хидэёси, он объявил сына своим преемником и поручил ближайшим соратникам верно служить мальчику и по достижении совершеннолетия передать ему власть. В женском окружении шестого сёгуна мнения по вопросу о кандидатуре преемника также разделились. Одна группа, возглавляемая Хироко, женой Иэнобу, настаивала на приглашении в замок Токугава Ёсимити, а другая, во главе с Гэккоин, матерью Набэмацу, поддержала вариант Араи.

В первой декаде октября заболевший сёгун чувствовал себя то лучше, то хуже, но в целом его состояние держалось примерно на одном уровне, признаков выздоровления не просматривалось. Затем грипп перешёл в воспаление лёгких, и 14 октября 1712 года шестой сёгун Токугава скончался на пятьдесят первом году жизни.

Седьмой сёгун Иэцугу

(1709–1716, правление 1712–1716)

Через два месяца после смерти шестого сёгуна, в ноябре 1612 года, его трёхлетний сын Набэмацу был назван взрослым именем Иэцугу и провозглашён седьмым сёгуном Токугава. Ему присвоили полный второй ранг и назначили на придворную должность *гондайнагон*, а в марте следующего года в замке состоялся обряд совершеннолетия. Все эти регалии были призваны компенсировать младенческий возраст номинального правителя и защитить от узурпации власти. Церемония вступления в должность состоялась 2 апреля 1713 года; в этот день самому юному в истории династии сёгуну исполнилось три года и девять месяцев.

Формально работой правительства при нём руководили шесть человек: главный советник (*тайро*) Ии Наоканэ

и пять старших советников (*родзю*). После смерти Иэнобу состав правительства существенно обновился: двое советников умерли (Окубо Тадаёси и Акимото Такатомо), один ушёл в отставку (Ии Наохиро), на их место пришли четыре новых чиновника. Доминирующей фигурой в правительстве по-прежнему оставался сорокасемилетний Камбэ Акифуса, лично отвечавший за воспитание малолетнего сёгуна. Для формального согласования текущих вопросов он ежедневно навещался на женскую половину замка, куда при взрослом сёгуне мужчинам входить запрещалось. Маленький Иэцугу говорил матери, что советник Камбэ, наверное, сёгун, потому что только он один может появляться в этой части замка.

Но при всём своём влиянии Камбэ Акифуса для многих людей во власти оставался всего лишь вассалом прежнего сёгуна, человеком низкого происхождения, по воле судьбы оказавшимся рядом с малолетним сыном Иэнобу. Без поддержки первого лица его положение стало понемногу меняться: прямо возражать опекуну никто не осмеливался, но важные вопросы в Судебном присутствии старались решать именно в те дни, когда Камбэ занимался другими делами. Араи Хакусэки, с именем которого связывалось устранение перегибов в политике Цунаёси, тоже сохранил своё влияние, но ситуация вокруг Камбэ начала сказываться и на нём.

После окончания траура по Иэнобу его жена Коноэ Хироко приняла положенное вдове буддийское имя Тэньэйин и осталась жить в замке Эдо. Мысль о том, что ей, дочери высшего аристократа и внучке императора Гомидзуноо, придется терпеть рядом с собой, а иногда и выполнять распоряжения сына театрального лицедея Камбэ Акифуса, была невыносима, но она надеялась, что рано или поздно с помощью родственников из «трёх великих домов» — Токугава Ёсимити из Овари, Ёсимунэ из Кисю и Цунаэда из Мито — ей удастся вытеснить из

замка этого чужака, одним своим присутствием оскверняющего образ малолетнего сёгуна. В борьбе за власть, которую вдова Иэнобу тайно вела на женской половине замка, её главной соперницей была Гэккоин, мать Иэцугу, тоже простая горожанка и наложница её мужа. После вступления Иэцугу в должность император присвоил со-рокашестилетней вдове шестого сёгуна первый придворный ранг, а её двадцативосьмилетней сопернице — третий. Формально Тэнъэйин оставалась хозяйкой Большого внутреннего покоя, но Гэккоин быстро нашла общий язык с Камбэ Акифуса и образовала своего рода союз простолюдинов против аристократов. Благодаря этому её вес и влияние в замке заметно возросли.

Иэнобу умер через месяц после изгнания из *бакуфу* главы Административно-финансового магистрата, поэтому не увидел далеко идущих результатов своего решения. Устранив многолетнего противника, Араи Хакусэки первым делом вернул денежные номиналы, существовавшие ещё при Токугава Иэясу, а к июню 1713 года подготовил проект денежной реформы, суть которой сводилась к отмене всего, что за последние восемнадцать лет сделал Огивара Сигэхидэ. Он справедливо считал, что для обуздания инфляции нужно не увеличивать, а уменьшать объём денежной массы, поэтому в проекте реформы сформулировал пять главных тезисов: 1) возвращение к платёжным номиналам столетней давности; 2) увеличение бюджетных расходов (из казны *бакуфу*); 3) соблюдение финансовых интересов населения; 4) подбор в финансовые органы грамотных чиновников; 5) их личная честность.

В мае 1714 года началась обратная переплавка монет с повышением в них содержания драгоценных металлов: серебра — до восьмидесяти процентов, золота — до восьмидесяти семи процентов. Столько же было в начале XVII века при Токугава Иэясу. Поскольку денег

по-прежнему не хватало, старые монеты, выпущенные в последние несколько десятилетий, не стали изымать из обращения. Использование денежных единиц разного номинала с разным содержанием драгоценных металлов резко усложнило расчёты, поэтому правительству пришлось установить специальный обменный курс между монетами, выпущенными в годы правления Гэнроку, Хозэй и Сётоку (с 1688 по 1714 год). Например, один золотой *рё* годов Сётоку равнялся двум *рё* годов Хозэй и т. д. Планировалось, что монеты годов Хозэй с низким содержанием драгоценных металлов будут постепенно аккумулироваться в казне и переплавляться в новые, однако многие факторы оказались неучтёнными, и реформа не дала того результата, на который была рассчитана.

Полностью вывести старые монеты из обращения удалось лишь два десятилетия спустя, уже после смерти Араи Хакусэки. Процесс шёл медленно, а новые монеты выпускались и того медленнее, поэтому рынок ещё долго испытывал хроническую нехватку платёжных средств. Дефицит денег привёл к снижению уровня товарооборота и падению цен. Наибольшие последствия вызвала дефляция в сфере торговли рисом — он подешевел более чем на шестьдесят процентов, что привело к падению доходов всех слоёв населения, включая правящее сословие. В 1730 году запрет на использование монет годов Хозэй был отменён, но это лишь немного облегчило ситуацию. В конце концов правительству пришлось вернуться к политике Огивара Сигэхидэ и в полтора-два раза увеличить выпуск монет низкого номинала (по сравнению с 1714 годом). Только после этого рынок начал восстанавливаться, и цены пошли в рост.

Начало денежной реформы Араи сильно повлияло и на внешнюю торговлю. Отстаивая идею сокращения денежной массы, он в то же время задался целью полностью

прекратить вывоз из страны золота и серебра. Это потребовало предварительного планирования. В правительстве стали заранее определять сумму внешнеторгового оборота и число сделок на предстоящий год, а также количество иностранных судов и перечень грузов, которые разрешалось ввезти в Нагасаки. Торговать с иностранцами в других портах было категорически запрещено.

Указ о реформировании внешней торговли (*кайха-ку госи синрэй*) вышел в январе 1715 года. Он ограничил число китайских судов, заходящих в порт Нагасаки, с пятидесяти девяти до тридцати, а общую сумму сделок — с одиннадцати тысяч *кан* золотом* до шести тысяч. В связи с ожидаемым ростом нелегальной торговли выдача лицензий китайским судам была ограничена, а квота голландцев осталась неизменной: два судна в год с общей суммой сделок не более трёх тысяч *кан*, при этом оплата импорта производилась только медными монетами. Была изменена и схема закупки голландских товаров: их оптом скупала городская торговая палата Нагасаки, а затем через аукцион продавала японским купцам; разница в цене шла в казну.

Указ 1715 года не оказал большого влияния на вывоз драгоценных металлов за рубеж: золота и серебра стало так мало и они так выросли в цене, что их и без указа почти перестали использовать в качестве платёжного средства. Да и медных монет тоже не хватало, поэтому торговцы чаще всего обменивались товаром напрямую, по бартерной схеме. Японцы расплачивались за импорт сушёной рыбой, морепродуктами, жемчугом, изделиями народного промысла. Из-за сокращения внешней торговли стала ощущаться нехватка некоторых востребованных импортных товаров, что заставило *бакуфу* подумать о собственном производстве. В одном из писем Араи писал, что

* Один *кан* = 100 золотых *рё*.

решить проблему нехватки женьшеня можно путём его выращивания на правительственных плантациях. Однако прошло немало времени, прежде чем этим действительно начали заниматься.

После смерти шестого сёгуна Иэнобу обстановка в замке Эдо кардинально изменилась. Работой правительства руководили Камбэ Акифуса и Араи Хакусэки, а на женской половине замка обострилась борьба за лидерство между Тэнъэйин, вдовой Иэнобу, и Гэккоин, его наложницей и матерью малолетнего Иэцугу. Вокруг женщин сформировались два противоборствующих лагеря, в которых оказались представители обоих полов. Вдова шестого сёгуна превосходила соперницу по возрасту, происхождению и придворному статусу, зато мать Иэцугу пользовалась поддержкой Камбэ и Араи, двух самых влиятельных мужчин в замке, и благодаря этому имела право голоса при обсуждении важных вопросов. После объявления Иэцугу сёгуном у неё появилась собственная свита, в которой выделялась старшая дама-распорядительница в ранге *тосиёри* по имени Эдзима. На женской половине замка существовала такая же иерархия, как в правительстве: все работавшие там женщины состояли на государственной службе и делились на две категории — благородные дамы, имевшие право лично прислуживать сёгуну, его жене и матери, и служанки, прислуживавшие дамам. Внутри этих двух категорий существовало множество разрядов и рангов, которые определяли служебные права и обязанности их обладательниц.

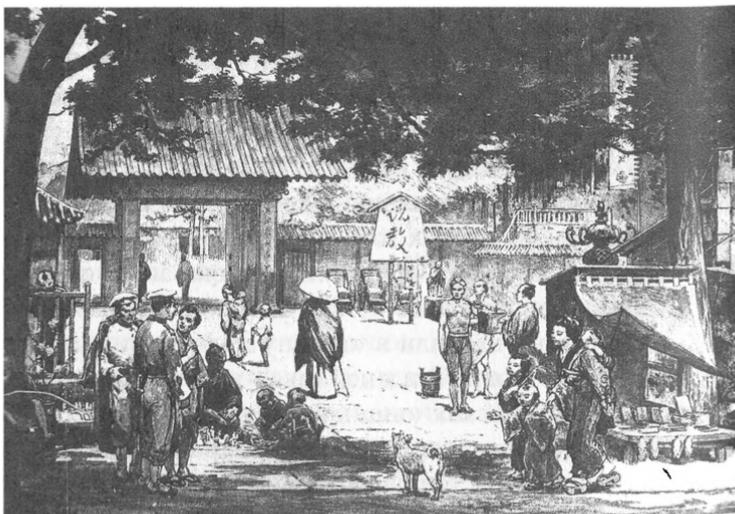
Старшая распорядительница Эдзима занимала привилегированное положение в свите матери сёгуна и умело им пользовалась. Четырнадцатого января 1714 года она в сопровождении ста тридцати дам и служанок выехала в храм Дзодзё, где приняла участие в поминальной молитвенной службе по шестому сёгуну. Жизнь женщин

в Большом внутреннем покое была жёстко регламентирована, и редкие выезды в город составляли одну из главных её радостей, поэтому высокопоставленная дама решила использовать полученную возможность по максимуму. На обратном пути она вместе со свитой заехала в один из городских театров жанра *кабуки*, посмотрела представление, а после него устроила банкет с участием ведущего актёра этого театра Икусима Сингоро. Ужин затянулся, и дамы вернулись в замок после шести вечера, когда все ворота были уже заперты; женщинам пришлось переночевать в городе — на постоянных дворах, у знакомых и родственников.

Вдова Иэнобу привлекла внимание руководства *бакуфу* к нарушению внутренней дисциплины и потребовала строго наказать виновных. В результате проведённого расследования поступок старшей дамы Эдзима был признан в высшей степени неэтичным и даже безнравственным: её обвинили в посещении непристойного театра для городских низов, общении с простолюдными и нарушении внутреннего распорядка. Даму приговорили к пожизненной ссылке, а её старшего брата, *хатамото* Сиран Хэймон казнили по обвинению в ненадлежащем контроле за сестрой. Младший брат дамы, а также актёр Икусима Сингоро и хозяин театра, где он работал, были сосланы на удалённый остров. Наказанию подверглись также шестьдесят семь семей, в домах которых переночевали опоздавшие дамы, и ещё много других людей, оказавшихся причастными к происшествию, — всего около полутора тысяч человек. Все они входили в «группу поддержки» матери сёгуна Гэккоин или имели к ней какое-то отношение. Этот скандал, известный как «инцидент Эдзима-Икусима», по своим последствиям стал самым крупным за всю историю замка Эдо. Его разрастанию способствовало недовольство сложившейся ситуацией в руководстве *бакуфу*, где ключевые позиции заняли выходцы из низов, сгруппировавшие-

ся вокруг малолетнего сёгуна Иэцугу; в первую очередь его мать Гэкоин, Камбэ Акифуса и Араи Хакусэки. Их противники использовали скандал для очередного наступления на малоуправляемую городскую субкультуру и самых ярких её представителей — артистов, художников, гейш, музыкантов. Городские театры были объявлены источником общественного порока, а их деятельность резко ограничена. Время работы театров в Эдо было сокращено, а буддийским и синтоистским храмам, которые привлекали посетителей сценическими представлениями, запретили это делать.

Всё это время сёгун Иэцугу жил в Большом внутреннем покое под опекой матери, Камбэ Акифуса и Араи Хакусэки. Для шестилетнего мальчика он нормально рос и развивался. В середине апреля 1716 года его мать, тридцатилетняя Гэкоин, и пятидесятидвухлетний Камбэ Акифуса, которым городские сплетники приписывали любовную связь, устроили весенний пикник на одном из жи-

Оживлённый квартал перед воротами храма

вописных холмов на территории замка. Мальчик тоже был с ними и в тот день немного простудился. Следующие две недели он болел, но постельный режим не соблюдал и врачей не очень-то слушал. В конце месяца начался сезон дождей, стало сыро и холодно. Простуда дала осложнение и перешла в воспаление лёгких. Врачи начали его интенсивно лечить, но болезнь оказалась сильнее, и 30 апреля мальчик умер, не дожив трёх месяцев до седьмого дня рождения. Похоронили его в столичном храме Дзодзё.

Уже в первые дни болезни юного сёгуна всё в замке пришло в движение. Никогда ещё судьба правящей династии не зависела от жизнеспособности организма одного маленького ребёнка. Все, кто был недоволен нахождением у власти Камбэ, Араи и Гэккоин, получили шанс изменить ситуацию. Согласно уставу династии, при отсутствии у сёгуна прямых наследников его место мог занять глава одного из трёх родственных домов (*госанкэ*), основанных младшими сыновьями Иэясу (княжества Овари, Мито и Кисю). В ходе многочисленных обсуждений и консультаций вдова шестого сёгуна Тэньэйин сделала ставку на тридцатиоднолетнего Ёсимунэ (1684–1751) из Кисю, а Гэккоин в союзе с Камбэ и Араи — на двадцатичетырёхлетнего Цугутомо (1692–1731) из Овари. Вдову Иэнобу поддержали родственники-аристократы из Киото и связанное с ними высшее духовенство, а также часть руководителей *бакуфу*, недовольных политикой Камбэ и Араи. Всех родственников Токугава пригласили в замок на совещание для решения вопроса о преемнике.

Восьмой сёгун Ёсимунэ

(1684–1751, правление 1716–1745)

Младший сын даймё

Токугава Ёсимунэ родился 21 октября 1684 года четвертым по счёту сыном в семье Токугава Мицусадэ (1627–1705), главы одного из «трёх великих домов», ближайших родственников главной семейной ветви. Его мать была дочерью простого крестьянина и работала служанкой в Главной усадьбе. Случайно став наложницей Мицусадэ, она довольно поздно, в двадцать девять лет, родила ему последнего сына. Низкое происхождение матери и не сулившая перспектив очерёдность рождения определили судьбу мальчика: его отправили на воспитание в чужой дом, к одному из старейшин удельного князя.

Детские годы будущего восьмого сёгуна прошли в простой и суровой обстановке.

Токугава Мицусада владел удалённой от Эдо провинцией Кисю и южной частью провинции Исэ (современные префектуры Миэ и Вакаяма). Его владения располагались в центральной части страны, на полпути между двумя столицами, Киото и Эдо. После смерти одного из старших братьев Ёсимунэ сыновей осталось трое. Двадцать первого апреля 1697 года в замке Вакаяма произошло редкое событие — родственника навестил пятый сёгун Цунаёси. На встречу с высоким гостем отец взял двух старших сыновей, а двенадцатилетнему Ёриката* велел ждать в соседней комнате. Во время беседы один из советников, сопровождавших бездетного Цунаёси, отметил, что хозяину дома очень повезло с сыновьями — у него их трое, — после чего сёгун захотел их всех увидеть. Младшего сына представили вместе со старшими, и это помогло изменить к нему отношение в семье. Согласно хронике *Утокуиндэн годзюкки*, именно после этого он получил от отца земельный удел в провинции Этидзэн с доходом в тридцать тысяч коку риса, а затем четвёртый придворный ранг. Этот эпизод попал в хронику много лет спустя и может быть выдумкой, но, во всяком случае, он передаёт характер атмосферы, в которой рос будущий сёгун. Вероятнее всего, он прожил бы свою жизнь как один из многих родственников главной семейной ветви, однако события в княжестве Вакаяма приняли неожиданный оборот.

В 1698 году семидесятилетний отец Ёсимунэ уступил место главы семьи старшему сыну Цунанори (1665–1705), но через семь лет, в мае 1705 года, он заболел и умер, не оставив детей. Его сменил средний брат Ёримото (1680–1705), но через четыре месяца тоже умер, и очередь дошла до младшего Ёриката. Так будущий восьмой сёгун в двад-

* Детское имя Ёсимунэ.

Замок Ёсимунэ в Вакаяма

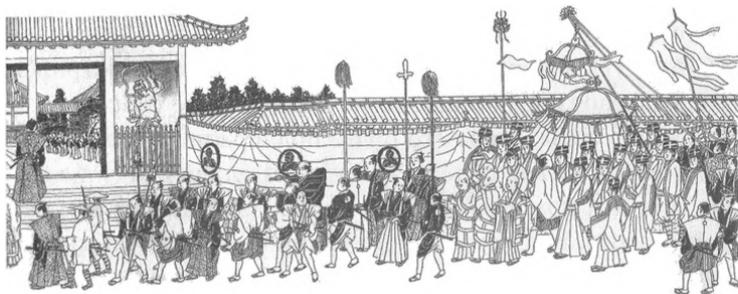
цать один год оказался во главе одного из крупнейших хозяйств страны с доходом в пятьсот пятьдесят пять тысяч коку риса. Статус требовал соответствующего оформления, и через пятнадцать месяцев ему был присвоен третий придворный ранг и новое имя Ёсимунэ, в котором первый элемент указывал на родство с сёгуном Цунаёси.

Следующие девять лет Ёсимунэ возглавлял княжество Кисю, занимаясь хозяйственными делами. За это время его усадьба в Эдо несколько раз горела во время пожаров и разрушалась землетрясениями. Князь Кисю ежегодно приезжал в Эдо, выполнял указы пятого сёгуна о защите животных, присутствовал на свадебных церемониях его приёмных дочерей и делал всё остальное, что полагалось близкому родственнику. Через год после вступления в должность главы семьи он женился на дочери одного из наследных принцев по имени Масако (1691–1710). Довольно поздно по меркам того времени, на двадцать третьем году жизни. Брак оказался недолгим — через четыре года Масако умерла во время родов.

Близость к главной семейной ветви не избавила княжество Кисю от экономических проблем, а начатая при

Цунаёси денежная реформа и крупные стихийные бедствия начала XVIII века их только обострили. Да и начало правления молодого *даймё* получилось тяжёлым: старший брат Ёсимунэ умер в мае 1705 года, отец — в августе, а средний брат — в сентябре. Трое похорон за полгода тяжело ударили по семейному бюджету и усугубили и без того не блестящее экономическое положение. Через полгода после вступления в должность молодой глава дома ввёл жёсткую экономию и занялся освоением новых сельскохозяйственных угодий. Начав с себя, он отказался от шёлковой одежды и перешёл на льняные ткани, на восемьдесят человек сократил штат прислуги и объявил трудовую мобилизацию для проведения ирригационных работ. В финансовом плане его первоочередной задачей стал возврат *бакуфу* долга в сто тысяч *рё*, взятых займы старшим братом. С этой целью Ёсимунэ ввёл для своих вассалов дополнительный пятипроцентный налог, действовавший в течение трёх лет. Добившись к 1710 году увеличения доходов и погасив долг перед *бакуфу*, он начал возвращать им заём.

В конце апреля 1716 года в Вакаяма прибыл курьер *бакуфу* с известием о том, что седьмой сёгун Изугу серьёзно болен и может умереть, поэтому Ёсимунэ должен

Похоронная процессия

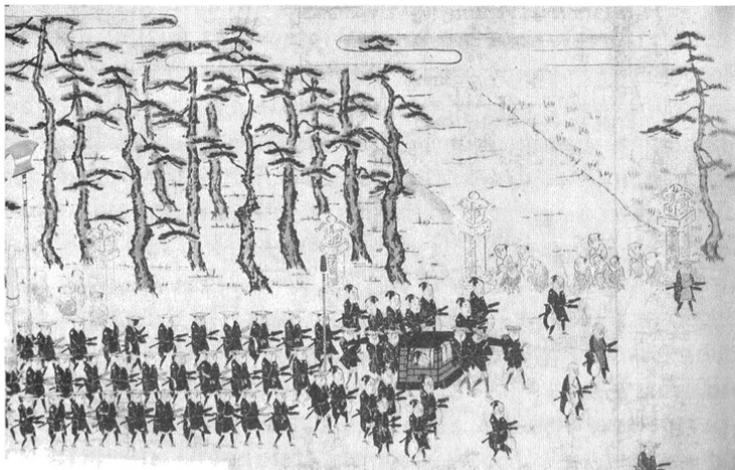
срочно выехать в Эдо для обсуждения вопроса о преемнике. Кроме него в замок прибыли шестидесятилетний князь Мито Токугава Цунаэда и двадцатичетырёхлетний князь Овари Токугава Цугутомо. Одному из них предстояло стать опекуном Иэцугу, а в случае его смерти — следующим сёгуном. По старшинству основателей семейных кланов (родных сыновей Токугава Иэясу) преимущество имел князь Овари, вторым шёл князь Кисю, третьим — князь Мито, но по возрастному критерию они следовали в обратном порядке. Кроме того, были и привходящие обстоятельства.

Предыдущий князь Овари Токугава Ёсимити (1689–1713), которого хотел назначить своим преемником шестой сёгун Иэнобу, три года назад скоропостижно скончался при неясных обстоятельствах. Расследовавший его смерть Муру Кюсо в отчёте написал, что Ёсимити умер в своей столичной усадьбе через несколько часов после того, как поел на обед *мандзю**. Начавшееся сразу после еды кровотечение из горла указывало на отравление сильным ядом, против которого врачи оказались бессильны. Однако кто мог убить главу крупного клана в его собственном доме, было неясно. С другой стороны, в хронике княжества Овари говорится о том, что Ёсимити с юных лет не знал меры в алкоголе и связях с женщинами, поэтому «умер от невоздержанности». Установить причину смерти так и не удалось, хотя в семейной хронике есть упоминания о конфликте между Ёсимити и его младшим братом Цугутомо (1692–1731), который расколол семью и резко обострился незадолго до гибели главы дома. В конфликте участвовали и внешние силы: старшего брата поддерживало именитое аристократическое семейство Кудзё, а младшего — не менее знатный дом Коноэ. Если отравление действительно имело место, то к нему мог быть причастен кто-то из членов семьи, связанных с Цугутомо, однако доказательств

* Японский десерт из соевой пасты.

злого умысла найти не удалось, и смерть главы дома спасали на естественные причины. Преемником Ёсимити стал не младший брат, а его единственный сын Горота, которому в тот момент не исполнилось ещё и трёх лет. Меньше чем через два месяца после смерти отца мальчик тоже умер, и титул князя Овари наконец перешёл к Цугутомо. Что оставляет место для подозрений в двухходовой операции по перехвату власти.

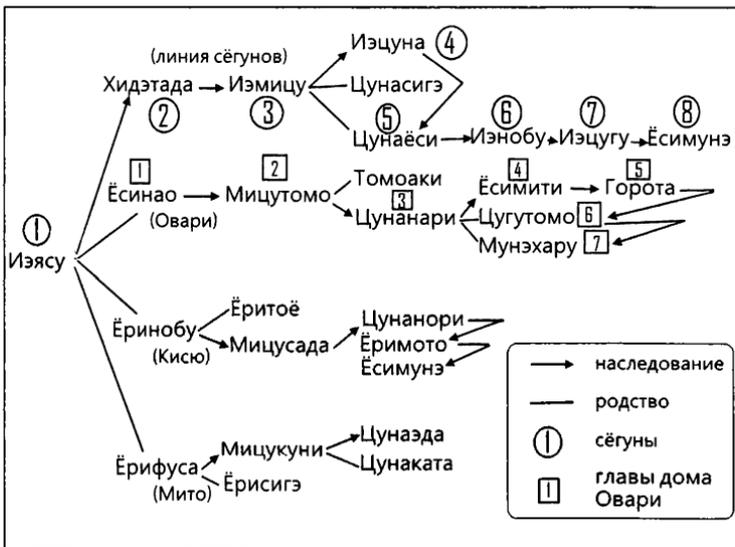
Смерть Токугава Ёсимити изменила расклад сил в группе претендентов: на первый план выдвинулись главы домов из Кисю и Мито. На княжество Овари, известное тесными связями с императорским домом и столичной аристократией, в замке Эдо смотрели с подозрением, поэтому кандидатура Цугутомо сразу отошла на второй план. Князю Мито шёл шестьдесят первый год, и он в силу возраста взял самоотвод. К тому же дом Мито уступал Кисю по критерию старшинства: он был основан одиннадцатым сыном Иэясу, а Кисю — десятым.

Караван князя Кисю на пути в Эдо (гравюра)

Впервые в истории династии Токугава преемника выбирали в отсутствие действующего сёгуна и без учёта его мнения. В этой ситуации самым весомым оказалось слово хозяйки женской половины замка Эдо, вдовы умершего четыре года назад шестого сёгуна Иэнобу. Тэнъэйин, за которой стояли высшая аристократия и духовенство, высказалась в пользу Ёсимунэ, и это решило исход обсуждения. Процедуру гражданского усыновления претендента на высший пост на этот раз проводить не стали — шестилетний Иэцугу не мог быть приёмным отцом для тридцатиднолетнего Ёсимунэ.

С выбором преемника успели определиться буквально в последний момент: Иэцугу умер на следующий день после совещания, 30 апреля 1716 года. Ёсимунэ был объявлен восьмым сёгуном, а церемония вступления в должность прошла через три с половиной месяца, 13 августа. По окончании пятидесятидневного траура по седьмому

Генеалогия «трёх великих домов» Токугава

сёгуну в Японии началась новая эпоха правления Кёхо (букв. «долгое благодарение»). Личные вассалы Ёсимунэ начали переезжать из Вакаяма в Эдо; к концу года их число достигло ста пятидесяти человек. Среди них был и Танума Окиюки (1686–1735), обедневший *хатамото* и отец Танума Окицугу, который через пятьдесят лет станет вторым человеком в стране.

Правление

Правление восьмого сёгуна ознаменовалось крупнейшей реформой общественной жизни за весь период Токугава. Всего таких реформ было три — в годы правления Кёхо, Кансэй и Тэмпо. Ёсимунэ начал с того, что изменил систему управления в самом замке. Огромные полномочия личных адъютантов сёгуна, вызывавшие недовольство в воинской элите, были резко сокращены, а скомпрометированная должность переименована с *собаёнин* на *гоё торизуги*. Теперь функции личных представителей сёгуна ограничивались чисто технической передачей ему запросов и рекомендаций советников и доведением до них его решений. Были изменены и принципы отбора кандидатов на эту должность — их стали набирать не среди *даймё*, как прежде, а из числа *хатамото*, мелкопоместных землевладельцев с годовым доходом менее десяти тысяч *коку* и правом личной аудиенции у сёгуна. В начале XVIII века их насчитывалось немногим более пяти тысяч. Кроме советников *бакуфу* право напрямую обращаться к представителям сёгуна получили руководители магистратов (*бугё*). Через них же они получали ответы Ёсимунэ. Принимать запросы от *даймё* и участвовать в решении их личных вопросов адъютантам было запрещено.

Первыми *гоё торицуги* стали вассалы восьмого сёгуна в ранге старейшин из замка Вакаяма — Огасавара Танэцугу (1657–1718), Арима Удзинори (1668–1736) и Кано Хисамити (1673–1748). Все они имели скромный годовой доход от одной до двух с половиной тысяч *коку* риса, оставшийся неизменным и после назначения. На этом этапе Ёсимунэ строго придерживался правила Токугава Иэясу «цветы и плоды в одни руки не давать». Старший по возрасту Огасавара через два года умер, а Кано и Арима ещё несколько десятилетий оставались ближайшими помощниками восьмого сёгуна и участвовали в его реформах. Со временем их доход несколько возрос, но даже отдалённо не приблизился к тому, что имели фавориты предыдущих сёгунов Янагисава Ёсиясу (сто пятьдесят тысяч *коку*) или Камбэ Акифуса (пятьдесят тысяч).

Схема работы бакуфу при Ёсимунэ

Основы управления, сложившиеся в эпоху Токугава, оказались очень живучими и кое-где сохранились до на-

шего времени. Их можно наблюдать сегодня даже в таких демократичных организациях, как японские университеты. Ректоры японских вузов, как правило, не входят в состав учёных советов и не участвуют в их заседаниях. Подобно сёгунам Токугава они получают протоколы заседаний с изложением обсуждавшихся вопросов и принятых решений. В этом отношении советы вузов ничем не отличаются от советников *бакуфу* эпохи Токугава — их решения имеют для ректора рекомендательный характер и могут быть им приняты или отвергнуты. Ректор же имеет право издать любой приказ, не советуясь с учёным советом, или может запросить его мнение, но в любом случае он стоит над ним и не принимает участия в его работе, так же как сёгун никогда не участвовал в заседаниях возглавляемого им правительства.

Ещё одним новшеством восьмого сёгуна стало создание Службы безопасности замка Эдо (*онивабан*, букв. «охрана двора»). Понимая, что при всей своей власти сёгун не может знать обо всём, что происходит в замке, Ёсимунэ перевёл из Вакаяма семнадцать проверенных вассалов, служивших у него агентами для особых поручений (*ниндзя*, букв. «тайный человек»), и поручил им охрану внутренней территории и помещений замка. Посты наблюдения перед Главной усадьбой и Центральной пагодой работали круглосуточно. Служба безопасности присматривала также за чиновниками и женской половиной замка, однако работы здесь было немного, поэтому со временем её сотрудникам стали поручать и другие дела, например, борьбу с пожарами или выезды с проверками в беспокойные районы.

Стиль правления восьмого сёгуна характеризовался ярко выраженным стремлением к реформированию всех сторон общественной жизни, с которыми он соприкасался. Своё понимание смысла власти он изложил в распоря-

жении от 27 мая 1719 года, адресованном правительству. В нём говорилось, что советники должны принимать к рассмотрению любые правила, привычные нормы или постановления, если в них обнаружены какие-либо недостатки. Оправдывать негативные явления тем, что они прописаны в законах или сложились исторически, он считал недопустимым. Чиновники на его призыв никак не отреагировали, поэтому 5 августа следующего года Ёсимунэ повторил своё распоряжение. В том же году он издал основополагающий манифест под названием «Принципы политики» (*сэйдзи кокорозэ*). В нём повторялась та же мысль: жизнь постоянно меняется, поэтому никакие нормы и правила не должны оставаться в силе, если перестают соответствовать потребностям времени. Документ был разослан наместникам *бакуфу* в главных городах страны с требованием довести его содержание до подчинённых и обеспечить претворение в жизнь. Эта инициатива восьмого сёгуна положила начало законодательному оформлению широко известного сегодня японского принципа «непрерывного усовершенствования» (*кайдзэн*), одобренного современной управленческой практикой. Понимая, что чиновники на местах не горят желанием усложнять себе жизнь, Ёсимунэ через год (в июне 1721 года) разослал им этот указ повторно. Считается, что именно с него начался второй, основной этап реформ Кёхо.

Через два месяца после указа главный информационный щит у моста Нихонбаси известил жителей Эдо, что отныне они имеют возможность лично доводить до сведения сёгуна любую общественно-полезную информацию. Это могли быть предложения по устранению каких-либо недостатков, улучшению городской жизни или факты злоупотреблений должностных лиц. Месячный календарь в то время измерялся не неделями, а десятидневками, поэтому жалобы и предложения принимались по такому же графику, трижды в месяц — по вторым, одиннадцатым и двадцать первым числам с девяти до двенадцати часов.

Жаловаться можно было на затягивание дела в суде, на замеченное за чиновником мошенничество или мздоимство, а также на любой другой общественный беспорядок. Разрешалось обсуждать и критиковать работу советников *бакуфу* и вносить предложения по устранению недостатков, а вот делать предметом апелляции личные интересы, свои или чужие, запрещалось. Ящик для подачи заявлений назывался *мэясубако* (в то время слово *мэясу* означало стиль официального ходатайства или жалобы), поэтому писать нужно было ясно и коротко, по пунктам. И обязательно подписываться полным именем с указанием домашнего адреса; анонимные заявления к рассмотрению не принимались. Писать могли все, кроме тех, кто занимал должности в центральном правительстве или провинциальных администрациях, — горожане, крестьяне, безработные самураи. Авторы писем могли рассчитывать на один из трёх результатов: 1) написанное принималось к рассмотрению и изучалось; 2) текст признавался несостоятельным, и письмо с согласия автора уничтожалось; 3) заявление признавалось ложным, и тогда писавшего вызывали в Городской магистрат и объявляли выговор с сообщением по месту жительства.

Жалобы и предложения могли подавать не только жители Эдо, но и приезжие. Если появлялась необходимость вызвать автора в магистрат, ему выделяли деньги на дорогу. В положении о *мэясубако* особо подчёркивалось, что чиновник не имеет права уничтожать письмо, не сообщив об этом его автору. Если вызванный в столицу жалобщик не являлся, его письмо хранилось несколько месяцев, а затем возвращалось автору.

Ящик с письмами доставлялся непосредственно сёгуну и вскрывался его личным ключом, так что он читал их первым. Это новшество отменило давнее правило, введённое ещё Ода Нобунага и запрещавшее обращаться к правителю через голову непосредственного начальника. До

Ёсимунэ некоторые *даймё* практиковали такой метод обратной связи в своих владениях, но на уровне правительства он был введён впервые.

Некоторые из высказанных горожанами идей были реализованы сразу же после появления новшества. Самая известная среди них — открытие бесплатной больницы для бедняков. Предложение внёс городской лекарь по имени Огава Сёсэн (1672–1760). Восьмой сёгун активно интересовался вопросами медицины и здоровья, поэтому его идею сразу поддержал, и в следующем 1722 году в Эдо открылась больница *Коусикава ёдзёсё* для одиноких бедняков, за которыми некому было присматривать. Семь штатных врачей из замка Эдо по очереди принимали больных, им помогали двадцать два санитар и сиделки. Для экономии средств младший персонал тоже набирали из числа одиноких пожилых горожан. Из казны *бакуфу* на больницу

Диагностика по пульсу

было выделено сначала семьсот, а затем восемьсот сорок рё в год; главным врачом стал автор идеи Огава Сёсэн.

Для XVIII века больница была уникальной: пациентов принимали на казённое довольствие и выдавали пачку бумажных носовых платков, а в летнее время — защитную сетку от комаров. Лечение и питание предоставлялись бесплатно. Усилиями главного врача условия в стационаре постепенно улучшались, и вскоре число пациентов возросло с первоначальных сорока до ста шестидесяти человек. Сначала лечебница состояла из одного терапевтического отделения, но вскоре добавились хирургическое, глазное, женское, и больница превратилась в госпиталь. Благодаря дотациям из казны площадь плантаций, на которых выращивались лекарственные растения, была увеличена в десять раз.

Поначалу пациенты в больницу не шли. Испокон веков врачи сами приезжали к больным и лечили на дому; о том, что может быть наоборот, никто не знал. В городе распространились слухи, что в больнице не лечат, а проверяют на пациентах новые лекарства, получаемые из растений на плантациях *бакуфу*. Да и процедура записи на лечение была непростой: пациент должен был представить ходатайство от домоправителя или старшего городской десятидворки, заверенное квартальным старостой, в котором говорилось, что человек действительно болен и не имеет родственников.

Однако первые отзывы больных помогли преодолеть предубеждение, а организаторы провели несколько экскурсий для квартальных старост и авторитетных горожан, убедив их, что в больнице всё серьёзно и без обмана. По настоянию главного врача Городской магистрат упростил процедуру обращения — теперь с личным заявлением можно было идти сразу на осмотр, без предварительных согласований. Максимальный срок нахождения в больнице составлял невероятные по сегодняшним

меркам двадцать месяцев, впоследствии его сократили до двенадцати.

Вскоре желающих попасть на лечение стало слишком много, и казна перестала справляться. А затем в ней случился очередной кризис, финансирование сократилось. В 1726 году пятидесятичетырёхлетний Огава Сёсэн передал дело своему сыну и ушёл в отставку. В дальнейшем первая в Японии бесплатная больница для бедняков жила то лучше, то хуже, тем не менее благополучно просуществовала до конца XIX века. С наступлением новых времён она закрылась, а плантация лекарственных растений была преобразована в ботанический сад Токийского императорского университета. В этом качестве она существует и сегодня при факультете естественных наук.

Первая организованная попытка помочь населению в борьбе с болезнями вызвала рост интереса к медицинским знаниям, источником которых служили китайские

Врач с ящиком лекарств на вызове к больному

трактаты. Восьмой сёгун с молодых лет сам занимался приготовлением лекарств, поэтому всячески этому содействовал. После 1630 года в связи с запретом на ввоз иностранной литературы поступление в Японию новых знаний из-за рубежа резко замедлилось. Пятый сёгун Цунаёси этот запрет немного смягчил, разрешив в 1685 году ввозить трактаты по конфуцианству, но с медицинскими знаниями всё осталось по-прежнему. Перелом наступил в 1720 году, когда Ёсимунэ разрешил ввозить любую иностранную литературу, кроме христианской. Более того, распорядился начать изучение голландского языка и поручил учёным конфуцианцам Аоки Конъё и Норо Гэндзё составить первый голландско-японский словарь. Благодаря этому указу Япония сделала первый шаг к знакомству с европейскими знаниями, которые впоследствии стали называть «голландской наукой» (*рангаку*).

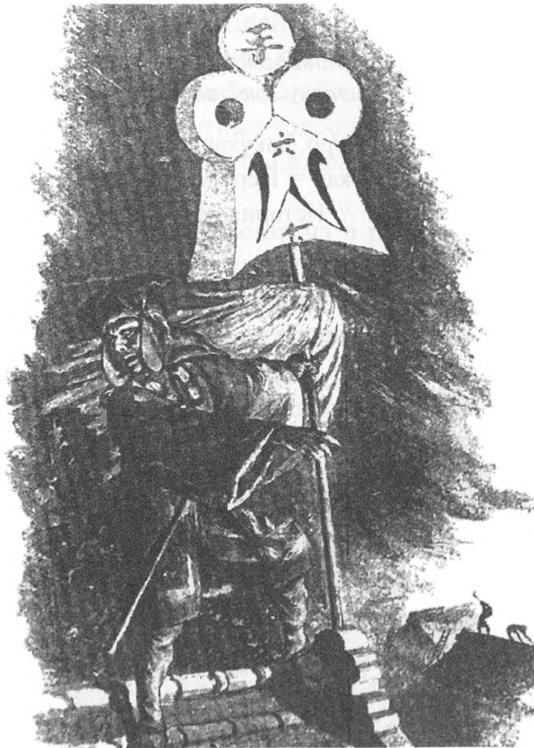
Вскоре после того, как Токугава Иэясу поселился в заброшенном провинциальном замке на берегу залива Эдо, стало ясно, что в географическом смысле выбор оказался не самым удачным: на город регулярно обрушивались тайфуны, извергались расположенные поблизости вулканы и время от времени происходили землетрясения. Но главной бедой всё же оставались пожары, наносившие городскому хозяйству колоссальный ущерб. По статистике, один средний по ущербу пожар происходил каждые два месяца, и эта проблема требовала постоянного внимания. В 1718 году в дополнение к пожарным патрулям, за организацию которых поочерёдно отвечали прибывавшие на службу *даймё*, Ёсимунэ распорядился создать постоянные отряды пожарных из горожан (*матибикэси*). Число пожарных станций в Эдо увеличилось до сорока восьми и продолжало расти в дальнейшем. При каждой станции был сформирован отряд огнеборцев со своим собственным обозначением в виде знака слоговой азбуки *ироха*

и униформой, отличавшей его от других отрядов. Всем пожарным был выдан одинаковый инвентарь — лестницы, багры и сигнальные вымпелы (*матои*). При обнаружении огня старший отряда первым делом определял зону его дальнейшего распространения и дома, предназначенные к обрушению. После этого «лестничные» взбирались на крыши и разбивали черепицу. Следом за ними шли носильщики сигнальных вымпелов*. Они забирались на крышу с двадцатикилограммовым грузом (примерно столько весил один вымпел) и устанавливали его там. Этим очерчивалась зона пожаротушения и полномочий данного отряда. Затем в дело вступали «багорные» — валили стены домов, лишая пищи наступавший огонь. Новшества, введённые Ёсимунэ в противопожарном деле, получили дальнейшее развитие и продолжали совершенствоваться в последующие десятилетия.

По мере усиления борьбы с пожарами число их жертв неуклонно снижалось, но материальные потери были по-прежнему велики. После каждого крупного пожара правительство выдавало погорельцам займы на постройку жилья; эти деньги возвращались с разной скоростью. А иногда и вообще не успевали вернуться до следующего пожара. Пожирющий кварталы огонь выжигал заодно и казну, поэтому предупреждение пожаров было для *бакуфу* постоянной головной болью. Инициатива Ёсимунэ с подачей заявлений оказалась очень кстати: два безработных самурая внесли предложение — чтобы ограничить распространение огня, нужно создать в черте города систему площадок, свободных от застройки (*хиёкэ акити*). После катастрофического пожара 1657 года, уничтожившего две трети Эдо, усадьбы «трёх великих домов» (20-

* Сигнальный вымпел представлял собой шест высотой полтора-два метра с утяжелённым для устойчивости основанием и яркой, видной издали эмблемой отряда.

санкэ) и дома *фудай даймё* были вынесены за внешнюю крепостную стену замка, и на их месте было запрещено что-либо строить. Здесь разбили сады-огороды, площадки для верховой езды и т. п. Авторы идеи предложили расширить эту практику и создать в городе полноценную сеть противопожарных пустошей для минимизации ущерба от огня. Предложение было принято и стало одной из мер профилактики пожаров наряду с заменой соломенных крыш черепичными и рытьём погребов, в которых горожане в критический момент могли сохранить хотя бы самое ценное.

Пожар. На крыше с сигнальным вымпелом

*Создание противопожарных пустошей
в эпоху Токугава*

Источник: Оиси Синдзабуро. Бакухансэй но тэнкан // Нихон но рэкиси. Дайнидзюкан = Переломный период в развитии системы *бакухан* // История Японии, т. 20. Сёгакукан, 1978, с. 162.

Наибольший ущерб наносили пожары, возникавшие в зимний период, когда город насквозь продувался северо-западными муссонными ветрами. Поэтому больше всего пустошей было создано с подветренной стороны, к северо-западу от замка. Примыкавшие к крепостной стене улицы тоже были перепланированы. На территории современных районов Канда и Нихонбаси появились земляные валы, а на месте выбранной земли устроили подземные склады для хранения зерна. За годы правления восьмого сёгуна в Эдо было создано наибольшее количество противопожарных пустошей, ещё много десятилетий помогавших бороться с огнём.

Ещё один крупный правительственный проект, реализованный по предложениям горожан, был связан с освоением пустующих земель в соседних провинциях Кодзукэ

и Симоцукэ. Благодаря ему доход казны увеличился на пятьдесят тысяч коку риса.

Идея Ёсимунэ о сборе предложений от населения прижилась и закрепилась. В середине XVIII века *мэясубако* появились в Осака, Сумпу, Нагасаки и других крупных городах. Потомки восьмого сёгуна эту практику расширили; столетие спустя правительство принимало письма горожан уже не три раза в месяц, а ежедневно. Например, в 1858 году было подано двести двадцать восемь таких заявлений и ходатайств, в среднем по девятнадцать писем в месяц (Фукаи, 2012). Введённая Ёсимунэ форма обратной связи прочно вошла в жизнь японского общества и сохранилась до наших дней: в большинстве публичных предприятий и организаций Японии и сегодня на видном месте стоит или висит небольшой ящик с надписью *нидзи но коэ* (букв. «разноцветные голоса»), куда любой желающий может опустить своё послание руководству этого учреждения.

В том же 1721 году Ёсимунэ в рамках сельскохозяйственной реформы распорядился провести инвентаризацию всех посевных площадей и переписать трудоспособное население, которое их обрабатывало. Всего получилось 26 650 425 человек. На основе этих данных впоследствии удалось подсчитать примерную численность

Пожарный отряд XVIII века

*Противопожарная городская
пустошь (гравюра)*

населения страны в начале XVIII века — около тридцати миллионов человек. Особое значение имела перепись жителей Эдо. За сто с лишним лет его население выросло с пяти тысяч человек до полумиллиона. Столица воинского сословия стала крупнейшим городом страны, обойдя по числу жителей Киото и Осака. Причём мужчин в ней было почти в два раза больше, чем женщин, — в процентном соотношении шестьдесят пять к тридцати пяти. Каждый год сюда из всех провинций прибывали для несения службы удельные князья со свитой, что увеличивало городское население на двадцать-тридцать тысяч человек. Свой вклад в этот дисбаланс вносили и регулярные трудовые мобилизации. Вероятнее всего, до переписи 1721 года диспропорция была ещё больше, поскольку весь XVII век город рос преимущественно за счёт притока мужского населения. Этот перекокс отрицательно сказался на общественных нравах: в городе процветала проституция, постоянно росло число связанных с ней преступлений. Правительство никогда не ставило задачу полностью искоренить это зло, но старалось держать его под контролем. В Эдо существовало пять кварталов с чайными домиками и общественными банями, в которых на постоянной основе работали жрицы любви. Самый крупный из них — отстроенный ещё в 1617 году квартал Ёсивара — занимал

площадь в 4,7 гектара. Эти заведения имели соответствующие разрешения и платили налоги, но процедура регистрации для их клиентов была довольно сложной, а сами услуги не дешёвыми, поэтому на фоне огромного спроса в городе расплодилось несметное количество нелегальных домов (*окабасё*), где те же услуги предлагались гораздо дешевле и без особых формальностей.

Воспитанный на конфуцианстве Ёсимунэ и без переписи знал, что творится в городских кварталах Эдо, поэтому решил твёрдой рукой навести порядок. Полностью разделявший его взгляды легендарный начальник Городского магистрата Оока Тадасукэ (1677–1751) разработал комплекс мер: 1) помещение, в котором будет зафиксировано нарушение закона о сексуальных услугах, подлежит конфискации; 2) нарушители закона на трое суток выставляются к позорному столбу, после чего высылаются из города; 3) наказанию подвергаются все члены городской пятидворки, в которую входит нарушитель.

Подача данных переписи в бакуфу

В 1718 году Городской магистрат провёл серию облав в значных кварталах, по результатам которых были приняты административные меры. В одном из районов выявили квартального старосту по имени Дохати. Сам он притонов не держал, но закрывал глаза на нарушения и властям о них не докладывал. Его крупно оштрафовали и обязали написать рапорт с перечислением своих провинностей, а затем лично обойти всех квартальных старост города (на тот момент двести шестьдесят — двести семьдесят человек) и под роспись ознакомить их с рапортом, после чего представить его в Городской магистрат.

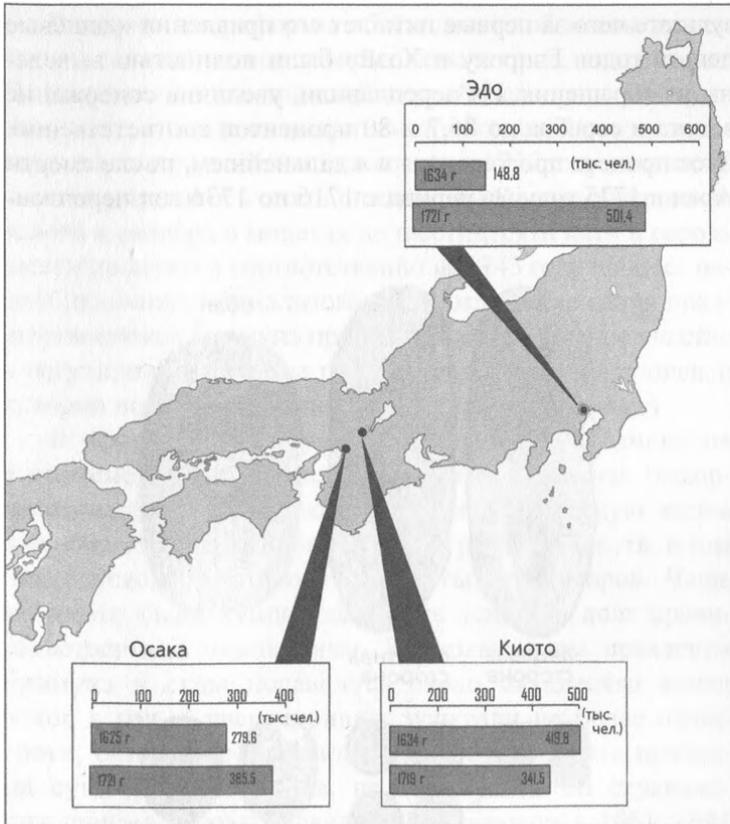
Вступив в должность, Ёсимунэ сразу же столкнулся с проблемой нехватки средств для оплаты труда чиновников, число которых за последние десятилетия сильно возросло. В 1724 году их только в Эдо насчитывалось

Самый известный начальник
Городского магистрата
Оока Тадасукэ

двадцать две тысячи человек. Проблему можно было решить двумя способами: раздавать чиновникам землю или платить жалованье рисом; ни того, ни другого не хватало, поэтому Ёсимунэ пришлось сократить объём служебных поручений. Он предложил удельным князьям выкупить половину срока службы в столице (шесть месяцев из двенадцати) за один процент годового дохода. Другими словами, отдав правительству по сто коку риса с каждой десяти тысяч, даймё получали возможность от-

служить шесть месяцев, а потом полтора года жить дома. Плату можно было вносить дважды в год (весной и осенью) рисом или деньгами. Указ был опубликован в июле 1722 года и дал казне прибавку в сто восемьдесят семь тысяч коку риса — больше половины того, что уходило на содержание всех чиновников. Через девять лет казна пополнилась и указ был отменён — удельные князья снова стали нести службу по двенадцать месяцев.

*Население трёх главных городов Японии
в первой трети XVIII века*

Денежная реформа

В 1716 году, когда Ёсимунэ стал сёгуном, денежная реформа не была ещё завершена, и по стране ходили три вида монет: выпущенные в конце XVI века, ещё при Хидэёси («деньги годов Кэйтё»), и новые, выплавленные в ходе реформы Огивара («деньги годов Гэнроку и Хэйэй»). Восьмой сёгун воспринял и продолжил курс Араи Хакусэки на повышение денежного номинала, в результате чего за первые пять лет его правления «дешёвые деньги годов Гэнроку и Хэйэй» были полностью выведены из обращения. Их переплавили, увеличив содержание золота и серебра до 86,7 и 80 процентов соответственно. Этот процесс продолжился и в дальнейшем, после смерти Араи в 1725 году. За период с 1716 по 1736 год переплав-

Деньги годов Кёхо

ке подверглись монеты на сумму более восьми миллионов рё. Впоследствии их назвали «деньгами годов Кёхо» и использовали более ста лет, вплоть до реставрации Мэйдзи. Рост денежного номинала привёл к появлению новой, самой крупной платёжной единицы *обан*, монеты прямоугольной формы с закруглёнными краями. Всего таких монет было выпущено около восьми тысяч; сегодня они продаются на аукционах по цене от нескольких десятков до сотен тысяч долларов за штуку.

В результате реформы объём денежной массы уменьшился, и цены на все товары, включая рис, пошли вниз. Правительство как главный потребитель риса от этого выиграло, а его производители проиграли. Урожай и поставки в казну упали настолько, что в 1736 году денежный номинал пришлось опять снизить, уменьшив содержание золота и серебра в монетах до шестидесяти пяти и сорока шести процентов соответственно. К 1743 году процесс ценообразования нормализовался. В отличие от своих предшественников Ёсимунэ принимал самое активное участие в регулировании цен на рис, поэтому остался в японской истории под именем «рисового сёгуна» (*камэ сёгун*).

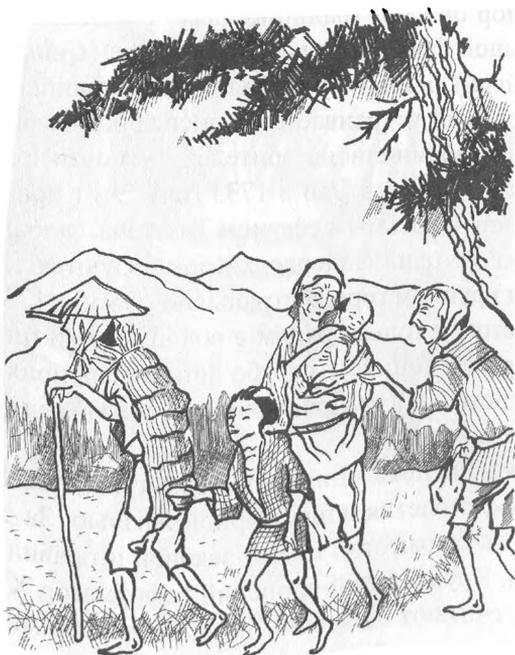
В правление Ёсимунэ начались важные изменения в системе судебного регулирования. Денежная реформа активизировала хозяйственно-экономическую жизнь и привела к росту числа судебных разбирательств, в том числе исков со стороны обманутых кредиторов. Чаще всего это были купцы, дававшие деньги в долг правительственным чиновникам. В первые годы правления Ёсимунэ в суды подавалось около пятидесяти тысяч исков в год, а рассматривать успевали не более одной трети; остальные оставались без решения. Эта проблема существовала всегда, поэтому указы об ограничении приёма исковых заявлений издавались в 1661, 1685 и 1702 годах, но в то время они касались только оптовой торговли. При Ёсимунэ же резко возросло число дел, свя-

занных с индивидуальными займами *гокэнин* и *хатамото*, двух категорий правящего сословия, тесно связанных с правительством. Первый указ восьмого сёгуна на этот счёт (*аитай сумасирэй*) вышел через три года после вступления в должность, в 1719 году, и был направлен на то, чтобы снизить число исков и расширить практику внесудебных соглашений.

Указ сыграл свою роль и снизил нагрузку на правительственный судебный орган, но через десять лет был отменён в связи со следующим этапом денежной реформы, когда возникла потребность в усилении контроля со стороны Финансового магистрата за исполнением долговых обязательств. Ещё через семь лет под давлением возросшего числа дел роль органов власти снова пришлось искусственно снизить — подачу исков в Городской магистрат ограничили двумя днями в месяц, по вторым и двадцать первым числам. Добиться судебного решения стало ещё труднее, но и эта нагрузка оказалась для магистрата непосильной, поэтому в 1742 году исковые заявления разрешили подавать всего два раза в год — 16 апреля и 16 ноября.

Таким образом, первоначальный курс Ёсимунэ на переход к внесудебным соглашениям удалось утвердить жёсткими административными мерами, но этот успех правительства негативно сказался на исполнении долговых обязательств и привёл к расширению силовых методов как в выбивании долгов, так и в уходе от их выплаты. Утвердившаяся при восьмом сёгуне практика снижения нагрузки на судебные органы отчасти сохранилась и в современном судопроизводстве — японские суды не принимают к рассмотрению гражданские иски, если ущерб не превышает шестисот тысяч иен (около шести тысяч долларов США). Считается, что такие споры должны решаться во внесудебном порядке, с привлечением разного рода посредников.

Тяжёлым испытанием для современников Ёсимунэ стал голод 1732–1733 годов (*Кёхо дайкикин*), один из трёх самых крупных за всю эпоху Токугава. В результате неблагоприятных погодных условий в конце 1731 — первой половине 1732 года наводнения и размножившаяся в аномальном количестве саранча уничтожили большую часть урожая в сорока шести княжествах, расположенных в районе Тююку к западу от Киото. В тот год удалось собрать лишь четверть от обычного урожая, и осенью в обширном регионе разразился жестокий голод. Чтобы избежать наказания, местные власти всеми способами занижали уровень бедствия и сообщили о гибели двенадцати тысяч человек, но в действительности число жертв было в десятки раз больше. Согласно хронике *Токугава дзикки*, голод охва-

Бегство от голода

тил территорию с населением в два с половиной миллиона человек, из которых девятьсот семьдесят тысяч умерли. Правительство отправило в район бедствия запасы риса, а местным *даймё* и *хатамото* предоставило денежные займы. В следующем году ситуация с продовольствием более или менее нормализовалась, но последствия голодной зимы 1732–1733 годов сказывались ещё долго.

Следующим летом в Эдо решили организовать общегородскую поминальную службу — помолиться о душах погибших и попросить богов об избавлении от таких бедствий в будущем. А чтобы боги обратили внимание на молитвы, возле моста Рёгоку на реке Сумида устроили небольшой фейерверк. Посмотреть на него пришли тысячи горожан. Праздник получился массовым, зрелищным и всем очень понравился. Его повторили на следующий год, и с тех пор он стал традиционным. Сегодня он известен как Большой фейерверк на реке Сумида (*Сумидагава ханаби тайкай*), один из трёх крупнейших токийских фестивалей, который устраивается в последнюю субботу июля и собирает до миллиона зрителей — почти столько же, сколько проживало в Эдо в 1733 году. Этот праздник, организованный восьмым сёгуном Токугава, заложил новую традицию: сегодня фейерверки организуются едва ли не в каждом крупном городе страны, но — как в 1733 году — только летом и только рядом с водой, у реки или у моря. Фейерверк в Японии — сугубо летнее мероприятие; в отличие от остального мира японцы на Новый год фейерверков не запускают.

Ко времени правления восьмого сёгуна страна уже почти полтора столетия жила мирной жизнью. За это время накопилось множество новых законов и правил для всех сословий. Крупнейший японский реформатор XVIII века, каковым считают Ёсимунэ, не мог пройти мимо столь важного аспекта общественной жизни. Законов и распоряжений было издано великое множество, а вот с их си-

стематизацией дело обстояло не очень. Восьмой сёгун решительно взялся за дело и ликвидировал и этот пробел. Начал он с собственного правления. В 1742 году правительству было приказано свести воедино все его личные законодательные инициативы и по мере необходимости дополнить их новыми законами, соответствующими духу времени. Всего таких актов набралось сто три, поэтому этот сводный документ иногда называют Кодексом ста статей (*осадамэгаки хяккадзё*). Из судебных новшеств восьмого сёгуна следует выделить отмену самых жестоких пыток и наказаний (вырывание ноздрей, отрубание пальцев, опускание в кипящее масло и т. п.), усиление

Фейерверк

мер по профилактике преступлений и установление годичного срока давности для уголовных наказаний: если преступника не могли разыскать в течение года и за это время он больше не нарушал закон, то освобождался от ответственности. При Ёсимунэ были впервые введены сроки для отбытия второго по тяжести наказания, ссылки на удалённые острова. До 1742 года она была пожизненной, теперь же преступникам стали назначать срок, и у них появилась возможность вернуться домой после его отбытия. Отменив самые суровые наказания, восьмой сёгун в то же время усилил борьбу с нелегальной проституцией и азартными играми, приравняв их к тяжёлым преступлениям — за участие в играх и их организацию стали наказывать ссылкой на острова, чего раньше не было. Но тех, кто вконец проигрался, могли простить, если они сообщали властям о действующих игорных заведениях. Также были ужесточены наказания за двойные самоубийства влюблённых (*синдзю*), очень популярные в то время. В случае если попытка оказывалась неудачной и влюблённые оставались живы (что бывало довольно часто), их на

16'

Битьё палками

три дня выставляли к позорному столбу, а затем казнили. Кроме своих собственных законов Ёсимунэ распорядился свести воедино все письменные распоряжения, изданные сёгунами Токугава за последние сто двадцать восемь лет, начиная с 1615 года. К тому времени их набралось более трёх с половиной тысяч.

Составленный таким образом свод законов был разослан руководителям магистратов и других учреждений *бакуфу* на места с распоряжением изучить и руководствоваться при принятии решений. Тексты надлежало бережно хранить и передавать преемникам вместе с должностью. Вслед за Конфуцием Ёсимунэ считал, что подданным не обязательно знать содержание законов, достаточно выполнять все распоряжения власти, поэтому чиновникам было приказано хранить тексты уложений под замком.

Борьба за общественный порядок и нравственность привела к тому, что при Ёсимунэ Эдо жил по законам военного времени: с наступлением темноты входные ворота городских кварталов и усадеб запирались, по улицам могли ходить лишь ночные сторожа и пожарные патрули. Будучи сторонником экономии средств и рационального ведения хозяйства, восьмой сёгун резко сократил число театральных и уличных представлений, пышных выездов и увеселительных мероприятий в замке, его примеру последовали провинциальные *даймё*. Городская жизнь стала по-военному строгой, серьёзной и упорядоченной.

Вместе со всеми в этой атмосфере рос и воспитывался Токугава Мунэхару (1696–1764), младший брат князя Овари Токугава Цугутомо, бывшего соперника Ёсимунэ в борьбе за сёгунский пост. В ноябре 1730 года тридцативосьмилетний Цугутомо заболел и умер, семью возглавил Мунэхару, как вскоре выяснилось — полный антипод аскетичного восьмого сёгуна. При новом хозяине в столичной усадьбе князя Овари началась новая жизнь: вопре-

ки запретам *бакуфу* её ворота оставались открытыми всю ночь, в ней часто устраивались поэтические конкурсы, музыкальные и театральные представления, выставки и другие увеселительные мероприятия, пользовавшиеся у горожан большой популярностью. В апреле следующего года Мунэхару посетил родовой замок в провинции Овари, где местные жители, уже наслышанные о новом хозяине, устроили ему торжественную встречу. Презрев положенный ему по рангу ритуал, князь Овари въехал в Нагоя не в позолоченном паланкине, а верхом в походной одежде.

Ожидания жителей провинции полностью оправдались: с приездом нового удельного князя жизнь в ней кардинально изменилась. Мунэхару разрешил прежде запрещённые театральные представления, соревнования по борьбе *сумо*, факельные шествия и другие увеселительные мероприятия, отменил ограничения на яркие фасоны и расцветку одежды. Двадцать второго августа 1731 года в замке Нагоя состоялся продолжавшийся целые сутки танцевальный конкурс, в котором участвовало две сотни групп. Осенью того же года в призамковом городе открылся квартал чайных домиков с гейшами, куда съехались более тысячи молодых женщин из других провинций. Через год в столице провинции Овари насчитывалось уже более шестидесяти уличных театров; местных актёров стало не хватать, их приглашали из других районов. Экономическая жизнь в Нагоя оживилась: развлекательные кварталы обросли множеством торговых лавок, в город потянулись купцы из соседних провинций.

Прибыв весной 1731 года на службу в Эдо, Токугава Мунэхару вновь заставил говорить о себе весь город. На празднование Дня мальчиков он в честь рождения первого сына Мангоро приказал поднять над усадьбой восемьдесят разноцветных полотнищ из лучших сортов шёлка, тридцать декоративных шлемов и даже боевое знамя, которое Токугава Иэясу в своё время вручил девятому сыну

Ёсинао, основателю семейства Овари. В замке Нагоя по случаю праздника тоже была устроена большая выставка оружия и боевых доспехов.

В начале 1732 года Мунэхару издал трактат собственного сочинения *Онти сэйё* («Основы гуманного правления»), на основе которого позднее составил невероятно либеральный для XVIII века административный кодекс из двадцати одной статьи. В нём князь Овари осуждал любое принуждение и репрессивные методы правления, превозносил любовь к людям и заботу о них, подтверждая свои рассуждения своеобразно осмысленными примерами из жизни Токугава Иэясу. Он утверждал, что запреты и ограничения лишь плодят новых нарушителей, поэтому их нужно свести к минимуму, а экономического процветания можно достичь только за счёт добровольной активности населения. Что праздники и другие жизненные удовольствия должны быть таковыми не по форме, а по содержанию и действительно радовать людей. Еда должна быть вкусной, одежда — красивой, а поздравления и подарки — искренними. Мунэхару отменил в своих владениях смертную казнь, снизил налоги, провозгласил принцип почтения к императорскому дому и построил в Нагоя уменьшенную копию поминального храма Токугава Иэясу, чтобы люди могли отдать дань уважения основателю династии, не выезжая в Никко. И ввёл много других новшеств, в корне противоречивших политике *бакуфу* и восьмого сёгуна.

Это было принципиальное столкновение двух мировоззрений. Молва о демонстративном поведении Мунэхару широко разошлась, и убеждённый в своей правоте Ёсимунэ начал действовать. Двадцать пятого мая 1732 года его посланники посетили усадьбу Мунэхару и предъявили ему претензии по трём пунктам: 1) нарушение запрета *бакуфу* на увеселительные мероприятия в Эдо; 2) организация массового праздника в День мальчиков; 3) нарушение

указа об экономном ведении хозяйства. Главе родственного дома было предложено признать свои действия ошибочными и не повторять их в будущем.

Токугава Мунэхару учтиво, но твёрдо отверг все три обвинения. Во-первых, он живёт интересной жизнью в столице, не ущемляя интересов жителей провинции Овари, для них он тоже делает много хорошего. Во-вторых, не существует закона, запрещающего показывать горожанам свою усадьбу, тем более демонстрировать боевое знамя Токугава Иэясу. В-третьих, он ведёт весьма экономную хозяйственную политику, а если восьмой сёгун так не считает, то это от его собственного недопонимания. И добавил, что достойный правитель не должен принуждать подданных к добродетели и силой заставлять их экономить. Мунэхару, по его словам, расплатился с долгами брата и не создал новых, поэтому претензий к нему быть не должно (Оиси, 2011).

Последнее утверждение не соответствовало действительности — наоборот, при Токугава Цугутомо княжество Овари не имело долгов, а при Мунэхару они появились. Рост числа увеселений привёл к определённой паде-нию общественных нравов и росту преступности в Нагоя, а снижение налогов — к экономическим трудностям. Начиная с 1736 года князь Овари был вынужден ежегодно брать деньги в долг у жителей Нагоя, в то время как состояние казны Ёсимунэ медленно, но верно улучшалось: после 1742 года правительственный бюджет ни разу не сводился с дефицитом.

После этого столкновения мнений Токугава Мунэхару по-прежнему жил в Эдо на широкую ногу, ни в чём себе не отказывая, и лишь изредка наезжал в Нагоя. Вскоре его окружение в провинции начало роптать и обращаться к советникам с просьбами повлиять на главу дома.

Ёсимунэ не забыл дерзкого ответа родственника и не смирился с ним. В июне 1738 года он издал через *баку-*

фу указ с предписанием князю Овари отменить все свои нововведения и вернуться к хозяйственной практике старшего брата. Увеселения в замке Нагоя были запрещены, квартал чайных домиков расформирован, а большинство театров закрыты. Всё это было сделано без согласия главы дома руками его старейшин, пока он находился в столице. Ещё через год Ёсимунэ вызвал в Эдо пятерых ближайших вассалов Мунэхару и через них передал ему приказ сложить с себя полномочия главы семьи и выехать в Нагоя под домашний арест. Причиной опалы он назвал развал хозяйства и обнищание населения.

Князь Овари выполнил приказ и провёл под домашним арестом следующие двадцать пять лет, в том числе последние тринадцать — уже после смерти Ёсимунэ. За всё это время ему разрешили покинуть замок Нагоя лишь один раз, в 1761 году, чтобы навестить могилы родителей. Идеинный противник восьмого сёгуна не был реабилитирован даже после смерти: в знак того, что приказ об аресте остаётся в силе, его надгробие обнесли металлической решёткой, а просьбы потомков снять её несколько раз отклонялись. Реабилитация мятежного родственника состоялась через семьдесят пять лет после смерти, в 1839 году.

Длившаяся восемь лет борьба Ёсимунэ с Токугава Мунэхару закончилась победой рационально-аске-

Токугава Мунэхару

тичного метода хозяйствования и ужесточила контроль *бакуфу* над провинциальными *даймё*. Судьба князя Овари послужила им наглядным уроком и способствовала укреплению хозяйственной дисциплины на местах.

Во время этой борьбы Ёсимунэ решил ещё одну важную проблему. Он хорошо помнил историю своего назначения, когда сёгуна фактически пришлось выбирать из двух боковых семейных ветвей Токугава, и решил расширить круг родственников, имеющих право делегировать своих представителей на высшую должность. В 1735 году такую привилегию получили семьи двух младших сыновей восьмого сёгуна, Мунэтакэ (1716–1771) и Мунэтада (1721–1765), а чуть позднее — семья внука Сигэёси (1745–1795). Их городские усадьбы располагались напротив ворот замка, которые назывались Таясу, Хитоцубаси и Симидзу. Эти названия и стали семейными фамилиями новых аристократов. Так в правящей династии кроме «трёх великих домов» (*госанкэ*) Токугава-Овари, Токугава-Кисю и Токугава-Мито, основанных сыновьями Токугава Иэясу, появились «три больших дома» (*госанкё*), основанные сыновьями и внуком Ёсимунэ: Токугава-Таясу, Токугава-Хитоцубаси, Токугава-Симидзу. Семьи сыновей Иэясу по богатству и статусу превосходили потомков Ёсимунэ, и это отражало общую тенденцию к понижению уровня доходов, достававшихся преемникам следующих сёгунов: если старшие сыновья Иэясу получили от него по пятьсот пятьдесят — семьсот пятьдесят тысяч *коку* риса, то в дальнейшем назначаемый доход постоянно снижался, и потомкам Ёсимунэ полагалось уже не более ста тысяч *коку*. На торжественных церемониях в замке Эдо им отводились места уровнем ниже, чем главам «трёх великих домов», но выше, чем их наследникам. Одна из привилегий новых родственников состояла в исключительном праве пользоваться отдельным входом в замок Эдо, ближайшим к Среднему покою, где жил сёгун. Ещё одно отличие по-

томков Ёсимунэ от потомков Иэясу заключалось в том, что они не имели родовых замков в провинциях и постоянно жили в Эдо.

Таким образом, после указа о «трёх больших домах» иерархия боковых ветвей династии приняла следующий вид: 1) Токугава из Овари; 2) Токугава из Кисю; 3) Токугава из Мито; 4) Токугава-Таясу; 5) Токугава-Хитоцубаси; 6) Токугава-Симидзу. В дальнейшем только они могли выдвигать своих представителей на пост сёгуна. Увеличение числа таких семей, с одной стороны, придавало династии устойчивость, а с другой — обещало усиление борьбы и интриг в борьбе за высший пост.

В октябре 1744 года Ёсимунэ исполнилось шестьдесят лет, и он решил, что пора приобщать преемника к власти. У него было трое взрослых сыновей, и по праву старшинства отцу должен был наследовать тридцатидвухлетний Иэсигэ (1712–1761). Его вступление в должность состоялось через одиннадцать месяцев, в сентябре 1645 года. Выйдя в формальную отставку, Ёсимунэ уступил сыну Главную усадьбу, а сам переехал в Западную и принял традиционный для отставного правителя ранг *огосё*, но при этом сохранил за собой все полномочия. Классическая передача власти от живого отца к сыну произошла впервые за сто с лишним лет — последним «правильным преемником» был третий сёгун Иэмицу, сменивший отца в 1629 году.

Выбор преемника дался Ёсимунэ нелегко. Его старший сын часто болел, страдал сильным дефектом речи, злоупотреблял алкоголем и совершенно не интересовался делами правительства. Второй сын, двадцатидевятилетний Мунэтакэ (1716–1771), был здоров и амбициозен и не без оснований рассчитывал, что может обойти старшего брата и занять место отца. Его кандидатуру поддерживали многие в *бакуфу*, в том числе влиятельный советник Мацудайра Норисато (1686–1746). Ёсимунэ долго раздумывал, как поступить, но в конце концов решил не нару-

шать основополагающий принцип старшинства и остановился на Иэнобу. В помощники своему трудному сыну он назначил самых надёжных советников, а Мацудайра Норисато, который продолжал поддерживать среднего Мунэтакэ, отправил в отставку. Следующие два года показали, что второй сын не смирился с решением отца и по-прежнему ведёт политику дискредитации старшего брата, рассчитывая рано или поздно занять его место. Ёсимунэ расширил ему земельные владения и отправил на три года под домашний арест.

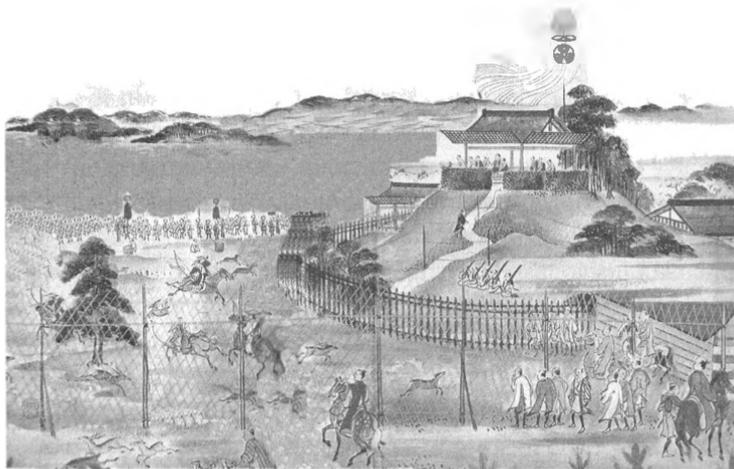
В ноябре 1746 года у шестидесятидвухлетнего Ёсимунэ случился инсульт: у него нарушилась речь и отказала правая половина тела. Отставного сёгуна лечили лучшие врачи, но болезнь отступала очень медленно. В июне 1748 года, когда Иэсигэ принимал в замке Эдо корейское посольство, Ёсимунэ едва мог ходить и с трудом произносил слова, поэтому в церемонии не участвовал. Для него построили пологую лестницу с поручнями, по которой он с трудом поднялся, чтобы издалека посмотреть на посольскую процессию. Следующие два года он понемногу восстанавливался и в марте 1751 года даже смог выехать на любимую охоту, но в конце мая произошёл повторный приступ, и 20 июня восьмой сёгун Токугава скончался на шестьдесят восьмом году жизни.

Личные качества

В японской истории Ёсимунэ остался как крупнейший реформатор XVIII века и один из самых заметных сёгунов династии Токугава. Ещё при жизни его сравнивали с основателем династии Иэясу и находили немало общих черт. Оба жили активной общественной жизнью и примерно одинаково понимали своё предназначение. Обоих отличали созидательный ум, интерес к масштабным,

практически значимым делам, нацеленность на конечный результат. Оба сдержанно относились к личным удовольствиям, были умеренны в желаниях и вели скромный для своего положения образ жизни. Современники отмечали равнодушие Ёсимунэ к предметам роскоши: на публичные церемонии он одевался по правилам, в дорогие шёлковые одежды, но в быту предпочитал простые хлопковые ткани, больше заботясь об удобстве, чем о соответствии своему высокому статусу.

Так же как Иэясу, восьмой сёгун больше всего на свете любил охоту и ещё в Вакаяма часто выезжал на неё, нарушая при этом указы Цунаёси о защите животных. Сразу после вступления в должность он отменил его запрет и разрешил охотиться — сначала в окрестностях Эдо, а затем и в других провинциях. Было восстановлено и разведение охотничьих соколов, также запрещённое пятым сёгуном. Ещё он очень любил лошадей и интересовался вопросами коневодства. Узнав, что в Нагасаки живёт голландский ветеринар и специалист по верховой езде, отправил туда

Удельный князь на охоте (гравюра)

своего представителя с заданием пройти курс обучения, а затем пригласил голландца в Эдо. Польщённый вниманием правителя, ветеринар подарил ему породистого персидского скакуна и переведённое на японский язык пособие по коневодству. После этого в провинции Симоса появилась правительственная коневодческая ферма.

От голландцев Ёсимунэ узнал, что в Индии обитают слоны — огромные и сильные животные, по словам европейцев, в несколько раз больше любого буйвола или лошади, с длинным и чувствительным носом, который намного длиннее хвоста. Представить себе столь диковинное животное было совершенно невозможно; Ёсимунэ очень заинтересовался и попросил привезти ему пару слонов на разведение. В 1728 году китайские торговцы привезли в Нагасаки двух животных, но по дороге в Эдо самка умерла. Слон произвёл в городе настоящий фурор и стал объектом всеобщего внимания. Ёсимунэ велел построить для него отдельное помещение и показывать всем желающим для расширения кругозора. Любознательный восьмой сёгун содержал при замке небольшой зоопарк, где обитали диковинные для Японии индюки, павлины, страусы, циветты и некоторые другие животные.

К классическим искусствам — театру, живописи, стихам, музыке — он не проявлял особого интереса, но для смены настроения иногда слушал старинную японскую музыку или рассматривал гравюры. С той же целью он брал уроки у штатного замкового художника и даже нарисовал несколько незамысловатых картин. Гораздо больше его интересовала китайская классическая литература и конфуцианские по духу работы японских учёных Муро Кюсо, Каибара Экиэн, Кумадзава Бандзан. Эти книги он с удовольствием читал и рекомендовал своим приближённым.

Больше всего ему нравились трактаты о законах, жизнеописания правителей, книги по географии, астрологии

и составлению календарей. В свободное время сёгун любил разглядывать карты и во время выездов на охоту часто брал их с собой, чтобы на местности проверить, насколько они правильны. В 1719 году Ёсимунэ поручил штатному правительственному математику Татэбэ Катахино (1664–1739) составить полную карту Японии и обозначить на ней границы земельных владений провинциальных кланов. Задание сёгуна было выполнено к 1723 году, но не полностью: математик заполнил контуры четырёх основных островов Японии и отметил на них двести три населённых пункта, однако расстояние до более мелких островов, их площадь и расположение уточнялись ещё пять лет после этого. Составленная Татэбэ Катахино карта впоследствии была разослана в провинции для сверки с местностью и уточнения деталей.

Ёсимунэ испытывал сильную тягу ко всякого рода измерениям, описаниям, систематизации всего, что окружает человека. Как уже говорилось, при нём была проведена первая перепись крестьянского населения. Поначалу никто не знал, как к ней подступиться, поэтому сёгун в течение шести лет настойчиво рассылал на места дополнительные распоряжения и пояснения. Несмотря на многие недостатки, его перепись стала наиболее полной из всех предпринятых в эпоху Токугава. Его интересовало, как образуются дождевые облака и от чего зависит, сколько воды прольётся с неба на землю. Известно, что он дал поручение своим чиновникам собрать все сведения, которыми на этот счёт располагали более продвинутые в науках голландцы. А пока они собирали информацию, приказал расставить на территории замка бочки для сбора дождевой воды и ежедневно измерять её уровень. Впоследствии такие же наблюдения было поручено вести наместникам Сумпу и Нагасаки. Целью наблюдений Ёсимунэ объявил умение предсказывать наводнения и заранее к ним готовиться.

В повседневной жизни восьмой сёгун вёл себя ровно и сдержанно. С подчинёнными говорил спокойно, никогда не повышал голоса. По свидетельствам современников, никто в замке не слышал, чтобы он кричал или ругался. всю жизнь он придерживался одного распорядка. Вставал в шесть утра, завтракал, проходил медосмотр и шёл на женскую половину для ежедневного приветствия (*собурэ*). Днём работал, во второй половине дня иногда ещё раз заглядывал в Большой внутренний покой. С четырёх до пяти часов принимал ванну и ужинал. В XVIII веке многие японцы перешли на трёхразовое питание, но Ёсимунэ всю жизнь ел два раза в день, придерживаясь традиционного меню *итидзю сансай* («один бульон, три салата»). Оно состояло из пяти наименований: белый рис, бульон *мисо* и три блюда из морепродуктов с овощами. Как все японцы, Ёсимунэ больше всего любил рыбу. На предложения адъютантов и советников перейти на трёхразовое питание отвечал, что еда — дело хорошее, но полный желудок мешает работать. После ужина сёгун частенько выпивал с приближёнными. *Сакэ* он очень любил, но всегда придерживался нормы — заранее говорил прислуге, сколько графинчиков принести*, и не просил добавки. Около восьми часов вечера он уходил в спальню и в девять ложился спать. Его ближайшее окружение отходило ко сну ближе к часу ночи.

В отношениях с женщинами восьмой сёгун Токугава придерживался золотой середины, не избегая их общества, но и не увлекаясь чрезмерно. По обычаю, заведённому ещё Токугава Иэясу, его потомки брали в жёны девушек из семей наследных принцев или пяти ведущих аристократических домов**. Ёсимунэ не нарушил традиции, женившись на

* *Сакэ* подаётся в небольших фарфоровых графинчиках по 200–280 мл.

** Семьи Коноэ, Итидзё, Нидзё, Кудзё, Такацукаса.

дочери наследного принца МасакоФусиминомия (1691–1710). По меркам своего времени, семьёй он обзавёлся довольно поздно, в двадцать два года, уже будучи главой княжества Кисю. Невесте в день свадьбы шёл шестнадцатый год. Через четыре года она родила первенца, но роды оказались фатальными — мать и ребёнок умерли. Ёсимунэ остался холостяком и больше не женился, но женского общества не избегал. Уже через год после смерти жены наложница Синтокуин родила ему сына,

Ёсимунэ

будущего девятого сёгуна Иэсигэ, однако вскоре заболела и тоже умерла. Глава дома поручил старейшинам подобрать женщину, которая могла бы воспитать его первенца. Ему доложили, что у Синтокуин есть шестнадцатилетняя двоюродная сестра, только вот внешние данные у неё не очень. На что Ёсимунэ ответил, что это не имеет значения: «Главное, чтобы была честная и не ревнивая, а какое у неё лицо — совершенно неважно» (Оиси, 1978). Девушку (впоследствии она получила имя Хонтокуин) поселили в замке Вакаяма, и вскоре она стала регулярно появляться в спальне главы дома. В 1716 году, за три месяца до назначения Ёсимунэ преемником седьмого сёгуна, Хонтокуин (1696–1723) родила ему второго сына. В том же году она вместе с его сыновьями переехала в замок Эдо и семь лет занималась их воспитанием, но в 1723 году умерла от болезни.

За всю жизнь у Ёсимунэ было шесть наложниц и семеро детей, пятеро из них (три сына и две дочери) дожили

до взрослого возраста. Так же как Токугава Иэясу, восьмой сёгун совершенно не обращал внимания на социальный статус своих женщин, руководствуясь исключительно личными симпатиями.

Все годы правления Ёсимунэ женская половина замка Эдо жила не вполне обычной жизнью — в ней не было хозяйки. Наибольшим уважением пользовались вдова шестого сёгуна Тэнъэйин и наложницы Ёсимунэ, воспитывавшие его детей, но никто из них не мог претендовать на роль главной хозяйки — ею могла быть только жена сёгуна или его мать, но у него их не было. В октябре 1721 года умерла Хиса, последняя наложница Ёсимунэ и мать его младшего сына Мунэтада. Вокруг сёгуна не осталось ни одной близкой женщины, и он предпринял очень необычный шаг, запомнившийся современникам. В один из дней он попросил распорядительниц Большого внутреннего покоя составить список из пятидесяти самых красивых девушек и представить ему. Вся женская половина замка пришла в приятное волнение, полагая, что Ёсимунэ намерен выбрать себе новую наложницу, но он поступил по-другому — отпустил девушек по домам, сказав, что таким красавицам надо выходить замуж, рожать детей и жить полноценной жизнью, а не жертвовать собой ради службы (работавшие в замке женщины не имели права выходить замуж). Всем девушкам он выдал хорошее выходное пособие, облегчив тем самым поиск женихов.

Гуманное отношение к молодым красавицам составляло лишь часть сёгунского плана. Сокращение штата женской половины на пятьдесят человек помогло заметно снизить расходы казны на её содержание. А для тех, кто остался на службе, Ёсимунэ велел составить новый устав (*ооку хатто дзюкюдзё*, «Девятнадцать статей Большого внутреннего покоя») взамен старого, написанного ещё в 1618 году. В нём женщинам запрещалось «замышлять

и обсуждать тайком дела неблагоприятные», «рассказывать посторонним о жизни в замке», «злословить об окружающих», «пользоваться покровительством мужчин в корыстных целях» и т. д. — как раз всё то, что составляло важную часть жизни Большого внутреннего покоя. Женская служба в нём стала тяжелее и строже, а для принимаемых на работу девушек ввели служебную клятву наподобие воинской присяги.

Однажды Ёсимунэ заметил в замке симпатичную девушку и через её распорядительницу сделал ей предложение стать его фавориткой. Служебный устав предусматривал право женщины отказаться, хотя на практике такого почти не бывало. Но Ёсимунэ такой отказ получил: девушка объяснила, что у неё есть жених и в ближайшее время она намерена уйти со службы и выйти замуж. Неожиданно для многих восьмой сёгун спокойно воспринял отказ и распорядился не лишать девушку положенного ей выходного пособия.

Ёсимунэ не забыл услуги, которую при назначении оказала ему Тэнъэйин, вдова шестого сёгуна Иэнбу: придя к власти, он назначил ей максимальное для женской половины годовое содержание в двенадцать тысяч *рё* и сохранил за ней статус хозяйки Большого внутреннего покоя, которым она пользовалась следующие двадцать пять лет. Не обошёл он вниманием и Гэккоин, мать седьмого сёгуна Иэцугу: она получила годовой доход в десять тысяч *рё* и право жить в замке Эдо в отдельной резиденции с собственной прислугой.

Так же как Токугава Иэясу, Ёсимунэ уделял много внимания вопросам здоровья и медицины, читал трактаты и в молодости сам занимался приготовлением лекарств. В то время считалось, что молоко обладает целебными свойствами, поэтому при Ёсимунэ в соседней провинции была построена ферма. Получаемое на ней молоко доставляли в замок.

Японцы знали, что если свежее молоко долго держать на слабом огне, то оно свернётся и превратится в творог, который можно смешать с бобовым творогом и получить блюдо под названием *дайго*. Восьмой сёгун очень его любил и считал чрезвычайно полезным для здоровья. С большим уважением он относился и к моркови, которой тоже приписывались лечебные свойства. Морковь была известна в Японии с VIII века и считалась особенным продуктом, поэтому выращивать её можно было только с разрешения властей. При Ёсимунэ площадь морковных полей *бакуфу* значительно расширилась.

С болезнями в то время боролись подручными средствами, не столько излечивая, сколько облегчая состояние больного. В первом ряду болезней-убийц вместе с холерой, туберкулёзом и сифилисом стояла неопасная сегодня для жизни корь. Лечили её разными органическими смесями, а от кожных высыпаний избавлялись прикладыванием сушёного навоза (*хакугюдо*). Лечился им и восьмой сёгун. Согласно хронике императорского дома, во время эпидемии кори 1730 года Ёсимунэ отправил партию сушёного навоза заболевшему императору Накамикадо и его семидесятишестилетнему отцу. Выздоровев, монарх передал остатки лекарства главе аристократического дома Коноэ.

Восьмой сёгун отличался крепким здоровьем: он редко болел и сохранял полную работоспособность до шестидесяти двух лет, что в то время бывало нечасто. В семейной хронике говорится о том, что даже в самые холодные зимние дни он не надевал нижний халат. В последние десять-пятнадцать лет Ёсимунэ набрал лишний вес и даже внешне стал похож на Токугава Иэясу. После первого инсульта его крепкий организм ещё пять лет боролся с болезнью и восстановил многие функции, но повторное обострение оборвало жизнь восьмого сёгуна Токугава.

Девятый сёгун Иэсигэ

(1711–1761, правление 1745–1760)

Девятый сёгун Иэсигэ — старший сын Ёсимунэ — родился 21 декабря 1711 года в Эдо, в городской усадьбе княжества Кисю. Его мать, наложница главы дома по имени Сума, через два года умерла, и отец поручил воспитание первенца её двоюродной сестре, которая вскоре тоже стала его фавориткой. Таким образом, с двух до пяти лет мальчика воспитывала тётя, а позднее, после переезда в замок Эдо, ей стали помогать советники *бакуфу* Андо Нобутомо (1671–1732), Мацудайра Нориката (1693–1746) и конфуцианец Муро Кюсо (1658–1734). Мальчик рос слабым и болезненным, от рождения страдал церебральным параличом в лёгкой форме. Болезнь затронула мышцы рук, шеи и лица, из-за чего говорил он очень невнятно.

Во второй половине XX века состоялось перезахоронение останков нескольких сёгунов Токугава, и врачи дополнительно их обследовали. У девятого сёгуна был обнаружен несоразмерный возрасту износ зубной эмали, характерный для людей, страдающих бруксизмом (в просторечии зубовный скрежет). Это заболевание вызывается неконтролируемым спазмом лицевых мышц. Болезнь сделала юношу замкнутым и нелюдимым, большую часть времени он проводил в одиночестве во внутренних покоях замка и постепенно привык к такому образу жизни. Он рано пристрастился к алкоголю, что ухудшило и без того слабое здоровье будущего сёгуна. Болезнь, однако, не повлияла на его умственные способности — согласно семейной хронике, он хорошо играл в *сёги**, прилично рисовал и с удовольствием смотрел театральные постановки. В тринадцать лет юноша прошёл обряд совершеннолетия и получил взрослое имя Иэсигэ, первый компонент которого присутствовал в именах четырёх из пяти последних сёгунов.

Несмотря на физический недостаток старшего сына, Ёсимунэ с детства начал готовить его к правлению. Конфуцианский канон мальчику преподавал лучший учёный того времени Муро Кюсо, а обращению с оружием учили общепризнанные мастера своего дела. Для развития мышления и расширения кругозора отец приводил мальчика на заседания Судебного присутствия, а чтобы укрепить его физически и преодолеть врождённый недостаток — брал с собой на охоту. На окраине Эдо он выстроил для сына отдельную усадьбу и дважды в год — весной и осенью — отправлял его туда на несколько дней, чтобы он пожил в другой обстановке и посмотрел, как живут люди за пределами замка. Однако эти усилия не увенчались успехом — Иэсигэ крайне неохотно покидал замок и не проявлял интереса к внешнему миру. Учеба, новые

* Настольная японская игра, напоминающая шахматы.

знания и навыки его тоже не привлекали; не в последнюю очередь из-за слабого здоровья.

Помимо мышечных спазмов он страдал уремией и не мог долго обходиться без туалета. Позднее, уже в ранге сёгуна, ему приходилось часто выезжать в городскую семейную усыпальницу Токугава, расположенную в храме Канъэй. Пять километров Иэсигэ несли в паланкине, это занимало около полутора часов. С учётом особенности девятого сёгуна на этом маршруте было выстроено двадцать три туалета. Знавшие об этом жители Эдо за глаза называли Иэсигэ «писающим сёгуном» (*сёбэн кубо*).

В декабре 1731 года ему исполнилось двадцать лет, и отец женил сына на семнадцатилетней дочери наследного принца Наминомия Масуко. Судя по некоторым сведениям, невеста была не в восторге от жениха, речь которого совершенно не понимала, но внешне брак поддерживался и выглядел вполне нормально. В семейной хронике говорится о том, что Иэсигэ, нуждавшийся в близком человеке, старался облегчить молодой жене привыкание к новой жизни и часто устраивал для неё совместные ужины, пикники на природе и речные прогулки. Однако супруги прожили вместе недолго — через полтора года после свадьбы у Масуко начались преждевременные роды, во время которых она умерла вместе с ребёнком. Через некоторое время Иэсигэ сблизился со служанкой жены по имени Ко и сделал её своей наложницей. В 1737 году она родила ему сына и на какое-то время стала самой влиятельной женщиной в Западной усадьбе замка. Как и его отец, вторично Иэсигэ не женился, но активно интересовался женщинами и проводил в их обществе большую часть времени. Он оставался в ранге наследника до тридцати четырёх лет и всё это время жил исключительно личной жизнью; о реформах отца и его делах знал, но интереса к ним никогда не проявлял.

В замке об этом прекрасно знали, поэтому многие в правительстве считали, что преемником следует назна-

чить второго сына Мунэтакэ (1716–1771), здорового, честолюбивого и любознательного юношу, который с удовольствием учился и занимался боевыми искусствами. В 1729 году тринадцатилетний Мунэтакэ на церемонии совершеннолетия удивил отца и советников *бакуфу*, ошибочно продекламировав по памяти двадцать параграфов из классического трактата «Луньюй» («Беседы и суждения»). Разумный и рационально мыслящий Ёсимунэ прекрасно знал своих сыновей и понимал, что второй гораздо больше подходит на роль преемника, но, как человек порядка и дисциплины, не решился нарушить конфуцианский принцип старшинства.

В сентябре 1745 года, после двадцати девяти лет правления, он объявил, что уступает старшему сыну свой пост и Главную усадьбу в замке Эдо. В начале ноября прошла традиционная церемония вступления в должность, и Иэсигэ стал девятым сёгуном Токугава. Однако вся власть осталась в руках отца. Смена поколений всегда проходила сложно, поэтому Ёсимунэ постарался максимально облегчить сыну начало правления: отправил младшего брата-конкурента под домашний арест, а его главного покровителя в *бакуфу* Мацудаёра Норисато уволил и лишил земельных владений. После изгнания Норисато передал семью на попечение старшему сыну и ушёл в монастырь.

Ещё год после назначения Иэсигэ отец продолжал править в ранге отставного правителя *огосё*, но в ноябре 1746 года он тяжело заболел, и молодому сёгуну пришлось взять на себя роль первого лица. Впрочем, на его образе жизни это никак не отразилось: большую часть времени он по-прежнему проводил на женской половине замка и делал то, что ему нравилось, — рисовал пейзажи, смотрел театральные постановки, а по вечерам устраивал долгие трапезы с возлияниями. В отличие от дисциплинированного и аскетичного отца Иэсигэ вёл крайне неупоря-

доченный образ жизни и отличался многими странностями, например, очень не любил брить лоб и бороду, терпеть не мог смазывать волосы маслом, из-за чего большую часть времени ходил небритым и непричёсанным. Однако перед официальными церемониями поддавался на уговоры адъютантов, и они приводили голову сёгуна в порядок, поэтому во время ритуала Иэсигэ имел вполне приличный вид и держался достойно.

Единственный человек, который понимал его нечленораздельную речь, — Оока Тадамицу (1709–1760) — служил при сёгуне личным переводчиком в ранге младшего советника (*вакадосиёри*). Это понимание было результатом многолетней службы при Иэсигэ в качестве адъютанта. Постоянно находясь рядом с девятым сёгуном, Тадамицу доводил до приближённых смысл его высказываний, поэтому был совершенно незаменимым и очень влиятельным человеком в замке.

Через пять лет после смерти Ёсимунэ, в 1756 году, Иэсигэ восстановил отменённую отцом должность *собаёнин*, существовавшую при предыдущих сёгунах,

Трапеза аристократа (гравюра)

и первым, кто её получил, был, конечно, Оока Тадамицу. Соответственно повышению ранга ему был увеличен и годовой доход — с пятнадцати до двадцати тысяч *коку* риса. Появление у сёгуна адъютанта в ранге *собаёнин* не оказало большого влияния на работу *бакуфу*, однако подготовило почву для будущих проблем с коррупцией и злоупотреблением властью в ближайшем окружении сёгуна.

В день смерти отца Иэсигэ шёл уже сорок первый год; его интересы, приоритеты и образ жизни к тому времени полностью сформировались. Вникать в дела *бакуфу* он не хотел, советников поручениями не загружал и не возражал против того, чтобы подчинённые всё делали сами. К счастью, его личный переводчик Оока Тадамицу оказался человеком здравомыслящим, добросовестным и умеренным в желаниях. Во многом благодаря ему десять лет правления Иэсигэ прошли без особых потрясений. Состояние казны тоже не внушало опасений: с 1751 по 1761 год бюджет *бакуфу* сводился с профицитом от 0,8 до 1,2 миллиона *рё* золотом. Правда, с поставками риса дело обстояло хуже — его не хватало, поэтому приходилось докупать на рынке (Фудзита, 2012).

Реформы восьмого сёгуна Ёсимунэ наполнили казну, но увеличили нагрузку на крестьян — при нём рисовый налог возрос с сорока до пятидесяти процентов. В последующие годы число крестьянских выступлений постоянно росло, и это стало главной проблемой периода правления Иэсигэ. В 1748 году произошёл крупный мятеж в провинции Харима, в 1753 году — в провинции Бинго, в следующем году — два бунта в провинции Тикуго и т. д. Положение крестьянства ещё больше усугубилось неурожаем 1755 года. Таким образом, при девятом сёгуне правительство пожинало плоды реформаторской деятельности его отца — как положительные, так и отрицательные.

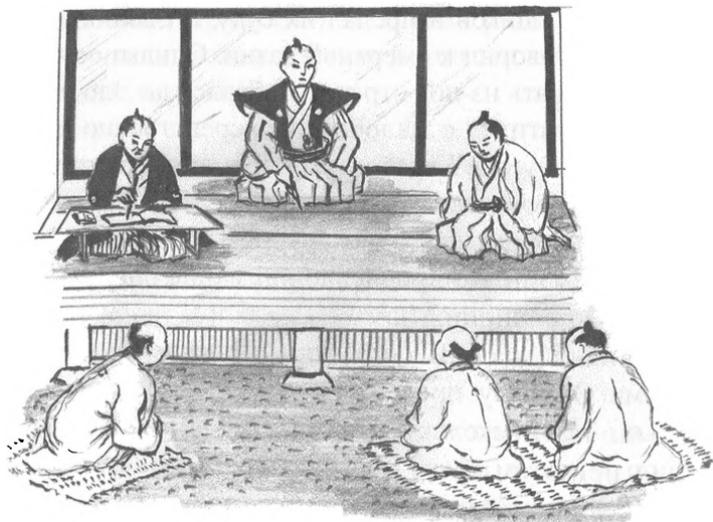
Борьба с крестьянским движением не могла обойтись без участия чиновников, и это привело к резонансному расследованию, изменившему расклад сил в верхнем эшелоне власти. Всё началось с трудового конфликта в уезде Кудзё провинции Мино, которым владел чиновник *бакуфу* Канамори Ёриканэ (1713–1763), занимавший сразу две должности: главного церемониймейстера замка и начальника Магистрата по делам религий (*дзися бугё*). Конфликт, известный в японской истории как «мятеж Кудзё» (*Кудзё икки*), имел сложную фабулу и длился четыре года. Он начался с того, что хозяин уезда решил изменить методику расчёта налогов с крестьян. В свою пользу, конечно. Для этого требовалось разрешение *бакуфу*, и влиятельный Канамори с помощью личных связей легко его получил. Возмущённые крестьяне начали писать жалобы — сначала самому Канамори, а затем в правительство с просьбой разобраться. Используя всё своё влияние, чиновник полтора года блокировал рассмотрение дела, и отчаявшиеся крестьяне взбунтовались. Хозяин уезда арестовал тридцать зачинщиков и предал их суду, а главного руководителя приговорил к смертной казни. Однако осуждённый сумел бежать из-под стражи, добрался до Эдо и через *мэясубако* обратился с жалобой непосредственно к сёгуну. Волнения в уезде Кудзё к тому времени охватили уже около пяти тысяч человек. На волне всеобщего возмущения там произошло ещё одно крупное восстание против местного храма, и это привлекло внимание *бакуфу* к беспорядкам в провинции Мино.

Получив доклад, Иэсигэ поручил своему адъютанту Танума Окицугу провести расследование и наказать виновных. Но поскольку делами сам не занимался, то нарушил при этом сразу два бюрократических правила. Во-первых, потребовал от правительственного судебного органа разобраться в конфликте между землевладельцем и его крестьянами, чего никогда прежде не делалось. Во-

вторых, назначил руководителем следствия своего личного адъютанта, не имевшего в правительстве никакой формальной должности. Между тем в процессе разбирательства ему предстояло принимать решения о судьбе высших чиновников в ранге *бугё* и *родзю*, что, безусловно, не соответствовало правилам субординации.

По итогам расследования было установлено, что Канамори Ёриканэ незаконно изменил систему расчёта налогов, а коллеги-чиновники прикрыли это нарушение. Из правительства были уволены советник Хонда Масаёси, младший советник Хонда Таданака, начальник Службы тайного надзора Магарibuти Хидэтика, начальник Финансового магистрата Охаси Оми. Впервые в истории сёгуната Токугава группа высших чиновников лишилась своих мест именно за нарушение закона.

Были наказаны также обе стороны конфликта в провинции Мино. В соответствии с принципом «чем ниже

Дознание. Допрос свидетеля

статус, тем строже спрос» Канамори Ёриканэ был уволен с обеих правительственных должностей, лишен земельных владений и до конца жизни отправлен под домашний арест. Его признали виновным в нарушении закона о налогообложении, неправомерном смертном приговоре крестьянскому предводителю, плохом управлении своим хозяйством и злоупотреблении служебным положением. Двое старейшин, помогавших Канамори скрывать нарушения, были сосланы в ссылку на острова.

Крестьян наказали гораздо строже. Более трёхсот участников мятежа были доставлены в Эдо и четыре месяца, пока шло следствие, содержались в тюрьме; шестнадцать человек за это время умерли. Четырнадцать зачинщиков были казнены, а несколько десятков наиболее активных участников приговорены к ссылке, домашнему аресту и другим видам наказания.

Небывалый процесс, на котором в числе прочих судили и членов правительства, вызвал в Эдо большой ажиотаж. После его окончания осуждённые чиновники стали главными героями театральных пьес и уличных представлений, в которых высмеивались лицемерие и жадность представителей власти.

При девятом сёгуне работой *бакуфу* руководили советники Мацудайра Такэтика (1714–1779), Хотта Масасукэ (1712–1761) и Нисио Таданао (1689–1760). В годы правления Иэсигэ наметились некоторые тенденции, проявившиеся в полную силу несколько десятилетий спустя. В частности, усилиями Хотта Масасукэ, большого любителя этикетных подношений, в бюрократической среде стала распространяться коррупционная схема решения вопросов. Боровшийся с ней Оока Тадамицу уговорил девятого сёгуна издать в 1759 году указ о запрете советникам *бакуфу* принимать на службе подарки, но документ остался не более чем благим пожеланием.

При Иэсигэ появились первые ростки новой идеологии, противостоявшей доминировавшему конфуцианству. Одним из первых её адептов стал городской врач по профессии и философ по складу ума Андо Сёэки (1703–1762). Критикуя конфуцианское учение, он утверждал, что все люди от рождения равны и не должны делиться на группы по богатству и происхождению. Главным занятием человека он считал работу на земле и выступал за создание однородного крестьянского общества, отстаивал идею предоставления женщинам равных прав с мужчинами и т. д. В начале XX века учение Андо Сёэки с элементами анархического социализма было взято на вооружение участниками демократического движения, требовавшими социальных преобразований.

Другим заметным явлением стало усиление национальной научной школы *кокугаку* (букв. «отечественная наука»). Её основоположником считается монах буддийской школы Сингон по имени Кэйтю (1640–1701), доказывавший, что японцы в первую очередь должны знать и изучать собственные литературные памятники, такие как *Манъёсю*, а не китайские трактаты. После его смерти работу в этом направлении продолжил Када Адзумамаро (1669–1736), у которого учился Камо Мабути (1697–1769). На работах Кэйтё и Камо вырос один из крупнейших учёных отечественной научной школы Мотоори Норинага (1730–1801). Примерно в одно с ним время изучением японской литературной классики занимался менее известный путешественник, фармацевт и филолог Сугаз Масуми (1754–1829).

Рост интереса к национальному культурному наследию естественным образом привлёк внимание грамотной части населения к императорской династии, единственному институту, который не менялся в течение веков и оставался краеугольным камнем национальной самоидентификации. В XVIII веке у императорского

дома появились горячие поклонники за пределами аристократического сословия, призывавшие восстановить былой статус «сына неба» и тем самым вернуть стране величие эпохи Нара.

Одним из ярких представителей этого течения стал сын городского лекаря Такэноути Сикибу (1712–1768). В юности он служил в аристократическом доме Токутайдзи и глубоко впитал культуру и идеологию этого сословия. Выступая перед горожанами, он говорил о величии национальной культуры, о превосходстве японской религии *синто* над заимствованным в Китае конфуцианством, о первичности императорской власти по отношению к воинской и т. д. Проповеди Такэноути пользовались в Киото большой популярностью, и в 1756 году он был удостоен небывалой для простоядина чести — выступить перед юным императором Момодзоно (1741–1762).

Появление новой идеологии раскололо высшую аристократию на два лагеря — одни вдохновились идеями Такэноути и были готовы требовать у воинского сословия большего уважения, а другие испугались, что потеряют и то, что имеют. Принадлежавшие ко второму лагерю главы домов Итидзё, Такацукаса и Кудзё в 1758 году донесли наместнику Киото о провокационных речах новоявленного защитника. Такэноути вызвали в Городской магистрат и допросили, но не обнаружили в его мыслях ни-

Мотоори Норинага

чего вредного. Однако инициировавшие расследование аристократы настояли на принятии мер, и проповедника выслали из императорской столицы. Семь самых горячих его сторонников были отправлены под домашний арест, а двенадцати менее активным последователям запретили появляться во дворце. Места единомышленников Такэноути Сикибу при дворе заняли ставленники противоположного лагеря, в чём, собственно, и заключалась главная цель операции «по раскрытию заговора».

Этот инцидент ослабил позиции императора Момодзоно и усилил верхушку придворной аристократии. Для поклонников императорского дома он стал ещё одним примером унижения со стороны сёгуната, хотя главную роль в «инциденте годов Хорэки», как его называют в Японии, сыграло ближайшее окружение императора. Через сто тридцать лет, когда воинское сословие вернуло власть императорскому дому, потомки семи пострадавших аристократов были реабилитированы и получили повышение на один придворный ранг.

Ещё одним заметным событием годов правления девятого сёгуна стало возвышение Танума Окицугу (1719–1788), одного из самых ярких политических деятелей второй половины XVIII века. При Иэсигэ его восхождение только началось, а пик деятельности пришёлся на годы правления следующего, десятого сёгуна.

Сын обедневшего *хатамото*, Окицугу с юных лет служил при Иэсигэ адъютантом. Приехав со своим отцом из Вакаяма, он вслед за Иэсигэ поселился в замке Эдо и прошёл все ступени служебной карьеры. Взлёт Танума начался в 1758 году, когда сёгун поручил ему расследование громкого дела о мятеже в провинции Мино (*Кудзё икки*), о котором уже говорилось. Иэсигэ остался доволен результатом и добавил оправдавшему доверие адъютанту десять тысяч *коку* риса, по доходу приравняв его

к удельным князьям. Через два года после расследования «мятежа в Кудзё» девятый сёгун ушёл в отставку, попросив Танума служить своему сыну так же, как ему самому, а сыну Иэёси рекомендовал полностью доверять Танума и прислушиваться к его советам.

В марте 1760 года в замке отметили пятидесятилетний юбилей Иэсигэ, а через месяц после церемонии умер Оока Тадамицу, единственный человек, хорошо понимавший речь девятого сёгуна. Здоровье Иэсигэ тоже оставляло желать лучшего, и он решил, что пришло время передавать дела преемнику. К тому моменту у девятого сёгуна было двое рождённых наложницами сыновей — двадцатитрёхлетний Иэхару и пятнадцатилетний Сигэёси. Появлению на свет старшего Иэхару в своё время очень радовался дед Ёсимунэ; одно время он даже подумывал о том, чтобы на несколько лет сделать сёгуном проблемного Иэсигэ, сохранив за собой все властные полномочия, а когда старший внук подрастёт, передать высший пост ему. Но из-за болезни не успел реализовать этот план. Младшего внука Сигэёси он тоже включил в структуру династийной иерархии, присвоив ему ранг основателя третьей семейной ветви (Симидзу) с правом наследования сёгунской должности. Так что и с передачей власти Иэсигэ ничего не пришлось придумывать самому — за него всё сделал отец. Так же как Ёсимунэ в своё время, он уступил свой пост и Главную усадьбу замка старшему сыну Иэхару, а сам принял ранг *огосё* и переехал в Западную усадьбу, традиционную резиденцию отставных сёгунов.

Десятилетнее правление Иэсигэ на этом закончилось. Официальная хроника семейства *Токугава дзикки* написана в комплиментарном стиле и всячески подчёркивает любые личные достоинства и общественные достижения сёгунов, но даже в ней ничего не сообщается о том, как правил девятый по счёту представитель династии по имени Иэсигэ.

После сорока лет его здоровье стало быстро ухудшаться, сёгуна всё реже видели на публичных церемониях. Через год после выхода в отставку у него произошло обострение уремии, от которой он страдал всю жизнь. Старший сын Иэхару ежедневно навещал отца и как мог старался облегчить его состояние. Однако, несмотря на лечение, болезнь быстро прогрессировала, и 11 мая 1761 года девятый сёгун Токугава скончался в возрасте пятидесяти лет. Наиболее вероятной причиной смерти считается инфекционный цистит.

Десятый сёгун Иэхару

(1737–1786, правление 1760–1786)

Наследник

Старший сын девятого сёгуна Иэсигэ родился 22 мая 1737 года в Западной усадьбе замка Эдо и получил традиционное для семьи Токугава детское имя Такэтиё. Его родила наложница Иэсигэ по имени Ко, ранее прислуживавшая его жене. Мальчик рос в очень благоприятной атмосфере, пользовался любовью и заботой деда Ёсимунэ, уделявшего много времени его воспитанию. Глядя на неудачного старшего сына, восьмой сёгун утешал себя тем, что зато с внуком ему повезло — из

него получится хороший правитель. Одно время он даже подумывал, не сделать ли его своим преемником. Действительно, Такэтиё много читал, любил играть в шахматы, выезжал с дедом на охоту, с удовольствием занимался верховой ездой и воинскими упражнениями. Ещё он хорошо учился и знал конфуцианский канон. Очень рано, в четыре года, Такэтиё прошёл обряд совершеннолетия, получив при этом все положенные наследнику регалии: взрослое имя Иэхару, высокий придворный ранг и должность Старшего советника двора. В семнадцать лет он женился на дочери принца Исономия Томоко (1738–1771) и, в отличие от большинства своих предшественников, состоял с ней в хороших отношениях. Жена родила ему двух дочерей, но с наследником супругам не повезло; здесь Иэхару выручили наложницы.

В мае 1760 года, когда Иэсигэ объявил, что в связи с ухудшением здоровья уходит в отставку, Иэхару растерялся; решение отца застало его врасплох. Согласно семейной хронике, он на следующий же день обратился к опытному советнику Мацудайра Такэтика (1714–1779) с письмом следующего содержания: «Я ещё молод и несведущ в государственных делах. Несчастный отец мой ввиду нездоровья вынужден уступить мне свой пост, но меня это пугает и тревожит. Вы работали в правительстве ещё вместе с моим дедом Ёсимунэ и многому у него научились, поэтому я рассчитываю на Ваш опыт и знания. Прошу Вас без стеснения сообщать мне своё мнение по любому вопросу и поправлять, если я буду ошибаться. Уверяю вас, что намерен внимать Вашим советам» (*Токугава дзикки*). Мацудайра Такэтика работал в правительстве следующие девятнадцать лет, вплоть до самой смерти, и при этом пользовался неизменным доверием и поддержкой десятого сёгуна. В последние годы он часто болел и просил отпустить его на покой, но Иэхару каждый раз уговаривал его остаться. Кроме Мацудайра Такэтика

молодому сёгуну помогал также Танума Окицугу (1619–1786), пользовавшийся безграничным доверием Иэсигэ.

Церемония вступления десятого сёгуна в должность прошла в замке Эдо 2 сентября 1760 года. Он пришёл к власти путём прямого наследования, от отца к сыну, так же как четверо его предшественников из девяти, но из них лишь двое — третий Иэмицу и четвёртый Иэцуна — с детства знали о своём предназначении и готовились к нему. Иэхару стал третьим в истории династии «сёгуном по праву рождения». Он получил власть в идеальном возрасте, в двадцать три года, был достаточно умён и образован, чтобы руководить работой правительства, однако система бюрократического управления к тому времени сложилась в конфигурацию, уже не предполагавшую непосредственного участия сёгуна в решении текущих вопросов. С каждым следующим поколением обладатель высшей власти становился всё более номинальной фигурой, удалённой от мирской суеты.

К двадцати трём годам у Иэхару полностью сложился свой собственный образ жизни, главное место в котором занимали простые человеческие удовольствия. Он с детства любил играть в настольные игры, которым научил его дед Ёсимунэ. Очень хорошо играл в *сёги** (имел седьмой дан из девяти) и в конце жизни даже написал серьёзный трактат об этой игре. С удовольствием занимался живописью и каллиграфией, дарил свои картины гостям и родственникам. Так же как его дед, часто выезжал на охоту, хорошо стрелял из ружья, любил холодное оружие и занимался *кэндо*. Во время пожаров и стихийных бедствий Иэхару проявлял сочувствие к простым людям и старался по возможности им помогать. Увидев в городе в дождливый день одинокого человека, задумчиво глядящего в небо, решил, что ему негде жить, и велел выдать сто *рё* на обустройство. Проявлял терпимость и великодушие

* Настольная японская игра, напоминающая шахматы.

к подчинённым: не придирался по пустякам, легко прощал мелкие ошибки. Авторы официальной хроники описали несколько эпизодов, когда кто-то из новичков-адъютантов ошибался и ставил блюдо не на ту сторону обеденного столика или подавал его с открытой крышкой, в то время как по правилам она должна быть закрыта или наоборот. Старший адъютант в таких случаях падал ниц перед сёгуном и просил прощения за промах подчинённого, но бывали случаи, когда Иэхару жестом подзывал к себе провинившегося и спокойно показывал ему, как и что нужно делать (Ямамото, 2011). В пожилом возрасте десятый сёгун стал часто просыпаться раньше положенных шести часов утра. Его приближённые отмечали, что в таких случаях он тихо вставал, стараясь не разбудить спящих рядом адъютантов, одевался и прогуливался по коридорам Среднего покоя, дожидаясь шести часов. А если шёл ночью в туалет, то сам и никогда не будил адъютанта, которому полагалось его сопровождать.

Современники отмечали равнодушие Иэхару к внешнему блеску, роскоши и дорогим нарядам, его стремление к экономии, чему учил его в детстве дед Ёсимунэ. Придя к власти, он почти на треть сократил расходы на содержание женской половины замка, а по скромности бытовых запросов он, пожалуй, превзошёл даже своего деда. Женщинами он тоже не особенно интересовался и вступал с ними в отношения скорее по необходимости; за всю жизнь у него было всего две наложницы. Согласно официальной хронике, завести вторую фаворитку — исключительно ради рождения наследника — его уговорил тот же Танума Окицугу, и то лишь при условии, что сам сделает то же самое. Усилие сёгуна над собой оправдалось: вторая наложница Тихо (впоследствии Рэнкоин) в 1762 году родила ему долгожданного сына.

Воспитанный на конфуцианских ценностях, Иэхару ответственно относился к ритуалу: за двадцать шесть лет

правления не пропустил ни одной календарной церемонии. Оценив деловые качества рекомендованного ему отцом Танума Окицугу, показал, что способен принимать самостоятельные нестандартные решения: в 1767 году впервые в истории династии разрешил Танума совмещать две ключевые должности (личного адъютанта и советника *бакуфу*).

Десятый сёгун отличался постоянством привычек и образа жизни, с большим почтением относился к опыту предков и старался во всём ему следовать. Например, увидев на обеденном столике новое блюдо, обязательно спрашивал, подавали ли его когда-нибудь сёгунам раньше, а если слышал нестандартный вопрос, то интересовался, задавали ли его кому-нибудь прежде, и если да, то каков был ответ. Точно так же он не менял своих принципов и мнений о людях из ближайшего окружения. Вторая половина его правления прошла под знаком небывалой активности Танума Окицугу, вызвавшей немало нареканий в самых разных слоях общества, но Иэхару, единожды доверив ему экономическую политику, никогда в неё не вмешивался и во всём поддерживал своего назначенца.

Эпоха Танума

Усиление влияния конфуцианской идеологии началось в японском обществе сразу после наступления мирного времени. В разные периоды этот процесс шёл с неодинаковой скоростью, но при десятом сёгуне он не только остановился, но и впервые со времён Токугава Иэясу пошёл в обратном направлении. Последние двадцать лет нахождения у власти Иэхару в хозяйственно-экономической жизни страны доминировали принципы, не имевшие ничего общего с конфуцианскими ценностями. Однако дело

было не в десятом сёгуне: он, как и его отец, не вмешивался в дела правительства и утверждал всё, что ему подавал на подпись Танума Окицугу, возглавлявший *бакуфу* с 1768 по 1786 год. Живи он в наше время, его бы назвали убеждённым сторонником рыночной экономики. Эти восемнадцать лет в японской истории именуется «эпохой Танума».

Выходец из семьи обедневшего *хатамото*, Танума Окицугу оказался в замке Эдо благодаря своему отцу. Он служил восьмому сёгуну Ёсимунэ ещё в те времена, когда тот жил в Вакаяма, и вместе с другими его вассалами переехал в Эдо в 1716 году. Доход отца в то время составлял всего шестьсот *коку* риса. В четырнадцать лет Окицугу попал в ближайшее окружение старшего сына Ёсимунэ и после вступления Иэсигэ в должность стал распорядителем его личных адъютантов (*косёгуми банто*). За девятнадцать лет службы девятому сёгуну Танума Окицугу получил от него три поощрения, в результате которых его годовой доход возрос до пяти тысяч *коку*. Передавая пост своему сыну, Иэсигэ рекомендовал ему Танума как честного и преданного вассала, на которого можно полностью положиться, и просил не забывать его после своей смерти (*Токугава дзикки*). Воспитанный в конфуцианском духе Иэхару выполнил наказ отца: до конца жизни безоговорочно доверял и покровительствовал Танума Окицугу.

В 1767 году в руководстве *бакуфу* произошла очередная смена поколений, после которой сорокавосьмилетний Танума оказался самым опытным сановником и занял сначала должность личного адъютанта (*собаёнин*), а ещё через месяц стал советником (*родзю*). Как уже говорилось, эти две должности прежде никогда не совмещались, поэтому новый назначенец сразу приобрёл в замке огромный вес.

Разумно пользуясь открывшимися возможностями, Танума экономно тратил из казны деньги и в то же время активно наращивал доходы, что очень понравилось деся-

тому сёгуну и убедило его в правильности выбора главного исполнителя. В отличие от большинства чиновников того времени глава *бакуфу* считал, что личная заинтересованность и активность населения в сочетании со свободным перемещением товаров могут приносить и казне, и обществу не меньше выгоды, чем рис, традиционный источник благосостояния. А чтобы люди могли больше работать и зарабатывать, следовало устранить излишние запреты и ограничения. Элементы такого подхода демонстрировал в своё время Ода Нобунага, убравший заставы на границах провинций, а также Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, но в их политике расчёт на коммерческую активность населения всегда был второстепенным, а главными факторами всё-таки оставались ограничения и принуждение. Танума, детство которого пришлось на пик реформ Ёсимунэ, после прихода к власти решил повторить его успех в новых условиях и исключительно на коммерческой основе.

Главным рычагом новой политики стало повсеместное создание профессиональных гильдий (*кабунакама*). Они существовали в Японии со Средних веков и представляли собой закрытые сообщества, членство в которых передавалось по наследству. Торговые и ремесленные гильдии имели монопольное право на занятие своей деятельностью и платили за него пошлину, которая шла в казну *бакуфу* и составляла важную статью дохода.

Самые большие деньги вращались в сфере рисовой торговли, поэтому и основные события происходили здесь. Рис выращивался на землях удельных князей, а потребляли его в основном две приближённые к власти категории населения, военные аристократы *хатамото* и правительственные служащие *гокэнин*. Выплата рисового довольствия производилась трижды в год, и процедура его получения была довольно хлопотной. В день выплаты перед рисовыми складами выстраивались огромные очереди, и со временем эти заботы взяли на себя посредни-

ки-торговцы. Заключив договор на обслуживание с уважаемой семьёй, они предъявляли на складе её талоны на рис (*фуда*) и получали штамп с номером очереди. Отсюда и пошло их название *фудасаси* (букв. «предъявитель талонов»), ставшее одним из самых употребительных слов эпохи. Первые *фудасаси* появились в середине XVII века, но их звёздный час наступил при Танума Окицугу. Полученный рис посредники доставляли хозяевам, беря за свои услуги небольшую плату. *Хатамото* и *гокэнин* часть полученного риса потребляли сами, а часть «обналичивали», продавая на рынке через тех же торговцев-*фудасаси*. С каждых сорока *коку* риса они получали 0,75 золотого *рё* в качестве комиссионных, поэтому некоторым удавалось скопить довольно крупные состояния. С другой стороны, многие *хатамото* и *гокэнин* жили на широкую ногу и потребляли жизненные блага задолго до того, как они были оплачены рисом. Торговцы их и здесь выручали, давая деньги в долг под залог будущего урожая. Некоторые *хатамото* хозяйствовали так, что были закредитованы торговцами на несколько лет вперёд.

Купцы вели роскошный образ жизни, доступный очень немногим даже в воинской элите: широко гуляли в Ёсивара, регулярно посещали городские театры, покровительствовали артистам и художникам, меценатствовали. При Танума Окицугу только в Осака насчитывалось сто тридцать профессиональных гильдий, а в Эдо выделились восемнадцать крупнейших купцов (*дзюхати дайцу*, букв. «восемнадцать тузов»), сосредоточивших в своих руках значительную часть торгового капитала. Поощряемая Танума система давала им большие возможности в плане манипулирования ценами.

Созданные при Танума Окицугу купеческие гильдии взяли под контроль не только внутреннюю, но и внешнюю торговлю: в Нагасаки работали биржи, на которые со всей страны свозились главные товары японского экспор-

та — медь, сушёная рыба, морепродукты. Такую же биржу Танума планировал открыть на Хоккайдо для торговли с Россией, но этот план не был реализован.

В XVIII веке в связи с ростом производства монет в Китае увеличился спрос на медь, а также на поставляемые японцами сушёную рыбу и морепродукты. Китайцы платили за импорт серебром, что для Японии было очень выгодно, поскольку этого металла в стране хронически не хватало. В расширении внешней торговли Танума видел важный источник доходов, призванный компенсировать снижение поставок риса из-за неурожая и крестьянских бунтов. Однако развитию внешнеторговых связей препятствовали указы середины XVII века, фактически закрывшие страну. Танума считал, что введённые третьим сёгуном ограничения устарели и их нужно отменить. Представитель Ост-Индской компании Исаак Титсинг писал, что наместник Нагасаки обращался к нему с просьбой привезти в Японию плотников, умеющих строить океанские суда, и обещал добиться в правительстве разрешения на их строительство. По свидетельству голландца, Танума серьёзно обсуждал с советниками вопрос об открытии страны (Сэкинэ, 1999). Судя по всему, он волновал не только главу правительства: во второй половине 1760-х годов *вакадосиёри* Мацудаира Нобуцуна подал десятому сёгуну докладную записку, в которой предлагал смягчить режим изоляции по двум пунктам: 1) разрешить строительство крупнотоннажных судов; 2) установить режим торговли с другими странами, помимо Голландии и Китая. Идея не получила одобрения, но сам факт её появления показателен.

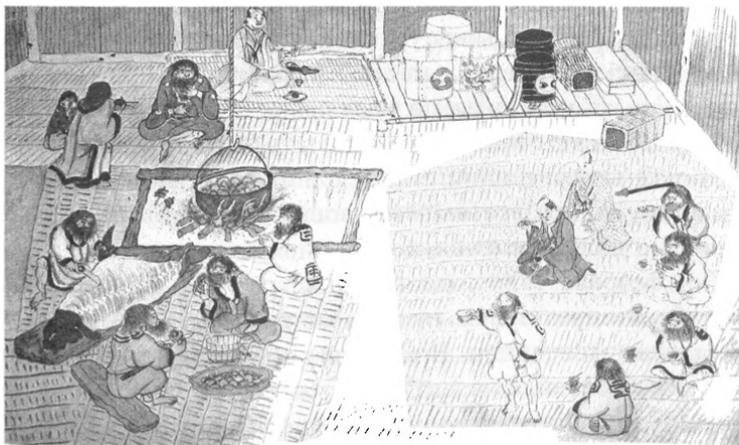
Пятнадцать лет спустя Танума предпринял попытку реализовать уникальный для того времени проект торговли с Россией, о которой тогда в Японии ничего не было известно. Эту идею выдвинул Кудо Хэйсукэ (1734–1801) из княжества Сэндай, врач по образованию и предприни-

матель по натуре. В 1783 году он подал в правительство докладную записку с описанием выгод, которые можно получить от торговли с северным соседом. В ней говорилось, что официально внешняя торговля на Хоккайдо запрещена, поэтому её как бы нет, но на самом деле она ведётся, хотя и в небольших масштабах. Если там построить рудники, то можно будет торговать металлами с Россией. Это поможет освоить крупный северный остров и включить его в хозяйственно-экономическую жизнь страны. Помимо коммерческой выгоды автор записки подчёркивал важность проекта с точки зрения безопасности северных границ, прекращения нелегальной торговли и освоения новых земель. Танума часто повторял, что любые новые идеи должны непременно рассматриваться, какими бы безумными они ни казались, чем очень напоминал восьмого сёгуна Ёсимунэ. Поэтому, когда доклад Кудо Хэйсукэ попал к одному из советников, он немедленно передал его главе правительства.

В то время в Японии уже больше ста лет действовал закон, запрещающий внешнюю торговлю где-либо кроме Нагасаки, поэтому надежд на благоприятный исход было мало. В лучшем случае докладную записку Кудо Хэйсукэ должны были просто положить под сукно, а в худшем — наказать автора за крамольные мысли. Но Танума идеей загорелся. Перспектива добывать на Хоккайдо драгоценные металлы и торговать ими с Россией нарисовала ему образ второй Голландии на другом конце страны и такие же материальные выгоды. Безопасность границ и борьба с незаконной торговлей интересовали его гораздо меньше. Вскоре начальник Административно-финансового магистрата Мацумото Хидэмоти получил от главы правительства распоряжение начать подготовку экспедиции на Хоккайдо.

Единственным японским представителем на острове был клан Мацумаэ, владевший его юго-западной частью.

Из-за холодного климата рис на Хоккайдо не выращивали, поэтому Мацумаэ были единственными в стране землевладельцами без рисового дохода. В *бакуфу* их состояние условно оценивалось в пятьдесят тысяч *коку*, но этот доход обеспечивался монопольным правом на торговлю с местными племенами айну. Глава дома раздавал своим вассалам земли не только и не столько для сельскохозяйственных работ, сколько для торговли с местными племенами. Некоторые этим правом не пользовались, а продавали его тому же Мацумаэ или прибывавшим с Хонсю купцам. Торговля с айну велась исключительно на бартерной основе: например, за одну металлическую иглу аборигены давали японскому торговцу пять рыбин кеты, а за бутылку мутного, разбавленного водой *сакэ* ёмкостью 1,8 литра — целых двести рыбин. На землях Мацумаэ соблюдался строгий пограничный режим — там могли находиться только его вассалы или их торговые подрядчики. Однако они контролировали лишь небольшую часть острова, а что происходило на остальной территории, во

Айну. Дельфин на ужин

владениях айну, не знал никто. Русские купцы при желании могли бесконтрольно заходить в прибрежные воды и вести нелегальную торговлю как с местными племенами, так и с японскими торговцами, да и вообще делать что угодно. Из-за слабой заселённости восточных районов россияне у берегов Хоккайдо появлялись крайне редко, но ни в администрации Мацумаэ, ни в Эдо об этом не знали.

В мае 1784 года Финансовый магистрат представил Танума доклад о положении дел на Хоккайдо, и уже через семь дней он распорядился начать переговоры с кланом Мацумаэ о подготовке к началу работ на острове. А в апреле следующего года на Хоккайдо отправилась экспедиция с заданием обследовать его северную часть и примыкавшие острова Курильской гряды. В трюмы двух судов загрузили рис, хлопок, старую одежду, металлическую посуду и другие популярные у местных жителей товары. Через восемь месяцев, в декабре 1685 года, экспедиция вернулась в Эдо с отчётом о проделанной работе и с трюмами, забитыми красной рыбой. Это был показательный для своего времени эпизод: представители *бакуфу* — элита воинского сословия, презиравшего купцов за их вечное стремление к прибыли, — сами устроили на Хоккайдо форменную торговлю с местными племенами. И, как заправские коммерсанты, по всем правилам заплатили дому Мацумаэ налог с прибыли. Годом позже эти коммерческие результаты экспедиции станут одним из обвинений против Танума, «развратившего своей торговлей» не только простые слои населения, но и воинскую элиту.

В феврале 1786 года Административно-финансовый магистрат представил главе правительства отчёт о результатах экспедиции. В нём говорилось, что русские не ведут на Хоккайдо нелегальной торговли и не делают ничего предосудительного, но, по словам местных жителей, хотели бы заключить торговое соглашение. Их главный товар — натуральный мех, но в Японии на него спроса

Освоение Хоккайдо в XVI–XVIII вв.

нет, а того, чем торгуют китайцы и голландцы, русские предложить не могут. После этого отчёта проект торговли с Россией был закрыт, а на первое место вышел план сельскохозяйственного освоения Хоккайдо. По расчётам Финансового магистрата, урожай, собранный всего лишь с одной десятой части острова, позволил бы правительству закрыть половину его потребности в рисе.

Двадцать шестого февраля 1786 года план освоения Хоккайдо был утверждён в правительстве, и назначенный его исполнителем Сато Гэнрокуро отправился на остров. Однако развернувшиеся вскоре события не позволили осуществить проект: в конце августа умер сёгун Иэхару, Танума и его сторонники были уволены с занимаемых должностей, а все его начинания остановлены. Пришедший к власти Мацудайра Саданобу сменил курс, озвучив принципиально иную концепцию: остров Хоккайдо непригоден для земледелия, это холодная и бесплодная земля, которую лучше всего использовать как бастион на случай нападения с севера для защиты основной территории страны. Это решение было объявлено окончательным, подавать доклады и предложения по этому вопросу запрещено. На восемь десятилетий правительство забыло об освоении Хоккайдо; к этому

вопросу вернулись только в 1868 году, после реставрации Мэйдзи.

За четыре года до отставки Танума приступил к реализации ещё одного грандиозного по меркам XVIII века проекта, известного как «осушение болот Имбанума» (*Имбанума кантаку*) на территории современной префектуры Тиба. Обширная заболоченная низменность в течении реки Тонэ (провинция Симоса) с незапамятных времён осложняла жизнь местным земледельцам: после обильных дождей река разливалась и затопливала расположенные выше по течению рисовые поля. Первый тур работ был проведён ещё при Ёсимунэ, в 1724 году, что сразу дало прибавку в девяносто семь тысяч *коку* риса (более ста сорока пяти центнеров). Но затем деньги в казне кончились, и работы остановились. В 1782 году Танума принял решение их возобновить, но уже с привлечением частных средств. Из казны на это выделили сравнительно небольшую сумму в шесть тысяч *рё* и назначили ответственным одного из местных купцов. На территории, которую предстояло осушить, площадью двадцать квадратных километров и более шестидесяти километров в окружности, стояла вода глубиной около двух метров. Для того чтобы сбросить её в залив Эдо, между реками Тонэ и Кэми требовалось прокопать канал длиной семнадцать километров и шириной около десяти метров. Это позволяло не только осушить болота и расширить сельскохозяйственные угодья, но и связать район Имбанума речным, а следовательно, самым дешёвым маршрутом с крупнейшим городом страны и отправлять туда продовольствие. Всё это обещало резко оживить экономику района. По предварительным расчётам, для выполнения работ требовалось шесть тысяч шестьсот шестьдесят *рё* золотом и два с половиной миллиона землекопов. Недостающие шестьсот шестьдесят *рё* выделили богатые купцы Тэннодзия Тохатири из Осака и Хасэгава Сингоро из Эдо.

За первые четыре года было выполнено две трети объёма земляных работ, однако в мае 1786 года начались затяжные дожди, одно из аномальных следствий природного катаклизма трёхлетней давности. Они шли с небольшими перерывами почти три месяца; обширный район снова затопило, жителям пришлось покинуть свои дома, и работы были остановлены. А в августе в замке Эдо произошли драматические события, в результате которых Танума лишился своей должности, и проект вновь остался незавершённым. Следующую попытку прорыть канал между реками Тонэ и Кэми правительство предприняло через пятьдесят с лишним лет, но и она закончилась неудачей. Осушить болота Имбанума удалось только в 1936 году.

Из других новшеств Танума Окицугу следует отметить переход на двукратное рассмотрение годового бюджета: при нём планировать доходы и расходы начали в конце предыдущего года, а подводить итоги в конце текущего.

Переноска земли

Раньше бюджет рассматривался лишь один раз, по окончании года.

Также при Танума была унифицирована система расчётов за товары и услуги. До этого в восточной части страны монеты принимались к оплате по весу (система *сёрё*), а в западной — по номиналу (система *кэйсу*). Во второй половине XVIII века этот разнобой был устранён.

Голод годов Тэммэй

В конце 1770-х годов из-за погодных условий во многих районах страны произошло снижение урожаев, затем ситуация немного выправилась, но в первой половине 1783 года началась череда природных бедствий, поставивших японских крестьян на грань выживания. В феврале на крайнем северо-востоке Хонсю (современная префектура Аомори) произошло извержение вулкана Иваки, а в апреле активизировался вулкан Асама (преф. Нагано). В течение трёх месяцев он дымился, выбрасывал из жерла пепел и мелкие камни, а 6 июля началось основное извержение, продолжавшееся три дня. Серия взрывов завершилась массивным выбросом лавы, камней и раскалённых газов, уничтоживших три ближайшие к вулкану деревни. Сильный северо-западный ветер понёс продукты извержения на юго-восток, в сторону Эдо. Они выпали на землю, покрыв её слоем камней и пепла высотой от одного до двух метров. На большей части района Канто и в окрестностях Эдо урожай был полностью загублен. Оторванный взрывом фрагмент кратера скатился по склону горы и перегородил русло реки Тонэ, образовав на ней естественную плотину, в результате чего были затоплены окрестные поля.

Позднее вулканологи установили, что извержение Асама было вызвано крупным тектоническим сдвигом

в земной коре: в том же 1783 году на противоположной стороне планеты произошло ещё более мощное извержение вулкана Лаки в Исландии, одно из самых катастрофичных за всю историю человечества. За восемь месяцев из двадцатипятикилометровой трещины в земной коре на поверхность излилось более девятнадцати кубических километров лавы, покрывшей площадь в пятьсот шестьдесят пять квадратных километров, что в пять раз больше площади Парижа. Вулкан Лаки отравил воздух на огромной территории, выбросив из кратера восемь миллионов тонн фтористого водорода и двадцать два миллиона тонн диоксида серы. В результате извержения от удущья погибли десять тысяч человек и двести сорок тысяч домашних животных.

Зимой 1784 года в северо-восточных провинциях Японии начался голод. Опасаясь наказаний, удельные князья занижали масштабы бедствия и число жертв, поэтому его последствия точно неизвестны. Считается, что за три года от голода и вызванных им болезней умерли от трёхсот до пятисот тысяч человек. Больше всего пострадало княжество Хиросаки (западная часть префектуры Аомори), потерявшее половину населения — каждый третий его житель умер, а каждый пятый бежал (Явата, 2009). После первой голодной зимы 1784 года крестьяне были вынуждены оплатить прошлогодние долги семенным фондом и почти ничего не посеяли, что закончилось вполне предсказуемой катастрофой. В Эдо начались погромы рисовых складов, лавок, усадеб. Власть не знала, что предпринять, и на какое-то время жизнь в городе была парализована. Борясь с нехваткой продовольствия, власти на местах начали распускать гильдии и поощрять свободную торговлю.

Природные бедствия на этом не закончились. После извержения вулканов Асама в Японии и Лаки в Исландии климат Северного полушария лихорадило ещё десять лет.

На северо-востоке Хонсю зимы 1783–1785 годов выдались необыкновенно сухими, тёплыми и бесснежными. Реки в районе Канто обмелели — не только из-за сухих зим, но и из-за продуктов вулканического выброса, смытых в их русла. Словно скопив всю нерастраченную за три года влагу, небо опрокинуло её на землю проливными дождями летом 1786 года. Обмелевшие реки мгновенно вышли из берегов и затопили поля, в очередной раз уничтожив урожай. На западные провинции в том же году обрушился сильный тайфун. Цены на рис взлетели на заоблачную высоту и вызвали в городах погромы.

Борьба с надвигающимся голодом началась осенью 1783 года. В октябре Танума издал указ о создании общественного фонда кредитования (*сяккин кайдзё*, букв. «место займа»), где удельные князья могли взять деньги в долг. Кредиторами правительство в приказном порядке назначило богатых осакских купцов. Деньги ссужались под правительственную гарантию при годовой ставке в восемь процентов (5,5 процента шли заёмщику, 2,5 процента — гаранту). Для казны 2,5 процента комиссионных составляли небольшую сумму в три тысячи шестьсот двадцать пять *рё*, но коммерчески мыслявший Танума и их не хотел упускать.

Многие княжества воспользовались предоставленной возможностью и взяли кредиты, однако возвращались деньги с большим трудом, и разочарованные купцы начали уклоняться от выполнения указа. В декабре 1785 года *бакуфу* снова объявило в Осака сбор средств в пользу *даймё*, добавив пункт о принудительной выплате долга из будущих урожаев в случае просрочки. Это означало, что в случае задолженности часть земель переходила под контроль правительства и уже оно гарантировало купцам возврат долга из будущих урожаев. При этом годовая ставка была снижена с восьми процентов до семи, а себе правительство оставило один процент, повысив, таким образом, привлекательность операции и для заёмщиков, и для кре-

диторов. Под действие указа попали около семисот торговых домов и храмов с активами общей стоимостью около шести миллионов рё.

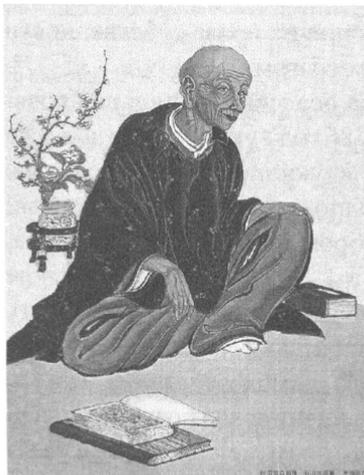
Изменение условий оказалось выгодным в первую очередь правительству (контроль над деньгами и стабильный доход), во вторую — провинциальным хозяйствам (возможность получить заём). Кредиторам же достался самый невыгодный аспект сделки: их заставили не только взять на себя кредитование рискованного сельскохозяйственного производства, но и передать контроль над своими деньгами правительству, да ещё и платить ему за это. Удельные князья также нашли в указе повод для недовольства: пункт о гарантированном возврате долга, означавший ущемление права собственности на землю. Многие *даймё* были уверены, что сёгун, выдавший им именные грамоты на владение землёй, не мог сам издать такой указ — это злоупотребление его доверием со стороны Танума. Особенно негодовали по поводу самоуправства главы правительства ближайшие родственники Токугава. Если раньше они просто презирали Танума Окицугу за его коммерческие проекты, то теперь, после ущемления их права собственности на землю, он стал их идейным врагом.

Убедившись, что расчёт на осакских купцов не оправдался, Танума издал в июне 1786 года указ о сборе денег со всего населения. В течение следующих пяти лет сельские старосты должны были ежегодно сдавать в общественный фонд по двадцать *моммэ* серебром с каждых ста *коку* риса, собираемых в подотчётных им деревнях. Синтоистские и буддийские храмы должны были вносить по пятнадцать рё золотом, а квартальные старосты в городах — собирать по тридцать *моммэ* с каждого домохозяйства (Судзуки, 1972). На эти средства Танума планировал создать первый правительственный банк, в котором не только землевладельцы, но вообще любой желающий мог взять деньги в долг под семь процентов годовых. Однако через два ме-

сяца после июньского указа сёгун Иэхару умер, в замке всё изменилось, и проект не был реализован.

Великий голод годов Тэммэй, как его называют в Японии, растянулся на долгие восемь лет и стал самым тяжёлым за весь период Токугава — он сократил население страны на девятьсот тысяч человек. Сопровождавший его экономический кризис кардинально изменил социально-политическую ситуацию и вызвал следующий этап изменений, известных как реформы годов Кансэй.

«Эпоха Танума» характеризовалась ускоренным развитием науки и культуры. Освоение европейских знаний, тонким ручейком проникавших в Японию через голландское торговое представительство в Нагасаки, началось ещё при восьмом сёгуне Ёсимунэ, когда он смягчил запрет на ввоз иностранной литературы. Конфуцианцы Аоки Конъё и Норо Гэндзё, которым восьмой сёгун поручил освоить голландский язык, через несколько лет открыли частные школы и стали набирать в них учеников.

Сугита Гэмпаку

Вскоре в стране появилось несколько десятков японцев, которые могли как-то разбирать голландский текст и пытались читать попадавшие к ним книги. Десятый сёгун Иэхару продолжил политику деда в этой области: при нём отношение к европейским знаниям в целом улучшилось, а ежегодные визиты вежливости голландцев в Эдо стали проходить в более благожелательной атмосфере.

Наибольший интерес у японцев вызывали европейские книги по медицине, поэтому среди тех, кто изучал голландский язык (их называли *рангакуся*, букв. «голландоведы»), большинство составляли врачи. В 1771 году им в руки попал медицинский атлас с описанием внутренних органов человека на голландском языке, автором которого был немецкий врач Иоганн-Адам Кульм. Рассматривая иллюстрации, «голландоведы» обратили внимание на то, что многое в них не совпадает с представлениями традиционной китайской медицины, и решили проверить европейскую науку практикой. Попросив палача вскрыть тело казнённого преступника, Маэно Рётаку, Сугита Гэмпаку и Накагава Дзюнъан сравнили его внутренние органы с немецкими иллюстрациями и поразились их точности, после чего решили во что бы то ни стало перевести атлас на японский язык. Работа началась буквально на следующий день и продолжалась три с половиной года. Языковых знаний катастрофически не хватало, поэтому Маэно Рётаку и пяти его коллегам пришлось одиннадцать раз переписывать текст. Главная трудность состояла в подборе слов для обозначения понятий, не существовавших ни в японском, ни в китайском языке. Сугита Гэмпаку впоследствии писал, что браться за перевод книги в тех условиях было всё равно что выйти в открытое море на судне без руля (Сэкинэ, 1999).

Как бы то ни было, первое иллюстрированное пособие о внутренних органах человека удалось перевести на японский язык. Его назвали «Новым учебником анатомии» (*Кайтай синсё*) и стали думать, как издать. Закон запрещал издание иностранных книг, поэтому авторы перевода имели все основания опасаться за судьбу своего проекта. Рукопись передали в *бакуфу* и стали ждать ответа, но всё прошло на удивление гладко — Танума Окицугу сразу поддержал идею и распорядился немедленно издать книгу. Так в 1774 году в Японии появилось первое пере-

водное издание с европейского языка, с которого принято отсчитывать историю «голландской науки» (*рангаку*) в Японии. Позднее этим словом стали называть все европейские знания.

Оживление общественной жизни не обошло стороной и другие научные школы — классическую китайскую (*кангаку*) и отечественную (*кокугаку*). Рост числа учебных заведений для воинского сословия (*ханко*) начался ещё при Ёсимунэ и продолжился в последующие десятилетия, но при Танума Окицугу он достиг рекордного уровня. С конца 1760-х до середины 1780-х годов была открыта шестьдесят одна школа — это больше, чем в любую из предыдущих или последующих эпох правления. Многие из этих школ впоследствии стали очень известными: Мэйриндо в провинции Овари, Дзосикан в Кагосима, Кодзёкан в Ёнэдзава и т. д. Сопоставимое число школ (пятьдесят восемь) было открыто только в годы реформ Кансэй (1789–1801) на фоне резкого усиления конфуцианской идеологии (Сэкинэ, 1999).

В области «отечественной науки» самым заметным событием этого периода стало издание в 1768 году шеститомного трактата Камо Мабути с толкованием поэтической антологии Манъёсю.

Коррупция и падение нравов

Коррупция в органах власти стала заметным явлением в конце XVII века, при пятом сёгуне Цунаёси. Крупнейшей, хотя не единственной коррупционной фигурой того времени считается фаворит сёгуна Янагисава Ёсиясу. В последующие десятилетия практика подношений чиновникам за оказание услуг прочно укоренилась, хотя с ней боролись Араи Хакусэки, восьмой сёгун

Ёсимунэ и другие руководители *бакуфу*. В первой половине XVIII века на этот счёт было издано несколько указов, но по мере развития товарно-денежных отношений жизнь брала своё и помогала изыскивать новые возможности для незаконных, но взаимовыгодных сделок. Девятый сёгун Иэсигэ не интересовался текущими делами и не участвовал в их рассмотрении, зато его личные представители, в том числе и Танума Окицугу, часто выступали посредниками в решении самых разных вопросов и точно знали, кому и сколько нужно заплатить за повышение придворного ранга, организацию судебного решения, получение подряда на строительство или устройство родственника на доходную должность.

После возвышения Танума в 1768 году коммерциализация хозяйственной деятельности и поощрение личной заинтересованности были объявлены общественным благом и основой экономической политики. Доминировавшая при четырёх прежних сёгунах конфуцианская мораль отошла на второй план, уступив место откровенно торгашеским отношениям во всех сферах жизни. Чиновники всех уровней начали принимать деньги и подарки от просителей уже не в виде исключения, а на постоянной основе. Их примеру последовали *даймё* и *хатамото*, городские и сельские помещики, духовенство и даже придворная аристократия.

В *бакуфу* типичная коррупционная схема выглядела следующим образом. Проситель обращался напрямую или через подчинённых к влиятельному лицу — чаще всего к адъютанту сёгуна или чиновнику в ранге советника — с обоснованием общественной значимости своей просьбы и соответствующим подношением. Приняв подарок, чиновник передавал дело непосредственному исполнителю с распоряжением решить вопрос и доложить о результатах.

Распространению коррупции способствовала давняя традиция обмена подарками, в соответствии с которой

нижестоящий преподносил вышестоящему более дорогой подарок, чем получал в ответ. Этот порядок считался справедливым и правильным: таким образом вассал выражал господину свою преданность и почтение. Так думал и основатель династии Токугава Иэясу: провинциальные *даймё* не только могут, но и должны делать подношения членам его правительства, это служит подтверждением их лояльности и уважения к власти. В таких условиях превращение этикетного подарка в систематическую взятку было лишь вопросом времени, и это время наступило при Танума Окицугу. Защищая принцип вознаграждения за работу, он публично оправдывал получение подарков: «Золото и серебро — величайшая ценность, сравнимая с ценностью человеческой жизни. Жертвуя ею в обмен на возможность верно служить, человек проявляет себя с лучшей стороны. Его искренность и сила чувств тем сильнее, чем больше он жертвует. Я же тружусь ежедневно на благо своей страны; вернувшись домой и видя многочисленные подарки, я испытываю чувство заслуженного удовлетворения» (Домон, 1998).

В городской усадьбе Танума подарки уже было некуда складывать. После его возвышения там ежедневно принимали гостей и просителей всех уровней, даже когда хозяина не было дома. Распорядители усадьбы встречали посетителей в соответствии с их рангом и положением, угощали, принимали заверения в глубочайшем уважении к их господину и подарки для него. Многим приходилось наносить такие визиты по несколько раз, прежде чем могущественный чиновник обращал на них внимание и удостоивал личной встречи.

Наибольшего влияния и авторитета Танума достиг в начале 1780-х годов. Его сын Окитомо (1749–1784) уже много лет работал на разных правительственных должностях, а в 1783 году отец назначил его младшим советником (*вакадосиёри*). История сёгуната ещё не знала случаев,

когда отец и сын занимали бы две высшие административные должности. В высших кругах «семейное назначение» было встречено с осуждением и вызвало рост негативных настроений по отношению к новой чиновничьей династии; больше всех были недовольны ближайшие родственники сёгуна.

В разгар голода, 24 марта 1784 года, на сына Танума Окицугу в замке было совершено покушение. Обедневший *хатамото* Сано Масакото выследил его и напал сзади, когда Окитомо шёл по коридору с двумя другими чиновниками. Получив три удара мечом, тридцатипятилетний сын Танума через несколько дней умер. Нападавший объяснил убийство мошенничеством погибшего — Окитомо взял у него родословную семьи Сано и деньги за обещанную услугу, но обманул, не вернув ни деньги, ни семейную реликвию. Сано Масакото был приговорён к смерти, а его небольшой удел конфискован в пользу *бакуфу*. По случайному совпадению на следующий день после исполнения приговора вышел указ о снижении цен на рис, и вскоре город наполнился слухами, что Сано Масакото совершил подвиг, пожертвовав собой ради спасения голодающих.

Погибший Танума Окитомо, наоборот, подвергся всеобщему осуждению. На его похоронах горожане продемонстрировали своё отношение к чиновному семейству: выкрикивали оскорбления и швыряли мелкие камни в траурную процессию. Народное недовольство, однако, не повлияло на отношение сёгуна к главе правительства: Изхару по-прежнему полностью доверял Танума и поддержал его следующий проект по освоению Хоккайдо и торговле с Россией, а затем в очередной, уже седьмой по счёту раз поощрил его увеличением годового дохода на десять тысяч *коку* риса.

Именно в это время среди посетителей усадьбы Танума стал появляться двадцатичетырёхлетний Мацу-

дайра Саданобу, внук Ёсимунэ и двоюродный брат действующего сёгуна. Отец Саданобу в своё время конкурировал со старшим братом Иэсигэ в борьбе за высший пост, поэтому его сын тоже числился среди потенциальных преемников десятого сёгуна. При таком статусе было бы странно не иметь отношений с главой правительства, и Мацудайра Саданобу их охотно поддерживал, хотя придерживался диаметрально противоположных взглядов на политику правительства и не раз излагал их главе *бакуфу* в докладных записках. Но все они оставались без ответа. Позднее Саданобу писал в мемуарах, что, дойдя до отчаяния, однажды принял решение пожертвовать своей жизнью и убить Танума. Он составил детальный план покушения и даже приготовил кинжал, но в последний момент передумал.

У Танума Окицугу врагов хватало и без Мацудайра Саданобу. Удельные князья и *хатамото*, со всех сторон обложенные долговыми обязательствами и неспособные

Азартная игра

по ним расплатиться, считали его виновником всех бед. Именно он запустил этот механизм всеобщей коммерции и предпринимательства, в котором затерялись испокон веков присущие воинскому сословию честь и достоинство. Это из-за него многие самураи с безупречной родословной попали в кабалу к торговцам и ростовщикам, которые думают только о деньгах и не имеют понятия о чести.

Моралисты конфуцианского толка были правы в том, что тенденция к личному обогащению ухудшила общественные нравы: повсюду стало больше обмана и мошенничества, в городах возросло число чайных домиков, гостиных дворов, общественных бань и других заведений, где за деньги можно было получить любые сомнительные услуги. Азартные игры и нелегальная проституция, с которыми в своё время боролся восьмой сёгун Ёсимунэ, вновь расцвели пышным цветом. Все эти теневые удовольствия не приносили денег в казну, а лишь увеличивали городскую преступность.

На этом фоне в 1779 году произошла катастрофа в семье сёгуна. Два года назад, когда в замке отмечали сорокалетний юбилей Иэхару, вопрос о его преемнике был предельно ясен: у сёгуна подрастал пятнадцатилетний сын Иэмото (1762–1779), рождённый наложницей по имени Тихо (Рэнкоин). Той самой женщиной, которую ему рекомендовал в своё время Танума Окицугу. Мальчик родился здоровым, уже в раннем детстве был объявлен преемником и воспитывался соответствующим образом. С юных лет он активно интересовался окружающим миром, по многим вопросам имел собственное мнение и часто его высказывал (в том числе критиковал политику Танума) — в общем, из юноши должен был получиться достойный правитель.

Двадцать первого февраля 1779 года, возвращаясь с охоты, шестнадцатилетний Иэмото вдруг почувствовал себя плохо, спешно уехал в замок и через три дня

скончался от неизвестного недуга. Потеря единственного наследника стала потрясением для Иэхару: несколько дней он ничего не ел и никого не хотел видеть. Для него это была уже седьмая смерть в ближайшем окружении; мать Иэхару умерла, когда ему было десять лет, в двадцать три года он потерял отца; в тридцать четыре года — жену, в двадцать пять лет — младшего сына, в тридцать девять — его мать, в тридцать пять — одиннадцатилетнюю дочь. И вот теперь, накануне сорок второго дня рождения, сёгун лишился последнего члена своей семьи. Похоронив троих родных детей, он остался с приёмной дочерью из дома Таясу.

Смерть сына Иэхару произвела в замке большой переполох и породила множество слухов. Главными бенефициарами случившегося называли Танума Окицугу и Токугава Харунари* (1751–1827), энергичного и амбициозного главу родственного дома Хитоцубаси. Говорили, что смерть юноши выгодна Танума, потому что на неопределённое время отодвигает передачу власти новому сёгуну и тем самым продлевает полномочия главы правительства. Что касается Токугава Харунари, то смерть Иэмото сделала его малолетнего сына главным претендентом на высший пост.

Обстоятельства гибели шестнадцатилетнего Иэмото многим казались подозрительными: действительно, объяснить скоропостижную кончину молодого и абсолютно здорового юноши было непросто. Высказывались предположения об отравлении, однако доказательств злого умысла обнаружить не удалось, и все подозрения так и остались на уровне слухов.

В мае 1781 года для решения вопроса о преемнике в замок Эдо съехались ближайшие родственники Токугава. По настоянию сёгуна в совещании участвовал

* Известен также под именем Харусада.

и Танума Окицугу. Преемника выбирали из «трёх больших домов» (*госанкё*), основанных двумя сыновьями и внуком восьмого сёгуна Ёсимунэ. По принципу кровной близости к действующему сёгуну они имели преимущество перед боковыми ветвями, основанными сыновьями Токугава Иэясу. Преемником Иэхару был объявлен семилетний сын Токугава Харунари, главы семейства Хитоцубаси. Вскоре он был усыновлён действующим сёгуном и получил статус его законного наследника под именем Иэнари. Иэхару оставался у власти ещё пять лет, а после его смерти высший пост занял представитель семейства Хитоцубаси. Таким образом, на четвёртом поколении после сёгуна Ёсимунэ власть впервые перешла от главной семейной ветви к боковой, основанной одним из его сыновей.

Тайна смерти шестнадцатилетнего сына Иэхару так и осталась нераскрытой, однако современники одиннадцатого сёгуна обратили внимание на одну странность в его поведении, которая была истолкована как косвенный признак причастности к этому событию его отца Харунари. Одиннадцатый сёгун правил очень долго и в течение всей жизни регулярно навещал могилу Иэмото, хотя общепринятый ритуал этого не требовал.

В мае 1785 года в замке отпраздновали сорок восьмой день рождения сёгуна Иэхару. Весной и летом он чувствовал себя хорошо, но осенью у него стали отекать ноги. Ещё несколько месяцев сёгун жил своей обычной жизнью, только реже выезжал из замка. К лету 1786 года ему стало трудно ходить, и выезды прекратились совсем. Пятнадцатого августа Иэхару сильно простудился и впервые пропустил официальную церемонию в замке; его заменил приёмный сын Иэнари. Лечением заболевшего правителя занимались штатные врачи *бакуфу*, но Танума заявил, что знает двух лучших в Эдо специалистов

и 19 августа нанял их на службу и поселил в замке. На следующий день врачи Юга Тона и Вакабаяси Кэйдзюн осмотрели больного и прописали ему новые лекарства, приготовленные по их собственным рецептам. Все ожидали улучшения, но состояние сёгуна, наоборот, ухудшилось; в коридорах замка шептались, что новые врачи хотели его отравить.

Танума взял лечение сёгуна под личный контроль и ежедневно его навещал. Двадцать пятого августа он, как обычно, приехал в замок и хотел пройти к больному, однако путь ему преградили адъютанты, заявив, что сёгуну стало лучше, но он не хочет никого видеть. Не поверив охране, глава правительства попытался пройти в Средний покой; его не пустили и силой выводили из замка. Как позже выяснилось, сёгун Иэхару в тот день скончался, а вместе с ним закончилась и эпоха Танума. Однако официально было объявлено, что 24 августа после проведённого лечения правителю стало лучше. Через несколько дней последовало следующее сообщение: состояние больного вновь ухудшилось, его лечением занимается консилиум врачей при участии и под наблюдением ближайших родственников. Ещё некоторое время спустя было объявлено, что десятый сёгун скончался, его смерть наступила 8 сентября. Эта дата фигурирует в официальной хронике *Токугава дзикки* и упоминается во многих работах, но она не соответствует действительности. Десятый сёгун умер на пятидесятом году жизни; наиболее вероятной причиной смерти считается сердечная недостаточность на фоне простуды и обострившегося полиневрита, вызванного дефицитом витамина B₁ (болезнь бери-бери).

Двадцать седьмого августа, когда, по официальной версии, Иэхару был ещё жив, от его имени вышел указ об увольнении Танума. За ошибки в лечении сёгуна. Вместе с ним из замка были изгнаны и приглашённые им врачи.

Похороны Иэхару состоялись в храме Канъэй 4 октября, почти через полтора месяца после смерти. Наступление на Танума Окицугу началось ещё раньше: сначала ему запретили появляться в замке, затем отняли городскую усадьбу в Эдо, рисовый склад в Осака и сократили годовой доход с пятидесяти семи до тридцати семи тысяч *коку* риса. Ещё через некоторое время из правительства были удалены все его сторонники: *тайро* Ии Наююки и четыре *родзю* во главе с Мидзуно Тадатомо (1731–1802). Через четыре месяца после похорон Иэхару, в январе 1787 года, Танума был лишён всех остальных земельных владений, снят с должности главы семьи и отправлен под домашний арест. Возглавивший правительство Мацудайра Саданобу составил обвинительный документ из двадцати шести пунктов с перечислением «многочисленных ошибок и злоупотреблений» опального главы *бакуфу* (*Танума хидзё нидзюроккадзё*). Даже такие очевидно полезные начинания, как освоение Хоккайдо и осушение болот Имбанума, были названы ошибочными и вредными.

После гибели Окитомо у Танума не осталось оформленных должным образом преемников, поэтому *бакуфу* назначило главой семьи внука опального реформатора, сохранив за ним звание *даймё* и доход в десять тысяч *коку* риса. По сравнению с двумя другими известными фаворитами сёгуну — Янагисава Ёсиясу и Камбэ Акифуса — Танума получил самое строгое наказание (Камбэ и Янагисава избежали конфискации и домашнего ареста). Через два года после изгнания Танума

Танума Окицугу

Окицугу умер в своей городской усадьбе в Эдо в возрасте шестидесяти восьми лет.

Вплоть до эпохи Мэйдзи его деятельность оценивалась исключительно негативно, а сам он считался крёстным отцом японской коррупции. За этой оценкой стоят политические противники Танума во главе с Мацудайра Саданобу, пришедшие к власти после него. Обосновывая возврат к «старым добрым временам» и привычным моральным ценностям, они подчёркивали негативные последствия его начинаний и обходили молчанием достижения. Эта оценка нашла полное отражение в изданной в 1915 году известной монографии Цудзи Дзэнносукэ «Эпоха Танума» (Цудзи, 1999). Её автор рисует исключительно негативный образ глубоко коррумпированного коммерсанта от политики, нанёсшего большой ущерб развитию страны. Другой известный историк, Оиси Синдзабуро, считает такой подход односторонним и необъективным. В своей работе он приводит примеры отказа Танума от взяток со стороны кланов Датэ и Сэндай и называет его крупным политическим деятелем, сделавшим для страны много полезного (Оиси, 2001).

Сегодня отношение к хозяйственно-экономической политике Танума Окицугу в Японии стало более взвешенным. Как любой реформатор, он сделал много хорошего, но за прогресс пришлось заплатить свою цену, и многим людям во власти она не понравилась. Большая часть дивидендов досталась предприимчивым разночинцам, свою долю получили чиновники, а верхушка воинской элиты при новом порядке оказалась обделённой и при первой же возможности нанесла удар по политике предприимчивого реформатора.

Оценка деятельности Танума Окицугу неразрывно связана с исторической оценкой самого сёгуна Иэхару. За два с половиной столетия, прошедших со дня его смерти, историки не смогли выработать по этому поводу единого

мнения. Одни называют десятого сёгуна ограниченным эгоистом и потребителем, сосредоточенным на собственных интересах и удовольствиях, другие признают за ним ум и способности, но считают ленивым правителем, не желавшим заниматься повседневными государственными делами. Авторы таких оценок, как правило, осуждают и политику Танума, которую поддерживал сёгун. Третьи подчёркивают человеческие достоинства Иэхару, такие как умение подбирать способных людей на руководящие должности, строить с ними долговременные отношения и поддерживать в проведении утверждённой политики. Обычно это те, кто считает политику Танума экономически обоснованной и потому прогрессивной. А тот факт, что он получил в общей сложности десять поощрений от девятого и десятого сёгунов, почти в десять раз увеличив свой доход (со скромных шестисот коку риса до пятидесяти семи тысяч), — заслуженной наградой за вклад в развитие общества.

Одиннадцатый сёгун Иэнари

(1773–1841, правление 1787–1837)

Путь к власти

Пятого октября 1773 года наложница главы дома Хитоцубаси (Токугава) Харунари по имени Томи родила ему первенца Хотиё, будущего одиннадцатого сёгуна Иэнари. Обстоятельства его появления на свет были самыми заурядными и не давали оснований для предположений о каких-то особенных поворотах в его будущей судьбе. Подобно восьмому сёгуну Ёсимунэ, он оказался на вершине власти исключительно в силу стечения целого ряда обстоятельств. В момент рождения Хотиё

у действующего сёгуна Иэхару подрастал собственный сын Иэмото, заранее объявленный преемником отца. В случае непредвиденной смерти законного наследника следующим сёгуном должен был стать кто-то из старших сыновей «трёх больших домов» (*госанкё*); по старшинству — Таясу, Хитоцубаси, Симидзу. Семью Таясу возглавлял в то время девятнадцатилетний Токугава Харусато (1753–1774, второе имя Харауаки), он и считался главным резервным кандидатом на воинский престол. После него шёл его младший брат, четырнадцатилетний Мацудайра Саданобу (1759–1829). Таким образом, между первенцем семьи Хитоцубаси и высшей воинской должностью стояли три старших родственника, поэтому его шансы на приход во власть изначально были крайне невелики. Однако судьба-затейница начала свою вечную игру сразу после появления мальчика на свет.

В том же году, когда родился Хотийё, к главе дома Таясу обратились родственники из семьи Сиракава (провинция Муцу) с просьбой прислать к ним младшего брата Саданобу в расчёте на то, что через несколько лет он возглавит их семью. Глава дома Таясу согласился и, хотя не все родственники поддержали его решение, представил сёгуну заявку на переезд младшего брата. Иэхару, как обычно, запросил мнение Танума Окицугу, и тот активно поддержал отправку Саданобу в удалённую северо-восточную провинцию, сославшись на принцип, которого придерживался восьмой сёгун Ёсимунэ: в случае отсутствия у *даймё* родных детей назначать наследником кого-то из приёмных, а не родных младших братьев главы дома. В Сиракава была как раз такая ситуация, и четырнадцатилетний Саданобу отправился в семью дальних родственников. Впоследствии скажут, что Танума с его известной репутацией мог сделать это либо за взятку, либо по дружбе, в интересах главы дома Хитоцубаси, с которым поддерживал тесные отношения.

Вскоре после отъезда Саданобу заболел и умер его старший брат Харусато, и дом Таясу на четырнадцать лет остался без руководителя. Таким образом, уже на первом году жизни Хитоцубаси Хотиё двое из трёх резервных кандидатов на воинский трон сошли со сцены. А когда через пять лет скоропостижно скончался и шестнадцатилетний сын сёгуна Иэхару, шестилетний Хотиё неожиданно для всех возглавил список кандидатов в преемники. У Иэхару был ещё родной младший брат Сигэёси (1745–1795), который вполне мог составить ему конкуренцию, но глава дома Хитоцубаси за счёт закулисных договорённостей сумел отодвинуть его на второй план. Вот тогда-то в Эдо и заговорили о том, что все события последних пяти лет, включая внезапную смерть шестнадцатилетнего сына Иэхару, отправку третьего кандидата в провинцию и оттеснение младшего брата сёгуна, есть результат многоходовой операции главы дома Хитоцубаси, которую он провернул с помощью Танума Окицугу. Эти слухи подкреплялись репутацией Хитоцубаси Харунари — замок Эдо давно не видел столь амбициозного и предприимчивого родственника сёгуна. Все понимали, что, если бы Мацудайра Саданобу не был отправлен в семью Сиракава, именно он стал бы следующим сёгуном.

Обсуждение кандидатуры преемника состоялось в апреле 1781 года. По настоянию сёгуна кроме ближайших родственников в нём участвовали трое советников *бакуфу* во главе с Танума Окицугу. Как и ожидалось, преемником объявили семилетнего Хотиё из дома Хитоцубаси. В мае 1781 года он был усыновлён Иэхару и поселился в Западной усадьбе замка Эдо. В декабре его нарекли взрослым именем Иэнари, а ещё через полгода он прошёл обряд совершеннолетия и получил необходимый придворный ранг и должность Старшего советника двора. Танума за свои труды получил от Иэхару очередное повышение годового дохода.

Став отцом будущего сёгуна, глава дома Хитоцубаси приобрёл в замке ещё больший политический вес. С учётом нарастающей критики в адрес Танума он сначала дистанцировался от бывшего союзника, а затем и вовсе перешёл в лагерь его противников. Двадцать пятого августа 1786 года, в день смерти сёгуна Иэхару, именно он вместе с родственниками организовал изгнание Танума из замка и лишил его служебных полномочий. А после того как тринадцатилетний Изнари был провозглашён одиннадцатым сёгуном, Токугава Харунари вообще стал самым влиятельным человеком во власти.

Мацудайра Саданобу, которому в то время уже исполнилось двадцать семь лет, на правах ближайшего родственника вошёл в состав правительства. Это назначение было воспринято в кругу родственников Токугава как справедливая, хотя и неполная компенсация за упущенную возможность претендовать на высший пост. Однако дело было не только в этом. Переехав в семью Сиракава, Саданобу женился на дочери главы дома и через несколько лет его возглавил. Волевой и энергичный *даймё*, всю жизнь проживший в столичной усадьбе, сразу взялся за дело и начал реформировать провинциальное хозяйство. Первое испытание неурожаем 1783 года и надвигающимся голодом он выдержал успешно: осенью взял у купцов заём в двенадцать тысяч *коку* риса и раздал его по деревням. На самое тяжёлое время освободил крестьян от налогов и списал половину прежних недоимок. Закупил лекарства, издал распоряжения о запрете абортов и убийстве новорождённых младенцев, число которых в голодные годы всегда резко возрастало. Понимая, что одними запретами дела не решишь, начал выплачивать дотацию на рождение детей, иногда деньгами, иногда рисом. Будучи убеждённым конфуцианцем, боролся с роскошью и излишествами, требовал от подчинённых дисциплины и экономии средств. Его хозяйственная реформа дала хо-

роший результат и стала известна за пределами провинции, поэтому с назначением Мацудайра Саданобу в замке связывали надежды на пополнение казны и преодоление последствий ненавистной многим политики Танума.

Доверие и покровительство, которые сёгун Иэхару в течение восемнадцати лет оказывал главе *бакуфу* и его назначенцам, после смены власти обернулись против них. За десять месяцев родственники Токугава при поддержке влиятельных потомственных вассалов из числа *фудай даймё* изгнали из правительства всех сторонников Танума. Будучи выходцем из воинских низов, он не обращал особого внимания на титулы и звания своих помощников, подбирая их по принципу лояльности и единомыслия. Его команда «худородных командиров» очень раздражала родственников Токугава, и лишь покровительство сёгуна не позволяло им всех их разогнать. Теперь, после смерти Иэхару, настало их время. Цутияма Такаюки, один из руководителей Финансового магистрата при Танума, был обвинён в крупных хищениях и казнён. Несколько десятков женщин из Большого внутреннего покоя, с которыми Танума поддерживал хорошие отношения, также были уволены со службы и высланы из столицы. С приходом нового сёгуна жизнь в замке должна была полностью измениться: теперь он будет опираться не на каких-то наёмных чиновников непонятного происхождения, а на ближайших родственников, титулованных, благородных и надёжных. Всё это предвещало кардинальные изменения в образе жизни и системе принятия решений на высшем уровне.

В июне 1787 года Мацудайра Саданобу был официально назначен советником *бакуфу*, а в марте следующего года стал опекуном и главным помощником сёгуна с правом решения любых, в том числе кадровых вопросов. И не замедлил этим правом воспользоваться: упразднив должности личных адъютантов (*собаёнин*), удалил из замка последних сторонников Танума. Полностью обновив

состав правительства, Саданобу приступил к преобразованиям, которые впоследствии назовут реформой годов Кансэй. Его ближайшими помощниками стали советники Мацудайра Нобуакира (1763–1817), Мацудайра Норисада (1752–1793), Хонда Тадакадзу (1740–1813), Тода Удзинори (1756–1806).

Одной из главных задач реформы новый лидер считал восстановление чести и достоинства воинской элиты. Для этого нужно было прежде всего устранить денежную зависимость правящего воинского сословия от торговцев и искоренить коррупцию среди чиновников. Ухудшение материального положения *хатамото* и *гокэнин** началось ещё при третьем сёгуне Иэмицу и за полтора столетия выросло в серьёзную проблему. Этот вопрос был решён изданием в 1789 году «Указа о прощении долгов» (*киэнрэй*), суть которого составляли три пункта:

- 1) Все займы *хатамото* и *гокэнин*, взятые ими до 1784 года, объявляются недействительными и аннулируются.
- 2) Долги, сделанные в период с января 1784 года по май 1789 года, подлежат возврату, но по ставке не выше шести процентов в год**.
- 3) Впредь процентная ставка по кредиту не должна превышать двенадцати процентов в год.

Изданием этого указа Мацудайра Саданобу списал долги воинского сословия на сумму более 1,2 миллиона *рё* золотом — это средний годовой бюджет *бакуфу*. Согласно правительственному реестру, в списке кредиторов на тот момент значились девяносто шесть крупных купцов.

* Правительственные чиновники всех уровней.

** Стандартной в то время считалась ставка в восемнадцать процентов годовых.

Они и стали главной жертвой правительственного указа. Заявления о том, что понесли убыток, сделали восемьдесят восемь торговых домов, следовательно, средний ущерб на одного кредитора составил 13 636 *рё*. Несколько крупнейших держателей долговых обязательств из провинции Исэ потеряли гораздо больше — по шестьдесят-восемьдесят тысяч *рё* каждый.

Воинская служба. Маршрут и дорожные расходы*

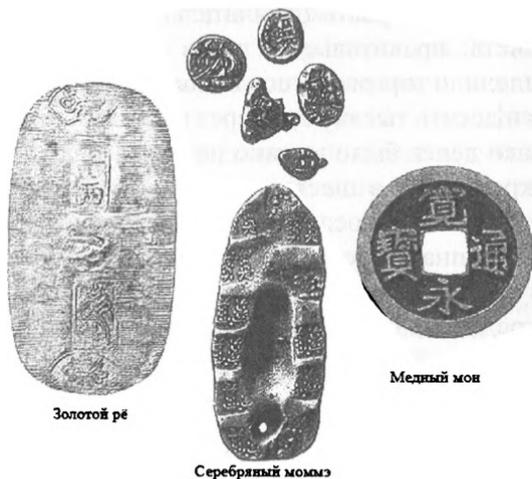
* Покупательная способность золотого *рё* зависела от многих факторов — в первую очередь от содержания золота в монетах и цены на рис, — поэтому в разные годы сильно менялась. Единого соответствия современной японской иене не удалось установить даже специалистам из научно-исследовательского отдела Банка Японии. Если считать по жалованью чиновников, то в 1736 году (середина эпохи Токугава) один *рё* соответствовал 300–400 тысячам иен (3–4 тысячи долларов США). А вот гречневой лапши тогда можно было купить на один *рё* столько же, сколько сегодня на 120–130 тысяч иен; по этому критерию покупательная способность золотого *рё* оказывается в два с половиной раза меньше. А если считать по рису, то она составляла всего 40 тысяч иен. Но и эти цифры постоянно менялись. Например, по рису покупательная способность одного *рё* за два с половиной столетия снизилась со 100 до 30–40 тысяч иен. Так что сегодняшним эквивалентом одного

Чтобы не подорвать окончательно систему долговых обязательств, правительство через двадцать дней после указа выделило торговому сословию кредит на погашение убытков в десять тысяч *рё*, а через полгода — ещё столько же. Однако денег было выдано немного и на время, а потеряли кредиторы в шестьдесят раз больше и навсегда, поэтому смягчить последствия указа правительству не удалось. Крупная потеря активов и резкое снижение процентной ставки ожидаемо привели к уходу торговцев из сферы кредитования. Воинская элита вначале обрадовалась списанию долгов, но быстро поняла, что желающих

золотого *рё* можно с равным успехом считать и 70, и 100, и 200 тысяч иен, в зависимости от того, что покупаешь. В популярных японских книжках детям для простоты объясняют, что один *рё* — это 100 тысяч иен (около 900 долларов США). В первой половине XIX века за один *рё* можно было купить какой-то один товар или услугу из следующего перечня:

- купить риса, достаточного для пропитания взрослому мужчине в течение года;
- купить 30 средних по цене тунцов или 158 арбузов;
- 375 раз поесть лапши в городской забегаловке;
- 750 раз помыться в общей бане;
- 214 раз постричься;
- 30 раз переночевать в средней по цене гостинице *рёкан*;
- 30 раз съездить в Ёсивара в паланкине с двумя носильщиками (только съездить);
- купить семь с половиной хороших, дорогих зонтов;
- отправить из Эдо в Киото 200 писем с правительственным (самым дорогим) почтовым курьером;
- купить 1,7 билета в ложу театра Кабуки.

А вот на вечер в обществе элитной гейши (*таю*) в Ёсивара одного *рё* не хватило бы — только на 0,6 этого изысканного удовольствия. В общем, при скромных потребностях трёх золотых *рё* мужчине хватало на то, чтобы прожить в Эдо один год; эту сумму можно считать своего рода прожиточным минимумом первой четверти XIX века.

*Токугавские деньги. Музейная экспозиция
Банка Японии*

давать деньги займы больше не осталось. Через два года после издания указа его польза многим уже не казалась столь очевидной.

Облегчив воинской элите долговое бремя, правительство компенсировало благое дело ужесточением требований к ней. На щит был поднят лозунг, выдвинутый ещё Токугава Иэясу: самурай отличается от простолюдина тем, что знает и воинское дело (*бу*), и гражданские науки (*бун*). Проще говоря, умеет и воевать, и руководить мирной жизнью. Образованное из этих двух корней слово *бумбу* во время реформы годов Кансэй звучало повсюду так часто, что простой народ тут же отреагировал на него ехидным трёхстишием: *ё но нака ни ка ходо урусаки моно наси бумбу то иттэ ёру мо нэрарэдзу* (букв. «ночной комар докучливее всего, но бумбу тоже спать мешает»).

Для повышения уровня боевой подготовки самураев *бакуфу* ввело ежегодные учебные турниры, за которыми

должен был наблюдать сёгун, а для проверки военных чиновников на грамотность и знание конфуцианского канона в Эдо был открыт экзаменационный центр *Сёхэйдзака гакумондзё*. Разместили его на территории мемориального комплекса Конфуция (*Юсима сэйдо*), построенного пятым сёгуном Цунаёси. Всех состоявших на государственной службе чиновников и их сыновей обязали пройти школьный курс конфуцианского канона и сдать соответствующий экзамен. Взрослых проверяли по программе *гакумон гимми* (букв. «научная аттестация»), а детей — по программе *содоку гимми* («проверка простого чтения»). Первый такой экзамен состоялся в сентябре 1792 года, второй — в феврале 1794 года. Аттестация служащих продолжалась четыре дня и состояла из предварительного и основного экзамена. На первом проверяли знание двух классических трактатов — «Бесед и суждений» Конфуция и «Малого учения» Чжу Си. В основной экзамен входили три предмета: конфуцианский канон, история и сочинение.

Через семь лет аттестационный центр был преобразован в правительственную школу для государственных служащих, обучение в которой стало для них обязательным. Несколько десятилетий спустя на её основе был создан первый в Японии университет. Сегодня на месте первой правительственной школы располагается женский университет Отяномидзу.

Другим важным аспектом реформы годов Кансэй стал возврат крестьян в деревни. Стихийные бедствия, неурожай, налоги и голод гнали их на заработки в города. Деревни пустели, рабочих рук на полях не хватало, а города пополнялись бедняками. Многие из них зарабатывали на жизнь воровством, азартными играми, разбоем, платными поджогами кварталов и другими криминальными способами, обеспечивая работой филиалы Городского магистрата. Указом *бакуфу* от ноября 1790 года крестьянам северо-восточных провинций было запрещено покидать деревни, а тем, кто

уже уехал, предложили добровольно вернуться, пообещав оплатить транспортные расходы и выдать подъёмные для обустройства. Однако денег в казне на всё это не хватило, и вернуть крестьян в деревни не удалось.

Избыток незанятого городского населения и проблема общественного порядка подтолкнули власти к идее создать в Эдо лагерь трудового перевоспитания. В 1790 году в заболоченном устье реки Сумида, на отсыпном острове Исикава огородили участок земли площадью пятьдесят три тысячи квадратных метров с двумя бараками, к которым позднее добавился третий. Лагерь Исикавадзима мог одновременно принять до ста тридцати человек. В него стали отправлять бездомных, бродяг и осуждённых за мелкие преступления. Срок перевоспитания был определён в три года. Заключённые жили на хозрасчёте и полном самообеспечении. Их наскоро обучали какому-нибудь простому ремеслу и заставляли работать. Для этого на территории лагеря открыли двадцать ремесленных мастерских, баню, фельдшерский пункт и даже засеяли небольшое рисовое поле.

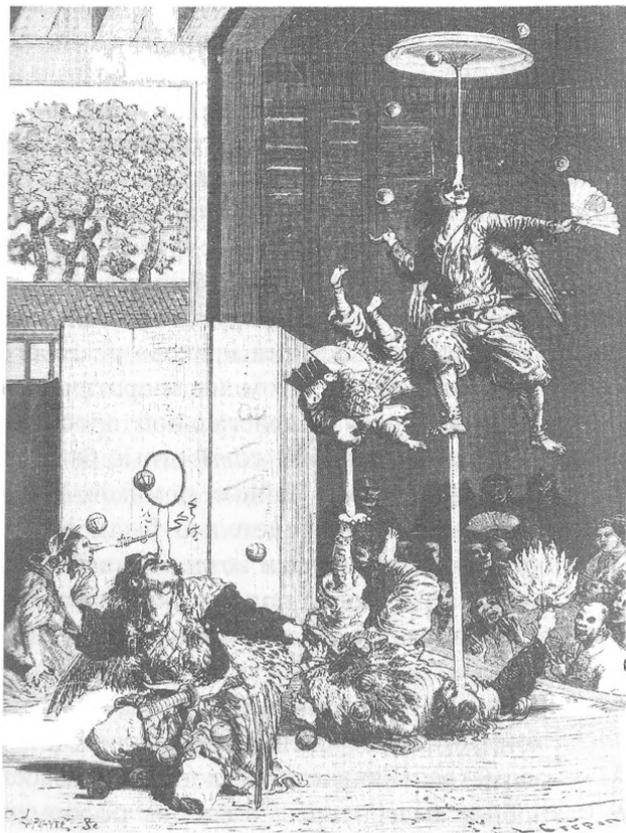
Пятую часть заработанных арестантами денег удерживали в качестве платы за содержание в лагере, две трети оставшейся суммы выдавали на руки, а треть откладывали до окончания срока и вручали при освобождении. Тем, кто изъявлял желание заняться ремеслом или торговлей, на эти деньги помогали снять помещение или купить необходимый инвентарь. В течение всего срока нахождения в лагере воспитуемым раз в десять дней читали проповеди Учения чистого сердца (*Сэкимон сингаку*) по трудовой этике, приглашая для этого самых видных его адептов, в том числе и создателя учения Накадзава Дони. Правительственный лагерь трудового перевоспитания на острове Исикава стал первой в истории Японии организованной попыткой реабилитировать маргинальные город-

ские слои за счёт профессионально-трудовой деятельности и вернуть их в социальное русло.

Трудовой лагерь Исикавадзима просуществовал в таком виде более тридцати лет. Постепенно число его обитателей возросло до шестисот человек; сюда стали отправлять и тех, кто совершил более серьёзные правонарушения и был приговорён к высылке из города. В 1820-х годах в лагере уже не столько перевоспитывали, сколько наказывали лишением свободы, и он стал больше походить на обычную тюрьму. Таковым он и оставался до конца эпохи Токугава.

Важнейшая часть реформы Мацудайра Саданобу состояла в оздоровлении общественной морали, сильно пострадавшей в ходе коммерческой политики Танума Окицугу. Одним из первых его шагов в составе правительства стало издание «Указа об исправлении нравов». Как и во многих других областях, Мацудайра Саданобу ориентировался здесь на реформы восьмого сёгуна Ёсимунэ. «Указ об исправлении нравов» резко ограничил издание низкопробной, в том числе эротической литературы, усилил борьбу с нелегальной проституцией и азартными играми, запретил совместные бани и ужесточил требования к работе чайных домиков. В повседневной жизни высшей добродетелью были объявлены экономия средств, скромность и воздержанность во всех их проявлениях. Под запрет попали любые проявления роскоши, в том числе модная, яркая одежда и её аксессуары, дорогие ткани, предметы быта и т. д. А чтобы исключить разнобой в понимании указа, к нему был приложен конкретный перечень запрещённых к использованию предметов. Ожидаемое недовольство населения могло оскорбить благородные замыслы реформаторов, поэтому критиковать действия центральной или местной власти тоже было запрещено.

Не сказать, чтобы все эти строгости так уж соблюдались, но атмосфера в Эдо заметно переменялась, и народный фольклор это сразу отметил. Среди множества ходивших по городу злободневных трёхстиший особенно популярным стало творение неизвестного автора, давшего восстановлению моральных норм народную оценку. Суть его сводилась к тому, что в условиях всеобщей коммерциализации, взяточничества и кумовства при

«Низкопробное» уличное представление

Танума жить было нелегко, но после наведения порядка стало ещё хуже.

*Сиракава но киёки ни уо мо сумиканэнтэ
Мото но нигори но Танума коисики.*

В чистой речке Сиракава* рыбе жить труднее, чем
В мутных водах при Танума.

К морально-нравственному кнуту для населения прилагался материальный пряник. Квартальным старостам было приказано на семьдесят процентов сократить годовые расходы на хозяйственно-бытовые нужды и направить сэкономленные средства в накопительный резервный фонд (*ситибу цумикин*). За счёт использования данного фонда десятую часть этих денег планировалось вернуть горожанам через снижение цен на товары первой необходимости и съёмное жильё. С этого времени практика создания накопительных фондов в городских кварталах утвердилась в политике *бакуфу* и продолжалась вплоть до реставрации Мэйдзи, пережив многие другие указы Мацудаёра Саданобу.

Реформа годов Кансэй проводилась на фоне последствий голода 1783–1787 годов, поэтому важнейшей её частью стало увеличение производства риса и создание резервных запасов на случай неурожая. Администрации на местах получили предписание увеличить посевные площади и прекратить выращивание табака, шафрана, индиго и некоторых других культур, а 0,5 процента урожая ежегодно направлять в местные зернохранилища**. С этой же целью на треть было сокращено производство *сакэ*.

* Сиракава (букв. «белая река») — название княжества, из которого Саданобу пришёл в правительство.

** В провинциях они назывались *какоимай*, *какомимоми*, *икоку*, *окигомэ* и т. д.

В рамках борьбы с коррупцией чиновникам запретили получать подарки, кроме как по случаю юбилейных дат и праздников годового цикла *сэкку*. Однако этот запрет долго не продержался — через пять лет его отменили, сославшись на традиционный аргумент: подарок чиновнику — это не взятка, а проявление уважения к власти. А чтобы не пускать процесс на самотёк, составили перечень дат и поводов, по которым должностным лицам разрешалось принимать подарки, с указанием их стоимости и наименований.

С идеологическим многообразием тоже было покончено. Единственно правильным конфуцианским учением было признано джусианство*, а все остальные объявлены ошибочными и запрещены. Только это учение преподавалось в правительственной школе, и только его последователей принимали на государственную службу. Вслед за Сёхэйдзака гакумондзё такие же ограничения ввели провинциальные школы для детей воинского сословия (*хан-ко*), и в обучении воинской элиты установилось полное единообразие.

Все изданные при Танума Окицугу указы были отменены, а созданные ими профессиональные гильдии распущены; вся хозяйственно-экономическая деятельность перешла под контроль правительства. Серьёзному ужесточению подверглись правила внешней торговли. Контакты с иностранцами были сведены к минимуму, число заходов китайских торговых судов в Нагасаки сокращено до десяти в год, а ежегодные визиты голландцев в Эдо — до одного раза в пять лет. Мацудайра Саданобу рассматривал внешний мир исключительно как угрозу, поэтому при нём степень изоляции страны возросла даже по сравнению с годами правления третьего сёгуна Иэмицу.

* Неоконфуцианское направление китайского философа Чжу Си.

В это неподходящее время Россия предприняла первую попытку наладить отношения со своим восточным соседом. В 1792 году Адам Лаксман прибыл на Хоккайдо с посланием от иркутского генерал-губернатора и тремя японскими моряками, заброшенными в Россию штормом. Вернув японских подданных на родину, он рассчитывал встретиться с руководством страны и заключить договор об установлении дипломатических и торговых отношений. Несмотря на некоторую подозрительность в отношении незваных гостей, россияне по распоряжению Мацудайра Саданобу приняли весьма доброжелательно и «в соответствии с ритуалом», однако вступать в переговоры наотрез отказались, сославшись на действующий закон. В посещении Эдо Лаксману также было отказано — ему предложили идти в Нагасаки и там обратиться к чиновнику, отвечавшему за контакты с иностранцами. Таким образом, главную задачу российскому посланнику выполнить не удалось. Что касается Дайкокуя Кодаю и его спутников, то, несмотря на закон 1635 года, запрещавший принимать обратно японцев, которые оказались за преде-

Маршрут Дайкокуя Кодаю. Из Японии в Россию и обратно

лами страны, для них сделали исключение и разрешили вернуться на родину.

Несмотря на неудачу, Россия продолжала осваивать свои восточные окраины: в 1795 году на острове Уруп появилось первое русское поселение, что было воспринято в *бакуфу* как угроза. В качестве ответной меры правительство в 1799 году разработало план укрепления северной границы и поручило его исполнение клану Мацумаэ. На Хоккайдо было создано территориальное управление во главе с местным купцом Такадая Кахэй (1769–1827), который много лет торговал с русскими и знал их лучше, чем кто-либо другой. В июле того же 1799 года Такадая проложил морской маршрут до острова Итуруп и открыл на нём семнадцать пунктов рыбообработки. С этого началось освоение Итурупа японцами. Двенадцать лет спустя, когда клан Мацумаэ задержал капитана российского флота Василия Головнина, зашедшего в местный порт пополнить судовые запасы, русский военный корабль в ответ арестовал Такадая Кахэй и доставил его на Камчатку. Вместе с капитаном Рикордом японский торговец принимал участие в переговорах об освобождении Головнина и после того, как это произошло, в 1813 году вернулся на родину.

Приход Мацудайра Саданобу в правительство и начало реформ по времени совпали с восстановлением погодных условий и повышением урожаев. После 1587 года дела в сельском хозяйстве стали понемногу выправляться; свою роль в этом сыграли введённый правительством режим экономии и снижение уровня коррупции. В 1790 году доходы казны впервые превысили расходы.

Жёсткий курс Мацудайра Саданобу на борьбу с расточительством и злоупотреблениями, педантичное следование правилам и авторитарный стиль руководства вызвали недовольство многих влиятельных в замке людей. Первые трения появились уже через год после его назначения.

В 1788 году пятнадцатилетний сёгун Изнари обратился к главе правительства с просьбой присвоить своему отцу Харунари титул отставного сёгуна (*огосё*) и поселить его в Западной усадьбе замка Эдо. Последние двести лет её занимали только вышедшие в отставку правители, сохранявшие при этом все свои полномочия, поэтому Западная усадьба замка Эдо прочно ассоциировалась у его обитателей с высшей властью. Став её хозяином, честолюбивый, энергичный и далеко ещё не старый отец сёгуна мог даже и по формальным признакам считаться теневым правителем страны. Обе просьбы Изнари противоречили основополагающей традиции сёгуната Токугава, поэтому Саданобу отказался их удовлетворить. Более того, на правах опекуна составил для юного сёгуна список из пятнадцати пунктов, которые ему рекомендовалось соблюдать, чтобы вырасти в достойного правителя. В отношениях главы *бакуфу* с семьёй Хитоцубаси появилась первая трещина, но внешне всё осталось по-прежнему.

Схожая ситуация повторилась в следующем 1789 году, когда столь же юный император Кокаку обратился в *бакуфу* с просьбой присвоить своему отцу, наследному принцу Канномия, придворное звание, полагавшееся отцу действующего императора. Мацудайра Саданобу снова отказал, и по той же причине: звание, о котором идёт речь, может носить только вышедший в отставку император, а отец Кокаку на троне никогда не сидел. Получив отказ, Кокаку вынес вопрос на обсуждение высшего придворного совета и заручился поддержкой тридцати пяти из сорока аристократов, после чего

Мацудайра Саданобу

повторно обратился с просьбой в правительство, сославшись при этом на два исторических прецедента, когда звание отставного императора присваивалось наследным принцам, не занимавшим престола. Саданобу снова ответил отказом, аргументировав его тем, что если в прошлом совершались ошибки, то не следует повторять их снова. Несколько аристократов, прибывших в Эдо и настойчиво добивавшихся решения, были наказаны в административном порядке. Двойной отказ был расценён как унижение императорского дома и с осуждением встречен многими в воинской элите. Сёгун Иэнари и его отец также встали на сторону императора.

Зная, что у него немало противников, Мацудайра Саданобу постоянно подчёркивал, что служит исключительно интересам сёгуна и рассчитывает на его доверие и поддержку; как только они иссякнут, он готов немедленно покинуть свой пост. В доказательство он заранее написал и передал Иэнари прошение об отставке, которое тот сможет подписать в любой момент. Шесть лет сёгун уверял главу правительства в своей полной поддержке и просил продолжать работу.

В марте 1793 года Саданобу выехал в один из портов на восточном побережье Хонсю, где появилось иностранное судно, чтобы на месте разобраться в ситуации. В его отсутствие все недовольные курсом на дисциплину и экономию, включая влиятельных дам из женской половины, предприняли массированную атаку на главу правительства. По возвращении из поездки Саданобу сообщили, что сёгун больше не настаивает на продолжении его работы и готов удовлетворить поданную ранее просьбу об отставке. Иэнари исполнилось девятнадцать лет, и он тоже начал тяготиться дисциплиной и аскетичными принципами главы правительства. Вероятно, ещё большее недовольство испытывал его отец Харунари. Отдав дань уважения некогда второму кандидату на высший пост, он больше не

хотел мириться с его политикой и посоветовал сыну отправить его в отставку.

Главу правительства уволили мирно, с полным сохранением земельных владений и годового дохода. Следующие девятнадцать лет он жил в княжестве Сиракава в провинции Муцу (современная преф. Фукусима), куда был отправлен в юности; занимался хозяйством, много читал и писал. В 1812 году он передал свой пост сыну и вместе с семьёй переехал в провинцию Исэ, где умер в мае 1829 года в возрасте шестидесяти девяти лет.

Одиннадцатый сёгун Иэнари стал правителем в тринадцать лет, поэтому в первые годы правления лишь подписывал подаваемые ему документы, но никакого участия в политической жизни и делах *бакуфу* не принимал. В это время он жил своей собственной жизнью, главное место в которой занимали женщины. В первый раз он стал отцом в возрасте пятнадцати лет шести месяцев, а затем дети у него рождались почти ежегодно. Всего их было пятьдесят пять, больше, чем у любого другого сёгуна Токугава. Любвеобильность и плодовитость Иэнари сформировали в замке Эдо новый жизненный уклад: по мере взросления его детей церемонии, связанные с их помолвками, свадьбами и похоронами, заняли большую часть ежегодного ритуала, поэтому где-то на третьем десятке детей церемонии по случаю их рождения проводить перестали. Из пятидесяти пяти детей одиннадцатого сёгуна двадцать девять умерли в детстве. Он часто повторял, что прочность семейной линии больше всего зависит от числа детей, поэтому их должно быть много.

Отставка Мацудайра Саданобу не привела к мгновенной смене политического курса. Его соратники Мацудайра Нобуакира (1763–1817), Тода Удзинори, Хонда Тадакадзу и другие члены правительства сохранили свои посты, по-

этому изданные в ходе реформы указы продолжали действовать ещё двадцать пять лет.

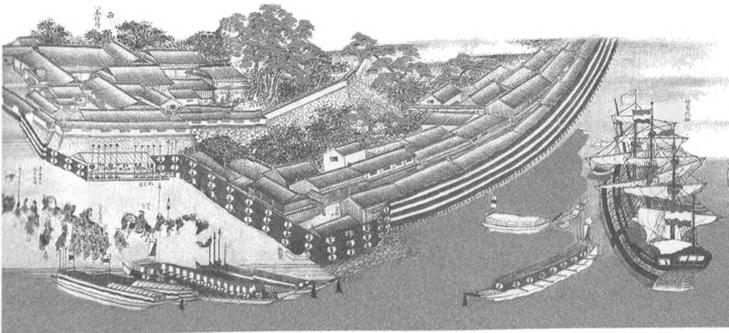
Возглавивший правительство Мацудайра Нобуакира правильно понял главную причину отставки своего предшественника и сразу взял курс на беспрекословное выполнение всех пожеланий юного сёгуна и его отца, благодаря чему оставался на этом посту следующие двадцать четыре года. В 1803 году он серьёзно заболел и отошёл от дел, но после визита российского посла Николая Резанова, с которым его сменщики справились не лучшим образом, вернулся к своим обязанностям. В целом продолжая политику Саданобу, Нобуакира уделял много внимания укреплению северных рубежей и освоению Хоккайдо, однако хроническая нехватка денег в казне не позволила ему добиться серьёзных результатов.

В 1817 году Мацудайра Нобуакира умер, а его соратники стали по очереди выходить в отставку. Правительство возглавил личный порученец сёгуна Мидзуно Тадаакира (1763–1834), полный антипод Мацудайра Саданобу и идейный последователь Танума Окицугу. На этой должности он оставался семнадцать лет.

Через некоторое время руководящий состав правительства полностью сменился в соответствии с пожеланиями сёгуна и его отца, и в замке началась новая жизнь. Все запреты и ограничения на получение подарков и кулуарное решение вопросов, а также конфуцианские строгости и курс на экономию были отодвинуты в сторону и забыты; коррупция и кумовство расцвели пышным цветом, затмив всё, что было до этого. Жизнь властной верхушки стала приятной и разнообразной, наполнилась новыми радостями и удовольствиями. Первый же год работы Мидзуно Тадаакира в новом качестве ознаменовался ростом бюджетного дефицита: при доходе казны в 1,4 миллиона *рё* расходы составили 1,98 миллиона. В следующем

1818 году шестидесятисемилетний отец сёгуна Харунари передал пост главы семьи одному из своих сыновей и по примеру великих людей прошлого принял буддийский сан. Однако до последних дней жил в роскоши и удовольствиях, активно участвуя в окол властной политической жизни.

В первые десятилетия XIX века в Японию стали чаще заходить иностранные суда; соответственно, в портах возросло число инцидентов. В борьбе за освоение новых рынков и захват колоний мировые державы не могли пройти мимо Японии. В 1804 году в Нагасаки прибыл российский посол Николай Резанов с намерением заключить торговое соглашение, но *бакуфу* ответило ему твёрдым отказом, сославшись на закон и многолетнюю практику. Отношение японской стороны было сочтено оскорбительным и крайне негативно воспринято российской делегацией. Предвидя ухудшение отношений с северным соседом, правительство потребовало от клана Мацумаэ усилить охрану побережья, но эта задача выходила далеко за рамки его возможностей и не могла быть выполнена. В 1806–1807 годах офицеры из сопровождения Резанова в отместку за унижение в Нагасаки

Корабль Н. Резанова в Нагасаки

совершили несколько вооружённых нападений на японские поселения на Сахалине и Итурупe.

В 1807 году правительство издало ещё один указ об усилении мер безопасности, в рамках которого была создана постоянно действующая служба береговой охраны. При появлении иностранного судна её представители должны были подняться на борт и путём переговоров убедить капитана покинуть акваторию. Если гости нуждались в пополнении запасов, им следовало оказать содействие, не допуская высадки экипажа на берег. При невозможности выполнить указ мирными средствами местным властям разрешалось «действовать по обстоятельствам», в том числе и с применением силы.

Указ 1807 года ситуацию не улучшил. В 1808 году произошёл инцидент с британским фрегатом «Фазтон». Английские моряки вошли в бухту Нагасаки под флагом Нидерландов и взяли в заложники двух голландских подданных. Угрожая расстрелять все находившиеся в бухте суда, они потребовали предоставить им воду и продовольствие. Несмотря на то что фрегат был вооружён всего лишь семью пушками, власти города не смогли собрать отряд для отражения угрозы и были вынуждены выполнить

Делегация Резанова глазами японцев

требование. Освободив заложников, англичане покинули порт. Этот случай показал полную неготовность местных властей к отражению внешних угроз и дорого обошёлся их руководителям: наместник Нагасаки Мацудайра Ясухира покончил жизнь самоубийством, а хозяин провинции Сага Набэсима Наомаса был на три месяца отправлен под домашний арест. Инцидент с британским фрегатом получил большой резонанс и вновь поставил вопрос о защите портовых городов.

В 1811 году во время изыскательских работ у острова Кунашир был задержан капитан российского флота В. Головнин с несколькими членами экипажа — по подозрению в причастности к нападениям подчинённых Резанова, хотя не имел к ним никакого отношения. После долгого разбирательства и двухлетнего заключения в местной тюрьме русские моряки были освобождены.

В мае 1824 года экипаж британского китобойного судна самовольно сошёл на берег в одном из портов провинции Хитати и был арестован местными властями. Выяснив, что члены экипажа больны цингой и нуждаются в продуктах, японцы их освободили. В августе того же года английские моряки с другого судна высадились на острове Такарадзима и попросили местных жителей продать им быков, а получив отказ, силой отняли у них трёх животных.

В результате всех этих инцидентов правительство решило сменить политику и перейти к активной обороне. В феврале 1825 года вышел «Указ об обстреле иностранных судов» (*икокусэн утихараирэй*), предписывавший портовым властям открывать предупредительный огонь из пушек при приближении любого иностранного судна. Если этого оказывалось достаточно и незваный гость уходил, то инцидент считался исчерпанным, а если экипаж упорствовал и всё-таки сходил на берег, то подлежал аресту. На основании этого указа

американское торговое судно «Моррисон» в 1837 году дважды подверглось обстрелу: сначала в заливе Урага рядом с Эдо, а затем в заливе Кагосима на острове Кюсю. Расходы на укрепление береговой линии и закупку вооружений усугубили и без того не блестящее положение казны.

Одиннадцатый сёгун Иэнари обо всех этих событиях, конечно, знал, но активного участия в выработке политики не принимал. Как и его предшественник, он не считал себя обязанным вникать в текущие дела. Тенденция к самоустранению первого лица от участия в работе правительства отчётливо обозначилась при девятом сёгуне Иэсигэ и за прошедшие полвека прочно закрепилась в сознании обитателей замка Эдо.

Заходы иностранных судов при Иэнари
(первая половина XIX в.)

Одиннадцатый сёгун Иэнари в определённом смысле считается выдающимся представителем правящей династии, однако его место в ряду сёгунов Токугава определяется не качествами государственного деятеля, а особенностями характера и образа жизни, благодаря которым он установил целый ряд рекордов. Во-первых, по длительности правления — пятьдесят лет, с апреля 1787 года по апрель 1837 года. Во-вторых, по числу наложниц — от сорока до пятидесяти. Их было так много, что историки до сих пор не могут их точно посчитать. В-третьих, по числу детей (пятьдесят пять). В-четвёртых, по численности персонала, нанятого для обслуживания его огромной семьи. При Иэнари штатное расписание Большого внутреннего покоя единственный раз за всю историю превысило девятьсот единиц, в то время как при остальных сёгунах оно насчитывало от четырёхсот пятидесяти до шестисот должностей. Соответственно выросли и расходы казны на содержание женской половины замка.

Годы правления Иэнари стали расцветом будуарной жизни и пиком плодovitости для многих представителей правящей династии: глава дома Мито Токугава Нариаки, например, имел помимо жены девять официальных наложниц и тридцать семь детей. Ненамного от него отстал и сын Иэнари, ставший двенадцатым сёгуном: семь наложниц и двадцать пять детей. В середине XIX века в японской элите насчитывалось немало семей с более чем двадцатью детьми; в аристократической среде многодетность стала считаться признаком хорошего тона и проявлением заботы о семейной линии — во многом под влиянием Иэнари.

Ещё одна особенность личной жизни одиннадцатого сёгуна заключалась в том, что в отличие от большинства своих предшественников он жил в мире и согласии со своей женой и имел от неё двух дочерей. Его брак запомнился современникам беспрецедентным происхож-

дением невесты — она была дочерью крупного *тодзама даймё*, главы клана Симадзу с острова Кюсю. Дети были помолвлены ещё в трёхлетнем возрасте, когда никто не думал, что мальчик из дома Хитоцубаси может стать сёгуном. А когда его объявили преемником Иэхару, происхождение невесты стало предметом бурного обсуждения, поскольку никогда ещё сёгуны Токугава не брали в жёны дочерей тех, кто воевал против Иэясу на равнине Сэкигахара. Породнение с *тодзама даймё* действительно могло нанести ущерб репутации сёгуна в глазах потомственных вассалов *фудай даймё*, поэтому будущую невесту отделили от родной семьи и отправили на удочерение в аристократический дом Коноэ, где она сменила фамилию и получила необходимый для замужества титул. В девять лет Коноэ Тадако уже как приёмная дочь

Наложница. В белом кимоно
в спальню сёгуна

родовитого аристократа поселилась в Западной усадьбе замка и фактически стала женой Иэнари, хотя церемония бракосочетания состоялась только в феврале 1879 года, когда жениху и невесте исполнилось по пятнадцать лет. Через месяц после свадьбы наложница сёгуна родила ему первую дочь.

Высший воинский пост во все времена требовал надлежащего оформления в виде придворных должностей и рангов; Иэнари и в этой области установил абсолютный рекорд. Поначалу его придворная карьера продвигалась обычными темпами: должность Правого министра двора он получил только в 1816 году, в возрасте сорока трёх лет. Затем всё резко ускорилося: через пять лет он стал Левым министром и обладателем неполного первого ранга, что поставило его вровень с двумя самыми титулованными сёгунами прошлого — основателем династии Иэясу и его сыном Хидэтада. Довольно долго — с середины XVII века до начала XIX века — нормой для сёгунов считался полный второй ранг и должность Внутреннего министра*. В 1827 году Иэнари произвёл сенсацию, добившись от императора назначения на должность Великого министра, вторую в придворной иерархии после «сына неба». Из всех сёгунов Токугава такой чести удостоивались лишь Иэясу (посмертно) и его сын Хидэтада (после выхода в отставку).

Одиннадцатый сёгун на этом не остановился: вскоре его отец Харунари стал обладателем абсолютно не соответствовавшего его формальному статусу неполного первого ранга и созданной под него должности заместителя Великого министра (*дзюндайдзин*). Таким образом, Иэнари и его отец получили придворные регалии, которых не имел ни один действующий сёгун предыду-

* По рангу Левый министр был выше Внутреннего (Среднего) министра, а последний — выше Правого.

щих лет. Объявив преемником своего сына Изёси, Иэнари позаботился и о нём: ещё будучи наследником, юноша получил такой же придворный статус, какой имели сёгуны предыдущих поколений. Мать и жена Иэнари также были отмечены высокими придворными титулами.

Забота о семье и стремление возвысить её над окружающими составляли главный стержень внутренней политики одиннадцатого сёгуна, а награждения его близких неизменно вызывали общественный резонанс и активно обсуждались в аристократической и воинской элите.

Любовь Иэнари к титулам, рангам и званиям обусловила ещё одну особенность периода его правления — небывалое сближение с императорским домом. Эта тенденция впервые наметилась при четвёртом сёгуне Изцуна и с тех пор оставалась неизменной, хотя при нескольких правителях в процессе возникали паузы. Главным инструментом сближения служили политические браки. Беря в жёны дочерей императора и высших аристократов, сёгуны и их родственники перенимали дворцовую культуру и ритуал. В течение двух веков сближение двух центров власти — номинальной и фактической — проходило по нескольким линиям и в годы правления одиннадцатого сёгуна достигло своего пика. Любивший пышные и торжественные церемонии, поощрявший развитие благородных искусств Иэнари испытывал глубокое почтение к аристократическому образу жизни и чаще, чем кто-либо из его предшественников, оказывал императорскому дому различные знаки внимания.

Свой вклад в повышение авторитета императора внесла и борьба Мацудайра Саданобу за возрождение традиций и моральных устоев. В этой части одиннадцатый сёгун полностью его поддерживал и после отставки Саданобу продолжил его политику. В 1822 году в Киото прошли торжества по случаю окончания многолетнего ремонта императорского дворца, осуществлявшегося силами и на

средства *бакуфу*. Желая отблагодарить Иэнари, император Нинко изъявил желание присвоить ему первый придворный ранг, однако из-за отсутствия исторических прецедентов в правительстве сочли эту идею слишком смелой. Присвоение ранга состоялось пятью годами позже.

Уже в первом десятилетии XIX века глава правительства и его советники с головой погрузились в обустройство личной жизни многочисленных детей одиннадцатого сёгуна. Подраставших сыновей Иэнари отправлял в семьи родственников и *фудай даймё*, а дочерей выдавал замуж за их старших сыновей. Поначалу «удалённые князья» (*тодзама даймё*) были лишены этой привилегии, но после 1813 года детей сёгуна стали отправлять и к ним тоже. Всего в приёмные семьи было отправлено двенадцать сыновей и тринадцать дочерей Иэнари, в том числе два сына и несколько дочерей — в семьи *тодзама даймё**. Это означало, что в ближайшие годы во главе двенадцати провинциальных кланов будут стоять сыновья действующего сёгуна, а ещё в тринадцати княжествах родятся его внуки, и их будущее тоже будет окрашено в светлые тона. Таким образом, политическое влияние семейной ветви Хитоцубаси должно было возрасти ещё больше.

Перечень приёмных семей выглядел более чем внушительно: ближайшие родственные дома Овари, Кисю, Мито, Таясу, Хитоцубаси, Симидзу; вассалы из княжеств Сэндай, Этидзэн, Аидзу, Сануки, Сага, Цуяма, Хиросима, Кага, Эхимэ, Тёсю, Тататэбаяси, Кавагоэ, Акаси и др. Кроме родных детей Иэнари имел и приёмных; их точно так же рассылали по провинциям. Породнение с сёгуном позволяло приёмным семьям повысить свой социальный статус и давало преимущества при получении придворных рангов, назначениях на правительственные должности и другие родственные привилегии. С другой стороны,

* Сыновей сёгуна приняли крупные кланы Токусима и Тоттори.

детям правителя полагалось обеспечить высокий приём, и масштаб расходов на это мероприятие был таков, что мог подорвать бюджет любой даже самой богатой семьи. Согласие принять на воспитание сына или дочь сёгуна было сродни венчурному предпрятию: по предварительному расчёту вроде выгодно, но и риск тоже велик.

Вот несколько характерных случаев. В ноябре 1799 года, когда старшей дочери сёгуна Хидэхимэ исполнилось десять лет, её помолвили с шестидесятишестилетним князем Овари Токугава Мунэтика. В провинции начали готовиться к приёму невесты, но на следующий год жених умер, и свадьба расстроилась. Одиннадцатилетнюю Хидэхимэ отец в том же году выдал замуж за своего двоюродного племянника и вместе с ним отправил всё-таки в княжество Овари, причём её новый муж благодаря своему статусу вскоре его и возглавил. В качестве приданого невеста привезла с собой пятьдесят тысяч *рё*, и ещё семь тысяч *рё* принимающей семье было передано в течение следующих пяти лет. Вскоре княжеству Овари предложили взять на воспитание ещё одного сына сёгуна, и там снова согласились. Однако вскоре по прибытии мальчик заболел и умер. После двадцатилетней паузы Иэнари прислал к родственникам ещё одного, своего сорок пятого по счёту ребёнка, трёхлетнего сына, который впоследствии сменил старшего зятя во главе семьи. Таким образом, за двадцать три года княжество Овари приняло четырёх родственников сёгуна; ещё двое его сыновей умерли во время согласований.

В 1814 году восьмая по счёту дочь сёгуна Минэхимэ вышла замуж за попавшего в трудное финансовое положение главу княжества Мито Токугава Наринобу. Вместе с невестой он получил десять тысяч *рё* приданого и внушительную свиту её служанок, которых пришлось поселить в Главной усадьбе замка. Через пять лет затраты княжества Мито с лихвой окупились: сёгун простил род-

ственнику долг в девяносто две тысячи *рё*, а шесть лет спустя начал ежегодно выплачивать ему по десять тысяч *рё* на достойное содержание дочери.

Знаменитые «Красные ворота» Токийского университета — это часть усадьбы, построенной в 1827 году кланом Маэда для молодожёнов: старшего сына Нариясу и дочери сёгуна Ёхимэ, родившейся тридцать четвёртой по счёту. Опасаясь, что расходы на свадьбу могут подорвать экономику даже такого богатого семейства, как Маэда, правительство попросило обставить церемонию без излишеств, но даже при самом скромном подходе дочери сёгуна полагалась отдельная усадьба — не дом, а именно усадьба, часть замка, со множеством строений для прислуги. Для её возведения пришлось расширить территорию столичной резиденции Маэда и расселить несколько городских кварталов, что вызвало волнения среди жителей и долгие разбирательства в Городском магистрате.

Таких историй с родственниками одиннадцатого сёгуна было много. Помимо финансовых вопросов они вызывали в принимающих семьях раздоры по поводу прав наследования, особенно при усыновлении — далеко не все родственники главы дома были готовы отказаться от претензий на власть в обмен на финансовую поддержку. Так, крупный конфликт произошёл в том же княжестве Мито, куда Иэнари после смерти в 1829 году Токугава Наринобу отправил на место преемника младшего брата своей жены, родственника *тодзама даймё* из дома Симадзу. С другой стороны, раздача денег и должностных привилегий усыновителям вызывала недовольство тех, кому ничего не досталось, и это тоже расшатывало систему изнутри.

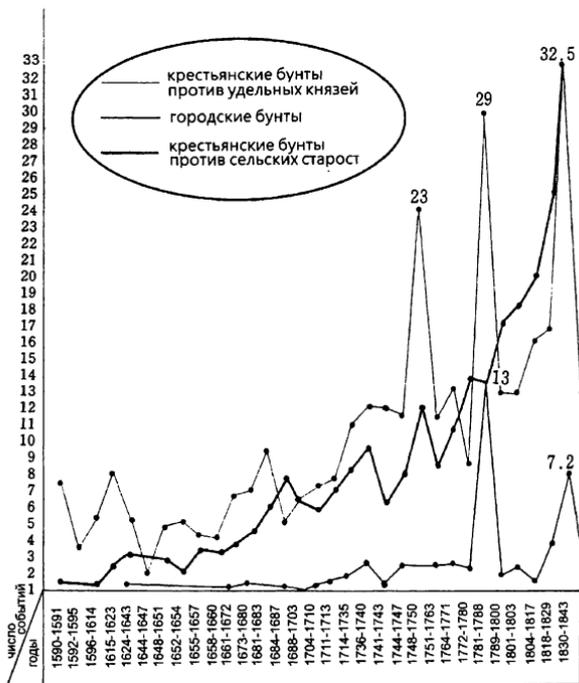
Устройство многочисленных детей и родственников, роскошная жизнь замка и расходы на укрепление береговых сооружений истощили запасы казны. С 1793 по 1817 год правительство Мацудайра Нобуакира восемь

раз издавало указы о девальвации золотых и серебряных монет. После каждого такого указа большая часть денег изымалась из обращения и переплавлялась с уменьшением содержания драгоценного металла, но эти меры не поспевали за ростом расходов и инфляцией.

За несколько месяцев до смерти Мидзуно Тадаакira, третьего по счёту главы правительства, в стране начался голод годов Тэмпо, один из трёх крупнейших за всю эпоху Токугава. Исходным толчком послужило холодное и дождливое лето 1833 года. Проливные дожди и наводнения на северо-востоке страны погубили большую часть урожая, особенно пострадала провинция Муцу. В последующие годы погодные условия были чуть лучше, но ненамного: по разным районам недобор составлял от двадцати до шестидесяти процентов зерна, а в 1836 году повторилось лето трёхлетней давности — в среднем по

Раздача риса голодающим

Крестьянские восстания в эпоху Токугава

Источник: Оиси Синдзабуро. Бакухансэй но тэнкан // Нихон но рэкиси. Дайнидзюкан = Переломный период в развитии системы бакухан // История Японии, т. 20. Сёгакукан, 1978, с. 259.

стране собрали лишь сорок процентов от среднего урожая. Пик голода пришёлся на зиму и весну 1837 года. Цены на рис взлетели на недосягаемую высоту, в деревнях началось повальное бегство крестьян, а в городах — погромы лавок и усадеб.

Общее число погибших во время голода годов Тэмпо оценивается в триста тысяч человек, поэтому он считается

менее тяжёлым, чем голод годов Тэммэй. Правительство реагировало как обычно: ещё больше ограничило производство *сакэ*, запретило укрывать запасы риса и потребовало увеличить его поставки на склады, однако в условиях всеобщего хаоса распоряжения выполнялись плохо. За счёт казны в Эдо открыли двадцать один приют для самых обездоленных, где могли принять пять тысяч во семьсот человек, в то время как в одном только Эдо нуждавшихся было в двенадцать раз больше.

Не менее тяжёлая ситуация сложилась в Осака. В конце зимы 1837 года там ежедневно умирали от голода по сто пятьдесят — двести человек. Бессилие власти привело к вооружённому восстанию: в феврале его поднял чиновник Городского магистрата в ранге *ёрики** Осю Хэйхатино при поддержке трёх сотен единомышленников. Правительству удалось подавить выступление, но оно стало для него тревожным сигналом: впервые за сто семьдесят пять лет против власти поднял оружие представитель правящего сословия, да к тому же состоявший на государственной службе. После этого в разных частях страны произошло ещё несколько голодных бунтов, в том числе крупное восстание в провинции Этиго (современная преф. Ниигата), которое возглавил представитель отечественной научной школы Икута Ёродзу, ученик Хирата Ацуганэ.

Ликвидацией последствий голода занимался уже следующий, четвёртый по счёту глава правительства Мидзуно Тадакуни (1794–1851). Кадровый чиновник, до этого работавший заместником Киото и начальником Магистрата по делам религий, он по взглядам был ближе к Мацудайра Саданобу и считался человеком, способным

* Ранг *ёрики* в то время примерно соответствовал должности начальника районного отделения полиции с совмещением функций прокурора и судьи того же уровня.

восстановить истощённую казну. Однако сделать этого не удалось — во многом из-за сложного переплетения личных интересов любимцев одиннадцатого сёгуна во главе с Хаяси Тадафуса (1765–1845).

Вторая половина правления Иэнари стала апофеозом эпохи, которую впоследствии назовут декадансом династии Токугава. Власть сёгуна и его правительства выглядела в то время как никогда прочной и стабильной: церемонии в замке Эдо поражали пышностью и размахом, вассалы всех уровней были исполнительны и дисциплинированы, а общественно-культурная жизнь — интересной и насыщенной. Именно в эти годы зародился новый театральный жанр *кёгэн*, а в ведущих актёрских династиях появились яркие артисты, привлекавшие в театр многочисленных зрителей. Родились новые поэтические формы *сэнрю* и *хайкай*, песенный жанр *каё* и многое другое. Характер той эпохи хорошо передаёт роман Тамэнага Сюнсуи «Сливовый календарь любви» (1833), ставший классикой XIX века. Все его герои живут исключительно любовными переживаниями, испытывая возвышенные чувства и соревнуясь в изощрённости этикета и утончённости манер. В 1849 году было закончено составление самой полной семейной хроники *Токугава дзикки*. По интенсивности культурной жизни со второй половиной правления Иэнари может сравниться лишь последнее десятилетие XVII века, когда страной правил артистичный и своенравный пятый сёгун Цунаёси.

Праздная и пышная жизнь Иэнари и его ближайшего окружения была надёжно скрыта от посторонних глаз за высокими стенами замка, но слухи о ней доходили до горожан и влияли на умонастроения. Эстетизм, индивидуализм и аморальность составляли их главное содержание. В конце 1830-х годов разразился крупный скандал с участием дам, служивших в замке Эдо и в течение нескольких лет регулярно выезжавших на моления в сто-

личный храм Канъодзи. Настоятель храма Никкэй, отец любимой наложницы сёгуна по имени Миё (впоследствии Сэнкоин), сумел организовать дамам столь приятное времяпрепровождение, что они начали пользоваться его гостеприимством подозрительно часто. По городу ходили упорные слухи, что в храме элитных дам встречаются молодые красивые монахи и проводят с ними не только совместные моления, но и оздоровительные синтоистские процедуры (*китосики*), направленные на повышение способности к деторождению. И что процедуры эти настолько хороши, что незамужние и бездетные барышни используют любую возможность, чтобы побывать в храме снова и снова, и даже — страшно сказать — проникают в него тайком, рискуя быть изгнанными со службы. Подозрения подтвердились, когда чиновник Магистрата по делам религий, до которого дошли эти слухи, при проверке сундуков для переноски вещей обнаружил в одном из них даму, планировавшую совершить тайное путешествие в храм Канъодзи к гостеприимным священнослужителям. Скандал удалось замять лишь благодаря тому, что храму лично покровительствовал сёгун Иэнари и в тот момент он был самым популярным в столице. Однако сразу после смерти одиннадцатого сёгуна глава *бакуфу* приказал сровнять его с землёй, а семидесятидвухлетнего настоятеля Никкэй сослать на острова как матёрого преступника. И лишь в силу преклонного возраста настоятелю заменили ссылку городской тюрьмой.

Этот скандал — самый крупный, но не единственный из случившихся на закате правления Иэнари. Нравы, царившие на женской половине замка Эдо, высмеял Рюхэй Такэхико в романе-пародии «Псевдо-Мурасаки и деревенский Гэндзи». Роман, писавшийся в течение двенадцати лет, так и остался незаконченным, но и в таком виде завоевал у читателей популярность и много раз переиздавался.

После 1818 года наибольшим влиянием в кулуарной жизни замка Эдо пользовались три человека: отец сёгуна Токугава Харунари, его тесть Симадзу Сигэхидэ и отец любимой наложницы сёгуна Накао Киёсигэ. В их усадьбах не иссякал поток просителей, вопросы которых решались за вознаграждение через нужных людей. В Эдо об этом все знали и открыто говорили. Роскошный образ жизни трёх столпов власти стал для многих недостижимой мечтой и образцом для подражания. Кумовство, взятки и другие общественные пороки времён Танума Окицугу восстановились в полном объёме с той лишь разницей, что теперь они не сопровождались никакими крупными экономическими проектами. Последние двадцать лет правления одиннадцатого сёгуна характеризовались нарастанием застойных явлений и общественного недовольства.

Иэнари по-прежнему много времени проводил в женском обществе, на званных ужинах и церемониях, устраивал судьбу своих детей, родственников, наложниц и их близких. Как образцовый семьянин, он много времени уделял воспитанию детей и заботился о расширении их кругозора. По его распоряжению картины с пейзажами в детских комнатах были заменены сюжетами на исторические темы и изображениями древних китайских трактатов. Одиннадцатый сёгун считал, что дети должны с раннего возраста приобщаться к лучшим образцам человеческой мысли и знать историю своих предков. Особое внимание он уделял своему наследнику Изёси — следил за его воспитанием и брал с собой во все поездки.

По натуре сёгун был чрезвычайно любознательным и активным человеком, интересовался буквально всем, что его окружало. Вставал он очень рано, часто ещё до шести часов, и первым делом выходил во внутренний двор на прогулку, затем возвращался и во время утреннего туалета и завтрака, чтобы не тратить время зря, просил адъютантов читать ему японские и китайские историче-

ские хроники, многие из которых слушал годами и знал почти наизусть. Иэнари с большим удовольствием ездил на охоту, устраивал боевые турниры, любил наблюдать за лошадьми, выпускал соколов прямо в городе и следил, как они атакуют добычу. Это была не охота, а развлечение. По весне обязательно любовался цветущей сакурой, а осенью — багряными клёнами; часто катался по реке на прогулочном судне с женой и родственниками. Из семейной хроники известно, что он был хорошим всадником и мастерски играл в *дакю* (верховая игра, похожая на поло). Ещё он очень любил ездить в гости и делал это едва ли не чаще всех своих предшественников. Сегодня Иэнари назвали бы большим любителем жизни во всех её проявлениях.

Словно специально для максимальной отдачи от жизненных удовольствий природа наградила его отменным здоровьем. Даже в самые холодные дни сёгун очень легко одевался и при этом не мёрз, а оказавшись в помещении, не стремился побыстрее устроиться рядом с тёплым очагом, удивляя ближайшее окружение особенностями своего теплообмена. Он нечасто болел и легко справлялся с недугами; единственным заболеванием, которое докучало ему многие годы, была мигрень. К своему здоровью он относился очень внимательно и всегда следовал советам врачей. Узнав от них о пользе молочных продуктов, распорядился перевести в замок часть коровьей фермы, построенной в провинции Симоса ещё восьмым сёгуном Ёсимунэ, и ежедневно пил свежие сливки, а для поддержания мужского здоровья принимал китайский препарат из пениса морского котика, известного своей плодовитостью. В среднем возрасте Иэнари по-мужски крепко подружился с *сакэ* и не пропускал ни одного ужина, а во время выездов на природу позволял себе алкоголь в больших дозах.

В 1837 году шестидесятирёхлетний сёгун уступил свой пост сыну Изэси, принял ранг *огосё* и переехал

в Западную усадьбу замка, однако до самой смерти вёл привычный образ жизни и прочно держал в руках власть. Согласно семейной хронике, 13 января 1841 года он впервые пожаловался на боли в области живота, и врачи назначили ему лечение. В последующие дни правитель чувствовал себя то лучше, то хуже; лечение продолжалось, но не давало видимого эффекта. Тридцатого января Иэнари впал в беспамятство и в тот же день скончался на шестьдесят восьмом году жизни. Причиной его смерти считается воспалительный процесс в брюшной полости неясной этиологии. Похороны одиннадцатого сёгуна состоялись 25 февраля в столичном храме Канъэй, семейной усыпальнице Токугава.

Иэнари

Двенадцатый сёгун Иэёси

(1793–1853, правление 1837–1853)

Двенадцатый сёгун Иэёси родился 15 мая 1793 года в замке Эдо, когда его отцу шёл двадцатый год. Жизнь мальчику дала одна из наложниц Иэнари по имени Раку (впоследствии Коринъин), но его воспитанием занималась законная жена сёгуна Кодайин. Уже в три года его нарекли взрослым именем Иэёси, в четыре — присвоили второй придворный ранг, и вскоре после этого наследник переехал в Западную усадьбу замка. В десять лет он был помолвлен, а в шестнадцать женился на дочери наследного принца Арисугаваномия Такако. Брак оказался удачным и продуктивным — в нём родилось трое детей, в том числе первенец, старший внук действующего сёгуна

Иэнари, что в законном браке наследников бывало нечасто. По случаю рождения внука Иэнари устроил в ноябре 1803 года пышные трёхдневные торжества с участием крупнейших *даймё* страны, однако его радость оказалась недолгой — в августе следующего года мальчик заболел и умер. Супружеские отношения Иэёси с женой быстро прекратились, но всю жизнь оставались дружескими. Все остальные его дети были рождены наложницами.

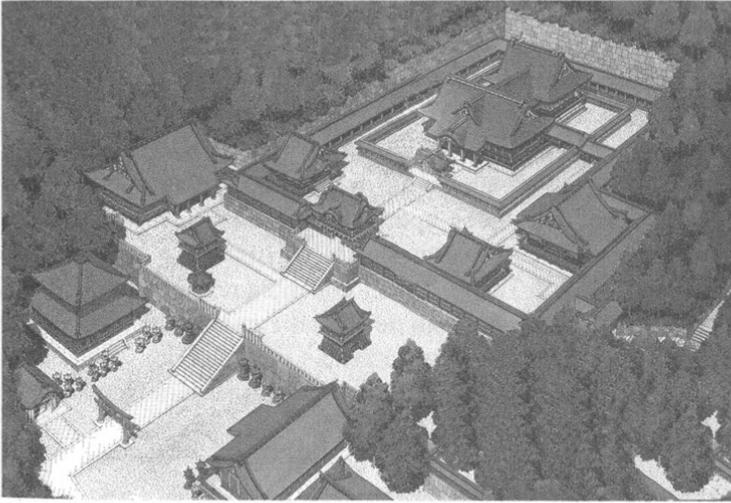
Благодаря усилиям отца придворная карьера Иэёси продвигалась невероятно быстрыми темпами: к двадцати восьми годам он уже имел полный второй ранг и должность Внутреннего министра. Более высокими титулами обладали только его отец и дед.

Большую часть своей жизни двенадцатый сёгун прожил в ранге наследника, но без доступа к власти, и это оказало большое влияние на его отношения с внешним миром. Второго апреля 1837 года сорокачетырёхлетний Иэёси сменил отца на посту сёгуна и переехал в Главную усадьбу, но ещё почти четыре года оставался формальным правителем. Реальные полномочия он получил только в сорок восемь лет — в том возрасте, когда многие главы семейств уже сдавали дела сыновьям. Поэтому нет ничего удивительного в том, что непривычный к власти сёгун держался в стороне от работы возглавляемого им правительства.

После формального ухода Иэнари в отставку вокруг Иэёси и его сына Иэсада начала складываться тревожная обстановка. Уже упоминавшаяся наложница одиннадцатого сёгуна, красивая, умная и честолюбивая Миё (Сэнкоин, 1787–1872), озаботилась судьбой своего внука и начала бороться за его будущее. Выдав несколько лет назад свою дочь Ёхимэ за главу самого богатого в стране клана Маэда, она вскоре обзавелась внуком по имени Кэнтиё и, пользуясь неизменной благосклонностью Иэнари, загорелась идеей посадить его на воинский

трон. Для этого нужно было сделать три вещи: 1) дожидаться смерти одиннадцатого сёгуна; 2) перевести его наследника Иэёси сразу в ранг *огосё*; 3) убрать с пути следующего преемника, его сына Иэсада. Сколотив группу единомышленников, Сэнкоин заручилась поддержкой служивших в правительстве удельных князей из провинций Хиго, Мино и Этидзэн. К реализации плана приступили сразу, как только Иэнари заболел, в январе 1841 года. С его смертью первый пункт заговора должен был реализоваться естественным образом, оставалось только подождать. Слабовольного Иэёси после смерти отца планировали уговорить отказаться от власти в пользу сына Иэсада, а тот некоторое время спустя должен был усилиями заговорщиков скоропостижно скончаться, усыновив перед этим Кэнтиё, внука Сэнкоин. Изолировав больного Иэнари, заговорщики исключили появление рядом с ним тех, кто мог помешать их планам, и подготовили от его имени записку с пожеланием о том, чтобы Иэсада усыновил Кэнтиё. Получив её от наложницы Сэнкоин, супруга Иэнари, хорошо знавшая нравы Большого внутреннего покоя, сразу всё поняла и предупредила Иэёси, что началась борьба за власть, поэтому ни он сам, ни его сын Иэсада не должны появляться в Западной усадьбе поодиночке. А также не принимать оттуда никаких подарков или блюд.

Об этой попытке в замке знали многие. При всём своём миролюбии Иэёси решил всё-таки расчистить авгиевы конюшни отца и удалить заговорщиков из замка, но сделать это тихо, не привлекая всеобщего внимания. Карт-бланш на реформу получил советник *бакуфу* Мидзуно Тадакуни (1794–1851), который и сделал соответствующее заявление 15 мая 1841 года, в день рождения Иэёси. Первым делом из замка были удалены люди из ближайшего окружения одиннадцатого сёгуна, угрожавшие положению Иэёси, — личные адъютанты Иэнари, а также

Поминальный комплекс Токугава Иэясу в Никко

заговорщики и его фаворитки из Большого внутреннего покоя. Наложница Сэнкоин была отправлена под домашний арест к дочери в городскую усадьбу клана Маэда, где и провела последние тридцать лет своей жизни.

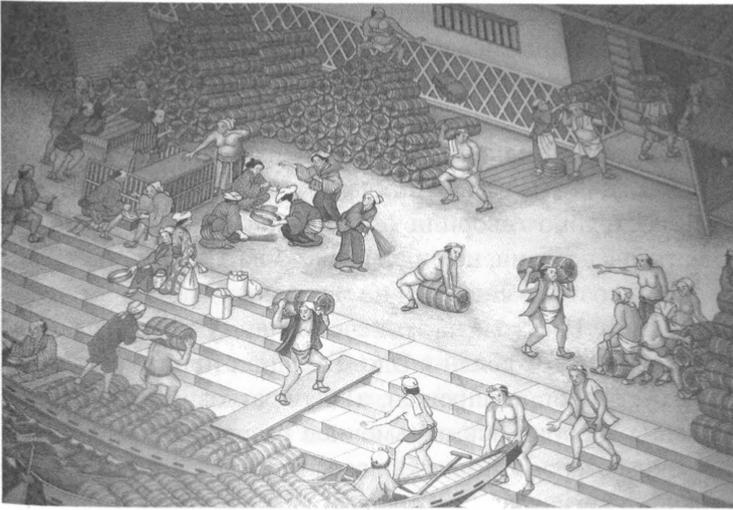
Очистив замок от приближённых Иэнари, Мидзуно Тадакуни приступил к преобразованиям во внешнем мире. Содержание реформы годов Тэмпо, как её называют в японской истории, свелось к наведению порядка в трёх главных областях: экономике, политике и культуре, а моделью послужили самые известные примеры прошлого — преобразования восьмого сёгуна Ёсимунэ и деятельность Мацудайра Саданобу (реформы годов Кёхо и Кансэй соответственно). Реформа Мидзуно Тадакуни имела консервативно-охранительный характер и была направлена на восстановление идеалов и ценностей старого доброго времени. Главе правительства помогали советники Тояма Кагэмото (1793–1855), Ябэ Саданори

(1789–1842), Сибукава Хиронао (1815–1851), Тории Ёдзо (1796–1873).

Далеко не все в руководстве страны поддерживали идею реформы, поэтому на первых порах главе правительства пришлось действовать осторожно. Для укрепления авторитета — двенадцатого сёгуна и своего собственного — ему пришлось приложить усилия и найти деньги на торжественный выезд Иэёси в Никко к усыпальнице Токугава Иэясу. Такой выезд совершался впервые за последние шестьдесят семь лет. Визит двенадцатого сёгуна с огромной свитой в триста тысяч человек получил большой общественный резонанс и утвердил его легитимность в глазах воинской элиты.

Упрочив, таким образом, свои позиции, Мидзуно приступил к реформе. Серию последовавших за этим правительственных распоряжений в народе прозвали «дождём указов» (*хорэй ука*). Одним из первых шагов нового правительства были снова запрещены профессиональные гильдии (*кабунакама*), возродившиеся при Изнари. Это лишило казну части доходов, но должно было оживить рынки, облегчить перемещение товаров и снизить финансовую нагрузку на население. Действие указа распространялось на всю страну, но, как всегда, больше всего гильдий было ликвидировано в двух главных городах, Эдо и Осака (десять и двадцать четыре соответственно).

При Изнари монопольное право на какую-либо деятельность предоставлялось за деньги не только профессиональным сообществам, но и отдельным княжествам, имевшим особые отношения с правящим домом; их привилегии также были отменены. Из-за возникшего после ликвидации гильдий хаоса сразу улучшить ситуацию в экономике не удалось, однако по мере адаптации к новым условиям цены на главные продовольственные товары — рис, *мисо*, соль, соевый соус, *сакэ* — стали постепенно снижаться.

Выгрузка риса в порту Осака

Другим важным направлением реформы стала попытка оживить сельское хозяйство и оздоровить ситуацию в крупных городах. После голода годов Тэмпо и массового бегства крестьян урожаи на правительственных землях снизились, и долгое время их не удавалось восстановить. Для увеличения поставок риса наместникам *бакуфу* было приказано разобраться в причинах и обеспечить повышение урожайности. От крупных торговцев и землевладельцев правительство потребовало выделить средства на создание общественного фонда кредитования, однако этот указ не нашёл поддержки и был саботирован. Для оздоровления финансов Мидзуно Тадакуни принял решение в очередной раз переплавить «плохие монеты» с понижением их номинала и уменьшением удельного веса драгоценных металлов.

Как и в прежние годы, бегство крестьян из деревень не только подрывало сельское хозяйство, но и осложняло санитарно-демографическую ситуацию в городах. Хуже

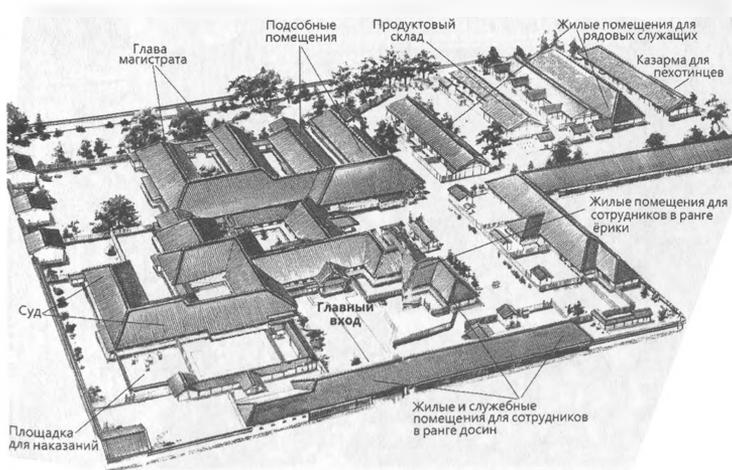
все дело обстояло в Эдо, больше половины населения которого составляли выходцы из сельской местности. При малейшем экономическом кризисе они теряли средства к существованию, и правительство было вынуждено заниматься их спасением, иначе голодная беднота начинала грабить, убивать, громить склады и усадьбы. В правительстве постоянно говорили о необходимости возвращения крестьян в деревни, но сил и средств на это хронически не хватало, поэтому ситуация не менялась.

В марте 1843 года на этот счёт вышел указ, призванный перекрыть поток селян в Эдо. Въезд в столицу на долгий срок был вообще запрещён, а для кратковременного пребывания требовалось письменное разрешение, выданное сельским старостой или княжеской управой по месту постоянной регистрации. Городскому магистрату было приказано каждый год в апреле проводить сверку всех вновь прибывших и высылать нарушителей из города. Такая же участь ожидала одиноких мужчин, приехавших в столицу в предыдущие годы. Однако все эти распоряжения, как и предыдущие, остались на бумаге; вернуть крестьян в деревни не удалось. Более того, в рамках объявленной политики всеобщей экономии и повышения доходов княжеские администрации стали выдавать больше разрешений для выезда на заработки, поэтому поток селян по маршруту «деревня — город», наоборот, возрос.

Оздоровление обстановки в городах требовало также сокращения числа развлекательных заведений и ужесточения правил их работы. В Эдо большой популярностью пользовались уличные балаган-театры (*ёсэ*), предшественники современных кинотеатров, располагавшиеся в жилых кварталах. Артисты разыгрывали в них всем знакомые и понятные сценки из городской жизни, гейши и музыканты развлекали игрой на инструментах, а артисты разговорных жанров смешили зрителей забавными историями и анекдотами. В ходе реформы годов Тэмпо

из двести одиннадцати существовавших в Эдо уличных театров сто девяносто шесть были закрыты, а репертуар оставшихся пятнадцати правительство взяло под контроль и потребовало от артистов не только развлекать, но и вести морально-нравственное воспитание горожан. Все пьесы должны были иметь позитивную дидактическую направленность, при которой добро всегда торжествует, а зло бывает наказано.

Важнейшим условием «исправления нравов» реформаторы по традиции объявили экономию средств и борьбу с роскошью. В октябре 1842 года на этот счёт был издан специальный указ (*сяси кинсирэй*). Крестьянам он запрещал носить одежду из шёлка и использовать ткани фиолетового и персикового цветов, которые считались священными. Те, кому разрешалось носить шёлк, должны были соблюдать установленную указом длину кимоно и придерживаться рекомендуемой расцветки: основную гамму сформировали чёрный, серый, коричневый, тёмно-синий и тёмно-зелёный цвета. В повседневной жизни горожанам

Городской магистрат

следовало избегать экстравагантных, дорогих и просто модных вещей, необязательных трат и вообще не выделяться. Для контроля за исполнением указа в Эдо был создан совет квартальных старост, в который вошли наиболее авторитетные горожане.

Вскоре после выхода указа о роскоши в его нарушении был обвинён и взят под стражу самый яркий и популярный актёр театра Кабуки Итикава Дандзюро, представитель одной из известнейших актёрских династий в седьмом поколении. В приговоре Судебного присутствия говорилось, что его дом и обстановка не соответствовали требованиям указа о борьбе с роскошью, а образ жизни актёра представлял собой сплошное нарушение правил. Итикава Дандзюро поставили в вину, что во время представлений он использовал не бутафорские, а настоящие

Театр Кабуки

и потому очень дорогие шлемы и другие воинские доспехи. По решению суда дом актёра был разрушен, а сам он отправлен под домашний арест с последующей высылкой из города и запретом селиться ближе сорока километров от Эдо. Обвинительный приговор популярному актёру вызвал в городе большой резонанс и стал самой яркой иллюстрацией применения указа о борьбе с роскошью. Остальные актёры театра Кабуки как самая неблагонадёжная часть столичной общественности получили от правительства конкретные и подробные предписания относительно того, как им следует жить, одеваться и вести себя на публике.

В 1841 году во время очередного пожара сгорели здания частных театров Итимура и Накамура, составлявшие вместе с театром Каварасаки «большую столичную тройку», как их тогда называли. Правительство этим воспользовалось и запретило восстанавливать здания на прежнем месте. Им было приказано переехать из оживлённого центра города на окраину, за насыпной внешний вал, в нынешний район Асакуса. Радикально настроенный Мидзуно Тадакуни предлагал вообще закрыть эти два театра, но советники убедили его, что это настроит против правительства всё городское население. Через несколько месяцев вслед за первыми двумя театрами в Асакуса был отправлен и последний член «большой тройки», театр Каварасаки. Буддийским и синтоистским храмам, которые для привлечения горожан тоже устраивали у себя развлекательные представления, правительство запретило это делать.

Бульварное чтиво было объявлено развращающим население фактором. Издание низкопробной, в том числе эротической литературы с картинками попало под запрет, а в Эдо была введена полноценная цензура; правительственные чиновники просматривали тексты и давали разрешение на их публикацию.

Представление в театре Накамура (жанр кабуки)

Главное отличие реформы годов Тэмпо от двух предыдущих состояло в двустороннем характере охватившего страну кризиса: к привычным внутренним проблемам добавились внешние, главной из которых стало давление со стороны крупнейших морских держав. Инциденты с иностранными судами участились ещё при Изэари, а Первая опиумная война в Китае показала японцам, что бывает с азиатскими странами, которые сопротивляются торговому наступлению Запада. Под влиянием победы Великобритании в Китае правительство смягчило политику в отношении иностранных судов: указом 1842 года пункт об их обстреле был отменён, а оказание помощи продовольствием, водой и топливом оставлено в силе. Однако общий курс на изоляцию страны остался неизменным. Для укрепления обороноспособности провинциальным кланам было приказано выделить средства на защиту береговой линии, в первую очередь в заливе Эдо. В порты Симода, Ханэда и Ниигата были назначены правительственные чиновники в ранге *бугё*. Началось освоение западных фортификационных технологий, перевооружение армии и увеличение её численности.

Безопасность столичного региона во многом зависела от возможности быстро перебросить туда грузы и людей в случае нападения с моря, а именно оттуда и исходила угроза. В *бакуфу* вспомнили о незавершённом проекте Танума Окицугу по осушению болот Имбанума и прокладке речного маршрута до залива Эдо. Пять ближайших к Имбанума княжеств получили предписание выделить средства и возобновить земляные работы. Они начались в 1843 году и продолжались несколько месяцев, хотя совсем не теми темпами, на которые рассчитывало правительство. Княжествам не хватало ресурсов, и в июне 1844 года работы были прекращены; проект вновь остался незавершённым.

Под предлогом внешней угрозы правительство Мидзуно Тадакуни в июне 1843 года издало указ о создании особой административной зоны вокруг Эдо и Осака радиусом сорок километров. Главными целями новшества были названы оборонная стратегия и контроль за общественным порядком в двух крупнейших городах страны, однако многие справедливо усмотрели в указе стремление *бакуфу* расширить зону административного контроля и увеличить налоговые поступления в казну. *Даймё* и *хатамото*, земли которых попадали под изъятие, была обещана равноценная компенсация в соседних районах, однако такая замена их не устроила, и они начали протестовать. Сёгун Иэёси, до этого не вмешивавшийся в дела правительства, этот протест услышал и потребовал отменить решение. Указ об особой административной

Мидзуно Тадакуни

зоне стал последней каплей, переполнившей чашу терпения всех, кто был недоволен реформой, и привёл к отставке главы правительства. Выполняя волю сёгуна, Мидзуно через два месяца отменил указ, но было уже поздно — ещё через неделю, 13 сентября, он лишился своего поста, и реформа годов Тэмпо на этом закончилась. Большой вклад в увольнение реформатора внёс изгнанный им из замка любимец одиннадцатого сёгуна Тории Ёдзо, всеми способами старавшийся опорочить своего оппонента.

На место Мидзуно Тадакуни пришёл не имевший ни ранга советника, ни опыта работы в правительстве двадцатитрёхлетний Абэ Масахиро (1819–1857). Назначенный всего три года назад начальником Магистрата по делам религий, он привлёк внимание сёгуна Иэёси тем, что в ходе кадровой чистки, проведённой после смерти Иэнари, старался по возможности спустить дело на тормозах и прикрыть творившиеся в замке безобразия. На фоне недовольства внутренней политикой *бакуфу* именно такой человек и нужен был Иэёси. Беспрецедентный случай: ранг советника Абэ Масахиро получил одновременно с назначением на должность главы правительства.

Сделав правильные выводы из отставки своего предшественника, он стал действовать более осторожно и осмотрительно, с учётом интересов правящей элиты. Восемь лет спустя Абэ смягчил один из ключевых указов Мидзуно — о роспуске профессиональных гильдий. В 1851 году правительство возобновило выдачу оптовым торговцам платных лицензий, правда без предоставления монополии на торговую деятельность.

В 1846 году в ближайшую к Эдо бухту Урага вошли два американских корабля под командованием Джеймса Биддла. Заключив перед этим чрезвычайно выгодный торговый договор с Китаем, он от имени президента США передал аналогичное предложение и японским властям. В соответствии с указом 1842 года американцев снабдили

топливом, водой и продовольствием, но обсуждать торговый договор отказались, предложив Биддлу проследовать в Нагасаки и там сделать заявку через уполномоченного представителя *бакуфу*. Во время двусторонней встречи на борту японского судна произошло недоразумение: Биддл не понял одного из указаний японского охранника и не подчинился ему, тот резко оттолкнул американца и выхватил меч. Хозяева уладили недоразумение и принесли извинения, но этот эпизод попал в отчёт Биддла, из которого в Америке сделали вывод, что японцы могут быть агрессивны и с ними нужно действовать с позиции силы. С такой установкой и прибыл в Японию коммодор Мэттью Перри, под угрозой пушек вынудивший японцев открыть страну восемь лет спустя.

Абэ Масахиро

Визит Биддла встревожил японское правительство. Во время его обсуждения Абэ Масахиро предложил отказаться от указа 1842 года и занять более жёсткую позицию по отношению к иностранцам, однако члены правительства его не поддержали.

Двенадцатый сёгун Иэёси не принимал участия в решении текущих вопросов, но зато очень внимательно следил за отношениями с императорским домом. Стремясь восстановить семейную репутацию, подпорченную в последние годы правления отца, он продолжил политику сближения с Киото. По его инициативе были восстановлены некоторые давние традиции и ритуалы император-

ского двора. Например, после смерти императора Кокаку было решено восстановить отменённую почти тысячу лет назад практику присвоения монарху посмертного имени, в состав которого включалось и прижизненное. Аристократическая и воинская элита восприняла этот шаг с одобрением. Уважительное отношение сёгуна к императорскому дому добавило монарху авторитета и увеличило число его сторонников, при том что политика его собственного правительства по-прежнему вызывала у многих недовольство.

О характере и личных качествах Изёси сохранилось очень мало сведений. Согласно семейной хронике, он был человеком способным, но молчаливым и замкнутым. Доказывать что-то и настаивать на своём не любил, стремился поддерживать с окружающими добрые отношения и в сложных вопросах часто полагался на чужое мнение, из чего большинство японских историков делают вывод об отсутствии у него лидерских качеств. Выслушав доклад советника, Изёси обычно завершал его коротким *со сэй* (аналог современного *со сиро*, «так и делайте»). Об этом многие знали и за глаза называли двенадцатого сёгуна *сосэй сама*, вызывая в памяти образ одного из его предшественников, четвёртого сёгуна Изюна. Вполне возможно, что привычка полагаться на других — не врождённая, а приобретённая черта; слишком долго Изёси находился в тени своего деда и отца и слишком недолго правил. Годы его нахождения у власти пришлось на переломный момент в истории страны, когда внутренние и внешние проблемы обострились и требовали энергичного руководства, однако личные качества двенадцатого сёгуна не позволили ему проявить себя. Возможно, в другое время он смог бы больше соответствовать своему предназначению, тогда и оценка его правления была бы иной.

Судя по некоторым записям, Изёси и сам довольно критично относился к результатам своей деятельности на высшем посту и служебным заслугам подчинённых. В 1848 году он обратился к ним с такими словами: «От начала моего правления не содеяно нисколько благородных дел. ... Гибель людей в пожарах, наводнениях и землетрясениях, нынешние волнения с заморским судами — то всё моя вина пред небесами. Могу ли видеть без скорби, как гибнут мои подданные? Стоит всё и не движется, не поднимается ничто снизу вверх и не проходит, могу ли так избегнуть кары небесной? Где я не ведаю, там должностным чинам пристало старание выказывать, чтоб всякий голос снизу доверху доходил, и помыслы свои без смущения мне докладывать» (*Отикотибаси*, цит. по: Ямамото, 2011).

Незадолго до смерти Изёси в княжестве Сацума произошёл семейный конфликт, потребовавший вмешательства *бакуфу*. Причиной стало соперничество двух сыновей главы дома Симадзу за право наследования. Один из них, Хисамицу, был рождён наложницей, а другой, Нариакира, — законной женой главы дома. Изначально преемником был объявлен старший сын Нариакира, но отец, откровенно благоволивший младшему Хисамицу, со временем передумал и решил сделать его наследником. Этому воспротивилась жена главы дома и другие родственники, их поддержали многие вассалы. Борьба между двумя лагерями перешла в открытый конфликт. Проведя расследование, правительство вынесло суровые приговоры: трое старейшин Симадзу совершили *сэппуку*, более пятидесяти человек были сосланы на острова или отправлены под домашний арест; многие из них вскоре покончили с собой. Главе дома Симадзу Нариаки (1791–1859) было приказано передать свой пост старшему сыну Нариакира, как было изначально объявлено. Массовое наказание руководителей и вассалов Симадзу вызвало в кня-

жестве рост антиправительственных настроений, которые повлияли на его позицию в ходе драматических событий, развернувшихся в стране полтора десятилетия спустя.

За те шестнадцать лет, что Иэёси провёл в ранге сёгуна, в замке Эдо произошло три крупных пожара — в 1838, 1844 и 1852 годах. Городские кварталы в то время горели гораздо чаще, но в замке ещё со времён Ёсимунэ были введены особые меры предосторожности, поэтому в пожарном отношении он считался самым безопасным местом в городе. Тем не менее после этих пожаров двенадцатому сёгуну пришлось временно переселяться из Главной усадьбы в Западную, пока его резиденцию восстанавливали и ремонтировали.

От жён и наложниц Иэёси имел четырнадцать сыновей и тринадцать дочерей, но никто из них, за исключением сына Иэсада, не прожил дольше двадцати лет. Он и унаследовал сёгунский пост. Однако Иэсада тоже отличался слабым здоровьем и умер в молодом возрасте, не оставив детей, поэтому прямая семейная линия двенадцатого сёгуна на нём прервалась. По дошедшим до нас сведениям, Иэёси имел рост ниже среднего (сто пятьдесят четыре сантиметра, такой же как у Тоётоми Хидэёси) и непропорционально крупную голову с удлинённым черепом*, что хорошо видно на гравюрах. Известно, что двенадцатый сёгун увлекался живописью и хорошо рисовал, в японских музеях можно и сегодня видеть его картины.

У Иэёси были довольно сложные отношения с отцом, особенно в последние годы его правления. Среди причин называют принадлежность к разным буддийским школам, враждовавшим между собой (Иэнари придерживался учения Нитирэн, а Иэёси исповедовал Дзёдо), а также не-

* Пропорция *рокутосин* (букв. «один к шести», соотношение длины головы и туловища).

Обрушение дома во время пожара

желание отца расставаться с властью даже в преклонном возрасте.

Пятнадцатого мая 1853 года в замке отметили шестьдесят первый день рождения Иэёси*, и он вступил в последний из трёх опасных периодов жизни (*якюдоси*), когда человек считался наиболее уязвимым для разного рода бед и несчастий. В тот год начало лета выдалось настолько жарким, что в замке отменили некоторые церемонии; такое бывало крайне редко. Иэёси, в последнее время страдавший от болей в сердце, чувствовал себя неважно, а в первых числах июня вообще перешёл на постельный режим.

Во время его болезни в столице произошёл грандиозный переполох: 3 июня в бухту Урага вошли четыре «чёрных корабля» США под командованием Мэттью Перри (1794–1858). Японцы называли все иностранные суда

* По японской системе определения возраста (*кадзэйдоси*).

«чёрными» (*куробунэ*), поскольку португальцы и испанцы обильно их смолили, но в широкое употребление это слово вошло только после визита американских фрегатов. Оснащённые паровыми двигателями корабли извергали в небо клубы густого чёрного дыма, поражая воображение японцев.

Мэттью Перри, кадровый военный, прошедший на родине через три войны, прибыл в Японию с конкретной целью — любой ценой добиться открытия её портов и тем самым обеспечить своей стране преимущество перед европейскими конкурентами. В залив Урага Перри вошёл как победитель: незадолго до этого он добился согласия на открытие портов от правителя Рюкю и по пути в Японию захватил небольшой островной архипелаг Огасавара, объявив его собственностью США.

Четыре крупнотоннажных корабля встали на рейде и навели стволы орудий на берег. Известив японскую сторону о том, что собирается произвести учебные стрельбы, Перри дал серию холостых залпов, вызвавших панику среди местного населения. Пятого июня командир эскадры принял на борту представителя *бакуфу* в ранге *ёрики*

Синтоистский ритуал у постели больного

и заявил ему, что хочет передать правителю Японии послание от президента США и проект договора о дружбе, сотрудничестве и торговле. А если ему в этом будет отказано, готов высадиться на берег без разрешения и действовать с применением силы. Предложение японской стороны проследовать в Нагасаки и вести переговоры там Перри отклонил и дал японской стороне три дня на подготовку ответа. На следующий день американцы спустили шлюпки и начали замерять глубину бухты, всем своим видом показывая, что готовы подойти к берегу и высадить десант.

Перри появился в самый неподходящий момент и застал руководителей *бакуфу* врасплох: сёгун Изёси тяжело болен, перспективы его выздоровления неясны, а брать на себя ответственность за важнейшее решение никто не хотел. Первые три дня больному сёгуну вообще не сообщали о появлении американцев, но 6 июня Абэ Масахиро всё-таки доложил ему о ситуации и получил традиционный совет — поговорить с Токугава Нариаки и вместе с ним принять решение. В этот важнейший для страны момент Изёси, как обычно, самоустранился.

Ни с князем Хитоцубаси, ни с сыном сёгуна глава правительства советоваться не стал. В *бакуфу* решили, что принять послание от президента США — ещё не значит заключить договор, и согласились встретиться с Перри. Девятого июня американский представитель в сопровождении трёхсот человек сошёл на берег в районе современного порта Ёкосука (преф. Канагава) и передал посланцам *бакуфу* Идо Хиромити и Тода Удзиёси привезённые документы. Сославшись на болезнь сёгуна, они пообещали дать ответ через год. Перри, в свою очередь, пообещал им прийти за ответом с более крупной флотилией, 12 июня покинул бухту Урага и вместе с оставленными на Рюкю двумя фрегатами направился в Гонконг. Вся его миссия уложилась в девять дней.

Высадка коммодора Перри

Между тем состояние сёгуна Иэёси продолжало ухудшаться. Двадцатого июня ему стало совсем плохо, и 22 июня, через десять дней после ухода Перри, он скончался. Наиболее вероятной причиной смерти считается сердечная недостаточность, усугублённая жарой и духотой японского лета. По традиции о смерти сёгуна сообщили лишь месяц спустя, 22 июля.

Тринадцатый сёгун Иэсада

(1824–1858, правление 1853–1858)

Сын двенадцатого сёгуна родился 8 апреля 1824 года в замке Эдо четвёртым по счёту ребёнком по мужской линии. Его матерью была наложница Иэёси по имени Хондзюин (1807–1885), родившая сёгуну кроме Иэсада ещё двоих сыновей. Трое старших братьев мальчика умерли в детстве, поэтому в 1841 году, сразу после смерти деда Иэнари, шестнадцатилетний Иэсада был объявлен преемником отца. Даже на фоне четвёртого и девятого сёгунов, имевших серьёзные проблемы со здоровьем, Иэсада выделялся в худшую сторону. Врождённый церебральный паралич в лёгкой форме проявлялся у него в нервном тике лицевых мышц, произвольных движениях рук и ног,

трудностях при артикуляции некоторых звуков. Внешний вид наследника производил на окружающих крайне неблагоприятное впечатление, поэтому он рос замкнутым, закомплексованным ребёнком, избегал общения с посторонними. Хорошо и свободно он чувствовал себя только с кормилицей Утахаси. Обычный человек с такими физическими недостатками вполне мог жить нормальной жизнью, но публичность фигуры сёгуна подчёркивала и привлекала к ним повышенное внимание. Иэёси не жалел усилий, чтобы улучшить состояние сына упражнениями, танцами и свежим воздухом, но они не дали результата. На уроках по танцам и декламации мальчик нормально двигался и говорил, но как только занятие заканчивалось, возвращался в прежнее состояние. В шестнадцать лет он перенёс оспу, оставившую на лбу и вокруг глаз многочисленные следы; впрочем, на гравюрах их не изображали. В тридцать лет Иэсада имел рост сто пятьдесят сантиметров — на семь-восемь сантиметров ниже среднего. Из личных пристрастий современники отмечали любовь тринадцатого сёгуна к приготовлению блюд, в основном десертов из муки, фасоли и батата, которыми он любил угощать людей из ближайшего окружения. Из-за этого хобби его иногда называли «бататовым сёгуном» (*имо сёгун*). По некоторым сведениям, кулинарные увлечения Иэсада зародились в детстве — из-за опасений быть отравленным заговорщиками во главе с любимой наложницей его деда Иэнари, однако надёжных подтверждений этому нет.

Будущая взрослая жизнь Иэсада и возможность иметь детей вызывали у многих большие сомнения; одно время его отец даже подумывал о том, чтобы передать власть одному из сыновей главы родственного дома Мито, но Абэ Масахиросоветовал ему не нарушать правило прямого наследования, и Иэёси с ним согласился.

Иэсада стал сёгуном на тридцатом году жизни и занимал этот пост в течение пяти лет. Всё это время он

продолжал жить уединённо и крайне редко появлялся на людях. Текущими делами и работой правительства он не интересовался, а публичные церемонии считал крайне утомительными и всячески их избегал. В «Хронике годов Ансэй» есть запись о том, что «сёгун болен и в замковых церемониях участвует минимально, лишь для того, чтобы не нарушать традицию». Первый посол США в Японии Таунсенд Гаррис после встречи с тридцатидвухлетним Иэсада записал в дневнике, что японский правитель выглядит очень больным человеком. Прежде чем что-то произнести, он откидывает голову назад и делает движение ног, как будто хочет ею топнуть, и только после трёх-четырёх таких движений может что-то сказать (Китадзима, 1974).

Говорил Иэсада редко, мало и неразборчиво. Непривычному человеку было трудно разобрать его речь, а молчаливая отстранённость и замкнутость создавали впечатление, что сёгун ничего не знает и не хочет знать. Глава княжества Мито Токугава Нариаки раздражённо писал в своём дневнике, что «сёгуну не хватает понимания сути событий, особенно в вопросе об иностранных судах, поэтому он только и делает, что огорчается и колеблется», а другой родственник, князь Мацудайра Сюнгаку, называл его «бездарнейшим из обычных людей» (Синода, 2005). Впрочем, многие современники считали, что дело не в умственных способностях тринадцатого сёгуна, а в его болезненном состоянии и характере; в действительности голова у него работала лучше, чем он выглядел.

Нездоровье Иэсада критическим образом наложило на ситуацию с внешнеполитическими обстоятельствами. При «отсутствующем сёгуне» груз ответственности целиком и полностью лёг на плечи главы правительства Абэ Масахиро, более склонного к поиску компромисса с американцами и консенсуса внутри страны. Наиболее приемлемым для него вариантом было бы подписать торговое

соглашение, сведя к минимуму последствия этого шага, и одновременно начать укрепление береговой линии на случай конфликта. При этом он считал необходимым приложить все усилия к тому, чтобы этого конфликта избежать. Для решения судьбоносного вопроса об открытии страны при правительстве была создана комиссия, в которую вошли самые авторитетные *даймё* во главе с Токугава Нариаки (княжество Мито), Симадзу Нариакира (Кагосима), Мацудайра Сюнгаку (Фукуи), Датэ Мунэнари (Увадзима).

Через неделю после смерти Иэёси, когда о ней ещё не было официально объявлено, правительство разослало на места извещение о визите Перри и послании американского президента. В связи с этим *бакуфу* впервые в истории обратилось к населению страны с просьбой высказать своё мнение относительно того, как следует поступить в такой ситуации. Особенно невероятной выглядела готовность правительства выслушать советы *тодзама даймё* и людей из простых сословий.

Живущее по конфуцианским законам общество, разделённое на изолированные и зажатые суровыми законами провинции, не привыкло участвовать в решении вопросов наравне с властью, поэтому и реакция на опрос была соответствующая. Четверо из каждых десяти опрошенных дали уклончивый ответ, из которого невозможно было понять их мнение, или просто промолчали. Из пятидесяти четырёх человек, чьи ответы правительство сочло достойными внимания, почти половина (сорок восемь процентов) предложили действовать так, чтобы избежать и открытия страны, и военного конфликта с иностранцами. Пятнадцать процентов ответивших были готовы воевать, а сторонников подписания договора набралось всего четыре процента. Категорически против открытия страны и каких-либо контактов с иностранцами выступил император Комэй (1831–1867). Опрос показал, что большин-

ство ответивших, в том числе группа влиятельных *даймё* во главе с Токугава Нариаки, выступают против договора, поэтому прежний изоляционистский курс остался неизменным.

По результатам опроса правительство издало указ из тридцати семи пунктов о срочных мерах по укреплению обороноспособности, ответственным за исполнение которого стал князь Мито Токугава Нариаки. Согласно указу, главное внимание следовало уделить защите Эдо и прилегающего к нему побережья. На месте сегодняшней ультрасовременной набережной Одайба планировалось поставить одиннадцать береговых батарей, однако денег в казне хватило только на шесть. Меди тоже сильно не хватало, поэтому распорядились отправить на переплавку храмовые колокола. Кардинальные меры вызвали столкновение мнений в правительстве и вокруг него, в результате чего двое советников *бакуфу* были уволены. Указ отменил действовавший с 1635 года запрет на строительство крупнотоннажных судов, а провинциальные княжества получили предписание приступить к их постройке. Осенью 1853 года правительство разместило на верфи Урага первый заказ на военный корабль западного образца и учредило бюро по изучению западной науки, техники и дипломатии (*бансё сирабэсё*, букв. «передовой пост контроля»). В его задачи входили сбор, систематизация, перевод, изучение и издание литературы на европейских языках, а также преподавание современных западных дисциплин. К 1859 году библиотека учреждения насчитывала более шестисот книг на европейских языках; впоследствии бюро было преобразовано в Токийский императорский университет.

В 1847 году, то есть за шесть лет до прибытия Мэттью Перри, князь Мито Токугава Нариаки с помощью главы правительства Абэ Масахиро отправил своего десятилетнего сына на воспитание в дом Хитоцубаси, на тот момент

главную семейную ветвь Токугава, близость к которой служила главным критерием при выборе преемника действующего сёгуна. Таким образом, сын князя Мито стал членом правящего семейства и одним из главных кандидатов на высший пост, а сам князь приобрёл ещё больший политический вес в замке. В том же году мальчик прошёл обряд совершеннолетия и получил взрослое имя Ёсинобу, в котором первый элемент указывал на кровное родство с двенадцатым сёгуном Иэёси.

Княжество Мито уже несколько десятилетий играло ведущую роль в развитии отечественной научной школы

Мнения по вопросу об открытии страны (1853)

Источник: Токугава сёгункэ / Рэкиси токухон хэнсюбу = Семейные дома Токугава / Редколлегия серии «Исторические хрестоматии». Синдзимбуцу орайся, 2009, с. 60.

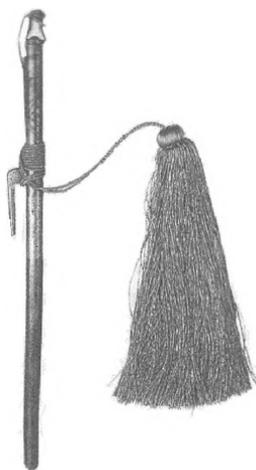
(*кокугаку*), долгое время находившейся в тени традиционной «китайской науки» (*кангаку*). К началу 1850-х годов влияние отечественной школы, тесно связанное с ростом авторитета императорского дома и стремлением защитить его от влияния иностранных варваров, достигло своего пика и усилило изоляционистские настроения в руководстве страны.

Через полтора месяца после визита Мэттью Перри, 18 июля 1853 года, в Нагасаки вошла небольшая флотилия российских кораблей под командованием Ефимия Путятина (1803–1883). Следуя японским правилам, Путятин через наместника Нагасаки предложил правительству установить с Россией добрососедские связи, заключить торговый договор и провести размежевание границы в районе Курильских островов. Понимая, что на подготовку ответа уйдёт несколько месяцев, Путятин, как и Перри, покинул Японию и направился в Шанхай. Уже после начала Крымской войны он вернулся в Нагасаки и в декабре того же года провёл серию встреч с представителями *бакуфу* Цуцуи Масанори и Кавадзи Тосиакира. Заключить договор не удалось, но японская сторона пообещала, что если в будущем такой договор будет подписан с какой-либо страной, то Россия получит такое же право на ведение торговли с Японией.

Осенью 1853 года Мэттью Перри находился

Коммодор Перри
глазами японцев

Дзиттэ

в Гонконге. Узнав о смерти сёгуна Изэси, он решил не дожидаться оговорённого с японцами годичного срока и добиться соглашения раньше методом силового давления. Четырнадцатого января 1854 года он с флотилией из шести кораблей снова появился в бухте Урага и потребовал от *бакуфу* обещанного ответа. В течение следующего месяца к флотилии Перри присоединились ещё три военных корабля США; никогда ещё в заливе Эдо не видели такой большой эскадры. Появление

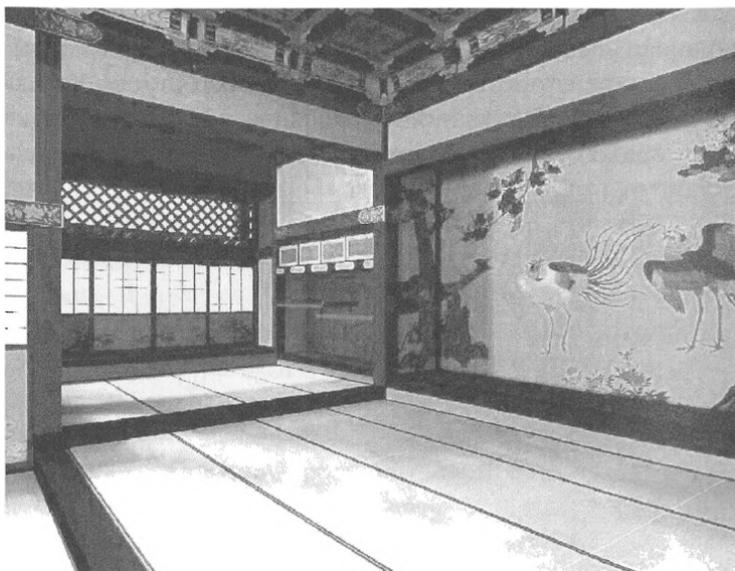
американцев, как и в первый раз, вызвало у горожан любопытство, смешанное со страхом. Впрочем, обе стороны старательно соблюдали внешний политес: хозяева демонстрировали миролюбие и доброжелательность, чтобы не спровоцировать гостей на силовые действия, а американское командование дипломатично пригласило партнёров на банкет с французской кухней, где их угостили блюдом из морского окуня, которое японцам очень понравилось. За ужином им пришлось впервые воспользоваться ножом и вилкой, а у гостей повышенный интерес вызвали подаренные хозяевами чесалка для спины и японское защитное оружие *дзиттэ**.

Вскоре японская сторона устроила для гостей ответный банкет на триста персон, стоивший в пересчёте на со-

* Металлический штырь длиной от 30 см до метра, с рукояткой и отходящим от него прямоугольным крюком в виде перевёрнутой буквы «Г». Использовался для захвата и выбивания меча из рук нападавшего.

ства и обещан статус наибольшего благоприятствования в торговле.

Это был огромный успех военной дипломатии США. В октябре 1857 года тринадцатый сёгун Иэсада принял в замке первого американского посла Таунсенда Гарриса (1804–1878). Организаторам этой встречи пришлось решить несколько деликатных проблем этикетного свойства. Зная, что иностранные гости не станут перед сёгуном падать ниц и касаться лбом пола, как требовал японский этикет, для Иэсада в центре зала соорудили своего рода постамент из семи циновок, накрытых шёлковым покрывалом. Американскому послу разрешили стоять, но отвели место на максимальном удалении от сёгуна, на самом нижнем уровне зала. Лицо Иэсада было скрыто бамбуковой шторкой и оставалось невидимым для участников церемонии. Сдержанно поклонившись сёгуну, американский посол

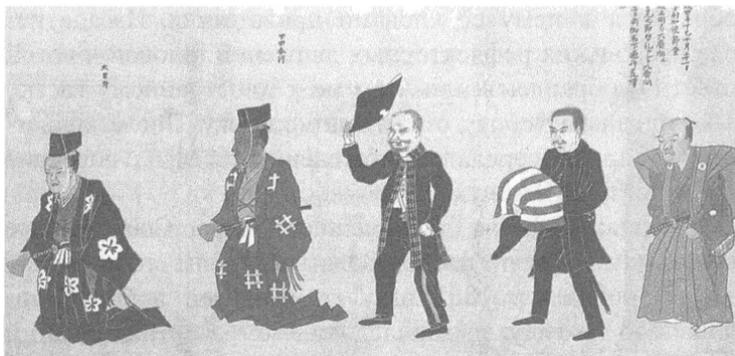
Разный уровень пола в покоях сёгуна

обратился к нему со словами приветствия. Иэсада после нескольких рефлекторных движений головой и ногой ответил, обращаясь при этом не к иностранному гостю, а к сидевшему сбоку от него помощнику. После приветствий Гаррис передал приближённым сёгуна послание президента США и удалился.

Открыв Японию для внешнего мира, Соединённые Штаты не смогли воспользоваться своим успехом из-за начавшейся в 1861 году гражданской войны. Наибольшую выгоду из последующего развития событий извлекли их европейские конкуренты, в первую очередь Великобритания.

В июле 1854 года в порт Хакодате на острове Хоккайдо прибыл Ефимий Путятин. Узнав о результатах экспедиции Перри, он предложил главе клана Мацумаэ заключить торговое соглашение, но получил отказ — рядовой удельный князь из провинции не имел таких полномочий. Путятин отправился в Осака, оттуда его перенаправили в Симода*; здесь начался второй раунд переговоров с теми же представителями *бакуфу* Цуцуи Масанори и Кавадзи Тосиакира. В октябре переговоры были прерваны землетрясением магнитудой 6,9 балла (*ансэй но дайдзисин*), которое унесло более семи тысяч жизней и разрушило пятнадцать тысяч домов. Повреждённый волной цунами шлюп «Диана», на котором находился Путятин, японские власти разрешили перевести в соседний порт Хэда, но по пути он затонул. Это произошло 27 ноября 1854 года. Моряки спаслись и оказались на суше без дела и шансов вернуться на родину. Узнав, что в соседний порт Симода зашло китобойное французское судно, они попытались его захватить (в Крымской войне Франция воевала против России, поэтому боевые дей-

* Небольшой портовый город на полуострове Идзу в префектуре Сидзуока; существует и сегодня.

Посол США Гаррис в замке Эдо (гравюра)

ствия шли в обоих направлениях), но опоздали — французы покинули порт раньше.

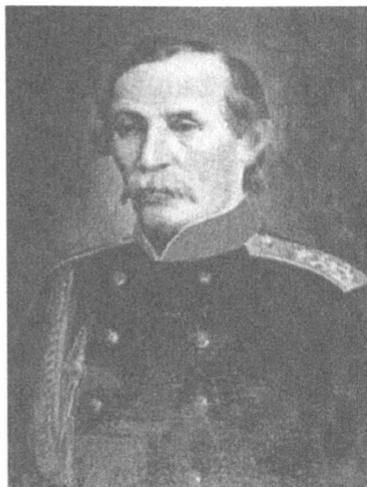
Получив благожелательный доклад местных властей о том, что во время землетрясения русские моряки помогали населению, японское правительство распорядилось оказать им содействие в постройке нового судна и возвращении на родину. С помощью японских плотников экипаж «Дианы» за три месяца соорудил небольшое судно, которое могло взять на борт до шестидесяти человек. Пока его строили, Путятин провёл ещё пять встреч с представителями *бакуфу* и 21 декабря 1854 года* подписал российско-японское соглашение, известное как Симодский трактат (*нитиро васин дзёяку*). России было предоставлено право открыть три представительства — в портах Хакодате, Симода и Нагасаки. Межгосударственную границу провели через пролив Фриза, между островами Уруп и Итуруп; первый стал самым южным российским островом в составе Курильской гряды, а второй — самым северным на карте Японии. Сахалин остался в совместном владении двух стран. Путятин считал, что в вопросе о принадлежности Итурупа

* По европейскому календарю в январе 1855 года.

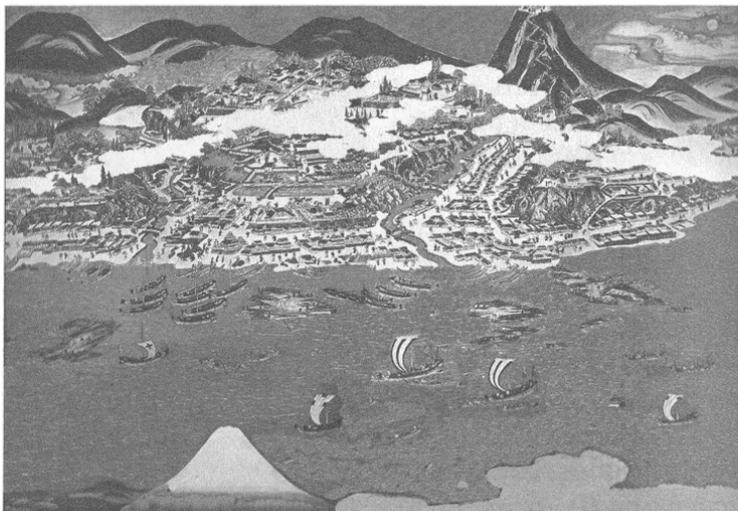
пошёл навстречу японской стороне в обмен на согласие подписать торговое соглашение и открыть несколько портов для торговли с Россией.

Визит Путятина завершился в чрезвычайно благожелательной атмосфере. В благодарность за помощь в строительстве судна русские моряки назвали его «Хэда» и 22 марта 1855 года покинули гостеприимный порт. Сто пятьдесят человек, не поместившихся на борту «Хэды», добрались до Петропавловска-Камчатского на арендованном американском транспорте.

Представители Великобритании прибыли в Японию в сентябре 1854 года. Флотилия под командованием адмирала Джеймса Стерлинга (1791–1865) вошла в бухту Нагасаки, уже зная о соглашении Японии с Соединёнными Штатами и усилиях России в том же направлении. Переговоры с англичанами вёл наместник Нагасаки Мидзуно Таданори (1810–1868). Джеймс Стерлинг, не имея полномочий на заключение дипломатического договора, потребовал от японцев нейтралитета в отношениях с Россией и содействия в заправке британских кораблей всем необходимым. Его визит преследовал чисто военные цели — противодействие России, противнику Великобритании в Крымской войне, на её дальневосточных рубежах. Пообещав англичанам открыть те же порты Симода и Хакодатэ, правительство 23 августа 1854 года подписало с ними двустороннее соглашение (*нитизэй васин дзёяку*).

Ефимий Путятин

Порт Хакодате во владениях Мацумэ

В декабре 1855 года* такой же договор подписала Голландия. Два с лишним столетия торговых отношений с этой страной обеспечили голландцам наибольшее доверие со стороны японского правительства: в рамках мер по повышению обороноспособности оно заказало им несколько боевых кораблей и попросило организовать в Нагасаки обучение военно-морскому делу. В 1855 году здесь открылось первое в Японии военно-морское училище, где японцы начали изучать математику, географию, навигацию, основы судостроения и иностранные языки. Первыми слушателями училища стали чиновники в ранге *досин* и *ёрики* из соседних провинций.

Подписание договоров с иностранными государствами разделило японскую элиту на два лагеря. Оба были против открытия страны, но по-разному видели пути

* По европейскому календарю в январе 1856 года.

*Оперативник (слева)
и старший дознаватель (справа)
Городского магистрата*

к тому, чтобы его избежать. Сторонники мирного решения вопроса считали, что нужно идти на компромиссы, затягивать время и укреплять обороноспособность, а радикалы выступали за то, чтобы дать иностранцам жёсткий отпор, не считаясь с последствиями.

Примерно в это же время в ближайшем окружении сёгуна произошло размежевание по вопросу о его преемнике. Иэсада шёл уже тридцать третий год, он был трижды женат, но всё ещё не имел детей. Его семейная жизнь, как и правление, сложилась крайне неудачно. В семнадцать лет он женился на девушке по имени Ацуко (1823–1848) из аристократического дома Такацукаса, но через семь лет она умерла. Через год он женился вторично, на аристократке из семейства Итидзё по имени Хидэко (1825–1850). Этот брак продлился всего шесть месяцев — в мае 1850 года Хидэко умерла, как и первая

жена, в двадцатипятилетнем возрасте. В ноябре 1856 года Иэсада женился в третий раз, на приёмной дочери главы дома Симадзу по имени Ацухимэ (1836–1883). Брак был заключён исключительно для рождения наследника, но сёгун в то время был уже нездоров, поэтому надежд на это становилось всё меньше. И даже если бы сын вдруг и появился, то всё равно его кто-то должен был опекать в силу малолетнего возраста.

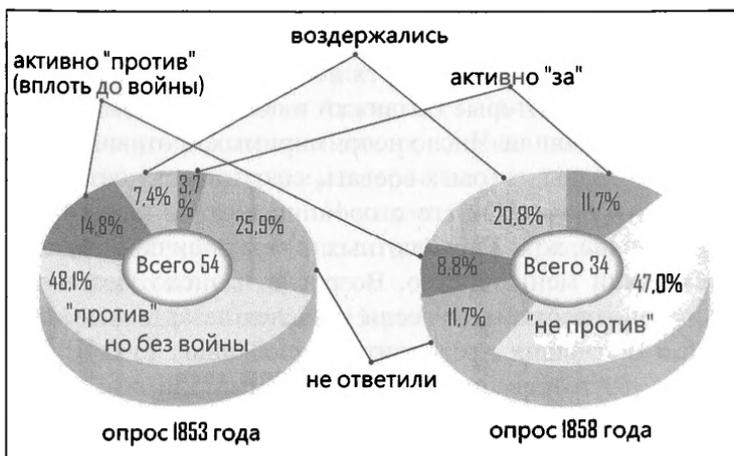
Князь Мито Токугава Нариаки предлагал в преемники своего сына Ёсинобу, воспитывавшегося в семье Хитоцубаси. Его поддерживали в этом Абэ Масахирос, Хотта Масаёси, Симадзу Нариакиса, Мацудайра Сяунгаку и другие влиятельные политики, однако сёгун Иэсада, не любивший Ёсинобу, склонялся в пользу своего троюродного брата Токугава Ёситоми из княжества Кисю. В этом его поддерживал главный старейшина Кисю Мидзуно Таданао и большинство *фудай даймё*. Борьба мнений по вопросу об открытии страны и обсуждение кандидатуры преемника составляли главное содержание политической жизни замка в 1857–1858 годах, причём оба вопроса набирали остроту: посол США Гаррис настаивал на подписании полномасштабного торгового договора, а состояние сёгуна Иэсада не внушало надежд на скорое выздоровление.

В августе 1857 года неожиданно умер тридцатисемилетний глава правительства Абэ Масахирос; его сменил сокрасемилетний советник Хотта Масаёси (1810–1864) по прозвищу Голландец, сторонник активного заимствования и распространения западных знаний. Не имея возможности опереться на волю больного и недееспособного сёгуна, он уже через два дня после назначения повторил опыт общественного опроса 1853 года, разослав воинской элите текст торгового договора с США с просьбой высказаться за или против подписания. На этот раз ответов от солидных людей пришло в полтора раза меньше, чем пять лет

назад, — тридцать четыре против пятидесяти четырёх, но после заключения четырёх договоров с иностранными державами некоторые подвижки в общественном мнении всё же произошли. Число непримиримых противников открытия страны, готовых воевать, сократилось почти в два раза, в то время как его сторонников стало почти в три раза больше, хотя в абсолютных цифрах они по-прежнему составляли меньшинство. Возросло и число умеренных сторонников открытия: если пять лет назад почти половина ответивших предпочитали изоляцию, но без риска войны, то теперь почти столько же считали возможным открыться миру.

Император Комэй и в повторном опросе сказал твёрдое «нет» торговому договору с Америкой. Теперь, после того как правительство дважды попросило его высказать своё мнение по важному политическому вопросу, игнорировать его стало весьма затруднительно. При дееспособном сёгуне эту проблему ещё можно было бы как-то решить, но его не было, а руководство *бакуфу* уже не обладало в глазах воинской элиты необходимым политическим весом для открытого противостояния с императорским домом. Ощущение тупика в преддверии нарастающей угрозы охватило многих и подталкивало к действиям, казавшимся спасительными. В ноябре 1857 года трое самураев из княжества Мито попытались убить американского посла, но покушение не удалось.

В январе 1858 года Хотта Масаёси отправился в Киото, чтобы объяснить императору ситуацию, в которую попала страна, и убедить его изменить своё мнение относительно торгового соглашения. И это стало вторым стратегическим просчётом — правительство, никогда ранее не принимавшее во внимание мнение монарха по вопросам текущей политики, показало, что на этот раз нуждается в его одобрении. Последние десятилетия дружбы сёгунов с императорским домом и высшей аристократией, разви-

Результаты опросов по поводу открытия страны и международной торговли в 1853 и 1858 гг.

Источник: Токугава сёгункэ / Рэкиси токухон хэнсюбу = Семейные дома Токугава / Редколлегия серии «Исторические хрестоматии». Синдзимбуцу орайся, 2009, с. 60.

тие национальной научной школы с её культом императора и сложная внешнеполитическая ситуация в сочетании с падением авторитета *бакуфу* сделали своё дело — в обществе сложилось убеждение, что без согласия монарха решать важные вопросы уже нельзя.

Визит главы правительства в Киото не дал результата. Как и следовало ожидать, император, декоративный религиозно-духовный лидер нации, запертый в своём дворце и не принимавший никакого участия в управлении страной, остался при своём мнении. Издав 20 марта указ с категорическим осуждением подписанных правительством международных соглашений, он обнажил противоречия между Эдо и Киото и сделал их объектом публичного обсуждения. Противники *бакуфу* получили в руки дополни-

тельный козырь. Живущий во дворце наедине с вековыми устоями и традициями, император Комэй ни разу не видел живого иностранца и представлял их себе по рассказам придворных — огромными нескладными существами с большими носами и волосами красного цвета, которые поедают мясо убитых животных. В своё время воинское сословие приложило много усилий к тому, чтобы изолировать монарха в «фиолетовом дворце» и свести к минимуму его знания о внешнем мире; теперь *бакуфу* предстояло иметь дело с результатом этих усилий.

Хотта Масаёси вернулся из Киото в конце апреля и доложил сёгуну Иэсада о результатах визита. Провалив миссию, он заявил, что уходит в отставку, и предложил на своё место удельного князя Мацудайра Сюнгаку (1828–1890) из провинции Фукуи, одного из родственников правящей семейной ветви. Но поскольку Сюнгаку входил в число активных сторонников Хитоцубаси Ёсинобу, продвигавших его в преемники, сёгун отклонил его кандидатуру и назначил главой правительства Ии Наосукэ (1815–1860) из княжества Хиконэ, представителя одного из самых именитых вассальных домов Токугава. Двадцать третьего апреля 1858 года новый «великий старейшина» (*тайро*) приступил к обязанностям.

Поражение *бакуфу* в Киото усилило позиции его оппонентов и в вопросе о кандидатуре преемника. Группа поддержки Хитоцубаси Ёсинобу во главе с его отцом Токугава Нариаки, Мацудайра Сюнгаку и Симадзу Нариакира активизировалась, доказывая, что в трудное время стране нужен сильный сёгун с лидерскими качествами, которыми в полной мере наделён их кандидат. Такого же мнения придерживался и император Комэй. Токугава Ёситоми из княжества Кисю помимо прямых родственников поддерживали князь Хиконэ Ии Наосукэ, сын одиннадцатого сёгуна Хатисука Нарихиро из княжества Токусима, глава родственного дома Таясу Ёсиёри, а также большинство по-

*Хотма Масаёси
по прозвищу Голландец*

томственных вассалов *фудай даймё* и влиятельных дам из Большого внутреннего покоя. К кандидатуре Ёситоми склонялся и сёгун Иэсада, не любивший Ёсинобу по причинам личного свойства. Представитель княжества Кисю не выделялся ни индивидуальными качествами, ни крепким здоровьем, но зато имел некоторое преимущество с точки зрения родственной близости к действующему сёгуну.

Новый глава *бакуфу* Ии Наосукэ вместе с должностью унаследовал от своего предшественника и его главную головную боль — как подписать торговый договор с США без согласия императора? Двадцать седьмого апреля Таунсенд Гаррис встретился с новым руководителем в замке Эдо и потребовал ускорить подписание договора. Глава *бакуфу*, наоборот, попросил отложить подписание на шесть месяцев, чтобы за это время добиться согласия императора, но американский посол согласился подождать только девяносто дней, до 27 июля. Однако уже 13 июня, на середине оговорённого срока, Гаррис вновь появился в Иокогаме и настоятельно посоветовал *бакуфу* ускорить подписание договора, сославшись на то, что Великобритания и Франция, только что одержавшие победу во Второй опиумной войне в Китае, в ближайшее время могут прислать свои корабли в Японию, и тогда только союз с США может избавить её от военного вторжения. Ии Наосукэ встал перед трудным выбором: отложить на неопределённое время подписание договора, поставив на

карту судьбу страны, или подписать его вопреки воле императора и навлечь на себя огонь критики. Не желая ни того, ни другого, он отправил к Гаррису советников Иноуэ Киёнао и Мацудайра Тадаката с предельно расплывчатой установкой «уважать волю императора» и сделать всё возможное, чтобы отложить подписание договора. На уточняющий вопрос Иноуэ «А что делать в безвыходной ситуации?» последовал столь же неконкретный ответ: «Приложить все усилия, чтобы этого не случилось» (Исии, 2010). Это означало, что если деваться будет некуда, то придётся подписать. Собственно говоря, курс на выполнение требований США был взят ещё в январе, когда после пятнадцати раундов переговоров стороны детально обсудили все пункты договора и пришли к согласию. Под угрозой военной интервенции подписание договора рассматривалось как единственная возможность её избежать, так что устные указания главы *бакуфу* уже не имели большого значения. Советник Мацудайра Тадаката был известен как активный сторонник открытия страны, так что его отправка в американское посольство уже сама по себе о многом говорила.

Подписание японо-американского договора о дружбе и торговле (*нитибэй сьюко цусё дзёяку*) состоялось 19 июня 1858 года в порту Симода. Многие японские историки считают, что Ии Наосукэ не входил в число сторонников открытия страны, но был вынужден подписать договор под давлением обстоятельств. Он

Таунсенд Гаррис

стал первым в серии неравноправных соглашений с иностранными государствами, как их называют в Японии. Неравноправными они считаются по двум причинам. Во-первых, из-за невозможности самостоятельно определять пошлины на ввозимые в Японию товары. Однако следует отметить, что установленные в соглашении пошлины в целом соответствовали тогдашним нормам, принятым в европейских странах; в частности, ввозимые в Японию продукты питания, рыболовные снасти и строительные материалы облагались сравнительно низкой пятипроцентной пошлиной, но за все остальные ввозимые товары надлежало платить довольно высокий налог в двадцать процентов, а за *сакэ* — тридцать пять процентов (Ватанабэ, 2011). Вторая причина неравноправия заключалась в праве экстерриториальности: американцев, совершивших преступления против местных жителей, должен был судить не японский суд, а посол США по законам своей страны; преступления же японцев против американцев рассматривались в японском суде.

Состоявший из четырнадцати пунктов японо-американский договор содержал много нового и непривычного для японцев. Им было предоставлено право открывать торговые представительства в любом городе США и свободно передвигаться по стране. Япония, в свою очередь, обязалась через несколько лет открыть в дополнение к Хакодате и Симода ещё шесть портов, в том числе Эдо, и разрешить перенести сюда посольство США. Однако и после этого американцам не было обещано свободного перемещения по стране; они могли жить и работать только в центральной части этих восьми городов, в радиусе не более сорока километров от центра. В этих специальных зонах им разрешалось покупать и арендовать землю, помещения, заниматься строительством и торговлей. Все хозяйственно-экономические споры и претензии должны были решаться путём гражданского разбирательства,

без вмешательства чиновников и власти с обеих сторон. Бакуфу пообещало, что через год после подписания договора разрешит хождение в стране американской валюты наравне с японской и её свободный провоз через границу. В обмен на эти привилегии США взяли на себя обязательство обеспечивать безопасность мореплавания японских судов, снабжать Японию всеми необходимыми ей товарами и материалами, выступить посредником в случае угрозы со стороны третьих стран и т. д. В области религии стороны гарантировали друг другу свободу вероисповедания, уважение к ритуалу и религиозным учреждениям; единственное ограничение касалось изображений распятого Христа, которым ранее широко пользовались в Японии европейские миссионеры, — они остались под запретом.

Договор, подписанный в июне 1858 года, должен был вступить в силу через двенадцать месяцев, в июле 1859 года. Для США это был не более чем ещё один типовой документ, подписанный с отсталой азиатской страной, но Япония, около тысячи лет пребывавшая в почти полной изоляции и знакомая лишь с китайской цивилизацией, вошла в новую для себя эпоху, полную революционных изменений в представлениях и укладе жизни. Священная японская земля, созданная в древности небесными богами и прежде недоступная длинноносым иностранным варварам, теперь должна была им открыться и наверняка погибнуть под их тлетворным влиянием. Страну ожидало крушение вековых традиций, разрушение привычной картины мира и новые, доселе неизвестные беды и трудности. Примерно так рассуждали многие в императорском дворце, крупнейших аристократических домах и замках удельных князей в провинциях.

Усиление тревоги и беспокойства перед надвигающимся будущим, как и пять лет назад, совпало по времени

с ухудшением состояния и приближением кончины сёгуна. К середине июня 1858 года его здоровье стало внушать серьёзные опасения, и дискуссия вокруг кандидатуры преемника вновь активизировалась. Она закончилась 25 июня, когда сёгун Иэсада, к разочарованию сторонников Хитоцубаси Ёсинобу, объявил своим преемником двенадцатилетнего Токугава Ёситоми из княжества Кисю. Новый глава *бакуфу* Ии Наосукэ также поддержал это решение, чем окончательно противопоставил себя княжеству Мито и его сторонникам.

Несмотря на усилия штатных врачей, состояние сёгуна Иэсада продолжало ухудшаться. Видя бессилие традиционной медицины, правительство отменило запрет на европейские методы лечения и пригласило в замок четырёх японских врачей, изучавших голландскую медицину, — Ито Гэмбаку, Тоцука Сэйкай, Такэноути Гэндо и Хаяси Докай. Они были зачислены в штат и приступили к лечению, но единственное, что успели сделать, — это ознакомиться с симптомами и историей болезни. Через три дня после назначения, 6 июля 1858 года, тринадцатый сёгун Иэсада скончался на тридцать пятом году жизни. Официальное сообщение о его смерти появилось лишь месяц спустя, 7 августа, а ещё через одиннадцать дней он был похоронен в храме Канъэй. Со смертью Иэсада прервалась прямая линия наследования в четырёх поколениях, начавшаяся на десятом сёгуне и закончившаяся на тринадцатом. Причина его смерти точно неизвестна; наиболее вероятной считается сердечная недостаточность на фоне полиневрита. Болезни сёгуна сопутствовало ещё одно обстоятельство: как раз в июне 1858 года эпидемия холеры, возникшая ранее в Нагасаки, достигла Эдо и унесла более тридцати тысяч жизней горожан. Не исключено, что холерная палочка, попав в ослабленный организм Иэсада, ускорила его кончину.

На женской половине замка активно обсуждались слухи о том, что тринадцатому сёгуну помогли уйти из жизни его родственники из княжеств Мито, Овари, Хитоцубаси и Фукуи. Основанием для подозрений стали общеизвестные расхождения в вопросе о преемнике. Эти слухи попали в личную переписку служивших в замке дам и получили некоторое распространение в городе, однако никаких свидетельств злого умысла обнаружено не было.

Четырнадцатый сёгун Иэмоти

(1846–1866, правление 1858–1866)

Четырнадцатый сёгун Токугава родился 24 мая 1846 года. Никто из имевших отношение к его рождению не предполагал, что через двенадцать лет мальчик окажется на вершине власти и что его недолгое правление станет одним из самых драматичных в истории династии. Мать будущего сёгуна, одна из наложниц князя Кисю Токугава Нарююки (1801–1846) по имени Мисэ, родила его в столичной усадьбе княжества. Последние двадцать два года отец мальчика возглавлял сразу два родственных дома Токугава — Кисю и Симидзу, — но до сорока четырёх лет оставался бездетным. Судьба наградила его первенцем в самом конце жизни, да и то лишь для того, чтобы подразнить: отец умер за две недели до его рождения, так и не узнав, что у него будет сын.

Несмотря на то что мальчик рос без отца, ему предстояло возглавить семью и княжество, поэтому он очень рано — в пять лет — прошёл обряд совершеннолетия и получил взрослое имя Ёситоми, в котором первый элемент указывал на родство с правившим в тот момент десятым сёгуном Изэси. После нескольких лет правления болезненного и бездетного Изсада родственные Токугава семьи начали борьбу за право выдвинуть своего кандидата в преемники. Наибольшие шансы имели Ёсинобу из Мито, отданный на воспитание в дом Хитоцубаси, и Ёситоми из Кисю.

В пользу выбора Ёсинобу говорили три фактора: 1) оптимальный возраст (семнадцать лет); 2) хорошее здоровье и здравый ум; 3) энергичный и политически активный отец, князь Мито Токугава Нариаки (1800–1860). Восьмилетний Ёситоми из Кисю проигрывал конкуренту по всем этим параметрам, но был ближе к сёгуну Изсада по степени родства и пользовался его личной благосклонностью.

В условиях политического кризиса середины 1850-х годов выбор в пользу Хитоцубаси Ёсинобу был бы вполне разумным и рациональным шагом; по мнению его сторонников, именно такой правитель и нужен был стране в тот момент. Но его назначение могло быть опасным для руководства *бакуфу*, поскольку усиливало стоявших за Ёсинобу консерваторов во главе с его отцом Нариаки. Они требовали от правительства: 1) дать отпор иностранному давлению и 2) повысить роль воинской элиты и императорского дома в управлении страной. Выбор же в пользу малолетнего Ёситоми означал, что по крайней мере на ближайшие десять лет ситуация в руководстве страной останется неизменной и перераспределения властных полномочий не будет.

Сёгун Изсада решил для себя вопрос о преемнике в конце апреля 1858 года и сообщил об этом главе пра-

вительства. Миролюбивый и несколько инфантильный по характеру тринадцатый сёгун недолго любил Ёсинобу с тех пор, когда его отец подумывал, не назначить ли его преемником вместо собственного сына. Решение было принято, однако официально не объявлено, поэтому сторонники Ёсинобу ещё два месяца продолжали ждать и надеяться, что целесообразность возобладает. Напряжение достигло пика в июне, когда состояние Иэсада резко ухудшилось и стало ясно, что он может умереть. Двадцать четвёртого июня отец Ёсинобу письменно предупредил Ии Наосукэ, что правительство не имеет права игнорировать волю императора ни в вопросе о преемнике (Комэй тоже поддерживал Ёсинобу), ни в подписании договора с США. На самом деле оба вопроса в тот момент были уже решены, но официальное сообщение об этом только готовилось.

На следующий день, 25 июня, все узнали, что подписание состоялось, а преемником Иэсада выбран двенадцатилетний Токугава Ёситоми из Кисю. Мальчик переехал в Западную усадьбу замка, а после смерти тринадцатого сёгуна сменил имя на Изэмоти и в октябре того же года вступил в должность. Его личным опекуном стал тридцатилетний глава дома Таясу Токугава Ёсиёри (1828–1876).

Оба ключевых вопроса — подписание договора и выбор преемника — решились не в пользу оппонентов правительства, и это вызвало взрыв недовольства. Перспектива теперь уже реального открытия страны для «иностранных варваров», нераспространение на них японских законов, свободный ввоз американской валюты — всё это грозило разрушить вековой порядок и погрузить страну в хаос. По условиям соглашения обмен ратификационными грамотами должен был состояться в Вашингтоне, и это тоже задевало самолюбие воинской элиты: разве Япония является вассалом США, чтобы ехать на аудиенцию к их правителю?

Недовольство наступлением иностранцев и действиями правительства привлекло ещё большее внимание противников открытия страны к фигуре императора и сделало его центром сопротивления, а тот факт, что *бакуфу* снова унизило монарха, проигнорировав его волю, прибавил императорскому дому новых сторонников.

Вслед за США аналогичные торговые соглашения с Японией подписали Голландия, Россия и Великобритания (июль 1858 года), а через два месяца и Франция. Позднее такие же договоры были заключены с Португалией, Бельгией, Швейцарией, Италией, Данией и другими европейскими странами. Открытие страны пагубно сказалось на внутреннем финансовом рынке. В Японии соотношение стоимости золота и серебра составляло один к десяти, а в западных странах — один к пятнадцати. Зарубежные торговцы начали массово вывозить золотые монеты и изделия и продавать их на западных рынках, что усугубило нехватку платёжных средств внутри страны. Чтобы предотвратить утечку золота, правительство в 1860 году объявило очередную денежную реформу и в три раза снизило его содержание в монетах. Реформа продолжалась ещё семь лет; за это время были изъяты из обращения и переплавлены сотни тысяч золотых монет.

Через два месяца после подписания договора с США император Комэй нанёс правительству ответный удар, издав гневный указ (*бого но миттяку*) с осуждением его последних шагов и призывом к воинской элите оказать на правительство давление и заставить его изменить политику в отношении иностранцев. Высокопоставленный придворный аристократ Кудзё Хисатада, призывавший императора к сотрудничеству с *бакуфу*, был лишён должности *кампаку* и изгнан из дворца. Это показало всем степень раздражения императора происходящим и его готовность к политическому противостоянию. Комэй отправил указ об отставке Кудзё на утверждение главе правительства

и одновременно своему главному защитнику, князю Мито Токугава Нариаки. Впервые за многие годы император, неизменно утверждавший своими указами любые решения правительства, позволил себе выразить официальный протест и обратился за помощью к воинской элите, нарушив тем самым сразу несколько запретов, введённых ещё Токугава Иэясу в 1615 году. Для придания конфликту ещё большей публичности князь Мито приказал переписать императорский указ и разослать удельным князьям. На этом основании в *бакуфу* решили, что он сам этот указ и инспирировал.

Усмотрев в действиях императора нарушение кодекса Бусидо и вмешательство в дела правительства, Ии Наосукэ перешёл в атаку. Отправив в Киото своего представителя, он отменил указ об увольнении Кудзё Хисатада и восстановил его в должности, а затем взялся за своих противников в Эдо. Князьям Токугава Нариаки из Мито, Токугава Ёсикацу из Овари, Ямаути Тоёсигэ из Тоса, Мацудайра Сяунгаку из Фукуи и Датэ Мунэнари из Увадзима было приказано уйти со всех постов и заключить себя под домашний арест, а Хитоцубаси Ёсинобу и его старшему брату Ёсиацу запрещено появляться в замке Эдо. Различным административным наказаниям подверглись также чиновники, которые поддерживали контакт с оппозиционерами или разделяли их взгляды, в том числе такие высокопоставленные, как Кавадзи Тосиакира, Нагаи Наоюки, Ивасэ Таданари и др.

Преследование противников *бакуфу*, известное как «большие репрессии годов Ансэй» (*Ансэй но дайгоку*), продолжалось до осени следующего 1859 года. Всего было арестовано более ста человек, в том числе учёные, врачи, священники, аристократы — все, кто активно осуждал политику *бакуфу* и требовал изгнания иностранцев. Ёсида Сёин, Хасимото Санаи, Рай Микисабуро, Умэда Умпин, Кусакабэ Исодзи, Адзима Татэваки

и Фудзии Наосукэ были приговорены к смерти; остальных сослали на острова, уволили или отправили под домашний арест. Наказаниям подверглись также многие аристократы, поддержавшие издание указа *Бого но миттяку* (дома Итидзё, Коноэ, Такацукаса и др.).

Репрессии *бакуфу* вызвали ответное движение протеста, во главе которого встало княжество Мито (современная префектура Тиба), больше других

Ии Наосукэ

пострадавшее от действий Ии Наосукэ. Осознание того, что при малолетнем сёгуне всем заправляют наёмные чиновники, не связанные с династией родственными узами, и раздают наказания главам крупнейших родственных домов, делало ситуацию нетерпимой и подталкивало к действиям. Сначала заговорщики планировали совершить покушение сразу на нескольких советников *бакуфу*, но затем решили сосредоточиться на его руководителе Ии Наосукэ.

Главную роль в организации покушения взял на себя Канэко Магодзиро (1804–1861), управляющий наместник князя Мито в одном из уездов. Все участники заговора уволились со службы и стали *ронинами*. Разбившись на группы по четыре-пять человек, они разными маршрутами и в разное время прибыли в Эдо и вечером 2 марта 1860 года собрались на постоялом дворе в Синагава. В нападении должны были участвовать девятнадцать человек; договорились, что, если будут ранены, они покончат с собой или сдадутся властям, а остальные уедут в Киото

и там продолжают борьбу с правительством. В момент покушения все должны были иметь при себе личные регистрационные листы (*букан*) и записки с объяснением смысла акции, чтобы их не приняли за обычных грабителей.

Местом для нападения выбрали просторную площадь перед воротами Сакурада (современный токийский район Касумигасэки). На 3 марта в замке была запланирована праздничная церемония по случаю Дня девочек (*хинамацури*), поэтому перед воротами Сакурада с утра выстроились гостевые кортежи, посмотреть на которые собралась толпа горожан. Усадьба главы правительства находилась в четырёхстах метрах от ворот замка. Около девяти часов они распахнулись, и глава правительства с охраной из шестидесяти человек направился к замку. Под видом горожан, пришедших подать жалобу, заговорщики приблизились к кортежу и внезапно напали на охранников. В тот день шёл мокрый снег, поэтому ножны с оружием были у них обернуты плотной тканью, что сильно замедлило их реакцию. Кроме того, за всю историю сёгуната Токугава перед воротами замка не было совершено ни одного покушения, поэтому охрана не имела специальных предписаний и не знала, что и как следует делать. Правда, служба

Кортеж удельного князя у ворот замка Эдо

тайного надзора накануне доложила главе правительства, что в окрестностях замка появились незнакомые люди, но он не придал этому значения.

Первым же выстрелом один из нападавших тяжело ранил сидевшего в паланкине Ии Наосукэ и лишил его возможности к сопротивлению. За то время, пока охранники доставали оружие, несколько человек из них были убиты, а остальные разбежались. Один из заговорщиков вытащил Ии Наосукэ из паланкина и отрубил ему голову, после чего с победным кличем поднял её на остриё меча и показал многочисленным наблюдателям. В этот момент один из раненых охранников приподнялся и нанёс ему удар мечом, но был убит на месте. Вся схватка длилась чуть более десяти минут, её жертвами стали десять человек, включая главу правительства; ещё пять охранников получили ранения. Из шестнадцати участников нападения один погиб, четверо позднее совершили *сэнпуку*, восемь сдались властям и трое уехали в Киото. Ещё трое руководителей заговора, не принимавших участия в покушении, впоследствии были казнены.

Официального сообщения о гибели главы *бакуфу* сделано не было. На следующий день сёгун Иэмоти получил написанную от имени Ии Наосукэ просьбу освободить его от обязанностей в связи с болезнью и удовлетворил её, отправив «больному» лекарства и положенные в таких случаях подарки. Весть о том, что глава *бакуфу* убит, мгновенно облетела город и распространилась по стране, но многие *даймё* поддержали игру, посетив усадьбу Ии Наосукэ с ритуальными визитами и пожеланиями скорейшего выздоровления. Через два месяца правительство объявило, что *тайро* скончался в результате болезни.

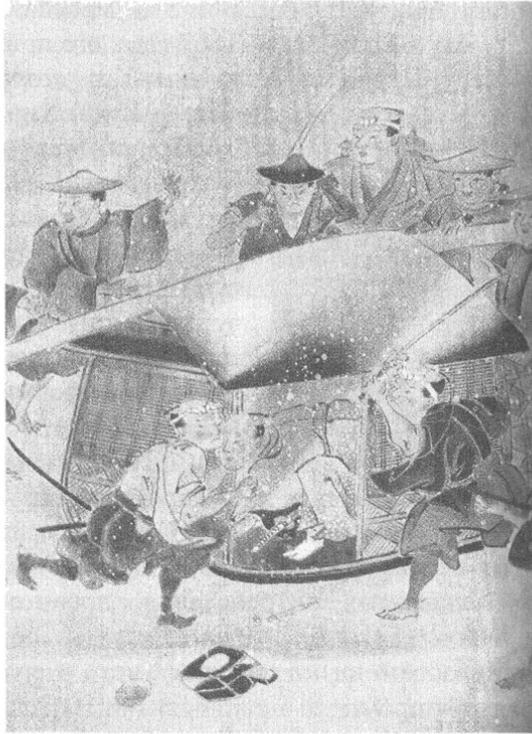
Политическое убийство резко изменило ситуацию в стране. Беспрецедентное по дерзости нападение на главу правительства показало степень недовольства его по-

литикой и готовность оппонентов противостоять ей всеми способами, вплоть до террора. А сторонников *бакуфу* оно заставило ещё раз подумать о правильности выбранного курса. Так что можно считать, что нападавшие достигли своей цели.

Следующими руководителями *бакуфу* стали советники Андо Нобумаса (1820–1871) и Кудзэ Хиротика (1819–1864), оба из команды Ии Наосукэ. Они извлекли урок из событий 3 марта; прежний жёсткий курс сменился поиском компромисса с оппозицией и попытками сближения с императорским домом. Примирительная политика *бакуфу*, направленная на сохранение сёгуната (*кобу гамтай*, букв. «единство придворной и военной аристократии»), нашла своих сторонников среди *даймё* и *хатамото* и несколько укрепила позиции правительства. Его противники, требовавшие немедленной передачи власти императорскому дому и изгнания иностранцев*, на время отступили и снизили напор.

Объявив политику Ии Наосукэ ошибочной, новые руководители *бакуфу* наказали его семью сокращением годового дохода на сто тысяч *коку* риса и обратились к императору с просьбой отдать в жёны сёгуну Изэмоти одну из своих младших дочерей, тринадцатилетнюю Тикако. Породнение сёгуна с императорским домом должно было содействовать сближению двух центров власти и снижению политического напряжения в стране. Император Комэй согласился не сразу, заставив правительство повторить свою просьбу, и только после его обещания изменить политику в отношении иностранцев. Решение о помолвке было принято в октябре 1860 года, а свадьба состоялась двумя годами позже. Впрочем, противники *бакуфу* и этот примирительный шаг истолковали как шантаж императо-

* Лозунг *сонно дзёи* (букв. «почтение к императору, изгнание варваров»).

Убийство Ии Наосукэ (гравюра)

ра, вынужденного отправить свою дочь в Эдо в качестве заложницы.

Будоражившие страну слухи вызвали новый всплеск антиправительственных настроений и привели к покушению на Андо Нобумаса. Пятнадцатого января 1862 года шесть самураев из княжества Мито напали на него по дороге в замок, у ворот Сакасита (*Сакасита монгай но хэн*). Глава правительства был ранен, но остался в живых, а все шестеро нападавших погибли в бою с охраной. Через три месяца на фоне слухов о получении взятки от посла США Гарриса он был вынужден подать в отставку. А ещё че-

Андо Нобумаса

рез два месяца, в июне 1862 года, его примеру последовал и второй глава *бакуфу* Кудзэ Хиротика.

Причин для отставок руководителей было много, но непосредственным поводом стал политический демарш князя Симадзу Хисамицу (1817–1887) из Кагосима, активного сторонника реформирования *бакуфу* и его сближения с императорским домом. Шестнадцатого апреля 1862 года Хисамицу вошёл

в Киото со своей армией и обратился к императору с просьбой поддержать его требования к правительству:

- 1) Организовать визит сёгуна в Киото и его встречу с императором.
- 2) Назначить Хитоцубаси Ёсинобу опекуном юного сёгуна, а руководство *бакуфу* поручить Мацудайра Сюнгаку.
- 3) Ввести в состав правительства влиятельных *даймё* из пяти княжеств — Сацума, Тёсю, Тоса, Сэндай и Кага.

Император Комэй с этими требованиями согласился, после чего Хисамицу отправился в Эдо и предъявил их правительству уже в форме поручения императора. Результатом его акции стала третья за четыре года смена руководства *бакуфу* и следующие политические изменения, известные как «реформа годов Бункю».

Выполнив свою миссию, Симадзу Хисамицу 21 июля 1862 года отправился в обратный путь по тракту Токай.

В тот же день у деревни Намамуги в окрестностях Июкогамы произошёл инцидент между его охраной и четырьмя англичанами, двигавшимися верхом навстречу картежу. Охрана в соответствии с японскими правилами потребовала от путников спешиться и пропустить процессию, но один из англичан то ли не понял требования, то ли не захотел ему подчиниться, двинулся вперёд и был убит, а двое его спутников ранены. Инцидент получил широкую огласку и вызвал крупный международный конфликт.

Руководители *бакуфу* согласились с требованиями Симадзу, выдвинутыми от имени императора, и приняли их к исполнению. Амнистированные ранее за июньский протест 1858 года Хитоцубаси Ёсинобу и Мацудайра Сюнгаку были назначены на ключевые должности в правительстве: Ёсинобу стал личным опекуном и наставником шестнадцатилетнего сёгуна, а Сюнгаку — его главным политическим советником. Этих должностей в штатном расписании *бакуфу* прежде не было, их создали специально. Впрочем, просуществовали они недолго. Мацудайра Сюнгаку через пятнадцать месяцев был уволен, а на его место назначен Мацудайра Наокацу, но и он продержался на этой должности чуть больше года, после чего она была упразднена. Ёсинобу также не проработал на своей должности и двух лет.

Удельный князь в паланкине

Придя к власти, новые руководители незамедлительно приступили к реформе. К прежнему лозунгу *кобу гамтай* добавились ещё два: «сила страны в единстве» (*кёкоку итти*) и «укрепление обороны» (*буби дзюдзицу*). Первым делом были смягчены условия воинской службы... Если раньше удельные князья служили в Эдо «год через год», то теперь — раз в три года, и с гораздо меньшим числом сопровождающих. Сократился и срок службы — с трёхсот шестидесяти пяти до ста дней, а время её несения распределили по четырём сезонам, что облегчило удельным князьям организацию передвижения. Эти меры значительно уменьшили финансовую нагрузку на княжества. Старшим сыновьям удельных князей было разрешено на время службы отца оставаться дома и вести хозяйство, а жёнам и младшим детям *даймё* — свободно въезжать и выезжать из Эдо. Фактически это означало, что их семьи были освобождены от статуса заложников, в котором находились два с половиной столетия. В ситуации, когда правительство начало регулярно опрашивать удельных князей и советоваться с ними по важнейшим политическим вопросам, было нелогично держать их семьи в заложниках. В указе об изменениях в воинской службе говорилось также о том, что отныне удельные князья будут приезжать в Эдо не для подтверждения своей лояльности сёгуну, а для информирования его о том, что происходит в их владениях.

В обмен на облегчение организационно-финансового бремени от провинциальных *даймё* потребовали большего вклада в укрепление обороны. Армию, впервые разделённую на сухопутные части и флот, предстояло коренным образом модернизировать и перевооружить. Княжествам, которые имели выход к морю, была поставлена задача укрепить все порты на своей территории. Реформированию подвергся и замковый ритуал, почти не менявшийся два с половиной столетия. В частности, были отменены некоторые архаичные правила (например, сопровождение посети-

телей замка агентами тайной службы). Изменения коснулись также церемониальных одеяний, правил назначения на правительственные должности и т. д.

В соответствии с третьим пунктом императорского манифеста при правительстве был создан совещательный орган, в который вошли реформаторски настроенные сторонники сближения *бакуфу* с императорским домом (лидеры движения *кобу гаттай*): Хитоцубаси Ёсинобу, Мацудайра Сюнгаку, Мацудайра Катамори, Ямаути Тоёсигэ, Датэ Мунэнари, Симадзу Хисамицу. Совет принял решение провести среди *даймё* и *хатамото* ещё один опрос и по его результатам решить, следует ли сёгуну Измоти встречаться в Киото с императором и получать у него формальный мандат на управление страной. Сторонники визита считали, что он мог бы содействовать сближению двух центров власти и расширить базу поддержки правительства, вынужденного принимать непопулярные в воинской среде меры.

ритуальное одеяние удельного князя

без права аудиенции у сёгуна

с правом аудиенции
у сёгуна

Парадное одеяние удельного князя

Для смягчения напряжённости новые руководители амнистировали всех, кто был наказан во время «больших репрессий» Ии Наосукэ. Молодой сёгун с энтузиазмом воспринимал все эти политические новшества и способствовал их внедрению, охотно выслушивал наставления Мацудайра Сюнгаку и устраивал аудиенции для *тодзама даймё* гораздо чаще, чем его предшественники.

Все эти шаги помогли снизить напряжённость в обществе, но не изменили позиции императора по вопросу об «иностранных варварах». Единственным позитивным результатом реформы стало его согласие «немного подождать» с их изгнанием. В качестве ответного шага *бакуфу* в конце 1862 года пообещало учитывать мнение монарха и ужесточить политику в отношении иностранцев. Не отказался император и от идеи более активного участия в управлении страной. В феврале 1863 года он предпринял следующий шаг в этом направлении, учредив при дворе две должности политических советников, которые должны были представлять его мнение в правительстве. На эти должности были назначены главы преданных ему аристократических домов Сандзё и Анэкодзи. Политический вес императора и его роль в жизни страны медленно, но верно возрастали.

Опрос воинской элиты в отношении поездки сёгуна в Киото показал, что большинство *даймё* и *хатамото* эту идею одобряют. Для охраны Иэмоти и поддержания общественного порядка во время его пребывания в императорской столице правительство объявило набор добровольцев в ополчение (*росигуми*). Их главными противниками были такие же добровольцы-энтузиасты (*сисигуми*), требовавшие ликвидации *бакуфу* и передачи власти императорскому дому. К февралю 1863 года в ополчение *росигуми* записались двести тридцать человек из числа *ронинов*, не имевших постоянного места службы.

Визит сёгуна Иэмоти в императорскую столицу состоялся в марте 1863 года и стал большим событием в по-

литической жизни страны. Впервые за последние двести двадцать девять лет глава воинского сословия почтил своим присутствием императорский дворец; в последний раз такое было в 1634 году, при третьем сёгуне Иэмицу. Во время встречи с монархом Иэмоти принёс ему официальные извинения за просчёты в политике последних лет и попросил подтвердить полномочия *бакуфу* на ближайшие годы. Всё это говорило о серьёзных изменениях в соотношении сил между Эдо и Киото, однако символическое значение визита намного превысило его практический результат. Император принял извинения Иэмоти, подтвердил его властные полномочия и дал поручение, соответствующее его воинскому званию *сэйи тайсёгун* (букв. «великий полководец, покоритель варваров»), — за полтора месяца, то есть к 10 мая 1863 года, изгнать из страны всех иностранных варваров.

Сёгун, самим фактом своего визита поставленный в положение просителя, принял волеизъявление монарха и пообещал, что правительство приложит все силы для борьбы с иностранцами. Радикальные сторонники императора восприняли это обещание как победу и сигнал к началу борьбы за изгнание иностранцев. В мае того же 1863 года княжество Тёсю* трижды обстреляло из береговых батарей иностранные торговые суда — американское, французское и голландское, — когда они проходили через пролив Симоносэки. Несколько французских и голландских моряков были убиты, а судам нанесён материальный ущерб. Узнав об этом, император Комэй в специальном послании выразил княжеству Тёсю благодарность за защиту национальных интересов.

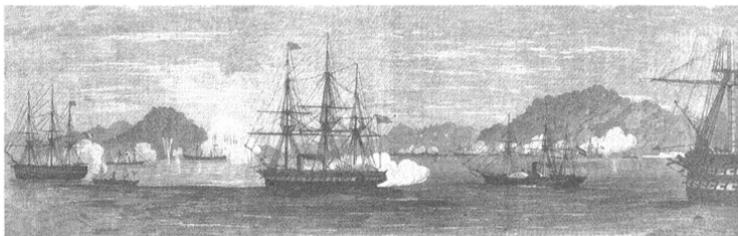
На волне патриотического подъёма в Тёсю был объявлен набор добровольцев в местное ополчение (*кихэйти*). Словом *кихэй* в то время называли противников сёгуната

* Территория современной префектуры Ямагути на западе Японии.

в противоположность его сторонникам *сэйхэй*. В ополчение княжества Тёсю записывались выходцы из самых разных сословий, в том числе из крестьян, которым за участие в боях был обещан перевод в воинское сословие. Отряды *кихэй* формировались из добровольцев и насчитывали от трёхсот до пятисот человек, вооружённых западным оружием и обученных западной тактике. Они и составили основу армии Тёсю, участвовавшей в гражданской войне 1867 года.

Первыми на обстрел своего судна отреагировали американцы. Первого июня 1863 года фрегат «Вайоминг» вошёл в пролив Симоносэки и огнём из бортовых орудий потопил два корабля княжества Тёсю. Через пять дней к месту обстрела подошли два французских фрегата. Обстреляв береговые сооружения, американцы и французы высадили десант и уничтожили артиллерийскую батарею. Княжество Тёсю открыло ответный огонь, но не смогло оказать сопротивления и потерпело поражение.

Первый вооружённый конфликт обострил отношения с западными странами и поставил правительство в трудное положение. Его руководители в это время вели тяжёлые переговоры с Великобританией по поводу убийства Чарльза Ричардсона 21 августа прошлого года. В ходе расследования выяснилось, что охрана Симадзу Хисамицу действовала в рамках японских законов, потребовав от иностранцев уступить дорогу кортежу. Что касается англичан, то они

Морской бой против Тёсю

понадеялись на право экстерриториальности, в результате чего один из подданных королевы был убит. Британские власти обвинили главу княжества Сацума в немотивированном убийстве и потребовали от *бакуфу* наказать виновных и выплатить компенсацию в сто тысяч фунтов стерлингов. С денежной претензией правительство согласилось, но требование о наказании Сацума отвергло. Что было вполне закономерно и ожидаемо — не начинать же войну с одним из крупнейших княжеств страны, глава которого к тому же входит в консультативный совет при правительстве.

Не найдя понимания в руководстве страны, англичане решили сами восстановить справедливость и наказать виновных. Двадцать седьмого июня 1863 года семь британских кораблей вошли в залив Кагосима и предъявили князю Сацума требования: казнить охранника, виновного в гибели Чарльза Ричардсона, и выплатить раненым британцам компенсацию в двадцать пять тысяч фунтов стерлингов. Требования были отвергнуты, и 2 июля начался морской бой, продолжавшийся два дня. Англичане потеряли в нём тринадцать человек убитыми, в том числе командира флагманского корабля, и пятьдесят человек ранеными. Потери японской стороны оказались меньше — пять убитых и десять раненых, — но береговые сооружения были по большей части разрушены.

Пятого октября стороны при посредничестве *бакуфу* подписали мирное соглашение. Княжество Сацума пообещало выплатить компенсацию и найти виновного в гибели англичанина, а Британия — оказать вчерашнему противнику помощь в приобретении боевых кораблей. Этот бой неожиданным образом содействовал сближению между Великобританией и княжеством Сацума, их сотрудничество продолжилось и в дальнейшем. После убийства Чарльза Ричардсона Великобритания и Франция добились от *бакуфу* разрешения на охрану своих посольств собственными силами.

Очередное наступление иностранных держав вызвало ответную реакцию со стороны императора: он пошёл на обострение, издав указ о закрытии порта Йокогама, где находились посольства Франции и Великобритании. Однако волю монарха выполнить не удалось: иностранцы заявили категорический протест, сославшись на то, что закрытие порта противоречит подписанным международным соглашениям. Члены консультативного совета при правительстве тоже не смогли прийти по этому вопросу к единому мнению, и на этом совет фактически прекратил своё существование. Во время обсуждения впервые обозначилось серьёзное расхождение во взглядах между князем Сацума и будущим пятнадцатым сёгуном Хитоцубаси Ёсинобу.

За день до выхода указа о закрытии Йокогамы, 18 августа 1863 года, правительство предприняло в Киото силовую акцию против радикалов из движения *сонно дзёи* (букв. «за императора против варваров»). Поддерживая монарха в его негативном отношении к иностранцам, они шли гораздо дальше него — требовали свержения правительства и были готовы с ним воевать. Император Комэй никогда не говорил о том, что хочет взять власть в свои руки, и считал, что радикализм выходцев из княжества Тёсю и части придворной аристократии во главе с Сандзё Санэтоми компрометирует его в глазах умеренного большинства.

Незадолго до этого радикальные сторонники императора запланировали его выезд в поминальный храм основателя династии, легендарного правителя Дзимму в соседней провинции Ямато для совершения молебна во имя спасения страны и изгнания иностранцев. Это мероприятие должно было вдохновить участников движения *сонно дзёи* и стать сигналом для массовых антиправительственных выступлений, поэтому в *бакуфу* его решили упредить. С согласия императора и при поддержке умеренной ари-

стократии сторонники правительства из княжеств Аидзу и Симадзу арестовали семерых аристократов и отправили их под домашний арест, а защищавших их ополченцев выслали в княжество Тёсю.

Применение силы в императорской столице всегда считалось делом исключительным и крайне нежелательным, поэтому сёгуну Измоти снова пришлось ехать в Киото с примирительным визитом. Пробыв в городе четыре месяца, он в мае 1864 года вернулся в Эдо, получив от императора очередной мандат на управление страной. Так же как в прошлый раз, его визит помог снизить напряжение между двумя центрами власти, но не сблизил их позиции по вопросу об иностранцах. Императорский дом, не имевший реальных полномочий и не чувствовавший ответственности за судьбу страны, по-прежнему не желал идти на компромиссы.

Изгнанные из Киото ополченцы Тёсю начали готовиться к реваншу и через одиннадцать месяцев, в июле 1864 года, предприняли военный поход против контролировавших императорскую столицу сторонников сёгуна из княжеств Аидзу, Фукуи, Сацума, Кувана и «нового ополчения» (*синсэнгуми*). Целью похода были объявлены защита императора и изгнание из Киото военного губернатора Мацудайра Катамори (1836–1893) из Аидзу. Бои начались 9 июля и продолжались три дня; с обеих сторон широко применялась артиллерия. Правительственные силы насчитывали около трёх тысяч человек, ополченцев из Тёсю было намного меньше. Нападавшие дрались отчаянно, однако потерпели поражение и потеряли около четырёхсот человек убитыми, в то время как среди сторонников *бакуфу* погибли около шестидесяти человек. В Киото, жившем мирной жизнью с 1615 года, было разрушено более тридцати тысяч домов. Этот вооружённый конфликт известен в японской истории под названием *Киммон но хэн* (букв. «мятеж у ворот дворца»).

Противостояние между противниками и сторонниками *бакуфу* обострялось и шло по нарастающей. Нападение на губернатора Киото, по рангу третьего человека в правительстве после Хитоцубаси Ёсинобу и Мацудайра Сюнгаку, было равнозначно объявлению войны. Уже через два дня после окончания боёв в Киото вышел императорский указ о наказании бунтовщиков. Правительство объявило военный поход против Тёсю силами тридцати пяти княжеств, преимущественно из западной части страны.

Летом 1864 года совместную карательную акцию против Тёсю предприняли западные государства, суда которых были обстреляны в проливе Симоносэки. В конце

Стрельба из пушки (гравюра XIX в.)

июля к побережью княжества подошла эскадра из семнадцати американских, британских, французских и голландских кораблей. От руководителей Тёсю потребовали выплатить компенсацию за гибель людей и ущерб, нанесённый торговым судам. Они отказались, заявив, что действовали по закону, выполняя совместное решение сёгуна и императора об изгнании иностранцев, принятое в марте 1863 года.

Бой начался 5 августа 1864 года и продолжался три дня. Он показал полное превосходство западного оружия и боевой тактики. После массированного обстрела из двухсот восьмидесяти восьми бортовых орудий западная флотилия высадила десант из двух тысяч моряков. Захватив береговые укрепления, они забрали в качестве трофеев шестьдесят две пушки. Четырнадцатого августа по инициативе Тёсю начались мирные переговоры. Руководители княжества согласились выплатить компенсацию в три миллиона долларов и дали гарантии безопасного прохода судов через пролив Симоносэки. Выплату компенсации взяло на себя правительство, но таких денег не было даже в казне, поэтому платёж отсрочили в расчёте на будущие доходы от обещанного западными странами пересмотра таможенных пошлин на импортные товары. Соглашение на этот счёт было достигнуто весной 1865 года.

Военное поражение Тёсю привело к внутреннему перевороту и смене власти: непримиримых противников *бакуфу* изгнали из руководства и наказали, правительство в ответ отменило свой указ о военном походе. Таким образом, боевых действий удалось избежать, но клеймо «врага императора» на княжестве Тёсю осталось и его отношения с *бакуфу* не стали более дружественными.

В декабре 1864 года — январе 1865 года отстранённые от власти радикалы взяли реванш и снова заняли ключевые позиции в княжестве Тёсю; возобновив прежнюю воинственную риторику, они начали готовиться к сверже-

нию *бакуфу*. Воспользовавшись этим противостоянием, Франция и Великобритания сделали ставку на разные силы: французы стали помогать правительству, а англичане — княжеству Тёсю и его сторонникам. Обе стороны начали усиленно закупать иностранное оружие и готовиться к войне.

Подписав указ *бакуфу* о втором военном походе против Тёсю (*дайнидзи тёсю сэйто*), девятнадцатилетний сёгун Изэмоти по решению правительства лично его возглавил и в мае 1865 года прибыл в замок Осака. Всем западным княжествам было приказано провести мобилизацию и прислать в распоряжение сёгуна вооружённые отряды. В сентябре того же года Изэмоти вместе с Хитоцубаси Ёсинобу в третий раз посетил Киото, чтобы получить благословение императора на боевые действия против мятежного княжества. Благодаря усилиям личного наставника сёгуна эту задачу удалось выполнить, хотя и не без труда: часть высшей аристократии активно препятствовала изданию императорского указа. По возвращении в Осака Изэмоти узнал, что в заливе стоит флотилия из девяти американских, английских, французских и голландских кораблей. Послы четырёх западных стран специально прибыли в Осака, чтобы оказать на него давление в вопросе об открытии расположенного неподалёку порта Хёго (современный Кобе). Это было оговорено в международных соглашениях, но из-за сопротивления императорского дома правительство решило его отложить, и теперь западные послы, узнав, что сёгун находится в Осака, решили добиться от него выполнения обязательств. По их логике, никаких юридических препятствий для открытия порта у правительства не было, а позицию императорского дома они во внимание не принимали.

Двадцать пятого сентября в замке Осака состоялось совещание, на котором было решено удовлетворить требование иностранных государств и открыть порт Хёго.

Активную роль в этом сыграли советники *бакуфу* Абэ Масато и Мацумаэ Такахиро, доказывавшие, что под угрозой военного вторжения решение нужно принимать быстро и времени на получение согласия императора просто нет. На следующий день к сёгуну из Киото приехал Хитоцубаси Ёсинобу с протестом: теперь, после решения по порту Хёго, на поддержку императорского дома в борьбе с Тёсю можно не рассчитывать, а враги *бакуфу* снова обвинят его в унижении императора и потакании иностранцам. Советники возражали: победить Тёсю можно и без помощи императора, а вот против коалиции иностранных государств у Японии шансов нет. Ёсинобу к тому времени уже не был личным наставником сёгуна, поскольку император назначил его командующим обороной своего дворца (*кинри госюэй сотоку*), поэтому воспринимался руководителями *бакуфу* не как защитник интересов сёгуната, а как личный представитель императора. Не видя выхода из сложившейся ситуации, сёгун Иэмоти самоустранился и оставил всё на усмотрение подчинённых.

Двадцать девятого сентября Ёсинобу вернулся в Киото и добился императорского указа о лишении советников Абэ и Мацумаэ придворных рангов и заключении их под домашний арест. Беспрецедентное решение императора о наказании вассалов сёгу-

*Мори Такатика,
глава княжества Тёсю*

на, хотя и по линии придворных титулов, вызвало бурную реакцию в правительстве. Фактически император явочным порядком вернул себе право присваивать придворные ранги представителям воинского сословия, которое у него отнял Токугава Иэясу в 1615 году.

Первого октября сёгун Иэмоти заявил, что оставляет свой пост и передаёт его Ёсинобу. Если раньше императоры уходили в отставку в знак протеста против действий *бакуфу*, то теперь об уходе со своего поста заявил сёгун, оскорблённый вмешательством императорского двора в его полномочия. Отправив с этим заявлением своего представителя в Киото, он третьего октября покинул Осака и сухопутным путём направился в Эдо.

Самоотставка сёгуна в ходе подготовки войны против Тёсю грозила непредсказуемыми последствиями, поэтому Ёсинобу по просьбе императора уже на следующий день перехватил Иэмоти в Фусими и уговорил отозвать своё заявление, передав обещание императора не вмешиваться больше в дела правительства. Не исключено, что заявление сёгуна об уходе изначально было задумано как сугубо демонстративный шаг с целью оказать давление на императора. По пути в Эдо Иэмоти должен был остановиться сначала в Фусими, а затем в Оцу; оба города расположены рядом с Киото, поэтому при желании с ним можно было встретиться и переубедить, что с учётом его молодости и отсутствия опыта не представляло большого труда. Если бы в правительстве действительно думали об отставке Иэмоти, то для возвращения в Эдо следовало бы выбрать более быстрый и удобный морской путь.

Предотвратив отставку сёгуна, Ёсинобу вернулся в Киото и собрал совещание, на котором в течение двух дней (4–5 октября) обсуждался вопрос об открытии порта Хёго. Как уже бывало прежде, столкнулись две точки зрения — Симадзу Хисамицу (вынести вопрос на обсуждение всеяпонского собрания удельных князей) и Хитоцубаси

Ёсинобу (принять решение имеющимся составом участников). Большинство поддержало вариант «здесь и сейчас», а решение приняли компромиссное: 1) открытие порта Хёго отложить; 2) императора попросить издать указ о признании «неравноправных договоров» с иностранными государствами под обещание *бакуфу* добиться пересмотра наиболее одиозных статей. Достижению компромисса способствовала реальная угроза всеобщего хаоса и военной интервенции, а также обещание Ёсинобу обеспечить согласие иностранцев на отсрочку с открытием Хёго. Таким образом, общими усилиями политический кризис удалось преодолеть.

Теперь можно было вплотную заняться княжеством Тёсю. Подготовка второго военного похода началась в январе 1866 года и продолжалась несколько месяцев. Руководители мятежного княжества тоже не теряли времени даром: благодаря массовым закупкам западного оружия и обучению британских инструкторов их армия быстро модернизировалась. Западные княжества уже не демонстрировали былого единства и энтузиазма в выполнении распоряжений *бакуфу*, а многие втайне разделяли мнение лидеров Тёсю о том, что сёгунат как форма правления себя исчерпал. В январе 1866 года с позицией определилось княжество Сацума, заключив с Тёсю военный союз. Несмотря на подавляющее превосходство сил и ресурсов, которые правительство могло задействовать в войне с Тёсю, её результат уже не выглядел предопределённым.

Боевые действия во владениях Тёсю начались

Иэмоти

7 июня и продолжались полтора месяца. Несмотря на трёхкратный численный перевес, силы *бакуфу* действовали не лучшим образом, кампания затягивалась. К тому же в разгар боёв тяжело заболел сёгун. Он чувствовал себя неважно ещё с весны, потом вроде восстановился, но июльская жара снова подорвала его слабое здоровье. Врачи зафиксировали у больного отёк ног, общую слабость и нехарактерную для его возраста одышку. Император Комэй отправил в Осака своего лучшего лекаря Такасина Цунэнори, а жена императора прислала главного специалиста по лечению полиневрита Тода Тёан. Оба доктора пришли к выводу, что Иэмоти страдает этим традиционным для правителей заболеванием, и назначили обычное в таких случаях лечение. Голландские врачи, осмотрев сёгуна, поставили другой диагноз: дисплазия (поражение эпителия) пищеварительного тракта. Болезнь быстро прогрессировала; 17 июля, когда Ёсинобу навестил больного сёгуна, он уже не вставал с постели. Ещё через два дня Иэмоти впал в беспамятство и на следующий день, 20 июля 1866 года, скончался. Причина смерти точно не установлена; согласно официальной хронике, это сердечная недостаточность на фоне полиневрита.

Четырнадцатый сёгун Токугава занимал свой пост с двенадцати до двадцати лет и практически всё это время правил номинально. Годы его нахождения у власти пришлись на переломный период в истории страны. Событий, произошедших за эти восемь лет, с лихвой хватило бы на гораздо более долгое правление кого-либо из его предшественников. Резкое обострение политической борьбы, убийства, ссоры и примирения воинских кланов, рост социальной напряжённости и многое другое сопровождали последние годы сёгуната Токугава. Решение стоявших перед страной проблем требовало политического и жизненного опыта, которого не могло быть у двадцатилетнего юноши. Да и политикой он особо не интересовался.

Сведений об участии Измоти в главных событиях того времени сохранилось крайне мало. Не больше известно о его характере и привычках. В записях современников есть скудные упоминания о том, что он был добр по характеру, как все представители воинского сословия, много упражнялся с оружием, но больше всего любил лошадей и верховую езду. Отличался любознательностью и с удовольствием ездил на экскурсии, что, впрочем, вполне естественно для его возраста. Дошедшие до нас образцы меню говорят о том, что Измоти любил сладкие десерты; это подтверждается данными обследования, проведённого во время перезахоронения останков: тридцать зубов молодого сёгуна были поражены кариесом (Синода, 2005).

*Супруга сёгуна в праздничной одежде
и с ритуальной причёской*

Как обычно, о смерти правителя сообщили с большой задержкой, через месяц. До 20 августа в западной части страны продолжались боевые действия, и армия *бакуфу* не знала о кончине своего главнокомандующего. Получив известие о смерти мужа, Кадзуномия испытала глубокий шок и впала в депрессию, несколько дней не могла спать и есть. В знак траура она остригла волосы и отправила их в замок Осака.

Тело Измоти доставили в Эдо 9 сентября, а похороны состоялись через две недели, 23 сентября, в храме Дзодзё. В гроб сёгуна положили и волосы его жены. Кадзуномия после смерти мужа собиралась вернуться в Киото, но этому помешали бурные события следующих двух лет и внезапная смерть отца, императора Комэй. Принцесса Кадзуномия так и осталась жить в Эдо. Через одиннадцать лет она умерла на тридцать втором году жизни и была похоронена в храме Дзодзё рядом с мужем.

Пятнадцатый сёгун Ёсинобу

(1837–1913, правление 1866–1867)

Будущий пятнадцатый сёгун родился 29 сентября 1837 года в княжестве Мито в одной из трёх семейных ветвей *госанкэ*, основанных младшими сыновьями Токугава Иэясу. За двести лет в ней сменилось девять патриархов, девятым был его отец Токугава Нариаки (1800–1860), *даймё* с годовым доходом в триста пятьдесят тысяч *коку* риса. Родила Ёсинобу не наложница, как большинство других сёгунов, а законная жена главы семейства, дочь принца Арисугаваномия по имени Ёсико. Мальчик появился на свет четырнадцатым по счёту ребёнком и имел шесть старших братьев и семь сестёр. Но далеко не последним — после Ёсинобу у отца родилось ещё двадцать три ребёнка. Глава княжества Мито произвёл на свет

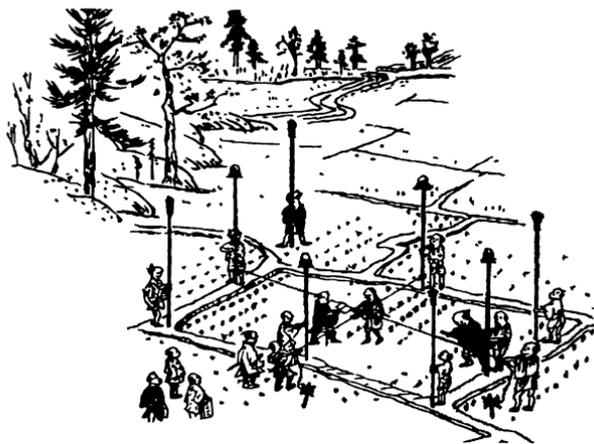
тридцать семь детей, среди всех родственников уступив по этому показателю лишь одиннадцатому сёгуну Иэнари. Из них восемнадцать (двенадцать сыновей и шесть дочерей) дожили до взрослого возраста.

Седьмого сына назвали детским именем Ситиромаро, которое прямо указывало на очерёдность рождения. Он появился на свет в столичной усадьбе Мито и там же должен был жить, пока кто-то из родственников или крупных *даймё* не взял бы его на воспитание с последующим усыновлением, как было принято в то время. Но Токугава Нариаки придерживался собственных педагогических принципов и во избежание «ранней порчи» детей столичной жизнью отправлял их в родовое имение, где их воспитывали в строгости и послушании. Ситиромаро попал туда уже в семимесячном возрасте. Несмотря на высокий доход и статус семьи, её члены носили одежду из простых тканей и спали на льняных простынях, дорогой шёлк был в доме запрещён. Повседневное меню составлялось по норме *итидзю иссай* (букв. «один бульон, одна закуска»)*. Это означало, что к чашке риса подавались лишь бобовый бульон *мисо* и одно овощное или рыбное блюдо. Животными белками домочадцев не баловали — мясо или рыба появлялись на столе раз в десять дней, и не из соображений экономии. Наказания детей в Мито не отличались особой строгостью: провинившегося обычно на какое-то время закрывали в комнате без окон, лишали общения и сокращали рацион. Это было самое распространённое, стандартное для того времени наказание (*дзасикиро*), детский аналог домашнего ареста для взрослых. Чтобы приучить детей спать в правильной позе, по обеим сторонам изголовья клали лезвием кверху ножи, а когда ребёнок засыпал, их убирала. Считалось, что кроме пра-

* В богатых семьях того времени к бульону обычно подавались три блюда (*итидзю сансай*).

вильной осанки этот способ приучает мальчиков к близости холодного оружия и связанному с ним чувству опасности. Пятнадцатому сёгуну тоже довелось спать в детстве между двумя лезвиями.

Появление в многодетной семье ещё одного, седьмого по счёту сына не стало большим событием. До трёх лет он ни разу не видел отца, который постоянно жил в Эдо. В 1839 году на фоне недовольства царящими в замке нравами Токугава Нариаки представил сёгуну Изёси проект реформы, но у неё нашлись влиятельные противники, и проект оказался под сукном. Несостоявшийся реформатор уехал в княжество Мито и начал преобразования на местном уровне: усовершенствовал методику учёта земель и оценки урожая, ввёл новые правила назначения на руководящие должности, в связи с возросшей внешней угрозой организовал производство пушек и т. д. Чугуна для орудий хронически не хватало, поэтому князь, не испытывавший особого пиетета перед культовыми сооружениями, приказал пустить на переплавку храмовые колокола, чем нажил себе врагов среди местного духовен-

Перепись земель

ства. С теми, кто возражал и протестовал, князь обходился круто, поэтому в *бакуфу* на него пошли жалобы. В Эдо конфликт с духовенством осудили и вынесли князю Мито предупреждение. В марте 1840 года Токугава Нариаки организовал отстрел птиц, наносивших большой вред урожаю. О стрельбе во владениях Мито было тотчас доложено в *бакуфу*, а там к сообщениям о любой военной активности относились с большой подозрительностью. Богатый, влиятельный и чрезмерно активный родственник сёгуна доставлял правительству много хлопот.

Княжество Мито выделялось высоким для того времени уровнем образования, науки и просвещения. В 1841 году здесь открылась княжеская школа *Кодокан*, быстро получившая большую известность благодаря тому, что в неё, во-первых, принимали всех представителей воинского сословия независимо от ранга и, во-вторых, учили глубокому уважению к национальной культурной традиции и её ключевому элементу — институту императорской власти. Что тоже вызывало некоторую настороженность в руководстве *бакуфу*.

Когда после смерти одиннадцатого сёгуна Иэнари глава правительства Мидзуно Тадакуни начал реформу годов Кёхо, многие усмотрели в ней подражание тому, что делал у себя в княжестве Токугава Нариаки. Преобразования Мидзуно задели интересы многих влиятельных людей в замке Эдо, и через два года он был отправлен в отставку. В опале оказался и князь Мито: его реформы были признаны излишне радикальными. В мае 1844 года его вызвали в Эдо и объявили приказ сёгуна: передать семейный пост старшему сыну и заключить себя под домашний арест. Отбывать наказание следовало не вдали от столицы, а в городской усадьбе Мито под присмотром тайной службы. Старшему сыну князя в тот момент не исполнилось ещё тринадцати лет, и сам он вести дела не мог, поэтому *бакуфу* назначило ему трёх опекунов из числа надёжных

вассалов. Беспокойного родственника взяли под контроль и умилили, но ненадолго: через полгода Нариаки благодаря личным отношениям с сёгуном Изэси добился снятия домашнего ареста. Свободу передвижения ему вернули, но на пять лет запретили появляться в замке.

Всё это время его сын Ситиромаро учился в домашней княжеской школе Кодокан: изучал конфуцианскую классику, упражнялся в обращении с копьём и мечом, занимался верховой ездой, стрелял из ружья и лука. Поначалу воинские упражнения нравились ему гораздо больше, чем штудирование скучных текстов, поэтому с учёбой у него не ладилось, и отец частенько наказывал его сидением в пустой комнате на голодный желудок. Однако со временем дела с учёбой выправились, и всем стало ясно, что по способностям и общему развитию седьмой сын превосходит всех своих братьев. Отец мысленно поставил его на второе место (после старшего сына) и держал при себе в расчёте на то, что жизнь рано или поздно предоставит мальчику шанс.

Двенадцатому сёгуну Изэси шёл пятьдесят пятый год, а его единственный сын и наследник Иэсада, больной и малопригодный к управлению страной, внушал отцу тревогу за судьбу династии. Как выходец из дома Хитоцубаси, он хотел иметь запасной вариант с преемником, и по возможности из своей же семьи. Рецепт для этого был хорошо известен: усыновить кого-то из молодых

Токугава Нариаки

родственников и сделать приёмного сына главой дома Хитоцубаси. В семье многодетного князя Мито подрастал способный Ситиромаро, о котором сёгуну говорили много хорошего. Были у сёгуна и другие родственники — прежде всего в Кисю и Овари, куда Иэнари отправил многих своих сыновей, — но никто из них ничем особенным не выделялся, в то время как в княжестве Мито проведена успешная реформа, дела идут неплохо, да и личные отношения у сёгуна с князем Нариаки отличные. Имело значение и то, что они были женаты на родных сёстрах, дочерях принца Арисугаваномия, следовательно, Ситиромаро приходился сёгуну племянником по линии жены. Правда, в руководстве *бакуфу* князя Мито не любят, но с этим сёгун как-нибудь справится. Это и был тот самый шанс, на который рассчитывал Токугава Нариаки, причём не только для его сына, но и для него самого.

Первого августа 1847 года правительство официально объявило о том, что седьмой сын князя Мито переводится на воспитание в семью Хитоцубаси. Через месяц десятилетний мальчик переехал в её столичную усадьбу, а в декабре того же года прошёл обряд совершеннолетия и получил неполный третий ранг и взрослое имя Ёсинобу, в котором первый иероглиф указывал на родство с сёгуном Иэёси. Одновременно он был назначен главой дома Хитоцубаси и стал вторым после родного сына сёгуна кандидатом в преемники. Доход Хитоцубаси в тот момент составлял сто тысяч *коку* риса в год, то есть в три с половиной раза меньше, чем у Мито, но зато это была главная в тот момент семейная ветвь Токугава, к которой принадлежал действующий сёгун.

Переехав из провинции в столицу, Ёсинобу продолжил обучение. Время от времени в усадьбе появлялся сёгун Иэёси, встречался с мальчиком и беседовал с ним. Вскоре в замке пошли разговоры о том, что именно его, а не родного сына Иэсада он и назовёт своим преемником. Так

и получилось. Однако глава *бакуфу*, для которого смена преемника означала отставку и конец карьеры, сумел убедить слабохарактерного Изёси в том, что передача власти родственнику при живом родном сыне идёт вразрез с традицией и может привести к расколу в верхнем эшелоне власти. Двенадцатый сёгун, как обычно, согласился и принял решение в пользу больного и малопригодного к правлению, но зато родного сына.

Это решение бурно обсуждалось в кулуарах замка, и многие считали, что в данном случае традицией можно было и пренебречь ради пользы дела — очень уж трудно было представить себе Изёсада в роли правителя. Узнав о накале страстей в замке и своей к ним причастности, Ёсинобу написал отцу письмо, в котором прямо заявил, что не собирается конкурировать с Изёсада, и попросил его использовать всё своё влияние, чтобы положить конец пересудам (Мацуура, 1997). Однако вопросами текущей политики он всё так же живо интересовался, и, когда правительство провело опрос мнений по поводу открытия страны, шестнадцатилетний Ёсинобу честно и открыто высказался, хотя многие более опытные *даймё* предпочли промолчать. Он написал, что американскому посланнику следует отказать и немедленно заняться укреплением обороноспособности.

Такого же мнения придерживался и отец Ёсинобу, к тому времени вернувшийся в большую политику. Как уже говорилось, больной Изёси, узнав о требованиях Мэттью Перри, отправил главу правительства советоваться и принимать окончательное решение именно к князю Мито. В обстановке растерянности и неопределённости, царившей после смерти сёгуна, Токугава Нариаки почти ежедневно появлялся в замке, призывая членов правительства проявлять твёрдость в контактах с американцами и немедленно заняться укреплением обороноспособности.

В сентябре 1855 года Ёсинобу исполнилось восемнадцать лет, и через три месяца в городской усадьбе

Хитоцубаси отпраздновали его свадьбу с Итидзё Микако (1835–1894), приёмной дочерью Регента императорского двора. В центре политической жизни по-прежнему стоял вопрос об отношениях с иностранными державами. Среди руководителей *бакуфу* преобладало понимание того, что необходимо искать компромиссы и в чём-то идти на уступки, чтобы сохранить независимость страны, в то время как большинство *даймё* и *хатамото* занимали более жёсткую националистическую позицию. В правительстве и вокруг него шла вязкая борьба, в ходе которой противостоящие группировки стремились назначить на ключевые посты своих сторонников и выдавить оппонентов.

С первым серьёзным испытанием двадцатилетний Ёсинобу столкнулся в июне 1858 года, когда на фоне тяжёлой болезни сёгуна Иэсада резко усилилось давление США в деле подписания всеобъемлющего торгового договора, который обеспечил бы им преимущество перед европейскими конкурентами. Император Комэй категорически возражал против подписания, и руководитель *бакуфу* Хотта Масаёси не сумел его переубедить, из-за чего в апреле 1858 года ушёл в отставку. Сменивший его Ии Наосукэ публично заявил, что не подпишет договор без согласия императора, но под давлением обстоятельств всё-таки был вынужден это сделать. Девятнадцатого июня 1858 года Япония и США стали торговыми партнёрами.

Возложив ответственность за нарушение воли императора на Хотта Масаёси и одного из советников, Ии Наосукэ уволил их из правительства и отправил к императору своего представителя с объяснениями. На следующий день, 22 июня, всех находившихся на службе в Эдо *даймё* и *хатамото* собрали в замке и проинформировали о подписании торгового договора и его содержании. В эти же дни на фоне тяжёлого состояния Иэсада среди родственников активно обсуждался вопрос о его преемнике, хотя сёгун ещё два месяца назад решил его в пользу двенадцатилетнего

Токугава Ёситоми (1846–1866) из княжества Кисю. Князь Мито и группа его сторонников, выступавших против договора с США, не знали о решении Иэсада и продолжали надеяться на назначение Ёсинобу как наиболее подходящего по возрасту и личным качествам кандидата.

Руководители княжества Мито не присутствовали в замке 22 июня и узнали о подписании договора от своего старейшины. На следующий день Ёсинобу как глава правящей семейной ветви явился в замок и на встрече с Ии Наосукэ задал ему два вопроса: правда ли, что договор с США подписан, несмотря на возражения императора, и как решится вопрос с преемником. Из уклончивых ответов главы правительства вперемешку с извинениями он понял, что подписание состоялось и выбор преемника тоже сделан, но не в его пользу. Второе не очень его огорчило: согласно хронике, он выразил уверенность, что Ёситоми ещё очень молод и у него всё впереди, а опытные наставники помогут ему войти в курс дела. Об отсутствии у него сёгунских амбиций Ёсинобу говорил и раньше, поэтому, вероятнее всего, запись соответствует действительности. В отношении договора с США он высказался гораздо резче: правительство совершило большую ошибку, проигнорировав волю императора.

На следующий день, 24 июня, в замок прибыли князь Мито Токугава Нариаки, его старший сын Ёсиацу и два влиятельных родственника, удельные князья Токугава Ёсикацу из Овари и Мацудайра Сюнгаку из Этидзэн. Они были настроены гораздо решительнее и обвинили Ии Наосукэ в том, что он нанёс оскорбление императору и пошёл на поводу у американцев. Выбор двенадцатилетнего Ёситоми в качестве преемника Иэсада, по их мнению, также был ошибочным и не отвечал интересам страны. В связи с этим от главы правительства потребовали отложить объявление преемника Иэсада и уйти в отставку. На что Ии Наосукэ, конечно, не согласился.

Двадцать пятого июня Токугава Ёситоми был объявлен преемником сёгуна, а 6 июля скончался Иэсада. В замке начали готовиться к похоронам и церемонии вступления в должность нового правителя. В октябре того же 1858 года Токугава Ёситоми был провозглашён четырнадцатым сёгуном Токугава под именем Иэмоти. Правительство назначило его личным опекуном тридцатилетнего родственника Токугава Ёсиёри (1828–1876), главу дома Таясу, покладистого и совершенно не амбициозного человека, выполнявшего все указания Ии Наосукэ.

Помимо антипатии, которую сёгун Иэсада испытывал к Ёсинобу в связи со слухами о его претензиях на высший пост, на выбор преемника повлияло и то, что в группу поддержки Ёсинобу входили несколько *тодзама даймё* во главе с князем Сацума. В случае назначения Ёсинобу они могли войти в состав правительства или, по крайней мере, заметно усилить своё политическое влияние. Абсолютное большинство потомственных вассалов Токугава (*фудай даймё*) не могли этого допустить.

Ии Наосукэ не простил своим оппонентам июньского демарша. Пятого июля 1858 года, то есть за день до смерти Иэсада, он издал от его имени указ, в котором обвинил Токугава Нариаки и трёх его спутников в самовольном проникновении в замок и попытке государственного переворота. Токугава Нариаки, Мацудаира Сюнгаку и Токугава Ёсикацу получили приказ передать руководство княжествами своим сыновьям и заключить себя под домашний арест, а Хитоцубаси Ёсинобу и его старшему брату Ёсиацу было запрещено появляться в замке.

На основании этого указа началось преследование оппонентов *бакуфу* по всей стране. Поиски и аресты продолжались больше года и затронули более ста человек из всех слоёв населения, от высшей аристократии до рядовых горожан. Борьба Ии Наосукэ с критикой и инакомыслием известна под названием «больших репрессий годов Ансэй»

(*Ансэй но дайгоку*). Через год после их начала правительство ужесточило наказания своим главным противникам: «домашний арестант» Токугава Нариаки был переведён из городской усадьбы в княжество Мито, а его сыну Ёсинобу к запрету на появление в замке добавили домашний арест в городской усадьбе Хитоцубаси.

В то время домашний арест был самым распространённым наказанием для воинской элиты за административные правонарушения. По сравнению со средневековыми пытками и казнями оно кажется довольно лёгким, однако при ближайшем рассмотрении это оказывается не так. Приговорённый к домашнему аресту мог находиться у себя дома, но ему запрещалось абсолютно всё, кроме удовлетворения физиологических потребностей (еда, сон, туалет). Помещение, где он находился, должно было всегда оставаться тёмным, без естественного или искусственного освещения. Ему запрещалось выходить из комнаты или принимать гостей, вести переписку или общаться с кем-либо, включая прислугу. Арестант не имел права брить лицо и лоб, принимать ванну (можно было лишь обтираться влажным полотенцем) и поддерживать обычный для воинских семей ежедневный приветственный ритуал. Через несколько недель заключённый под домашний арест превращался в невытого, небритого и лохматого субъекта, мало похожего на нормального человека. Хитоцубаси Ёсинобу провёл в таких условиях одиннадцать месяцев, а его отец Токугава Нариаки — более двух лет. Пятнадцатого августа 1860 года он умер, не дождавшись освобождения.

Преследование политических оппонентов *бакуфу* вызвало ответную реакцию: 3 марта 1860 года его глава Ии Наосукэ был убит группой самураев из княжества Мито. Сменившие его руководители резко смягчили курс, однако наказанные по-прежнему оставались под домашним арестом, и лишь смерть князя Мито стала поводом

Мацудайра Сюнгаку

к тому, чтобы разрешить его сыну Ёсинобу присутствовать на похоронах, а затем и вовсе освободить. Это произошло 4 сентября 1860 года. Позднее Ёсинобу в своих мемуарах писал, что во время ареста полностью соблюдал все запреты (Андо, 2012).

Вместе с Ёсинобу были освобождены и другие участники июньского демарша 1858 года, в том числе князь Овари Токугава Ёсикацу и князь Этидзэн

Мацудайра Сюнгаку. Впрочем, освобождение было неполным: им вернули лишь свободу передвижения, а запрет на встречи и переписку оставался в силе ещё девятнадцать месяцев, до апреля 1862 года.

Коренной перелом в положении Ёсинобу произошёл летом того же 1862 года, когда князь Сацума Симадзу Хисамицу прошёл маршем через всю страну и от имени императора Комэй предъявил *бакуфу* три главных политических требования:

- 1) Организовать визит в Киото сёгуна Иэмоти.
- 2) Создать при правительстве консультативный совет из пяти крупных *даймё* (княжества Сацума, Тёсю, Тоса, Сэндай, Кага).
- 3) Назначить Хитоцубаси Ёсинобу опекуном юного сёгуна, а Мацудайра Сюнгаку — главой правительства.

Эти требования, выработанные в рамках политического течения *кобу гаттай* (букв. «единство военной и придворной аристократии»), должны были снизить на-

пряжённость между правительством и императорским домом и расширить участие воинской элиты в управлении страной. Два первых пункта были выполнены полностью, а третий — частично: Мацудаёра Сюнгаку был назначен не главой правительства, а «куратором по вопросам политики» (*сэйдзи сосай*) при сёгуне Иэмоти. Ёсинобу же стал его личным опекуном и наставником, сменив в этой должности Токугава Ёсиёри из Таясу. При этом ни Ёсинобу, ни Сюнгаку формально не входили в состав правительства, однако их полномочия позволяли фактически руководить его работой.

Таким образом, полноценное участие Хитоцубаси Ёсинобу в политической жизни страны началось в июле 1862 года. Тогда же ему был возвращён и пост главы дома Хитоцубаси, самой влиятельной семейной ветви Токугава.

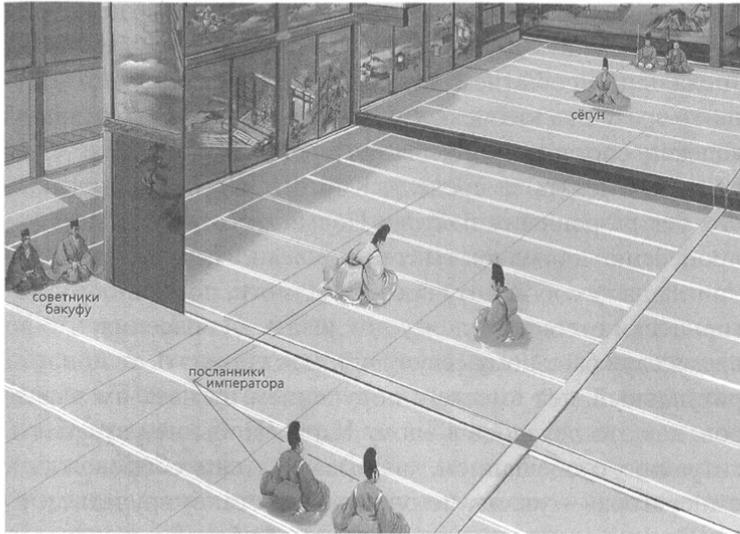
Кадровая реформа в правительстве дала немедленный практический результат. Как уже говорилось в предыдущей главе, были сокращены сроки и облегчены условия несения воинской службы удельных князей в Эдо и смягчены условия выезда из города для членов их семей. Посланников императора стали более уважительно принимать в замке, изменив для этого традиционный ритуал, а в Киото был учреждён пост военного губернатора; его занял князь Мацудаёра Катамори из Аидзу. Правительство объявило о том, что в ближайшее время глава сёгуната Иэмоти нанесёт императору визит, и в связи с этим обратилось к нему с просьбой отдать в жёны сёгуну одну из своих дочерей. Все эти шаги имели своей целью преодолеть раскол и консолидировать правящую элиту за счёт сближения военной и придворной аристократии. Как показали два предыдущих опроса, именно этот пункт набрал больше всего сторонников.

Процесс сближения проходил сложно. Император Комэй, оскорблённый действиями предыдущего правительства, дважды отказывал сёгуну в женитьбе на своей

дочери и дал согласие на брак только после того, как получил письменное обещание главы *бакуфу*, что иностранцы будут изгнаны из Японии. Затем началась подготовка визита Иэмоти в Киото. За два месяца до его начала, в январе 1863 года, туда выехал Ёсинобу. Однако сразу после обещания изгнать иностранцев правительство обратилось к императору с просьбой проявить понимание ситуации и немного подождать. Комэй в ответ красноречиво промолчал.

Пока Ёсинобу вёл трудные переговоры в Киото, противники открытия страны подали ему недвусмысленный сигнал, положив перед воротами храма, где он остановился, отрубленную голову. Она принадлежала довольно известному в то время самураю по имени Кагава Хадзимэ, соратнику Ии Наосукэ и активному участнику «террора годов Ансэй». Правую кисть Кагава убийцы положили перед воротами его покровителя Тигуса Арифуми, а левую — перед воротами Ивакура Томоми. Обоих аристократов они считали пособниками предателей из *бакуфу* во главе с Ии Наосукэ, допустивших в страну иностранцев. Отрубленная голова должна была показать Ёсинобу, что ждёт тех, кто игнорирует волю императора и идёт на поводу у «иностранных варваров».

Несмотря на все сложности, визит сёгуна в Киото всё же удалось согласовать; он состоялся в марте 1863 года. Посещение сёгуном императорского дворца само по себе стало сенсацией, поскольку за последние двести двадцать девять лет такого не случалось ни разу. Встреча главы сёгуната с монархом несколько снизила напряжение между двумя центрами власти, однако сказать, что визит завершился полным успехом, значило бы сильно погрешить против истины. С одной стороны, юный сёгун получил от императора благословение и подтверждение властных полномочий, а с другой — ему пришлось дать абсолютно невыполнимое обещание изгнать иностранцев не позднее

Посланники императора на приёме у сёгуна

10 мая текущего года. Этот визит показал, что по сравнению с 1634 годом, когда в Киото в последний раз встречали сёгуна Иэмицу с трёхсоттысячной армией, соотношение сил между двумя центрами власти кардинально изменилось, и не в пользу *бакуфу*.

Вернувшись в Эдо, Ёсинобу по итогам визита подготовил три документа: 1) проект указа об изгнании иностранцев; 2) проект указа об отсрочке его исполнения; 3) прошение об отставке с должности опекуна и советника сёгуна. Ни один из этих документов не был принят, а вот информация о том, что император Комэй и сёгун Иэмоти договорились о совместных действиях против иностранцев, широко распространилась и вызвала ряд инцидентов, от обстрела княжеством Тёсю иностранных судов до волны убийств сторонников открытия страны.

В августе того же года император впервые за много лет покинул свой дворец и совершил пышный выезд

в храм Касуга в соседней провинции Ямато, где вознёс богам молитву об изгнании иностранцев. Выезд стал эпохальным событием, показав, что монарх может нарушить сразу два ключевых правила из административного кодекса, составленного для него ещё Токугава Иэясу: во-первых, выехать за пределы Киото и, во-вторых, сделать это без разрешения *бакуфу*. Посмотреть на невиданную процессию собрались тысячи горожан. Император Комэй приглашал с собой в эту поездку Иэмоти, но Ёсинобу категорически отсоветовал ему это делать из опасения, что во время службы юному сёгуну придётся принять от монарха ритуальный меч вместе с поручением изгнать им варваров, как это делалось в эпоху Нара. Чтобы не усугублять ситуацию с обещанием, он вызвался сам сопровождать императора — уж ему-то он точно не станет вручать меч.

Воодушевлённый тактической победой, император Комэй весь 1863 год демонстрировал готовность усилить борьбу с иностранцами и лично её возглавить. На фоне роста антииностранных настроений в Киото начали стекаться его самые горячие сторонники, в основном выходцы из княжества Тёсю. Их поддерживала группа радикальных аристократов во главе с Сандзё Санэтоми. Под лозунгом «небесной кары» (*тэнтю*) сторонники императора нападали на всех, кого считали его врагами, требуя уже не только изгнания иностранцев, но и ликвидации *бакуфу*, к чему Комэй никогда не призывал и не стремился; в этом отношении крайние радикалы вызывали его недовольство.

Восемнадцатого августа 1863 года военный губернатор Киото Мацудайра Катамори предпринял против радикалов силовую акцию, в результате которой семеро аристократов были арестованы и посажены под домашний арест, а ополченцы из Тёсю высланы из столицы на родину. С этого дня императорская столица перешла под контроль правительственных сил, представленных отрядами из княжеств Аидзу, Сацума, Тоса и Увадзима.

Боевые действия в Киото потребовали от сёгуна ещё одного визита в императорский дворец. Он состоялся через пять месяцев, в январе 1864 года. Совершив пятисоткилометровое путешествие, Измоти получил от монарха очередное повышение придворного ранга и сразу две должности — Правого министра и Командующего правым крылом императорского дворца. В ходе визита состоялось заседание Политического консультативного комитета при правительстве (*санъё кайги*), созданного в ходе реформы 1862 года. На нём обсуждались два вопроса: 1) о политике по отношению к иностранцам; 2) о наказании княжества Тёсю (за обстрел иностранных судов в проливе Симоносэки и за беспорядки в Киото). Ни по одному из них не удалось прийти к общему мнению — во многом из-за разницы во взглядах между двумя самыми авторитетными членами комитета, Симадзу Хисамицу и Хитоцубаси Ёсинобу. Курс на открытие страны остался неизменным, а выполнение данного императору обещания решили начать с закрытия порта Иокогама. Позиция Ёсинобу, который в последнее время всё чаще отстаивал интересы не столько сёгуна, сколько императорского дома, была заме-

Императорский выезд в храм Касуга

чена в Киото, и уже через два месяца после совещания, в марте того же года, Комэй назначил его Командующим обороной императорского дворца (*кинри госюэй сотоку*). Теперь его главной заботой стала безопасность императора, причём защищать его он должен был не столько от иностранцев, которым въезд в Киото был закрыт, сколько от противников внутри страны. А насчёт того, кто к ним относился, существовало много разных мнений.

Приняв это назначение, Ёсинобу не мог больше оставаться опекуном сёгуна. Его переезд в Киото был согласован с правительством, тем не менее вызвал у многих подозрения: не сменил ли наставник сёгуна приоритеты, не перешёл ли в лагерь сторонников императора?

Вражда между сторонниками и противниками *бакуфу* на нижележащих уровнях продолжала обостряться и всё чаще выливалась в вооружённые стычки. Пятого июня 1864 года подчинявшийся Ёсинобу отряд правительственного «нового ополчения» (*синсэнгуми*) напал в Киото на ополченцев из княжеств Тёсю и Тоса. Бой начался поздно вечером в гостинице «Икэда» и продолжился утром следующего дня, поэтому известен как «инцидент в «Икэда» (*Икэдая дзикэн*). Он закончился арестом двадцати противников *бакуфу* и гибелью такого же числа участников — по десять с каждой стороны.

Императорская столица стремительно превращалась в центр вооружённого сопротивления сёгунату. Потерпев здесь два поражения подряд, княжество Тёсю в августе 1864 года предприняло крупный военный поход на Киото (*киммон но хэн*, букв. «инцидент у ворот дворца»). Его целями были объявлены защита императорского дома и изгнание из города сторонников *бакуфу*. Военный губернатор Мацудайра Катамори и Хитоцубаси Ёсинобу общими усилиями отразили нападение, но из-за широкого применения артиллерии с обеих сторон городу был нанесён большой ущерб. Одержав победу, правительство назвало

княжество Тёсю врагом императора и объявило против него военный поход. Это повлияло на расклад сил в руководстве княжества и привело к перевороту, в результате которого радикальная группировка была отстранена от власти, а её глава Масуда Тиканобу казнён. После того как новые руководители заявили, что прекращают борьбу и признают *бакуфу*, поход против Тёсю был отменён. Однако внутренняя борьба в княжестве на этом не закончилась — в декабре

Непримиримый враг
иностранцев
Накаока Синтаро

того же года радикалы во главе с Такасуги Синсаку свергли новое руководство и вернулись к власти. Объявив себя преемником казнённого Масуда, Такасуги начал готовиться к войне с правительством. Второй военный поход против Тёсю был объявлен в январе 1866 года.

Положение *бакуфу* осложнилось вмешательством западных держав, потребовавших выполнить данное ранее обещание открыть порт Хёго (современный Кобе). В преддверии войны с Тёсю правительство нуждалось в поддержке императора, который уже семь лет отказывался признать «неравноправные договоры» 1858 года, поэтому вряд ли можно было рассчитывать на его согласие в деле открытия города, расположенного всего в шестидесяти километрах от его дворца.

Решить эту задачу взялся Ёсинобу. На правительственном совещании он доказывал, что нарушение обещания, заложенного в соглашении 1858 года, может привести

к тяжёлым последствиям. Напоминал, что на иностранных кораблях, стоящих в заливе Осака, орудий больше, чем на всём восточном побережье, и что сопротивляться этой силе страна в данный момент не может. Рациональным компромиссом, по его мнению, было бы признание императором соглашений 1858 года в обмен на обещание правительства иностранцам открыть порт Хёго, но позднее. Переговоры с иностранными послами он обещал взять на себя.

На этом этапе Ёсинобу стал главным действующим лицом сложного переговорного процесса и добился успеха: 5 октября император Комэй утвердил подписанные правительством международные договоры 1858 года. Компромисс был достигнут, однако вызвал волну недовольства с обеих сторон. Радикальные сторонники императора возмущались тем, что после семи лет борьбы против международных договоров ему пришлось пойти на уступку, а в замке Эдо раздражение вызвал тот факт, что важнейшую для *бакуфу* задачу решил не сёгун с советниками, а доверенное лицо императора, выступавшее от их имени. Уж не намерен ли Ёсинобу вообще отодвинуть их на второй план и всё решать самостоятельно? Такие подозрения высказывались и раньше, когда он сблизился с императором Комэй и перестал появляться в Эдо, а теперь они только усилились.

Все эти события активно обсуждались и влияли на политику княжеств, прежде всего западных. В январе 1866 года руководители Тёсю (клан Мори) добились крупного успеха, заключив накануне войны с *бакуфу* военно-политический союз с влиятельным княжеством Сацума (клан Симадзу). Главная заслуга в этом принадлежала Сакамото Рёма, Кидо Такаёси и Сайго Такамори. Теперь правительству противостояло не одно, а два крупных княжества. Правда, руководители Сацума прибегли к дипломатической уловке, заявив, что считают предстоящие

боевые действия локальным конфликтом двух княжеств — Тёсю и Аидзу, поэтому не будут в нём участвовать. Для Тёсю это означало безопасность его юго-западной границы. Тем не менее армия *бакуфу*, составленная из отрядов двадцати четырёх княжеств, всё равно имела большой численный перевес.

Боевые действия начались 7 июня 1866 года в провинции Суо и постепенно набирали силу по мере подхода новых отрядов *бакуфу*. Сёгун Иэмоти, заболевший ещё весной, чувствовал себя всё хуже и, несмотря на все усилия врачей, скончался 20 июля в замке Осака. Во время болезни он говорил советникам, что хотел бы видеть своим преемником Таясу Камэносукэ, которому в тот момент шёл третий год, однако это его пожелание не было документально оформлено, поэтому, пока шли бои, вопрос о следующем сёгуне официально не обсуждался.

Неожиданная смерть главнокомандующего осложнила положение *бакуфу*, но фактически руководивший боевыми действиями Ёсинобу поначалу был настроен на продолжение борьбы. На предложение князя Сацума: 1) прекратить боевые действия; 2) распустить армию Тёсю и 3) провести правительственную реформу — Ёсинобу ответил отказом. В первых числах августа он выехал в Киото, получил от императора мандат на продолжение боевых действий и объявил, что занимает место Иэмоти во главе правящей семейной ветви Токугава и берёт себе эту фамилию. О должности сёгуна речи пока не шло; несколько месяцев она оставалась вакантной.

Решающее влияние на исход второй войны с Тёсю оказала ситуация на острове Кюсю, где боевыми действиями руководил советник *бакуфу* Огасавара Нагамити (1822–1891). Несмотря на численное превосходство, правительственные силы были хуже вооружены и слабо мотивированы. Местные командиры, не желавшие воевать против своих соседей, под разными предлогами укло-

нялись от боевых действий или вообще покидали позиции. Узнав о смерти сёгуна, Огасавара всё бросил и уехал в Эдо. Оставленный им замок Кокура, опорный пункт сил *бакуфу*, первого августа был сожжён, и боевые действия естественным образом прекратились; на острове Кюсю правительство потерпело поражение.

После этого воевать дальше было невозможно, и Ёсинобу доложил императору, что намерен заключить перемирие. Через своего представителя Кацу Кайсю он сообщил руководителям Тёсю, что согласен расширить участие удельных князей в выработке политики и даже готов обсудить вопрос о передаче власти императорскому дому. Радикальные сторонники *бакуфу* во главе с княжеством Аидзу были категорически против и требовали продолжения войны, но Ёсинобу сумел настоять на своём.

Представители *бакуфу* и княжества Тёсю встретились в провинции Аки и 2 сентября подписали мирное соглашение, которое через несколько дней утвердил своим указом император. Таким образом, правительству не удалось одержать победу над княжеством Тёсю; уже тогда соратники слышали от Ёсинобу фразы о том, что «время *бакуфу* кончилось» (Такано, 1997). Тем не менее пост сёгуна оставался вакантным, и кто-то должен был его занять, ибо как ни критиковали правительство, только оно имело легальный статус и рабочие органы управления.

Пожелание Измоти передать пост малолетнему племяннику Таясу Камэносукэ (впоследствии Токугава Иэсато) поддержали некоторые родственники и влиятельные дамы из Большого внутреннего покоя, однако в правительстве это волеизъявление посчитали несостоятельным, как и всё правление четырнадцатого сёгуна. Назначение трёхлетнего мальчика главой *бакуфу* грозило окончательно обрушить и без того шаткое доверие к сёгунату и ускорило бы его кончину. Дважды кандидат в сёгуны Токугава Ёсинобу, фактически руководивший правительством все

эти годы вместо Иэмоти, не имел конкурентов, однако в новых условиях его назначение требовало, во-первых, одобрения императорского дома, а во-вторых, признания со стороны воинской элиты.

Для участия в совещании, на котором должен был решаться вопрос о следующем сёгуне, разослали приглашения двадцати четырём удельным князьям, однако приехали лишь семеро — из княжеств Кага, Окаяма, Мацуэ, Токусима, Цу, Фукуока и Ёнэдзава. В начале ноября Ёсинобу встретился с ними и изложил суть дела, после чего все разъехались по домам, а 19 ноября вновь прибыли в Киото и представили свои соображения. Все поддержали кандидатуру Ёсинобу, и, таким образом, решение состоялось. Император Комэй с самого начала заявил, что хочет видеть его следующим сёгуном, поэтому без колебаний утвердил это решение своим указом от 27 ноября. Часть придворной аристократии воспротивилась назначению, в результате чего двадцать два человека были изгнаны из дворца.

Церемония вступления в должность пятнадцатого сёгуна состоялась 5 декабря в замке Осака. Иностранцев послать на неё тоже пригласили, но они согласились присутствовать только после того, как Ёсинобу ещё раз подтвердил, что порт Хёго будет непременно открыт.

Через двадцать дней заразился оспой и умер совсем ещё молодой тридцатипятилетний император Комэй. Его смерть изменила расклад сил во дворце в пользу противников сёгуната и ещё больше обострила борьбу. Как обычно, город наполнился

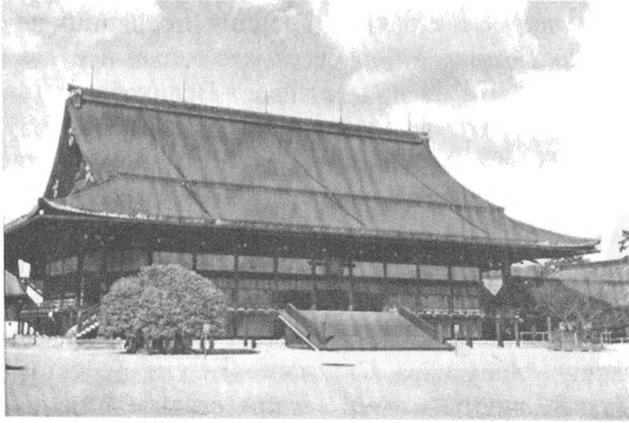
Император Комэй

слухами, что императора отравили враги, недовольные его уступками правительству; чаще всего в них звучало имя непримиримого противника *бакуфу*, низкорангового аристократа Ивакура Томоми.

Трон перешёл к пятнадцатилетнему сыну монарха Муцухито, будущему императору Мэйдзи. Опекуном юноши, ещё не прошедшего обряд совершеннолетия, стал его пятидесятисемилетний дед, убеждённый противник *бакуфу* Накаяма Тадаясу, а ключевую должность Регента (*кампаку*) занимал аристократ Нидзё Нариюки, поддерживавший тесные связи с княжеством Сацума. Такой расклад сил не сулил новому сёгуну и его правительству ничего хорошего. Смерть императора лишила Ёсинобу его главного политического союзника, который хотя и требовал изгнания иностранцев, но полностью ему доверял и в решающие моменты всегда поддерживал. Кроме того, император Комэй, в отличие от своих радикальных сторонников, не говорил о ликвидации сёгуната и возврате власти императорскому дому. Теперь же ситуация кардинально изменилась.

После вступления в должность Ёсинобу не поехал в Эдо — сейчас всё решалось на западе страны. В первую очередь предстояло подготовиться к продолжению войны против Тёсю и решить вопрос с открытием порта Хёго. Расположенный рядом с Киото и Осака, он давал иностранцам доступ к крупнейшему промышленному и торговому региону, поэтому они не собирались снижать давление на правительство. Занимаясь этим вопросом, Ёсинобу несколько месяцев курсировал между Киото и Осака.

Противники сёгуната прилагали все усилия, чтобы затруднить ему эту задачу: с одной стороны, в контактах с иностранцами поддерживали их требования ускорить открытие порта, а с другой — подогревали в среде противников *бакуфу* антииностранные настроения и говори-

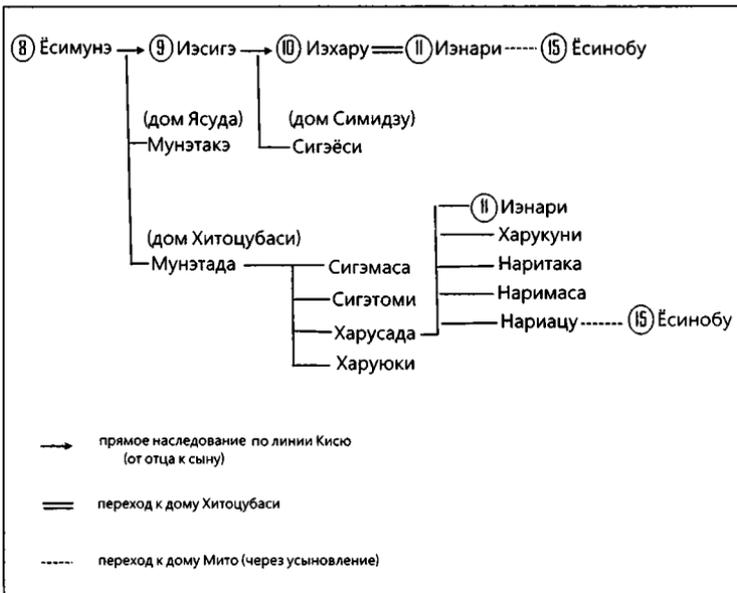
Императорский дворец в Киото

ли о необходимости свергнуть правительство. Ёсинобу стремился сохранить партнёрские отношения с императорским домом и действовать вместе с ним против радикалов, а последние изо всех сил старались не допустить этого союза. В этих условиях позиция императорского дома приобретала особое значение.

Главные европейские игроки — Франция и Великобритания — в борьбе за японский рынок сделали ставку на противоборствующие стороны: Франция поддержала сёгунат, а Великобритания — княжество Тёсю. В феврале 1867 года Ёсинобу пригласил в замок Осака французского посланника Леона Роше и обсудил с ним ситуацию. Француз предложил сёгуну конкретный план действий. Первое: открыть порт Хёго, продемонстрировав тем самым лидерские качества и готовность действовать решительно. Второе: привлечь на свою сторону императорский дом, разъяснив ему необходимость реформ и технической модернизации. Третье: реформировать *бакуфу* за счёт создания современных министерств и назначения на ключе-

вые должности верных вассалов из числа *фудай даймё* и *хатамото*. Со стороны Франции посланник обещал полное содействие в борьбе с мятежниками и всячески подчёркивал, что их поддерживает Великобритания, поэтому правительству на неё рассчитывать не стоит.

Ёсинобу принял программу французского посланника и приступил к её реализации. В *бакуфу* появились три гражданских министерства (финансов, внутренних дел и иностранных дел) и два военных (сухопутное и морское). В мае 1867 года сёгун провёл два совещания: одно в Осака с участием ведущих политиков (Симадзу Хисамицу, Мацудайра Сюнгаку, Ямаути Тоёсигэ, Датэ Мунэнари), другое в Киото с представителями императорского двора. По их результатам были приняты важные решения: 1) об открытии порта Хёго с 1 января 1868 года; 2) о смягчении позиции *бакуфу* по отношению к княже-

Генеалогия семейной ветви восьмого сёгуна Ёсимунэ

ству Тёсю. Показав, что умеет находить решения в трудной ситуации, Ёсинобу одержал дипломатическую победу, однако этот успех не оставил его противникам иного пути, кроме курса на обострение борьбы.

К июню 1867 года в лагере противников *бакуфу* появилась политическая программа, обозначившая их главные требования. Итоги споров и дискуссий обобщил Сакамото Рёма (1836–1867), сын крупного торговца из княжества Тоса. Попав в водоворот политических событий, он стал убеждённым монархистом и в июне 1867 года представил князю Тоса Ямаути Тоёсигэ докладную записку с перечнем основных требований к правительству. Записка была составлена Сакамото во время морского перехода из Нагасаки в Киото, поэтому известна под названием «восемь судовых пунктов» (*сэнтю хассаку*).

1. Передача политической власти императору.
2. Учреждение двухпалатного парламента.
3. Смена политической элиты.
4. Пересмотр неравноправных международных договоров.
5. Принятие конституции.
6. Создание современного флота.
7. Создание современной армии.
8. Ликвидация разницы во внутренних и внешних ценах на золото и серебро.

Противники *бакуфу* во главе с Сайго Такамори и Окубо Тосимити из княжества Сацума приняли программу Сакамото и заключили союз с княжеством Тоса, однако свои дальнейшие действия они представляли по-разному: лидеры Сацума в случае отказа *бакуфу* были готовы воевать, в то время как в Тоса заявили, что будут действовать исключительно мирными средствами. Третьего октября помощник князя Тоса по политическим вопросам

Гото Сёдзиро передал советнику *бакуфу* Итакура Кацукиё программные требования Сакамото. Через три дня о поддержке этих требований заявило княжество Хиросима.

О программе Сакамото в *бакуфу* знали и раньше, но обсуждать её официально начали только после представления, в начале октября. Одни предлагали сёгуну прекратить губительное двоевластие, ведущее к развалу страны, и передать все политические полномочия императору, другие — во главе с руководителями княжеств Аидзу и Кувана — не признавали никаких компромиссов с мятежниками и требовали продолжения боевых действий.

Десять дней Ёсинобу выслушивал разные мнения и думал, как поступить. Тринадцатого октября он собрал в замке Нидзё сорок удельных князей и попросил их высказаться по вопросу о передаче власти императору. Большинство собравшихся промолчали, а княжества Сацума, Тоса, Хиросима и Фукуока выступили за передачу. Радикальная правительственная группировка в тот же день, 13 октября, подготовила проект указа об объявлении войны княжеству Сацума, а на следующий день — княжеству Тёсю.

Единственный вывод, который можно было сделать по итогам встречи с удельными князьями, состоял в том, что в борьбе с императорским домом *бакуфу* уже не может рассчитывать на широкую поддержку воинской элиты. И это повлияло на решение Ёсинобу. Четырнадцатого октября он сам отвёз во дворец указ *Тайсэй хокан* (букв. «возврат власти»), в котором говорилось, что он передаёт власть императорскому дому и настаивает на немедленном её принятии. В тот же день император Муцухито собрал большой придворный совет; заседание во дворце началось днём и продолжалось до двух часов ночи.

Предлагая императору немедленно и в полном объёме взять на себя управление страной, Ёсинобу понимал, что практически это сделать невозможно. Он был уверен,

что император не сможет обойтись без помощи правительства и скорее всего попросит его ещё какое-то время исполнять свои функции. В подписанном им указе ничего не говорилось об отставке с поста сёгуна, — следовательно, Ёсинобу по-прежнему оставался главой правительства, хотя и с неопределёнными полномочиями. Это позволяло надеяться на создание коалиционного правительства с участием императора, проведение реформ и модернизации страны с сохранением руководящей роли династии Токугава.

Сёгун Ёсинобу
(март 1867 года)

Однако у противников Ёсинобу были совсем другие планы. Узнав о его решении уступить власть, радикалы в ближайшем окружении императора немедленно подготовили тайный указ о свержении *бакуфу*, адресованный княжествам Тёсю и Сацума. Через неделю Муцухито его отозвал, однако слухи о том, что император объявил сёгуну войну, ещё какое-то время циркулировали среди его сторонников.

Беспрецедентное решение Ёсинобу добровольно уступить власть стало неожиданностью не только для большинства княжеств, но и для оставшихся в Эдо членов правительства. Им пришлось в спешном порядке выехать в Осака, чтобы получить у сёгуна подтверждение. Он объяснял своим сторонникам, что этот шаг поможет снизить накал борьбы, но по сути ничего не изменит: не имея органов управления,

император не сможет реализовать свои властные полномочия и будет вынужден вернуть их правительству, частично или полностью.

В общем, так и произошло: 23 октября Муцухито поручил *бакуфу* продолжать заниматься внешней политикой, а ещё через три дня по просьбе ряда княжеств временно возложил на него обязанности по управлению страной. Таким образом, порядок, существовавший до 14 октября, формально был восстановлен, но с одним отличием: теперь властными полномочиями распорядился не сёгун, а император. Точнее говоря, его ближайшее окружение, поскольку самому монарху 3 октября исполнилось всего пятнадцать лет. А в его окружении были самые разные люди: во дворце тоже шла борьба между умеренными и радикалами. Как и на улицах столицы: вечером 15 ноября неподалёку от дворца сторонники *бакуфу* выследили и убили Сакамото Рёма, которого считали одним из главных виновников случившегося. В условиях нарастающей напряжённости отряд княжества Сацума численностью в три тысячи человек в конце ноября вошёл в Киото, а отряд Тёсю — в город Нисиномия в соседней провинции Сэццу.

Девятого декабря в императорском дворце решался вопрос о власти. За день до этого отряды из Сацума, Хиросима, Фукуи, Овари и Тоса вошли в столицу и взяли под охрану прилегающие к дворцу кварталы. На совещании высказывались разные мнения, но победила радикальная точка зрения, которую отстаивали представители княжеств Сацума и Хиросима. В этот день император Муцухито издал указ, положивший начало новой эпохе в истории страны. В нём говорилось, что должность сёгуна упраздняется, *бакуфу* лишается своих полномочий, а вся власть переходит к новому правительству, назначенному императором. Ведущие позиции в нём заняли Окубо Тосимити и Сайго Такамори из Сацума, Кидо Такаёси и Ито Хиробуми из Тёсю, Итагаки Тайсукэ из Тоса, Окума Сигэнобу из Хидзэн. От придвор-

ной аристократии в императорское правительство вошли Ивакура Томоми и Сандзё Санэтоми.

По сёгуну Ёсинобу были приняты отдельные решения: ему предложили добровольно отказаться от придворной должности Внутреннего министра и передать императору все земельные владения Токугава. На то, что сёгун с этим согласится, никто не рассчитывал, поэтому требование о передаче земельных владений можно было считать объявлением войны.

Сакамото Рёма

Ёсинобу тоже был приглашён на совещание во дворце, но не поехал. На следующий день удельные князья Токугава Ёсикацу из Овари и Мацудайра Сюнгаку из Этидзэн прибыли в замок Нидзё и передали ему требования нового правительства. Он встретил их внешне спокойно и сказал, что должен всё обдумать. Самый простой план состоял в том, чтобы немедленно собрать своих людей и расправиться с засевшими во дворце самозванцами. Но Ёсинобу не любил спонтанных решений. Учреждение императорского правительства и его решения стали для него неожиданностью; сражение в столице, само по себе нежелательное, не было подготовлено и не гарантировало успеха. Через два дня он вместе со своими сторонниками ушёл в Осака, чтобы тщательно всё обдумать и принять решение.

Если до 9 декабря в стране было формальное двоевластие, то после указа оно стало фактическим. На бумаге *бакуфу* было распущено, но в действительности оставалось

главной действующей силой, а новое императорское правительство, наоборот, хотя и объявлено существующим, не имело пока никаких реальных полномочий, кроме права издавать указы. Страна ждала, чем закончится противостояние, и выяснить это можно было только на поле боя.

На западные княжества надеяться не приходилось, поэтому Ёсинобу отправил в Эдо советников с заданием мобилизовать все силы, сохранившие верность правительству, и морем доставить их в Осака. Встретившись с послами Франции и Великобритании, он объявил, что по-прежнему управляет страной, а созданное в Киото правительство незаконно и не имеет никаких полномочий. Через два дня он принял ещё шестерых иностранных послов и повторил им то же самое, особо подчеркнув, что вопросы внешней политики остаются в его ведении.

В отсутствие сёгуна и многих руководителей *бакуфу* стала осложняться ситуация в Эдо. С середины октября по городу ходили слухи о тайном указе императора с объявлением войны сёгунату; одни говорили, что он был издан, но отменён, другие доказывали, что остаётся в силе и требует действий. Около полутора сотен сторонников императора объединились в боевой отряд, дали друг другу клятву верности и начали нападать на вассалов *бакуфу*. Уходя от преследования после боевых вылазок, они неизменно находили приют в городской усадьбе князя Сацума, перед воротами которой их преследователи были вынуждены останавливаться. Городской магистрат доложил правительству, что усадьба служит официальным укрытием для вооружённых преступников, и запросил разрешение на штурм.

Двадцать четвёртого декабря около тысячи человек, по большей части выходцы из княжества Сёнай, окружили усадьбу Сацума и предъявили её управляющему приказ *бакуфу* о выдаче скрывавшихся в ней разбойников. Получив отказ, командующий операцией отдал приказ

о штурме. В результате трёхчасового боя с применением артиллерии резиденция князя Сацума была сожжена и разрушена, шестьдесят четыре её защитника погибли и более ста человек арестованы.

Ёсинобу узнал об этом через три дня, 28 декабря. Прибывшие в Осака Такигава Томоаки и Оно Томогоро, оба сторонники решительных действий, описали ситуацию в Эдо и сам инцидент таким образом, что необходимость наказания провокаторов из Сацума стала совершенно очевидной. Ёсинобу решил, что пришло время действовать. Отдав приказ разрушить осакскую резиденцию князя Сацума, он отправил императору и послам ведущих западных стран извещения о том, что правительство начинает против княжества Сацума карательную операцию в Киото. Будучи уверенным в победе, он попро-

Усадьба князя Сацума

сил находившихся там князей Овари и Этидзэн, которых считал своими союзниками, обеспечить безопасность императорского дворца и не допустить бегства из столицы руководителей Сацума.

Для обсуждения ситуации новое правительство собралось на экстренное совещание. Представители умеренного крыла предложили считать предстоящее боевое столкновение конфликтом между *бакуфу* и княжеством Сацума и занять нейтральную позицию, однако большинство высказалось за радикальный вариант — принять вызов и бросить все силы на разгром сёгуната.

Боевые действия начались 2 января 1868 года с обстрела двух кораблей Сацума в заливе Хёго. В тот же день пятнадцатитысячная армия *бакуфу* двинулась на Киото двумя колоннами, в направлении Тобу и Фусими. Её основу составляли отряды княжеств Аидзу, Кувана и бойцы «нового народного ополчения» (*синсэнгуми*). В южном пригороде столицы наступавших встретил объединённый отряд Сацума и Тёсю численностью около пяти тысяч человек. Над их головами развевались императорские стяги. После 9 декабря противники сёгуната из мятежников и врагов императорского дома превратились в его защитников — это кардинально меняло моральное соотношение сил и мотивацию участников предстоящего сражения. Кроме того, отряды Тёсю и Сацума благодаря сотрудничеству с англичанами были лучше обучены и вооружены.

Третьего января в первой половине дня армия *бакуфу* подошла к передовым постам противника в районе Тоба, южном пригороде столицы, и потребовала пропустить её в город. Им ответили, что для этого необходимо разрешение нового правительства. Несколько часов противники стояли друг против друга, и около пяти вечера армия *бакуфу* пошла вперёд. Бой продолжался долго, до наступления темноты, и закончился в пользу

оборонявшихся. Понеся большие потери, силы *бакуфу* отступили.

Второй бой шёл в это же время в районе Фусими, неподалёку от Тоба. Там отряд Сацума тоже преградил путь противнику и, услышав звуки стрельбы по соседству, первым открыл огонь. Здесь бой продолжался гораздо дольше, до полуночи, и тоже закончился не в пользу наступавших.

В течение следующих трёх дней в Киото подходили разрозненные отряды тех, кто решил встать на сторону нового правительства, и бои в пригороде продолжались, но они не изменили общего результата — армия *бакуфу* так и не смогла войти в столицу.

Поняв, что операция провалилась, Ёсинобу 6 января вернулся в Осака и на следующий день с несколькими членами правительства отбыл на судне в Эдо; в тот же день закончились бои в пригородах Киото. Одни сторонники *бакуфу* отправились в Эдо, другие разъехались по домам.

Седьмого января новое правительство объявило сёгуна врагом императорского дома и издало указ о военном походе против него. Гарнизон замка Осака, главного опорного пункта *бакуфу* в западной части страны, оставил крепость, и 9 января в него вошли ополченцы княжества Тёсю. Киото и Осака, главные города на западе страны, перешли под контроль новой власти. В течение следующей недели все западные княжества, а также Овари и Кувана, бывшие сторонники *бакуфу*, признали новое правительство. В конце января послы западных стран сделали официальные заявления, что не будут вмешиваться во внутренний конфликт.

Вернувшись в Эдо, Ёсинобу поселился не в замке, а в городской усадьбе Хитоцубаси. Его поспешный отъезд из Осака ещё не означал капитуляции; окончательное решение он хотел принять в своём городе, среди единомышленников, а не на враждебном западе. Несмотря на военную

неудачу под Киото, в руководстве *бакуфу* доминировал боевой настрой. Министр финансов Огури Тадамаса, командующий сухопутной армией Отори Кэйсукэ и министр флота Эномото Такэаки задавали тон в настроениях чиновников, призывавших Ёсинобу не сдаваться и проучить новоявленных самозванцев. Пятнадцатого января сёгун уволил самого активного «ястреба», министра финансов Огури. Он явно колебался и раздумывал. В письме Мацудайра Сюнгаку от 17 января Ёсинобу объяснял поражение в Киото вероломством нападения противника и осуждал указ от 9 декабря, называя его необдуманным и чрезмерным (Исии, 1974).

Во второй половине месяца он ещё трижды — 19, 26 и 27 января — встречался с послом Франции и обсуждал с ним ситуацию. Ёсинобу говорил, что считает своей обязанностью защищать имущественные права династии Токугава и готов делать это до последнего. С учётом того, что восточная часть страны оставалась под контролем *бакуфу*, Леон Роше предложил провести разграничительную линию в районе Сумпу и укрепить её верными частями; это давало шанс на сохранение земельных владений.

Сайго Такамори

Одновременно с этим он рекомендовал убрать из правительства всех «ястребов» и назначить на ключевые должности умеренных политиков, чтобы показать, что он не претендует на контроль над всей страной и готов довольствоваться её восточной частью. В этом случае французский посол обещал сёгуну своё по-

средничество на переговорах с Киото и уход в отставку на приемлемых условиях.

Ёсинобу частично последовал этим советам, назначив руководителями *бакуфу* умеренных политиков Кацу Кайсю и Окубо Тадахиро. Однако переговоры Леона Роше с руководителями нового правительства провалились: они потребовали от сёгуна безоговорочной капитуляции и ликвидации *бакуфу*. Поручив Кацу и Окубо договориться с Киото о предотвращении гражданской войны, Ёсинобу принял окончательное решение. Пятого февраля в письме на имя Мацудайра Сюнгаку он сообщил, что оставляет свой пост, не выдвигая никаких условий, и заключает себя под домашний арест. Двенадцатого февраля он переехал из городской усадьбы в храм Канъэй, где находилась одна из двух семейных усыпальниц Токугава.

В начале февраля новое правительство объявило, что начинает военный поход против *бакуфу*. Звание *сэйи тайсёгун* и ритуальный меч от императора получил принц Арисугаваномия, а командующим операцией был назначен Сайго Такамори. Девятого февраля императорская армия выступила из Киото и двинулась на восток.

Узнав о решении Ёсинобу, несколько политиков обратились к императору с просьбой сохранить династию Токугава и жизнь последнего сёгуна. Все ключевые вопросы текущего момента решались на переговорах Сайго Такамори и Кацу Кайсю. Они продолжались два дня, 13 и 14 марта. Стороны договорились о предотвращении гражданской войны и мирной передаче замка Эдо. Новое правительство гарантировало Ёсинобу личную безопасность при условии, что он останется под домашним арестом и будет отбывать его не в Эдо, а в родовом замке Мито в провинции Хитати (современная префектура Ибараки). От него также потребовали уйти с поста главы правящей семейной ветви. Важную роль в судьбе отставного сёгуна сыграл британский посол Гарри Паркс, заявивший,

что жестокость по отношению к политическим оппонентам может подорвать доверие западных стран к новому правительству и осложнить дальнейшее сотрудничество. Умеренные политики в Киото также говорили о том, что нельзя полностью перечёркивать всю историю сёгуната и напоминали о заслугах отца Ёсинобу в деле обновления страны.

Главным символом окончательной смены власти стала передача новому правительству замка Эдо. Она состоя-

*Переговоры. Сайго Такамори (слева)
и Кацу Кайсю*

лась 11 апреля. Уходящую власть представлял командующий сухопутными войсками *бакуфу* Кацу Кайсю (1823–1899), а новую — Сайго Такамори (1828–1877). Это был переломный момент, означавший конец одной эпохи и начало другой. В этот день Ёсинобу в сопровождении младшего советника *бакуфу* Асано Удзисукэ и небольшой охраны выехал в княжество Мито. Главой семейной династии Токугава новое правительство назначило четырёхлетнего Таясу Камэносукэ, которого два года назад хотел видеть своим преемником четырнадцатый сёгун Иэмоти.

Новая власть оставила последнему сёгуну земельные владения с годовым доходом в семьсот тысяч *коку* риса. Через два месяца после переезда в Мито ему предложили сменить место жительства, поскольку в районе Канто продолжались боевые действия между новым правительством и не желавшими сдаваться сторонниками *бакуфу*. Ёсинобу выбрал Сумпу — город, где родился и закончил свою жизнь основатель династии Токугава Иэясу. Двадцать третьего июля он поселился в местном храме, где провёл следующие пятнадцать месяцев, пока продолжалась гражданская война. Двадцать третьего сентября 1868 она закончилась, и через десять дней ему разрешили переехать в городской дом. Вскоре к нему присоединилась жена Микако, всё это время жившая в Эдо.

Кацу Кайсю во время передачи замка Эдо

С декабря 1867 года в Японии началась новая историческая эпоха, реформы которой кардинально изменили облик страны. Главный город был переименован из Эдо в Токио, сюда переехало новое правительство, а в замке сёгуна поселился император Муцухито. Сословия были упразднены, провинции и княжества укрупнены и преобразованы в префектуры, а бывшие удельные князья стали их губернаторами. Провинция Суруга, в которой жил Ёсинобу, была переименована в Сидзуока, такое же название получил её главный город Сумпу. Первым губернатором префектуры стал малолетний глава династии Таясу Камэносукэ, вскоре сменивший имя на Токугава Иэсато (1863–1940).

Следующие тридцать лет отставной сёгун практически безвыездно жил в Сидзуока, с головой погрузившись в личную жизнь и увлечения. В истории нечасто можно встретить примеры столь контрастного перехода от максимальной вовлечённости в ключевые события своего времени к социальному забвению и полному штилю. С пятнадцатым сёгуном Токугава произошло именно это: с двадцати лет он находился в центре политической жизни и навсегда исчез из неё на тридцать первом году, когда у многих всё только начинается.

О том, как жил и чем занимался пятнадцатый сёгун с 1872 по 1912 год, можно узнать из его сорокатырёхтомной биографии *Кафу никки* («Хроники Его Превосходительства»), составленной бывшим служащим *бакуфу* Сибусава Эйити.

Поначалу главным увлечением Ёсинобу была охота. Первая биографическая запись, сделанная в январе 1872 года, гласит, что он ездил охотиться второго, четвертого и пятого числа. Восьмого января — верховая прогулка, десятого и тринадцатого — снова охота. И так далее. Из дома Ёсинобу выезжал каждый день — верхом

или на рикше, с женой или двумя наложницами. Его излюбленным местом посещений была ближайшая к дому река Симидзу, где он ловил рыбу сетью. Иногда бывший сёгун посещал горячие источники, а дома писал сценарии для театра Но, занимался европейской и национальной живописью, пробовал себя в поэзии. В 1888 году он заинтересовался недавно появившейся фотографией — стал приглашать в усадьбу бывшего служащего *бакуфу*, который открыл в городе фотоателье, и брать у него уроки. Сделанные для него снимки дарил друзьям и родственникам, а в 1893 году сам взял в руки камеру и стал регулярно выезжать на фотосессии. Согласно той же хронике, поначалу он делал это по двадцать пять — тридцать раз в год и больше всего любил снимать пейзажи. В этом увлечении достиг полупрофессионального уровня и несколько раз посылал свои снимки в журналы для публикации, но их не приняли. Впоследствии к этим увлечениям добавились езда на велосипеде и работа с холодным фарфором.

Бывший сёгун вёл размеренный образ жизни и строго соблюдал распорядок дня. В соответствии с полученным в детстве воспитанием ложился и вставал в одно и то же время, ежедневно гулял на свежем воздухе. Ходил всегда прямо и твёрдо, заложив руки за спину. Иногда у него портилось настроение и на него нападала хандра; в такие периоды он мог день или два ни с кем не разговаривать. По совету врача занимался дыхательной гимнастикой, восстанавливая душевное равновесие. В молодости Ёсинобу очень любил *сакэ*, но в зрелом возрасте совсем отказался от спиртного.

В 1877 году к нему в гости приехала мать и прожила в Сидзуока около месяца. Она выделяла Ёсинобу среди других сыновей и говорила, что он больше всех похож на отца. Жена Микако приехала к мужу в 1868 году и прожила с ним двадцать пять лет. В последние годы она болела и несколько раз выезжала в Токио на операции. Весной

1894 года Микако уехала в столицу на очередной курс лечения, там почувствовала себя хуже и в июле умерла. Её брак с Ёсинобу был устойчив и продлился почти сорок лет, хотя поначалу отношения между супругами не складывались — согласно устным свидетельствам, через полтора года после замужества Микако пыталась покончить с собой. Они поженились в декабре 1855 года, когда жениху было восемнадцать, а невесте двадцать лет. Единственная дочь, родившаяся в этом браке, умерла в раннем возрасте, других детей у супругов не было. В Сидзуока семейный мир восстановился, причём важным фактором гармонии стали две наложницы Ёсинобу, Симмура Нобу и Наканэ Ко. Он оставался бездетным до тридцати четырёх лет, но затем гражданские жёны на двоих родили ему десять сыновей и одиннадцать дочерей. Женщины прекрасно ладили между собой и вместе воспитывали детей Ёсинобу; его законная жена спокойно относилась к их присутствию.

В Токио бывший сёгун выезжал крайне редко — всего пять раз за тридцать лет; только чтобы навестить во время болезни мать и жену и два раза на их похороны. В 1878 году в Сидзуока проездом остановился император Мэйдзи, и губернаторство по этому случаю устроило званый ужин. Ёсинобу тоже получил на него приглашение, но вежливо отказался.

Свой шестидесятилетний юбилей он встретил в сентябре 1897 года в полном здравии и хорошем настроении. По случаю знаменательной даты в семье было принято важное решение — переехать в Токио. Ёсинобу поселился в районе Сэтагая, рядом с железнодорожной станцией Сугамо, в просторной усадьбе площадью около десяти тысяч квадратных метров. Из-за подготовки к переезду празднование его юбилея было перенесено на февраль следующего года. А через месяц после этого бывший сёгун получил от императора приглашение во дворец. В послед-

ний раз они встречались тридцать лет назад, когда Мэйдзи едва исполнилось пятнадцать лет, а тридцатилетний Ёсинобу ещё возглавлял *бакуфу*. Теперь их роли поменялись: обожествлённый император принимал последнего сёгуна в его бывшем замке.

Несмотря на уединённый образ жизни отставного правителя, новая власть о нём не забывала. В решающий момент он сумел подавить личные амбиции

и отказался воевать с императорским домом, хотя многие сторонники его за это осуждали и называли предателем. Мирный переход власти и гражданская война со сравнительно небольшим числом жертв стали результатом его личного решения, и это было оценено. В последующие тридцать лет император не только возвратил Ёсинобу его прежние придворные регалии, но и добавил новые. В 1872 году ему был присвоен неполный четвёртый ранг, в 1880 году — полный второй, который он имел на посту сёгуна, а в 1888 году — неполный первый ранг. Таким образом, придворный статус последнего сёгуна был полностью восстановлен и давал право личной аудиенции у императора. Их связывали и родственные узы: жена Мэйдзи была родной, а жена Ёсинобу — приёмной дочерью главы аристократического дома Итидзэ; по тогдашним правилам они считались сёстрами. Встреча сёгуна и императора прошла дружелюбно и стала актом формального примирения старой и новой власти. В соответствии с первым пунктом конституции принца Сётоку, написанной ещё

Микако, жена Ёсинобу

в VII веке, — о приоритете гармонии в человеческих отношениях.

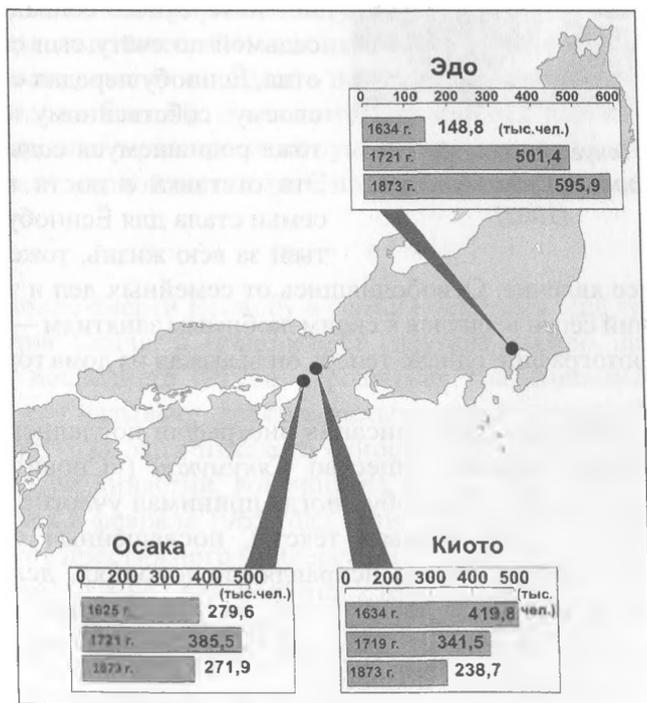
Перед встречей с императором Ёсинобу попросил Кацу Кайсю, который все эти годы оставался его доверенным лицом, сделать так, чтобы во время визита исключить встречу с кем-либо из бывших удельных князей, ставших баронами, графами и губернаторами. Вероятнее всего, из-за отсутствия ритуала, которого следовало бы придерживаться в этом случае обеим сторонам.

После встречи с императором курс на примирение и забвение прежних обид был продолжен. Двадцать второго июня 1900 года Ёсинобу был присвоен древний придворный титул *дзяконома сико*, благодаря которому он вошёл в состав новой японской аристократии. Ещё через два года он получил высшее в политической иерархии того времени звание графа (*косяку*) и право заседать в верхней палате парламента. Впрочем, он им ни разу не воспользовался. Также Ёсинобу был возвращён пост главы династии Токугава, который у него отняли тридцать два года назад. Без этого последнего шага восстановление социального статуса было бы неполным. Теперь потомкам Ёсинобу были гарантированы высокий доход, уважение и место в политической элите страны. Начиная с этого года 22 июня отмечалось в семье пятнадцатого сёгуна как день полной реабилитации.

Чем дальше в прошлое уходили драматические события реставрации Мэйдзи, тем лучше становилось отношение к последнему сёгуну. В 1908 году семидесятилетний Ёсинобу был удостоен высшей награды страны, ордена Восходящего солнца первой степени. Однако никакие награды и поощрения не могли заставить его изменить раз и навсегда принятое решение — уйти из политической жизни. Побывав на вершине власти, он больше не хотел с ней соприкоснуться и благодаря этому стал единственным из пятнадцати сёгунов Токугава, который после выхода

в отставку не занимался никакой общественно-политической деятельностью.

Формально Ёсинобу занимал высший пост с 5 декабря 1866 года по 9 декабря 1867 года. Триста шестьдесят девять дней, меньше, чем кто-либо из четырнадцати его предшественников. Однако фактически он шесть лет находился в высшем эшелоне власти и многое про неё понял. Последний период его жизни — в качестве рядового гражданина — оказался самым длинным, он длился сорок пять лет. В этом смысле история жизни пятнадцатого сёгуна уникальна. Он единственный из всей династии ни

Рост населения в трёх крупнейших городах Японии (XVII–XIX вв.)

*Токугава Ёсинобу
во французском мундире
(1902)*

одного дня не жил в замке Эдо; на службу приезжал часто, но ни он сам, ни его жена никогда не жили в его внутренних покоях.

В сентябре 1910 года Токугава Ёсинобу отмечал семидесятитрёхлетний юбилей. Сложив с себя полномочия главы семьи, он передал их двадцатилетнему сыну Ёсихиса. Случайное, но интересное совпадение: седьмой по счёту сын своего отца, Ёсинобу передал семью своему собственному сыну, тоже родившемуся седьмым. Эта отставка с поста главы семьи стала для Ёсинобу третьей за всю жизнь, тоже ред-

чайшее явление. Освободившись от семейных дел и забот, бывший сёгун вернулся к своим любимым занятиям — охоте и фотографии, однако теперь он выезжал из дома гораздо реже.

В 1893 году для написания биографии последнего сёгуна было создано общество *Сякумукай* («Сновидения ушедших дней»). Ёсинобу иногда принимал участие в его заседаниях, просматривал тексты, посвящённые событиям его жизни, что-то исправлял и дополнял, делился воспоминаниями. За двадцать лет он многое успел сообщить своим биографам, благодаря чему история его жизни описана довольно подробно.

Четвёртого ноября 1913 года Ёсинобу простудился и весь следующий день провёл в постели. Простуда оказалась очень некстати, потому что 6 ноября один из его

сыновей должен был получать во дворце очередной придворный ранг. Несмотря на болезнь, отец поехал на церемонию, и через два дня его состояние резко ухудшилось. Личный врач назначил лечение, и поначалу болезнь вроде отступила, но затем простуда перешла в воспаление лёгких, и 22 ноября 1913 года Токугава Ёсинобу скончался в возрасте семидесяти шести лет. Похоронили его в семейной усыпальнице Токугава в храме Канъэй.

По личным качествам пятнадцатого сёгуна часто сравнивают с основателем династии Токугава Иэясу. Возможно, причина в том времени, когда они жили, и тех задачах, которые решали. Создание династии в эпоху бесконечных войн и её спасение в кризисной ситуации потребовали от обоих незаурядных качеств. И они их проявили, хотя первый сёгун свою схватку выиграл, а последний проиграл. Однако поражение Ёсинобу и сравнительно мирный переход власти оказали стране не меньшую услугу, чем победа Иэясу и начало мирной жизни два с половиной столетия назад.

* * *

После смерти Ёсинобу в семье сменилось ещё три поколения. Сейчас в Токио живёт Токугава Иэхиро, праправнук последнего сёгуна. Продолжая традиционный отсчёт, его называют девятнадцатым главой семейной ветви Токугава, хотя никакого отношения к власти потомок именитой династии, конечно, не имеет. Токугава Иэхиро родился в феврале 1965 года, окончил экономический факультет престижного университета Кэйо и продолжил обучение в США, где получил степень магистра. Сейчас пишет научно-популярные книги по экономике, издаёт переводы с английского языка и выступает с публичными лекциями. Фамилия по-прежнему звучит, семейная линия сёгунов Токугава продолжается.

Источники

- Аояма Сасаяма кафу* (Семейная родословная Аояма [Сасаяма])
Буя сёкудан (Разговоры о подвигах при свечах)
Готодайки (Записи о делах нашего времени)
Даймикаваси (Большая история [провинции] Микава)
Иэтада никки (Биографические записи Иэтада)
Кафу никки (Хроники Его Превосходительства)
Куроода Нагаоки иссэй но ки (Жизнеописание Курода Нагаоки)
Мацудайраки (Записи о [семье] Мацудайра)
Микава гофудоки (Поздняя летопись [провинции] Микава)
Микава моногатари (Сказание о [провинции] Микава)
Окадо никки (Дневниковые записи Окадо)
Рюко содзё никки (Дневники преподобного Рюко)
Тайтокуиндэн годзикки (Поздняя летопись [храма] Тайтоку)
Тодайки (Летопись нашего времени)
Токугава дзикки (Подлинная хроника [дома] Токугава)
Утокуиндэн годзикки (Подлинные записи правителя Ёсимунэ)
Ханкафу (Родословные воинских кланов)

Литература

На русском языке

- Анарина Н. Г. Японский театр Но. М.: Наука, 1984.
Виноградов К. Г. Хоккайдо при сёгунско-княжеской системе (конец XVI — вторая половина XIX в.) // Япония. 2004–2005. Ежегодник. М.: Институт востоковедения РАН, 2005, с. 249–271.

- Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720–1830. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1972.
- Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010.
- Мешеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009.
- Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая жизнь Японии (60–80-е годы XIX в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей / Ред. А. Панова и К. Того. М.: Международные отношения, 2016.
- Толстогузов С. А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX века и реформы годов Тэмпо. М., 1999.
- Филиппов А. В. «Три большие реформы» и процессы эволюции японского общества второй половины эпохи Эдо. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Щепкин В. В., Карташов К. М. «Ритуал и закон»: приём экспедиции Адама Лаксмана в Японии // Япония. Ежегодник. М.: Институт востоковедения РАН, 2017, с. 169–180.

На японском языке

- Андо Юитиро. Токугава Ёсинобу то Сибусава Эйити. Сайго но сёгун ни цуказта сайго но бакусин = Токугава Ёсинобу и Сибусава Эйити. Последний вассал последнего сёгуна. Нихон кэйдзай симбун сьуппанся, 2012.
- Бито Масахидэ. Гэнроку дзидай // Нихон рэкиси. Дайдзюкюкан = Годы правления Гэнроку // История Японии, т. 19. Сёгакукан, 1975.

- Бодарт-Бейли, Беатрис. Ину сёгун = Собачий сёгун. Перевод Хаякава Асако. Касива сёбо, 2015.
- Ватанабэ Соки. Нитибэй сётоцу но конгэн 1908–1958 = Причины столкновений между Японией и США в 1908–1958 гг. Сосия, 2011.
- Гэнроку Аки дзикэн. Цунаёси то «тюсингура» ёндзюнакуси = Происшествие с кланом Аки: Цунаёси и 47 «героев верности» из театральной постановки. Гакусю кэнкюся, 1999.
- Домон Фуюдзи. Эдо но вайро = Взятки [в эпоху] Эдо. Сюэйся, 1998.
- Иноуэ Кацуо. Кайкоку то бакумацу хэнкаку / Нихон но рэкиси = Открытие страны и реформирование *бакуфу* / История Японии, т. 18. Коданся, 2009.
- Исии Манабу. Токугава Ёсинобу // В кн: Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн = Жизнеописания сёгунов Токугава. Акита сётэн, 1974.
- Исии Такаси. Нихон кайцуси = История открытия Японии. Ёсикава кобункан, 2010.
- Кагава Такаюки. Кудзурэюку сакоку // Нихон но рэкиси дайджюёнкан = Страна в изоляции — накануне распада. История Японии, т. 14. Сюэйся, 1992.
- Касая Кадзухико. Токугава Ёсимунэ. Тикума сёбо, 1995.
- Китадзима Масамото. Токугава Иэясу. Сосикися но сёдзо = Токугава Иэясу. Портрет основателя. Тюо коронся, 1963.
- Китадзима Масамото. Эдо бакуфу но кэнрёку кодзо = Власть *бакуфу* в эпоху Эдо. Ианами сётэн, 1964.
- Комия Киёра. Эдо бакуфу но никки то гирэй сирё = Хроники *бакуфу* и записи о церемониях в замке Эдо. Ёсикава кобункан, 2006.
- Кониси Сиро. Кайкоку то дзёи. Нихон но рэкиси 19 = Открытие страны и изгнание иностранцев / История Японии, т. 19. Тюо корон синся, 2006.
- Курати Кацунао. Эдо сайгайси = История природных бедствий эпохи Эдо. Тюо корон синся, 2016
- Мацуура Рэй. Токугава Ёсинобу. Тюо коронся, 1997.

- Миками Сандзи. Эдо дзидайси, дзэгэ. = История периода Эдо. Т. 1, 2. Коданся, 1994.
- Миядзаки Митио. Араи Хакусэки. Ёсикава кобункан, 1989.
- Мураи Ацуси. Кандзё бугё Огивара Сигэхидэ но сёгай = Жизнь начальника Административно-финансового магистрата Огивара Сигэхидэ. Сюэйся, 2007.
- Наги Морио. Суругаван ни сидзунда Дианаго = Гибель «Дианы» в заливе Суруга. Гэнсю сюппанся, 2005.
- Накано Кадзуо. Эдо но сидзэн сайгай = Природные бедствия в эпоху Эдо. Досэйся, 2010.
- Наказ Кацуми. Токугава сёгункэ но «оиэ дзидзё» = Семейные отношения в крупнейших домах Токугава. Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 2007.
- Накаяма Ёсио. Токугава итидзоку тайдзэн = Всё о доме Токугава. Косайдо, 2015.
- Нисидзава Ацуо. Дайкан нитидзё сэйкацу = Повседневная жизнь наместников. Коданся, 2004.
- Номура Гэн. Токугава Иэмицу: варэра ва мото ёри но сёгун ни соро = Токугава Иэмицу: сёгун по праву рождения. Минэруба сёбо, 2013.
- Овада Тэцуо. Токугава Хидэтада. «Бонъёна нидаймэ» но косэки = Токугава Хидэтада — успех «заурядного преемника». Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 1999.
- Оиси Манабу. Синсэнгуми. «Сайго но буси» но дзицудзо = Новое ополчение. Подлинный образ «последнего самурая». Тюо корон синся, 2004.
- Оиси Манабу. Сирэба сиру ходо омосирой: Токугава сёгун дзюгодай = Пятнадцать сёгунов Токугава: чем больше узнаёшь, тем интереснее. Дзицугё но нихонся, 2012.
- Оиси Манабу. Эдо кара кангаэру нихондзин но когоро = Эпоха Эдо и менталитет японцев. Эн-Эйч-Кэй сюппан, 2011.
- Оиси Синдзабуро. Бакухансэй но тэнкан // Нихон но рэкиси. Дайнидзюкан = Переломный период в развитии системы *бакухан* // История Японии, т. 20. Сёгакукан, 1978.

- Оиси Синдзабуро. Танума Окицугу но дзидай = Эпоха Танума Окицугу. Иванами сэтэн, 2001.
- Оиси Синдзабуро. Токугава Ёсимунэ то Эдо но кайкаку = Токугава Ёсимунэ и городская перестройка в Эдо. Коданся, 1995.
- Окада Масато. Сёгун Хидэтада фудзин то натта Ого = Ого, жена второго сёгуна Хидэтада. Синдзимбуцу орайся, 1999.
- Омори Тиаки. Гэнроку дзидай га вакару = Знакомимся с эпохой Гэнроку. Асахи симбунся, 1998.
- Сибусава Эйити. Токугава Ёсинобу кодэн, 1–4 = Жизнеописание Токугава Ёсинобу, тт. 1–4. Хэйбонся, 1981, 1989.
- Синода Тацуаки. Сёгун Токугава дзюгодай но карутэ = Пятнадцать сёгунов Токугава. Медицинские карты. Синтёся, 2005.
- Сомада Ёсио. Нихон кинсэй но рэкиси. Сёгун кэнрёку но какурицу = Японская история в новое время. Становление власти сёгунов. Ёсикава кобункан, 2012.
- Судзуки Такао. Нихондзин но карада. Кэнко, синтай дэтасю = Японцы: строение тела. Здоровье и антропометрические данные. Асакура сэтэн, 1996.
- Судзуки Цутому. Бунка, Бунсэй // Нихон рэкиси сиридзу. Дайдзюгокан = Годы правления Бунка и Бунсэй // Серия «История Японии», т. 15. Сэкай бункася, 1972.
- Сэкинэ Токуо. Танума но кайкаку. Эдо дзидай сайдай но кэйдзай кайкаку = Реформы Танума. Крупнейшие экономические преобразования эпохи Эдо. Икухося, 1999.
- Такано Киёси. Токугава Ёсинобу. Киндай нихон но энсюцуся = Токугава Ёсинобу, создатель современной Японии. Эн-Эйч-Кэй буккусу, 1997.
- Такано Тосихико. Гэнроку, Кёхо но дзидай = Годы правления Гэнроку и Кёхо. Сюэйся, 1992.
- Танака Акира. Кайкоку то тобаку // Нихон но рэкиси. Дайдзюгокан = Открытие страны и падение *бакуфу* // история Японии, т. 15. Сюэйся, 1992.
- Тогава Дзюн. Рэкиси гэмба кара вакару Токугава Ёсинобу но синдзицу = Историческая правда о Токугава Ёсинобу. Тоё кэйдзай симпося, 1998.

- Тода Мосуй. Готодайки. Сёгун Цунаёси но дздай = Записки о текущем времени. Эпоха сёгуна Цунаёси. Хэйбонся, 1998.
- Токугава Ёсимунэ. Хатидай комэсёгун но готан то тисэй = Токугава Ёсимунэ. Бесстрашие и могущество «рисового сёгуна». Гакусю кэнсюся, 1995.
- Токугава Иэмицу. Сандай сёгун, аои но миё но ти то дан = Токугава Иэмицу, третий сёгун. Политика эпохи мальвы и её окончание. Гакусю кэнкюся, 2000.
- Токугава Изясу. Боцуго ёнхякунэн = Токугава Изясу — к 400-летию со дня смерти / Ред. Овада Тэцуо. Хэйбонся, 2015.
- Токугава ооку дзитэн = Большой внутренний покой /эпохи/ Токугава. Словарь-справочник / Ред. Такэути Макото и др. Токайдо, 2015.
- Токугава рэкидай сёгун дзитэн = Сёгуны династии Токугава. Словарь-справочник / Ред. Оиси Манабу. Ёсикава кобункан, 2013.
- Токугава рэкиси дайдзукан = История Токугава. Большое иллюстрированное издание. Ёсэнся, 2015.
- Токугава сёгун дзюгодай рэцудэн — Изясу кара Ёсинобу мадэ, рэкидай сёгунтати но дзицудзо = Сведения о пятнадцати сёгунах Токугава: подлинные лица правителей от Изясу до Ёсинобу. Синдзимбуцу орайся, 1997.
- Токугава сёгункэ / Рэкиси токухон хэнсюбу = Семьи сёгунов Токугава / Редколлегия серии «Исторические хрестоматии». Синдзимбуцу орайся, 2009.
- Токугавакэ но субэтэ = Всё о семейных домах Токугава. Такарадзимася, 2014.
- Тэрадзава Сигэру. Эдо бакуфу Токугава рэкидай сёгунфу = *Бакуфу* и родословная сёгунов Токугава. Симпуся, 2005.
- Утида Гиндзо. Кинсэй но нихон. Нихон кинсэйси / Миядзаки Митио котю = История Японии в новое время / Совр. ред. Миядзаки Митио. Хэйбонся, 2004.
- Харису. Нихон гайдзайки = Записки о пребывании в Японии. Перевод на японский Саката Сэйити. Иванами бунко, 1953.

- Хаяси Рёсё. Токугава Иэмицу // В кн.: Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн = Жизнеописания сёгунов Токугава. Акита сётэн, 1974, с. 88–127.
- Хиракава Арата. Кайкоку э но мити. Эдо дзидай, дзюкю сэйки / Нихон но рэкиси 12 = Путь к открытию страны. Эпоха Эдо, XIX век / История Японии, т. 12. Сёгакукан, 2008.
- Фудзии Дзёдзи. Сэнгоку рансэй кара тайхэй но ё э = От эпохи междоусобиц к великому миру. Иванами синсё, 2015.
- Фудзино Тамоцу. Токугава баккаку но субэтэ = Всё о военном правительстве Токугава. Синдзимбуцу орайся, 1987.
- Фудзита Сатору. Кинсэй но сандай кайкаку = Три крупнейшие реформы нового времени. Ямакава сёппан, 2002.
- Фудзита Сатору. Нихон кинсэй но рэкиси 4. Танума дзидай = История Японии в новое время, т. 4. Эпоха Танума. Ёсикава кобункан, 2012.
- Фукаи Масауми. Цунаёси то Ёсимунэ = Цунаёси и Ёсимунэ. Ёсикава кобункан, 2012.
- Фукаи Масауми. Эдодзё. Хоммару годэн то бакуфу сэйдзи = Замок Эдо: Главная усадьба и политика *бакуфу*. Тюо корон синся, 2008.
- Фукуда Тидзуру. Го но сёгай. Токугава сёгункэ одайдокоро но якувари = Жизнь Го. О роли жён в семьях сёгунов Токугава. Тюо корон синся, 2010.
- Фукуда Тидзуру. Токугава Хидэтада. Го га сасаэта нидаймэ но сёгун = Токугава Хидэтада. Второй сёгун и поддержка со стороны /жены/ Го. Синдзимбуцу орайся, 2011.
- Цудзи Дзэнносукэ. Танума дзидай = Эпоха Танума. Иванами сётэн, 1999.
- Цукамото Манабу. Сёруй о мэгуру сэйдзи = Политика и животные. Коданся, 2013.
- Эгами Тэрухико. Акумё но ронри. Танума Окицугу но сёгай = Порочная логика. Жизнь Танума Окицугу. Тюо корон синся, 1999.
- Эндо Мотоо и др. Кайкоку то дзёи // Нихон рэкиси сиридзу 17 = Открытие страны и «изгнание варваров» // Серия «История Японии», т. 17. Сэкай бункася, 1972.

Явата Кадзуо. Хонто ва осоросий Эдо дзидай = Поистине ужасная эпоха Эдо. Софуто банку синсё, 2009.

Ямамото Хирофуми. Токугава сёгун дзюгодай. Нихяку рокудзюёнэн но кэцумяку то косо = Пятнадцать сёгунов Токугава. Двести шестьдесят четыре года кровного родства и борьбы. Сёгакукан, 2011.

Ямамото Хирофуми. Токугава сёгункэ но кэккон = Браки в семьях сёгунов Токугава. Бунгэй сюнсю, 2008.

Ямамото Хирофуми. Эдо дзидай но кокка, хо, сякай = Государство, закон и общество в эпоху Эдо. Адзэкура сёбо, 2004.

Ямасита Масая. Токугава сёгункэ но синдзицу = Подлинные факты о семьях сёгунов Токугава. Гакусю кэнкюся, 2007.

Научно-популярное издание

Прасол Александр Фёдорович

СЁГУНЫ ТОКУГАВА

Династия в лицах

Корректор *Е. А. Соседова*

Вёрстка *О. Б. Русакова*

Обложка *О. С. Гушанская*

ООО «Издательский дом ВКН»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а,

комн. 13в, пом. XXXVI

(495) 374-59-68

www.east-book.ru

www.muravei.ru

E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 25.06.2018.

Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4907.

А. Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

Ода Нобунага

Япония, середина XVI века. В разгар междоусобных войн в провинции Овари появляется молодой военачальник, один из многих местных предводителей, воевавших на территории страны. Действуя решительно и нестандартно, он побеждает сначала своих близких и дальних родственников, затем соседей, и, наконец, покоряет столицу.

Большая часть сведений, относящихся к жизни и деятельности первого объединителя Японии, публикуется в нашей стране впервые. В толковании некоторых ситуаций и обстоятельств, до сегодняшнего дня остающихся предметом спора историков, автор придерживается принципа здравого смысла и практической логики, избегая художественной экзотики пьес и романов на исторические темы, во множестве написанных японскими сочинителями в последующие столетия.

Текст книги обильно иллюстрирован рисунками, гравюрами и картографическими схемами, облегчающими понимание событий, которые происходили в Японии четыре с половиной столетия назад.

А. Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

Тоётоми Хидэёси

Эта книга — вторая часть трилогии, посвящённой объединению Японии в конце XVI века. Центральное место в ней занимает жизнь и деятельность Тоётоми Хидэёси, одного из самых популярных персонажей японской истории. Сын простого крестьянина, в 17 лет примкнувший к воинскому сословию, он за счёт личных качеств сумел победить своих более именитых соперников и стать первым единовластным правителем страны. Книга рассказывает о том, как это произошло.

Важную часть издания составляют сведения о культуре, быте и нравах эпохи междоусобных войн. О том, как жили и воевали японцы в XVI веке, что думали о жизни и смерти, чести и позоре, верности и предательстве. Автор даёт читателю возможность заглянуть в эту уже далёкую от нас эпоху и получить представление о некоторых малоизвестных реалиях японского общества того времени. Книга написана в жанре живой истории и будет подарком для тех, кто её любит. Текст снабжён множеством рисунков, гравюр и картографических схем, которые помогут читателю лучше разобраться в том, что происходило в Японии четыре с половиной столетия назад.

Пятнадцать сёгунов Токугава правили Японией почти 270 лет. По большей части это были обычные люди, которые могли незаметно прожить свою жизнь и уйти из неё, не оставив следа в истории своей страны. Но судьба распорядилась иначе. Эта книга рассказывает о том, как сёгуны Токугава приходили во власть; как себя в ней ощущали и как использовали то, что думали о себе и других, как с ней расставались. И, конечно, о главных событиях их правления, ставших историей страны. Текст книги иллюстрирован множеством рисунков, гравюр, схем и содержит ряд интересных фактов, неизвестных не только в нашей стране, но и вообще за пределами Японии.

ISBN 978-5-907086-01-2

9 785907 086012